

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УО «Минский государственный лингвистический университет»

ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Тезисы докладов
Международной научной конференции

Минск, 4–5 апреля 2019 г.

Минск МГЛУ
2019

УДК 81'1
ББК 81.0
В18

Редакционная коллегия: Л. М. Лещёва (*ответственный редактор*), Л. А. Тарасевич, Е. Г. Задворная, З. А. Харитончик

Вариативность в языке и речи : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 4–5 апр. 2019 г. / редкол. : Л. М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2019. – 300 с.

ISBN 978-985-460-905-8.

В издании освещаются проблемы вариативности на разных уровнях языковой системы и в различных типах текста/дискурса.

Предназначается для специалистов в области когнитивной и коммуникативной лингвистики, аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81'1
ББК 81.0

ISBN 978-985-460-905-8

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2019

CATEGORIZATION LEVELS AND SEMANTIC VARIATION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION IN SCIENCE

Considering the integration of such dominant knowledge contexts as science, culture and language in intercultural scientific communication, it is supposed that the phenomenon of semantic variation should get its specifics dependently on categorization levels.

In cognitive linguistic perspective, people have to “tune” their conceptual systems in regard to each other in a definite context of communication to facilitate their understanding (Н. Н. Болдырев). What happens in the process of language-in-use understanding is non-linguistic representations are activated “due to prompts of the kind provided by lexical concept selection and integration” [1, p. 252], which is facilitated by perceiving an utterance in a particular organization of its linguistic elements in a certain context. When we produce and perceive an utterance, we get the meanings from a semantic network (the polysemy theory which would well correspond to a context (the context dependent meaning principle and use words which would be good representatives of the categories they correspond with (the prototype theory, the prototype effects). The specific of taxonomy is that from three levels of semantic categorization – superordinate, basic and subordinate – the basic one is “salient”, and “provides the cornerstone of a taxonomy” [2, p. 46] so far as it is “appropriate for using, thinking about, or naming an object in most situations in which the object occurs” [2, p. 43].

There are though some specifics of intercultural scientific communication concerning the use of science language and cultural languages. Taking for granted the use of everyday common language, which also corresponds with the distribution of words in relations to categorization levels typical of everyday communication, scientists use the scientific language, the terminologies which are specific for particular sciences and methods, and a cultural language, herewith they are the native speakers of different languages. All these stipulate certain specifics.

1. The words relating to the basic level of categorization used as terms in scientific communication possess more degree of abstraction in comparison with their use in everyday communication. For example, *object* ‘объект’. In spite of having certain similarity – something to what attention is directed – it gets specific semantics. In everyday communication it means a concrete thing (*I see an object on the horizon* ‘Я вижу какой-то объект на горизонте’); in scientific communication – the field of a research, or any “thing”, i.e. object, thing or phenomenon.

2. The term-words related to the basic level of categorization are the ones which often refer to the superordinate level in everyday communication. For instance, *discourse* ‘дискурс’. In contrast to a scientist, a common person will hardly say “discourse between people”; instead he/she would prefer the words *talk*, *conversation* or *chat* ‘разговор’, ‘беседа’, ‘болтовня’.

¹ Здесь и далее информация о городе и стране проживания и месте работы/учебы приводится в соответствии с указанием автора работы.

3. The superordinate level in scientific communication appears to be informative indeed, in comparison with everyday communication in which its informativeness is reduced (“have lower total cue validity” [2, p. 31], is not informative). Scientists also use the words (terms) relating to the basic level of categorization as certain starting points. The reason is that it is the most convenient [2, p. 43] and informative. Despite that, they have to match basic categories to the related superordinate categories to facilitate understanding; otherwise there might be a misunderstanding. For example, speaking about categorization and using the term *category* ‘категория’, scientists will better understand each other’s conceptions if they appeal to the matches of the term with the related superordinate categories: *abstraction* ‘абстракция’ => structural approach; *generalization* ‘обобщение’ => functional; *inclusion* and *coordination* ‘включение’ and ‘согласование’ => cognitive. Or let’s take *language* ‘язык’: *structured system* ‘структурированная система’ => structural approach; *function* ‘функция’ => functional; *ability* ‘способность’ => generative; *knowledge* ‘знание’ => cognitive.

4. The use of a cultural language may cause some discrepancies. For instance, let’s take the category of the basic level *subject*. In the English language scientific discourse the term can refer to either an active conscious individual or to a particular area of study – dependently on a surrounding linguistic context: *a subject of cognition, a subject of knowledge, a subject of research, a subject of investigation*. In the Russian language there are two term-words used for the corresponded lexical concepts – ‘субъект’ and ‘предмет’: ‘субъект познания’, ‘субъект знания’, ‘предмет исследования’ (*investigation* might be confused with ‘расследование’).

The term-words related to the subordinate level as a rule facilitate communication – for they specify the semantics of a category by representing its certain variants. For example, the semantic specification of the term-word *knowledge* ‘знание’ can be represented in the attributes: *encyclopaedic* ‘энциклопедическое’, *language* ‘языковое’, *knowledge what* ‘знание «что»’, *knowledge how* ‘знание «как»’, *collective* ‘коллективное’, *individual* ‘индивидуальное’, etc.

Discrepancies in matching the basic categories to the superordinate ones ensure participants’ awareness of their scientific methodological views specifics, which thus facilitates their communication – since they recognize their scientific positions, and force scientific discussions – since the discrepancies are highlighted, which stipulates arguments exchange in search for the target object and subject dipper knowledge and better understanding. So, semantic variation gets specific importance in the aspect of superordinate level of categorization as the activation of superordinate categories is necessary to facilitate communication.

REFERENCES

1. *Evans, E.* How Words Mean. Lexical concepts, cognitive models, and meaning constructions / V. Evans. – Oxford University Press, 2009. – 373 p.
2. *Roach, E.* Principles of Categorization / E. Roach // Cognition and Categorization / E. Roach, B. B. Lloyd. – Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. – 1978. – P. 27–48.

Chunyi Lei (South China Normal University, Guangzhou, China)

VARIATIONS IN VOCABULARY BETWEEN EUROPEAN SPANISH AND LATIN-AMERICAN SPANISH

The official language of most countries in Latin America is Spanish. It was brought to Latin America by the early Spanish colonists in the 15th century. Over hundreds of years, Spanish has developed and changed in accordance with the local history, geography, cultures and customs of Latin America. On the one hand, it has reserved most of the main characteristics of the original Spanish. On the other hand, it has also been influenced by foreign cultures and the rapid development of science and technology occurring nowadays. There are differences in pronunciation, grammar and vocabulary between European Spanish and Latin-American Spanish. In the present investigation, we mainly focus on the differences in the vocabulary, based on the cross-cultural perspective, taking into account the etymological, historical, anthropological and, more specifically, linguistic factors. To enhance better mutual understanding, it is necessary and significant to explore the varieties of Spanish in Spain and in Latin America. Besides, the Spanish varieties can reflect the cultural and historical impact on the language. From the linguistic point of view, we collect a number of Spanish expressions used in Spain and Latin-American respectively, and make a corpus according to these data, and then we determine the differences in usage, and try to analyze how differences are caused, i. e. to discuss their origin and motivation. We find out that there are a variety of factors that contribute to their differences.

Firstly, their differences came about partly due to distance and time. As the Spanish began to set out and colonize Latin America, the two cultures were confronted and certain expressions, words, and phrases began to mix with other linguistic influences. Over time, this evolved to create permanent changes in the way the language is used, creating distinct Spanish variations. Secondly, the indigenous people of Latin America exerted a great influence on the Spanish language, and, as a result, differences between the two types of Spanish began to emerge. This was mainly due to the diminishing contact between Latin America and Spain, together with the increase exposure to languages used by the inhabitants of the Americas. Thirdly, other languages and neighboring countries have also affected the Spanish language. American English from the north continues to influence Latin American Spanish vocabulary to this day. Fourthly, the multi-cultural immigrants contribute to the change of Spanish, too. It should also be noted that Chinese and African immigrants also exert some influence on the vocabulary of Latin American Spanish enriching it, which can be observed in various areas where the two varieties are spoken.

T. N. Fedulenkova (Vladimir State University, Russia)

VARIABILITY AND IDENTITY IN PHRASEOLOGY (ON THE BASIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE VERB GO)

The problem of variability is considered to be one of the most urgent problems in the field of phraseology because variability is a constant means of development of phraseological stock of the language. The paper is targeted at the study of variability

in English verbal phraseological units (PUs) having the component *go*. The choice of the object for the research is explained by the fact that the verb *go* appears to be one of the most frequent verbs of kinetic semantics in modern English, which has become a center of more than three hundred phraseological units. Selection of language material for research was carried out on the basis of the two phraseological dictionaries: *Bolshoy Anglo-Russkiy Fraseologicheskiy Slovar* edited by A. V. Kunin and the explanatory dictionary of modern English idioms and collocations *Longman Dictionary of Phrasal Verbs* by Rosemary Courtney.

The research is based on the phraseological conception suggested by A. V. Kunin and his disciples. The basic method of analysis we appeal to is the method of phraseological identification. A number of accompanying methods of structural and semantic PU analysis are also used in the paper, namely: the method of phraseological analysis, the method of phraseological description, the methods of structural and quantitative analysis, etc.

Secondly, the problem of variability is one the most important problems in phraseology as it is connected with the problem of identity of the phraseological unit as a linguistic sign. Therefore the paper is targeted at studying variability within a frequent grammatical model of phraseological units with the component *go*: V + Adv + Prep + θ . It is a three-component prepositional model with the constant-variant-changeable dependence of components, where the symbol θ stands for a changeable component. The model embraces over 14% of phraseological units in modern English.

Phraseological units embraced by this model comprise a developed row of synonyms and variants: *go on at somebody / be after somebody / be at somebody / be on at somebody / be onto somebody / get after somebody / get at somebody / get onto somebody / keep after somebody / keep at somebody / keep on at somebody (not fml) – “to beg”*; *go on for something / get along for something / get on for something – “to approximate (about a time, a date)”*:

*It's **going on for** midnight, let's go to bed* (Courtney R. Longman Dictionary of Phrasal Verbs. Harlow: Longman Group Limited, 2000, p. 254).

*It's **getting along for** midnight, let's go to bed* (Там же, p. 211).

*It's **getting on for** midnight, let's go to bed* (Там же, p. 221).

The primary analysis of the components shows us that most phraseological units are subject to different ways of lexical variability:

1) The variability of **verbal** component: *go/ get along with somebody, something – “to agree with someone or something”*, e.g.:

*We'll **go along with** your suggestion, although it's not exactly what we wanted.* (Там же, p. 242).

*Does she **get along well with** your aunt?* (Там же, p. 221).

2) The variability of **adverbial** component: *go back to something/ go down to something – “to stretch, to have a history, retrospective”*; *go across to something/ go over to something – “to change one's opinion, views”*; e.g.:

*A leading politician **went across to** the other party, and is now trying to be elected as its leader* (Там же, p. 241).

*Many people **have gone over to** believing in world government* (Там же, p. 257).

3) The variability of **prepositional** component: *go down to something/go down with something* – “to drown”; *go overboard for something, someone, go overboard for something, someone (not fml)* – “to be exiting, to be crazy (from love)”, e.g.:

*Many teachers **have gone overboard about** the new methods without considering their worth* [4, p. 257].

Grace ***has really gone overboard for*** that red-haired boy! (Там же, p. 257).

By means of the structural and semantic PU analysis we find out a set of not only lexical variants—verbal, adverbial and prepositional ones as it is shown in this limited abstract—but also a variety of lexical-morphological variants, quantitative and lexical-quantitative variants, syntactic, lexical-syntactic and syntactic-quantitative variants of the phraseological units under study (which are going to be discussed during the conference seminar).

It should be stated that variability of the phraseological units with the verbal component *go* does not deprive the PUs under study of their *identity* as every phraseological unit retains both its structural invariant and its meaning.

The research seems to be perspective from the typological point of view, in the sense that variability is one of the basic features of the language which is considered to be *a universal* and which may be taken into consideration in the would-be *typological passport* (Vladimir D. Arakin’s idea of 1983) of the phraseology of a concrete language.

M. Garcarz, M. Kuźniak (Wrocław University, Poland)

ENGLISH AS A KILLER-LANGUAGE: ENGLISH BORROWINGS IN CONTEMPORARY POLISH

Without reasons for human contacts, no language could have evolved as a platform of all possible individual and group interactions. If such group contacts have intense and long-lasting nature, the languages involved in it are beginning to shift their course of evolution from coincidental to determined one. In fact, one of those languages in contact – an attribute of the dominating culture, state or the national group – impacts the course of the other one’s evolution. The users of the culture, state or national group are impotent to shake off their oppressor’s dominating role and maintain the oppressed language’s lexicon, syntax, and stylistic conventions according to the oppressor’s language standardized rules of communication.

We take the view that the present-day Polish is undergoing such slow, permanent, and unstoppable mutation of its surface level. English, as this day and age killer-language, demolishes other languages’ communication conventions in multiple ways influencing the language of technology, science, publishing, diplomacy and commerce used today, thereby enhancing globalization tendencies. As a result of this, globalization, in return, has boosted the further spread of the English language on the globe and it has preserved its dominating status.

The observable tremendously significant impact of English as the killer-language on other languages is naturally indisputable. Both lexis and syntax of

contemporary languages are undergoing noticeable changes, and especially in writing, the lexical borrowings and the syntactic calques from English start the chain mutation of the non-English languages' nativity, which in the long run will impact those languages' communicational DNA. As an effect, non-English languages will start to become denativized through the omnipresence of English wordstock and English syntactic constructions in their users' cognitive 'language minds', that is in the national *compléments cognitifs*. Similarly to the Copernicus Law stating that in any circulating currency "good" money becomes dominated by the "bad" money, vocabulary and syntactic communication conventions (the "good" norms and rules) typical of a given non-English language will become dominated by the "bad" ones – recognized in English or having the English language provenance.

Our primary goal here is to shed more light on reasons and mechanisms of "overborrowingization" of the English lexis into contemporary Polish, basing our claims on citation evidence.

W. Griebhaber (Sprachenzentrum der WWU Münster, Germany)

REPLACING MORPHEMES BY PREPOSITIONS: FROM THE OPERATIVE FIELD TO THE SYMBOL FIELD

In German L1 acquisition, it takes a long period of time for the case inflections to be acquired completely. The polysemic nature of case inflections is considered to be one reason for this. The inflectionary morpheme *-er*, for example, can indicate nominative (masculine), genitive (feminine) or dative (feminine). The difficulty of phonetic differentiation is considered a further problem (Szagun 2006; Hoffmann et al 2017). In L2 acquisition, the fact that the languages spoken within the family may be very different typologically is a further hurdle in acquiring German cases.

Inflection plays a particular role with reference to two-case prepositions (e. g. *an, auf, in*) as the case defines their meaning. *An* with accusative (*ein Bild an die Wand hängen* 'to hang a picture on the wall') is target-oriented, with dative (*das Bild hängt an der Wand* 'the picture hangs on the wall ') it is static. If *zu* refers to an object in a target-oriented way, then it is always governed by the dative, whereas directional *in* followed by an accusative includes the interior of the target object as final point. With L2 learners, it appears that in connection with the movement verb *gehen* 'to go' there is a tendency to use the two-case preposition *in* less in favour of *zu* (see Table 1).

<i>to go ...</i>	<i>in</i> + accusative	mistakes	<i>zu</i> + dative	mistakes
German (GER)	26,5%	0%	14,7%	20%
Turkish (TRK)	8,8%	17%	13,2%	22%
Serbocroatian (SCR)	14,8%	0%	29,6%	0%

Table 1: Frequency of *in* and *zu* with regard to the movement verb *gehen* 'to go'; Data basis: 121 narrative texts written by 4th-year primary school pupils on the basis of a visual impulse

GER and SCR belong to the Indo-European family of languages and possess prepositions and a highly developed system of nominal inflections. Compared to GER, SCR has even more cases, for example the instrumental case. TRK, which is an agglutinating language, also has more cases than GER but only a few postpositions instead of prepositions. The target-oriented Turkish *e- hali* encompasses both the directional meaning (*zu*) and also the interior-oriented (*in*). Accordingly, TRK-speaking pupils use *zu* even when *in* would be appropriate from a systematic point of view, e. g. (B1, L1 TRK) „*Danach ist der Dieb zur Lukis Zimmer rein gegangen.*“ ‘Then the thief went (in)to Luki’s room.’. As the “thief” went inside the room, *in* should have been used.

How often mistakes are made appears to depend on the pupils’ family languages. The TRK pupils regularly demonstrate the highest number of mistakes even though Turkish mainly employs case suffixes and a feeling for the functionality of cases and their correct use could have been expected.

Changes with regard to the use of prepositions can also be seen with *zu* in connection with verbs of utterance. With the verb *sagen* ‘to say’, the addressee is usually merely indicated through the dative and without a preposition, e.g. (B2, L1 GER) „*der geheimnisvolle Mann sagte ihm*“ ‘the mysterious man said to him’, [*ihm* wrongly spelled as *im*]. With proper names the dative is not expressed morphologically. In these cases, all the pupils, also the GER-speakers, use the preposition *zu* in order to identify the addressee, e.g. (B3, L1 GER) „*... und sagte zu Felix*“ ‘and said to Felix’. In this way, the addressee is not only identified morphologically but also indicated explicitly.

With the preposition *zu* this indication of the addressee is explicitly expressed through a lexeme. However, with the verb *rufen* ‘to call’, for example, even L1 pupils use *zu* although the addressee is unequivocally identified through the case, e.g. (B4, L1 GER) „*Matias rufte zu seiner Mutter*“ ‘Matias called to his mother’.

When the preposition *zu*, which only governs one case, is used, the case identification of the object loses its function of differentiating meaning. Basically, the object can either be indicated randomly or not at all. This use can also be seen with some GER pupils: (B5, L1 German) „*Er ging zu Tür.*“ ‘He went to door’ [*zu* instead of *zur*].

The usage that can be observed with L2 learners are described as the replacing of grammatical means by lexical features (Romaine 2003, 418). As this also occurs with L1 pupils, a more general change in the relationship between case indicators and lexical means appears to be emerging. In the context of functional pragmatics, this change can be described as a shift from the operative field to the symbol field. The operative field serves to process propositional content (Ehlich 2007). The prepositions set two categories in juxtaposition to each other, e.g. the speaker and the addressee of the utterance (Grießhaber 2012). The propositional content of the prepositions also categorises what they refer to, e.g. as an enclosed space through *in* or as an unspecified target with *zu*. The extension of the use of *zu* will presumably also concern this categorising function of prepositions.

REFERENCES

Ehlich, Konrad (2007) Funktional-pragmatische Kommunikationsanalyse: Ziele und Verfahren. In: Ehlich, K. (2007) Sprache und sprachliches Handeln. Band 1: Pragmatik und Sprachtheorie. Berlin u. New York: de Gruyter, 9-28.

Grießhaber, Wilhelm (2010) Geringere Deutschkenntnisse mit Türkisch - Befunde und Erklärungen. In: Suntrup, R. u.a. (Hrsg.) Usbekisch-deutsche Studien III: Sprache - Literatur - Kultur - Didaktik. Teilband 1. Münster: LIT, 217-240.

Grießhaber, Wilhelm (2012) Präpositionen als relationierende Verfahren - Präpositionen vor dem Hintergrund des Türkischen. In: Thielmann, W. (Hrsg.) Wortarten im Kontrast. Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache 2011, Bd. 37. München: Iudicium, 142-159.

Hoffmann, Ludger & Kameyama, Shinichi & Riedel, Monika & Şahiner, Pembe & Wulff, Nadja (Hrsg.) (2017) Deutsch als Zweitsprache. Berlin: ESV Schmidt.

Romaine, Suzanne (2003) Variation. In: Doughty, Jessica & Long, Michael H. (eds.) The Handbook of Second Language Acquisition. Oxford: Blackwell, 409-435.

Szagan, Gisela (2006) Sprachentwicklung beim Kind. Weinheim u. Basel: Beltz.

S. P. Halaur (Poltava National Pedagogical University, Ukraine)

VARIABLE NATURE OF THE ADDRESSING STRATEGY IN THE MODERN UKRAINIAN LITERARY TEXT

The understanding the fiction as a social, cultural, psychological process encourages to the negation the monologue *pleasure of the text*, which both the adressant and the addressee are separately found in the *words paradise garden* (R. Barthes), and the declaration the complex dialogue between the author and the reader instead. The modern literary texts demonstrate, on the one hand, a powerful figurative meaning, on the other one, a deep informative system, therefore, it isn't the good way to analyze them beyond the communicative act.

To find answers to the questions of the text ontologizing as the phase transition from an author to a reader, it is important to investigate how a writer, constructing a specific speech act, formulates an action plan, controls and corrects its implementation. That having been said, the identification in the literary text the regulatory strategies and tactics, aimed at attracting the reader to the depicted quasi-real world adequate perception, is extremely important.

Indirect and time-distant literary communication requires a special addressing regulatory strategy, with which the author creates an illusion of reality, of a contact with the reader through text, generates the effects of spontaneity, dynamism, a friendly conversation, an encouraging the recipient to joint reflection on the issues raised.

The basic tactic of this strategy is the modeling a dialogue with the imaginary reader, it facilitates a direct, personal and, therefore, complete work semantic consistency perception. There are the following strategy tactical technics in the modern literary prose:

1) the appeal (appeal various forms to the reader): *Людино, не труси деревом! Сядь під вишнею і пом'яни останнього Хруща росою-сльозою* (Г. Пагутяк); *Завжди любив дівчат з довгими спинами, ще й тоді, коли не вдавався до психо-анатомічних подробиць. Особливо коли в них довгі ноги. І от на додаток ще потужний інтелект – хіба таке буває серед жінок?* (Б. Жолдак). Regulatory linguistic representatives of this technic are often addresses, personal and possessive pronouns, the second-person verbs, question sentences. This tactic can include forgiveness, gratitude, request, explanation, comment, then it is explicated by other lexical and / or grammatical means, the functional core of which consists of modal words, parenthetical clauses: *Але й це не він [Варцабич], перепрошую* (Ю. Андрухович); *А сакви, хто не знає, – це дві полотняні торби, щось на кшталт м'якого коромисла на плечах* (Н. Найдич); *Якийсь сивий огрядний пан (у темряві складно розгледіти, але схоже, що це буркотливий Бібрінг, магістр фармації), крекчучи й сопучи, намагається підвестися зі свого сидіння...* (С. Андрухович);

2) the identification the author with the reader: *Ніхто з нас не знає, коли надходить остання щаслива хвилина; Що вдієш, на цьому світі є чимало речей, яких ми не любимо, але обійтися без них уже не можемо* (В. Шкляр); *Говоримо те саме, але кожен своїм голосом* (В. Карпюк). The function of regulatory units in this case is realized by personal and possessive pronouns, the first-person verbs;

3) the motivating the reader to some actions: *Ніколи не приходьте туди, де ви одного разу вмирили* (Ю. Андрухович. Дванадцять обручів); *Якщо вам чогось не хочеться робити – краще не робіть* (Т. Брукс). This tactical technic is often visualized by imperative verbs, imperative exclamations or other lexical and / or grammatical means demonstrated the order semantics: *Коли прощаєтесь, обійми мусять бути міцними. Тоді ви нібито залишаєтесь поруч із близькою людиною* (Є. Положій);

4) the modelling a real dialogue with the reader: *А було як? Розпочати хочеться, як у казці. Ото жив собі на світі чоловік – Олексій Неживий, котрий усіх пережив! «У який спосіб – запитаєте ви. – Довгожитель?!» Ні! Мав шістдесят сім, як помер. «Ага! Вчинив подвиг! Воював проти ворогів, збивав їхні літаки, пускав під окіс їхні вантажнені військовим добром поїзди?! Або був космонавтом, вченим-відкривачем?!» Знову ні! Працював звичайним слюсарем у колгоспі. «Може, цілитель народний, знахар, ворожбит?! Ото, як сьогодні у телевізорі й газеті?!» Коли б то! Сільський веселун і дотепник! Любителю випити і почудити!* (І. Гургула). Since the author, telling, directs the reader to tell the word also, this tactical technic is often structured by means of classical representation direct speech;

5) the intertextuality and the intermediality (the appealing to other cultural signs background knowledge of the recipient): *Мефістофель дуже реготався б: люди гинуть не за метал – за металобрухт* (Л. Костенко); *Утім, коли маю дуже хорошиї настрої, мені найбільше до вподоби саме Паганіні, надто його каприс номер двадцять чотири. Трохи пафосно, правда? А так, зазвичай, Вівальді* (І. Хомин). In this case the regulatory means becomes intertextual and intermedial units.

The auxiliary tactics of addressing strategy can be the iteration, contrasting, speech portraying, non-verbal expression of meaning. If the based tactic is correlated to the identification (according to age, sex, status-role criteria the addressee naming), vocative (attracting the addressee attention to the future main information presenting), appealing (impulse to the attentive reading, communication) functions of regulatory units, than auxiliary tactics are aimed more at the addressee emotional feedback and the creation a favorable background for the author's necessary ideas presenting.

In the modern literary text, the most common form of identifying an addressing strategy is multitacticity, syncretism of basic and auxiliary tactics various tactical technics.

D. V. Skivitski (National Academy of Sciences, Minsk, Belarus)

FAITH – LANGUAGE – NATION IDENTITY IN THE BASILIANS' CATHECHISM 1722

In the 17th cent. in Eastern Europe was created a new Church – the Ruthenian Uniate Church what we call today the Greek Catholic Church. Strictly speaking, it was not, in full of meaning, a new kind of the Church that offers to believer new ideas or worship. Technically the Ruthenian Uniate Church did not have any differences from the Orthodox Church, but creation the Greek Catholic Church was politically necessary for the Polish-Lithuanian Commonwealth government and the Kingdom of Hungary as well.

A liturgical language remained the same as it was for the Orthodox Church – the Church Slavonic language. Using the Church Slavonic language was a distinctive mark for the Orthodox Church among the Slavs despite that this language was not equally native to them. Each eastern Slavic protonation at that period used for liturgical purposes their own version of the Church Slavonic language. This phenomenon considered as deviations from a pure sacred language. This kind of bilingual existence was inconvenient for common believers who practiced orthodoxy. Prayers and sermons at church become less and less understandable. Such type of relation between liturgical and national (popular) language was quite usual for Europe with a small exception. Liturgical language for the Roman Catholic Church was Latin but the catholic believers did not consider themselves as the Romans. Contrariwise was for the Eastern Slavs who belonged to the former Orthodox Church, despite that they were not belong to a single nationality, but thank for using a single liturgical language *славенсій, славенорвсскій* the Eastern Slavas considered themselves as a single nation *славене, славенорвсси*. This was a remarkable point because even in the Eastern part of modern Slovakia, where at that time significant part of population belonged to the Orthodox Church but their language according features belonged to the West Slavic languages, called themselves as the rest of the east Slavs. This phenomenon was possible in the late Medieval.

Conversion to the Ruthenian Uniate Church caused new processes in a construction faith-language-nation identity in a territory between Slavia Orthodoxa

and Slavia Romana, which we could call as a transitive Slavia Graeco Latina. Followed new protestant ideas that all people should serve God, read the Holy Bible, getting education in their native languages, the Ruthenian Uniate Church clerics and secular rulers in the Eastern Europe started to build the new Church deeply involved, in social and cultural live countries, where it existed. Without refusing orthodox traditions and the Church Slavonic language, the Greek Catholic Church allowed to use in a liturgical practice popular languages or official state ones – Polish or Latin. That was officially approved norm in the Basilians' catechism 1722, what was edited in the Basilians' Supraśl Monastery, and widely used around all Slavia Graeco Latina area. That book was not to dedicate only for priests but the common believers too. According that text, today we are able distinctly traced historical changes in a popular language by the middle 18th cent. So far, we could say, that if in one part of construction faith-language-nation we can observe shift it will be automatically caused certain changes in another parts of previous mentioned construction. We could definitely say that the key element in it was a language. The main languages of education for the Greek-Catholic education become Latin and Polish. With regard to Polish, that was quite understandable as so Polish is the Slavic language. It means that it is very close to Eastern Slavic languages and by the end of 16th cent. Polish language finished its period of codification and had a high social attraction among the local nobility and the Clerics. Latin language remained mainly in religious and education fields. However, popular languages actively influenced on liturgical languages. In printing, we can see it in different examples if we take for instance the Basilians' catechism 1722. Text gives us samples when a popular speech influenced on written language in graphical and phonetical aspects as assimilation voiceless $dz < d'$ and $ц < t'$ *кресцане, просиць, дзэкоуеьмь, швецѣ*. Miss palatalization $[p']$ and replaced letter ь with letter ъ after *р министрѣ, имберѣ*. We can find miss-palatalized $[p']$ in the middle of the borrowed words *матерыѣ, тры особы, четыры трыжды, ѡрыцаніе, нарыцаемы, розмарын, Папа Рымскій, прысланный, метрыка, рыѡза, мораѡ*. The same miss palatalization we can observe for $[ч', ж', ш, ш']$ sounds, as there is actual today in Belarussian, Polish and partly in Ukrainian languages *опрочѣ, хотажѣ, тежѣ, свѣщы*. In the Basilians' catechism we can meet certain features what is specific to Ukrainian language as transit voiced $[e]$ to $[i]$ in sing. Nominative nouns *ричь*. Miss palatalization $[л']$. *албо, волно, смертелным, зоуполный*. Miss palatalization $[m']$ in the end of the verb *to be* in 3rd person sing. *есть* what is distinguish feature for Polish language or for the western dialect of Belorussian language.

The strongest influence, popular languages, caused in vocabulary. Countless lexemes and collocations adopted the eastern Slavic languages as from Non-Slavic languages so from Polish. Non-Slavic: *сакрамент, интенцыѣ, литургіѣ, катехизм, индоулгенцыѣ, ринштокѣ, шатан, брама*. Polish: *обецный, шаліоный, опентанный, рожный, офара, обфитый, члонек, жродло*. As the main sources, for filling religious vocabulary, the authors of the Basilians' catechism applied the Church Slavonic, Latin and Polish language texts, but the authors tried to create their own religious terminology. A Parish priest called *парох*. An original phenomenon was synonymy in texts of the Basilians' catechism.

With confidence, we could say that converting to the Greek-Catholic Church and next cultural changes caused as positive so negative effects. Especially it reflected in evolution of popular languages and national identity. The Eastern Slavs become rapidly westernize and as a result many of them changed their national and culture identity.

Maria P. Taymour (MSLU, Moscow, Russia)

COGNITIVE DISSONANCE IN MIXED METAPHORS AND MALAPHORS AS THE VARIABILITY IN DISCOURSE IN BRITISH HUMOUR

To Err Is Human; To Study Error-Making Is Cognitive Science [1, p.1]

The article focuses on the so-called mixed metaphors and malaphors in contemporary English as a source of cognitive dissonance in discourse (*rocket surgery; when the cookie bounces*). Traditionally perceived in linguistics as a faulty usage of metaphorical expressions, these malapropisms are given here cognitive treatment. The last decade has brought about dramatic changes into cognitive linguistics by developing the cognitive paradigm and, accordingly changed the view of the status and origin of mixed metaphors and malaphors. The article follows the change in the linguists' attitude towards mixed metaphors, where a mixed metaphor is being already defined as a cluster of metaphors, which appear in close contextual adjacency but have different cognitive basis [2].

The phenomenon of a "malaphor", a term coined by a famous American scholar Lawrence Harrison in 1976 in his article 'Searching for Malaphors' for the Washington Post, is understood in this work as a blend of two or more idioms or clichés in modern English. For instance, a malaphor "she really stuck her neck out on a limb" is a blend of two practically synonymous idiomatic expressions. They are "to stick one's neck out for someone" (which means "to personally assume or expose oneself to some risk, danger, or responsibility") and "to go out on a limb" (meaning "to get into a position where one is not joined or supported by anyone else"). This mashup is perceived as an example of the variability in discourse and in a humorous way highlights the idea of putting oneself in a potentially disadvantageous position to support a person or an idea.

The article aims at clarification of the terms applied to different kinds of mixed metaphors and malaphors and at describing the reevaluation of these phenomena in modern linguistics, taking into consideration its creative nature and deliberate usage by a speaker. The author exploits the theory of cognitive dissonance [3] and applies the principle of cognitive consistency as a way to overcome disharmony in mixed metaphors and malaphors.

Since in modern cognitive science linguists often view mixed metaphors and malaphors as a deliberate usage of hybrid structure within a stretch of a sentence or text for creating a comic effect in modern English discourse, the article also analyses ways employed by the speaker to overcome the phenomenon of cognitive dissonance and to create a humorous effect.

REFERENCES

1. *Hofstadter, D.* To err is Human; to study Error-making is Cognitive Science / D. Hofstadter, D. Moser. – USA : Michigan Quarterly Review, Vol. 28, No. 2, 1989. – P. 185–215.
2. *Kimmel, M.* Why We Mix Metaphors (and Mix Them Well) / M. Kimmel. – Austria : University of Vienna, Journal of Pragmatics, 42, 2009. – P. 97– 115.
3. *Festinger, L.* A Theory of Cognitive Dissonance / L. Festinger. – USA : Stanford University Press, 1957. – 291 p.

R. Vogel (University of Bielefeld, Germany)

AD HOC RULES: THE GRAMMAR BEHIND THE GRAMMAR

When alternative variants for a particular grammatical construction or morphosyntactic category are observed in a language, the grammatical literature usually describes them in terms of two coexisting rules that stand in competition, or in a certain kind of division of labour. There is an alternative to such a traditional view, which is rarely ever explored, namely, the *absence* of a particular rule. This idea hardly fits into the current mainstream of grammatical thinking, with its strong focus on cognitivist modeling and synchrony. From that point of view it seems perhaps impossible by necessity that speakers could utter linguistic expressions without having a rule for them at their disposal.

In my presentation, I will show that there are good reasons to assume such a possibility. I will first motivate it with reference to the evolutionary theory of the language change the roots of which can be traced back to Saussure, as Thibault (1997) showed, and which has been outlined in some detail in the work of Rudi Keller (e.g. his 1993 monograph), a.o.

I will then discuss three phenomena from German morphosyntax that are, for various reasons, prototypical candidates for speaking regularly without there being a particular conventionalised rule. In discussing these phenomena, I will also identify factors that determine the regularity of their occurrence, factors that constitute, so to speak, a grammar of general principles behind the particular language system.

Starting point for my discussion is Saussure's distinction between *langue* (language system) and *parole* (speech) as two distinct phenomenological domains of language which, as Thibault (1997) emphasises in contrast to much of the previous Saussure reception, are conceived to stand in a tight dialectical relationship of independence and interdependence. This relationship is at the heart of language change. Whereas *parole* is the domain of real speech events as they can be observed in everyday communicative practice and be collected fragmentarily in linguistic corpora, *langue* is the collection of linguistic *conventions* that have emerged historically through the communicative practices in the speech community. These conventions are no less real than the speech events of *parole*. It is this social nature of grammar that has been emphasised by Saussure, and whose implications for grammatical theory are widely ignored, if not dismissed, under the cognitivist dogma that still dominates the field.

According to the evolutionary view, linguistic change starts in parole. A new form or meaning first occurs in single speech events, then become regularised in the communicative practices of the community and, by these means, also conventionalised as part of langue. A crucial precondition for this is a certain frequency of occurrence. As Rudi Keller put it, the rules of the language system are standard solutions to recurrent communicative problems. (Keller 2009)

But what happens with communicative problems that are occurring only very rarely? According to the evolutionary model, their solutions will not have a chance to become conventionalised. Those solutions might still display some regularity, but it will be motivated by extragrammatical means. I will call such regular solutions for rarely occurring communicative problems *ad hoc rules*.

For the researcher, the questions that are most important are i) whether we can distinguish ad hoc rules from the rules of langue *by empirical means*, and ii) which extragrammatical factors explain their regularity, to the extent that there is some. From my own work on the grammar of German, I can identify three phenomena that are candidates of such ad hoc rules: a) reflexive ditransitive verbs where the two objects are coreferential; b) infinitival verbal complexes of a modal and a lexical verb in perfect tense; c) case conflicts in free relative constructions serving as objects of a verb.

Each of these phenomena is extremely rare even in larger corpora of German. Even more so, the rare instances to be found display interesting divergences from established rules of German grammar. In acceptability studies on these phenomena, we find larger variance among speakers than for other syntactic phenomena. Extra-grammatical factors that can be identified in motivating these ad hoc rules are pragmatic factors, in the spirit of Levinson's (2000) neo Gricean theory of conversational implicature, the meta-grammatical concepts of markedness and iconicity, as well as frequency-based scales of grammatical units.

These findings together provide substantial arguments in support of our proposal of ad hoc rules as a particular aspect of grammar in usage.

REFERENCES

Keller, Rudi. (1994). *On language change: the invisible hand in language*. London: Routledge.

Keller, Rudi (2009), Konventionen, Regeln, Normen. Zum ontologischen Status natürlicher Sprachen, in: Konopka, Marek / Strecker, Bruno (Hrsg.): *Deutsche Grammatik – Regeln, Normen, Sprachgebrauch*. Berlin / New York: de Gruyter, 9-22.

Levinson, Stephen C. (2000). *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.

Thibault, Paul J. (1997). *Re-reading Saussure: The dynamics of signs in social life*. London: Routledge.

Vogel, Ralf (2001). Case Conflict In German Free Relative Constructions. An Optimality Theoretic Treatment. In G. Müller & W. Sternefeld (Eds.), *Studies in generative grammar: Vol. 49. Competition In Syntax* (pp. 341-375). Berlin: Mouton de Gruyter.

Vogel, Ralf (2009). Skandal im Verbkomplex. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 28(2), 307-346.

Vogel, Ralf (2014). On doctors, patients and mirrors. Binding by object and complex reflexives in German. *Linguistische Berichte*, 2014(239), 369-382.

В. Р. Абреу-Фамлюк (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ ПРИ ПОМОЩИ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В силу своего полемического характера устный научный диалог располагает широкой палитрой способов выражения несогласия. К числу таких способов относится использование речевых действий, направленных на уточнение правильности понимания сообщения адресатом, которые впервые были выделены И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфер и названы ими «интерпретирующие речевые акты» [1].

В роли интерпретирующих речевых актов (далее – ИРА) выступают реплики реактивного характера, содержащие исходную интерпретируемую пропозицию (или ее часть), причем эта исходная пропозиция всегда подвергается в ИРА определенной модификации (соответственно в класс ИРА ввиду отсутствия интерпретативного компонента не включаются, например, цитаты и переспросы). Характерными чертами ИРА являются: а) самостоятельное изложение, не повторяющее слова собеседника дословно; б) наличие интерпретации при возможности частичного изменения содержания, в) наличие специфического языкового маркера (*то есть, значит, получается, вы исходите из, вы думаете/считаете/подразумеваете, из ваших слов следует, вы имеете в виду, насколько я понял, я так понимаю, у меня сложилось впечатление* и т. п.).

Как показывает анализ научного диалога, ИРА широко востребованы в контекстах выражения несогласия с оппонентом, участвуя при этом в реализации двух типов моделей: в первом случае интерпретирующая интенция и интенция выражения несогласия выражаются дифференцированно, в рамках отдельных речевых действий; во втором – обе названные интенции реализуются синкретичным образом, в рамках одного высказывания.

1. Дифференцированная реализация интерпретации и несогласия.

Данный вариант обычно предполагает препозитивное расположение ИРА, предваряющего выражение несогласия, причем несогласие может выражаться как:

- альтернативное мнение (языковыми индикаторами в таком случае выступают конструкции *я считаю, мне кажется, по моему мнению, по мне, на мой взгляд* и т. п.):

– *Аузан говорит, что нет такой государственной функции, которую не могло бы выполнить общество. На мой взгляд, такая функция есть. Общество не может ни производить право, ни защищать право;*

- мягкое предложение альтернативы:

– *Вы говорите о культуре в терминах адаптации: культура – как сложный способ адаптации к окружающей среде. Но ведь один из основных, базовых элементов культуры – это система ценностей. А система ценностей, скорее всего, противоречит адаптации. <...> Может быть, все-таки культура не адаптация, а какая-то антиадаптация?;*

- апелляция к фактам, опровергающим точку зрения говорящего:

– *Вы говорите об отсутствии независимых СМИ. Но есть Рен-ТВ, Эхо Москвы, ваш ресурс, организующий все это.*

Возможен и вариант, когда ИРА занимает постпозитивную по отношению к возражению позицию, ср.:

– *Вы начинаете противоречить сами себе. С одной стороны, вам не хватает арабской литературы, и вы даже предполагаете расширить это Китаем и Японией, а с другой, вы констатируете, что не хватает времени на европейскую литературу, причем на основные тексты, которые физически невозможно прочесть не только в рамках аудиторных, но и реальных часов реальной жизни человека.*

Интересно отметить, что в обоих вариантах, несмотря на то что ИРА является речевым действием, которое либо проспективно подготавливает, либо ретроспективно обосновывает выражения несогласия, сама по себе интерпретация высказывания оппонента имеет нейтральный, безоценочный характер.

2. Синкретичная реализация интерпретации и несогласия.

В данном случае несогласие «встраивается» в ИРА, вследствие чего интерпретация оказывается обогащенной дополнительными оценочными компонентами, см. следующий контекст, отличающийся выраженной оценочной маркированностью за счет активного использования ксенопоказателей:

– *У меня сложилось впечатление, что Вы сравниваете фольклор дореволюционного периода и литературу 1990-х годов, появление которой Вы трактуете как-то по-особому: мол, шаманы там определили что-то, а происходившие исторические процессы в обществе как бы и вовсе ни при чем.*

В научном диалоге также представлены случаи ироничной интерпретации слов оппонента, где ирония одновременно является и средством выражения несогласия, ср.:

– *Зачем современному государству наука, если эта экологическая система действует только в масштабах планеты? <...>*

– *Понятно. Вы предлагаете вообще закрутить краник к науке?*

Таким образом, в научном дискурсе ИРА при выражении несогласия демонстрируют высокую степень прагматической вариативности и позволяют говорящему решать ряд важных коммуникативных задач (обоснование несогласия, оценка высказывания оппонента, выражение иронии и пр.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобозева, И. М. Интерпретирующие речевые акты / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 63–71.

О ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ ПЕРИФРАСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Речевая практика в любой период истории языка стремится опробовать новые стандарты, активно ищет иные возможности. Современная вербальная коммуникация заинтересована в «свежих» вариантах представления «привычных» денотатов. Прагматическая направленность современных текстов порождает языковую реальность, в которой перифраза становится функционально крайне востребованной. Перифраза – действенное средство речевой компрессии, которое позволяет коммуникантам мгновенно представлять и распознавать предмет разговора, воссоздавать, порождать именно его образ, несущий эмоциональный заряд, а не «голую» номинацию.

В нашем понимании перифраза – это функциональная единица, замена в речевой ситуации прямой номинации, в том числе имен собственных, описательным выражением, в котором указаны (эксплицитно или имплицитно) существенные денотативные признаки неназванного напрямую предмета (а также признаки классификационные, характеристической природы, указывающие на родовую принадлежность и т. д.).

В центре нашего исследования – языковые знаки перифрастической природы, представляющие частные, «ближайшие» денотаты – «местные» населенные пункты, «свои» реки, озера и т. д. посредством профилирования заданных компонентов смысла, нужных адресанту коннотаций в ходе языкового конструирования образа. Данные перифрастические единицы в языковой реальности сопровождают, дублируют или заменяют прямые номинации географических объектов Беларуси. В ходе проведения процедур концептуализации коммуникантами самостоятельно воссоздается образ предлагаемого объекта. Аттрактивность географических объектов сегодня оказывается зависимой не только от данных объективной реальности, но и от их вербального представления в реальности текстовой.

В последнее десятилетие в электронных и печатных СМИ Беларуси, рекламе, блогосфере, повседневной речевой практике все более заметными становятся факты использования географических номинаций перифрастической природы с прецедентными компонентами с целью представления «ближайших» денотатов: Мстиславль – *белорусский Суздаль*, белорусская Вильня, маленький Вильнюс и даже *второй датский Линнхольм-Хойе*; Витебск – *второй Париж*, Бобруйск – *вторая Одесса*, Сморгонь – *русский Верден*, *первый Сталинград*, Ивье – *маленький Иерусалим*, Полоцк – *белорусская Мекка*, Слоним – *полесские Афины*, Пинск – *полесский Иерусалим*; Припятское Полесье называют *белорусской Амазонией*, а Припять – *белорусской Амазонкой*. Подобные номинации хорошо запоминаются, благодаря «заряженному» прецедентному компоненту в их составе, даже если подчас объективно являются ситуативными или контекстуально обусловленными.

Вариативность – яркая функциональная особенность географических номинаций перифрастической природы. Во многих случаях перифразы-

«соперницы» сопровождают прямые номинации, что закономерно: данные «образные» варианты экономят усилия коммуникантов, имплицитно передавая огромное количество информации без ее кропотливого вербального структурирования: конечно, предпочтительнее пригласить не в Мосар, а в Мосар – *белорусский Версаль*. Вариативность пронизывает подобные контексты насквозь. *Белорусский Версаль* – это и Мосар, и Ружаны, и Несвиж. Как *белорусскую Швейцарию* представляют Новогрудчину, Браслав, Раубичи (+ *маленькая Швейцария*), Логойск (+ *маленькая Швейцария*), Силичи, Мозырь (+*полеская Швейцария, белорусские Альпы*), Поставщина – тоже *маленькая Швейцария*. Шклов и Кобрин борются в текстах за звание *маленький Париж*. Востребован компонент *Венеция*: упоминаются в текстах Глубокое – *белорусская Венеция*, Добруш – *белорусская Венеция, маленькая Венеция*, Давид-Городок – *полеская Венеция*, д. Погост Житковичского района – *белорусская Венеция*, д. Кокорица Дрогичинского района – тоже *белорусская Венеция*. Весьма привлекательны в текстовой реальности Волковыск и г. п. Красносельский, которые представляются как *белорусские Мальдивы*. Обращает на себя внимание Белоозерск – *белорусский Лас-Вегас*.

Владение перифрастическим фондом языка сегодня становится одним из условий успешного существования в мире современной коммуникации. Культурно-исторические и общефоновые пресуппозиционные знания неизбежно оказываются включенными в процесс современной коммуникации: д. Жемыславль Ивьевского района – *белорусские Лазенки*, Коссово – *белорусский Колизей*, каменная группа озера Яново на Полотчине – *белорусский Стоунхендж*, Минск – *белорусский город на семи холмах*, Браславщина – *белорусские фьорды* и т. д. Необходимым условием возникновения и распространения в речевой практике носителей языка тех или иных перифрастических единиц, называющих «свои» денотаты, несомненно, является, их внутренняя форма, задающая «настроение», прокладывающая «рельсы» восприятия. Сегодня полное вербальное существование коммуникантов невозможно без владения знаниями по истории человеческой цивилизации и мировой культуры вследствие наличия весомой имплицитной составляющей в информационном пространстве.

Г. Р. Андреева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

ОЦЕНОЧНАЯ ПОЛИСЕМИЯ В АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ

Термин «сленг» здесь обозначает лексикон социальных подгрупп и субкультур (что иногда обозначается термином «специальный сленг»). Полисемия в сленге связана со следующим фактором: более уместно говорить не о лексических единицах сленга, а о сленговых значениях отдельных единиц, так как большую часть сленгового лексикона составляют слова, имеющие также стандартные и разговорные значения. Развитие полисемии лексем стандартного или разговорного языка – это один из способов пополнения словарного состава сленга.

Молодежные субкультуры часто переворачивают традиционные ценности. Точно так же сленговые значения слов могут получить коннотацию, противоположную стандартному значению слова. Впервые это было замечено в исследовании афро-американского джазового сленга 1920-х гг., где *killer* ‘убийца’ и *murder* ‘убийство’ стали комплиментом музыканту, а *bad* ‘плохой’ полностью поменяло коннотацию и выражало восхищение (при этом развился вариант сравнительной степени *badder-baddest*). В афро-американском сленге разных лет насчитывается целый ряд подобных прилагательных, где стандартное значение – отрицательная оценка, а сленговое значение – положительная: *deadly*, *fierce*, *vicious*, *wicked* и т. п. Сленговые значения *bad* и *wicked* вышли за рамки афро-американского сленга и стали частью общего молодежного американского сленга.

Можно вспомнить существительное *freak*, которое в стандартном языке означает ‘странный, эксцентричный в отрицательном смысле человек’, в сленге хиппи 1960–1970-х гг. – самоназвание членов субкультуры, а в современном молодежном сленге ‘энтузиаст’ *food freak*. Похожее развитие прошло и существительное *geek*, которое в эпоху Интернета стало обозначать либо любителя высоких технологий, либо человека, фанатично увлеченного популярной культурой, и стало самоназванием этой субкультуры. До середины 1990-х гг. даже в молодежном сленге обозначало человека со странностями в общении. Можно сказать, что первоначальное отрицательное значение *geek* ‘странный’ развило новое положительное значение ‘увлеченный’.

Смена коннотации не обязательно происходит между стандартным и сленговым значением. Иногда слово с положительной коннотацией выходит из моды и приобретает отрицательное значение. В 1960–1970-х гг. одним из самых популярных прилагательных молодежного сленга было *groovy* ‘модный, клевый’, которое настолько устарело в 1980-х гг., что в молодежном сленге приобрело значение ‘занудный’, а в 1990-х гг. частично вернуло свою популярность и опять стало обозначать нечто модное и современное.

Таким образом, оценочная полисемия в сленге связана как со сменой «знака» коннотации при трансформации стандартного значения, так и с модой и устареванием значений, а также с повышенной эмоциональностью сленга.

О. Л. Арискина (МГУ им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ XVI–XVIII вв.

Вариативность – это признак динамики в языке и мире. Наша работа посвящена изучению вариативности в русской лингвистической терминологии прошлого.

Термин – не просто система из трех компонентов: денотата, сигнификата, экспонента. Термин – динамичная система, причем динамичными могут быть все три ее вершины (экспонент может быть изменен, утрачен, может иметь варианты и синонимы; сигнификат может сужаться и расширяться; денотат

тоже может измениться: например, исчезнуть, а есть термины, функционирующие и без денотата, – в таком случае одну из вершин занимает референт – наши представления о денотате). Вершины динамичны по объективным причинам (развитие науки) и по субъективным (упорядочение терминологии, формулирование дефиниций). В то же время есть и обратная связь. Сознание языковой личности пытается уловить динамику вершин, квант познания, исходящий от терминологического знака, «поймать», зафиксировать, описать, объяснить. То есть если действия субъекта могут влиять на вершины терминологического знака, то при построении модели нужно указать функцию сознания субъекта.

Динамика экспонента в терминах XVI–XVIII вв., как правило, обусловлена тремя факторами:

- 1) вариативностью экспонентов;
- 2) отсутствием экспонента при имеющихся денотатах и сигнификатах;
- 3) синонимией (семантической вариативностью).

Остановимся подробнее именно на вариативности экспонентов.

В XVI–XVIII вв. терминологическая вариативность получила очень широкое распространение.

Так, среди терминов есть много единиц, имеющих морфологические варианты: *властелинный* – *властелинное*, *глагольная* – *глагольный*, *отеческие* – *отеческое*, *отыменной* – *отыменное*, *превосходный* – *превосходна*, *языческая* – *языческий* – *языческое* и др. Возможно, такая морфологическая вариативность вызвана тем, что все перечисленные термины являются субстантивированными прилагательными, еще не «окрепшими» в достаточной мере и «ищущими» традиционную опору – имя существительное. Это языковая причина. Однако допускается и иное объяснение, экстралингвистическое. Грамматисты, составляющие лингвистические пособия и использующие в них термины-субстантиваты, бессознательно соотносили их с разными существительными, являющимися главным членом генетического словосочетания, а так как существительные могли быть разного рода, происходили морфологические варьирования. Так, Л. Зизаний соотносил термин *отыменной*, думается, с *видом*, а Ф. Максимов – с *именем*; М. Смотрицкий: *властелинный* – с *видом*, Ф. Максимов – с *именем (властелинное)*, Ф. Максимов: *положительный* – с *видом*, а А. С. Никольский – со *степенью (положительная)*. Причем само главное слово в терминологическом словосочетании могло изменить родовую принадлежность, например, «степень» в грамматиках М. В. Ломоносова и А. А. Барсова – существительное мужского рода, а в труде А. С. Никольского – уже женского.

Известны также синтаксические варианты:

а) словосочетание – слово: *сложное начертание* – *сложное*, *простое начертание* – *простое*, *пресложное начертание* – *пресложное*, *умалительное имя* – *умалительное*, *рассудительное начертание* – *рассудительное*, *превосходное начертание* – *превосходное*, *отыменное имя* – *отыменное*, *отеческое имя* – *отеческие*, *отечественное имя* – *отечественный*, *производные слова (производный вид)* – *производные*, *увеличительное имя* – *увеличитель-*

ные, *умалительное имя – умалительные, коренное имя – корень, наращение складов – наращение* (последние два примера показывают, что результатом сокращения терминологических элементов могли быть не только субстантивированные прилагательные, но и генетические существительные);

б) трансформы (связанные с перестановкой слов в словосочетании): *начертание простое – простое начертание, начертание сложное – сложное начертание, начертание пресложное – пресложное начертание, начертание двоякое – двоякое начертание* (в этих примерах фигурирует термин *начертание*, наделенный в некоторой степени ложно ориентирующими свойствами, которые, возможно, обусловили его терминологическую «неустойчивость», в результате чего он вообще исчез из научной речи); *беспосредственно производиться – производиться непосредственно, вид первообразный – первообразный вид, вид производный – производный вид, глаголы простые – простые глаголы* и т. п.

Список терминов-трансформов весьма внушителен. Возможно, такое масштабное распространение данного типа варьирования обусловлено тем, что варианты-трансформы наиболее тождественны друг другу (как известно, от перемены мест слагаемых сумма не меняется), в отличие от синтаксических вариантов – сокращений, а также морфологических вариантов. Понятийная тождественность и почти полная экспонентная тождественность свидетельствуют о высокой степени устойчивости терминологического знака.

Таким образом, вариативность в русской лингвистической терминологии XVI–XVIII вв. свидетельствует не столько о неустойчивости сигнификата, сколько о настойчивом желании исследователей найти для научного понятия наилучшую форму.

И. М. Басовец (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ КОНСТРУКЦИЙ С ЗАТЕМНЕННЫМ РЕФЕРЕНТОМ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Вариативность может трактоваться исследователями по-разному с учетом многообразных видов языкового варьирования. В нашей работе вариативность понимается как расхождение в форме языковых знаков, которые при этом имеют один и тот же смысл и выполняют одинаковую прагматическую функцию. Вариативность конструкций с затемненным референтом, которые используются в медиадискурсе, предполагает различную, или синонимичную, форму их поверхностных структур при тождественности значения и прагматической задачи.

К примеру, намерением автора медиатекста является преподнесение некоторых сведений, содержащихся в высказывании, как общеизвестных. В таком случае в его/ее распоряжении находятся несколько способов вербального оформления своего высказывания, в результате которого в поверхностной структуре появится дискурсивный маркер общеизвестности сообщаемого. Универсальным способом введения таких данных в разных языках

(например, английском и белорусском) являются клишированные конструкции, в которых значение общеизвестности фиксируется в одном из ее компонентов. Данное значение демонстрируют а) субъектно-предикатные конструкции, в которых субъект выражен определительными местоимениями со значением всеобщности *all, every, any, each, everybody, anybody, everyone, anyone* / *ўвесь, усе, усякі, кожны, любы*, б) предикатные конструкции с неидентифицируемой субъектно-референтной группой, например *(as) it is (well) known, it is common knowledge* / *(як) (добра) вядома, агульнавядома*:

а) *Everybody knows the last decade on Wall Street was a poor one for investors*;

Усе ведаюць, што такое Чырвоны Крыж;

б) *It is common knowledge that malaria is the major cause of deaths in sub-Saharan Africa*;

Агульнавядома, што велічнае заўсёды простае.

Если же журналист стремится наряду с общеизвестностью подчеркнуть распространенность сообщаемых данных, в его распоряжении также найдутся несколько способов лингвистической упаковки высказывания: с использованием а) предикатных и б) предложно-падежных конструкций с затемненным референтом, которые употребляются совместно с наречиями, имеющими семантику степени охвата *commonly, universally, widely, largely* / *шырока, паўсюдна* или прилагательными (причастиями) со значением распространенности *broad, common, widespread, received, prevailing, general* / *агульны, агульнапрызнаны, распаўсюджаны, пашыраны, прыняты*:

а) *It is widely accepted that positive thinking is not only good for your health and state of mind, but also helps you achieve your goals more easily*;

б) *Згодна з распаўсюджанымі ўяўленнямі, курыцы часта выкарыстоўваюць цыгарэты як сродак ад стрэсу*.

Вариативность языкового оформления возможна и в ситуации, когда автор пытается избежать освещения единственной точки зрения или желает усилить собственную позицию на фоне других, что способствуют повышению диалогизации и полемичности медиатекстов. В таком случае журналист создает контраст с эксплицитным или имплицитным оппонентом при помощи специальных конструкций, среди которых выделяются взаимозаменяемые конструкции с затемненным референтом: а) субъектно-предикатные и б) предложно-падежные, в которых субъект выражен либо местоименными оппозициями *many (most) – others* или *some (a number of) – others* / *адны – другія, адны – іншыя, адны – другія (іншыя) – трэція (многія)*, либо антонимичными оппозициями существительных *proponents – opponents, defenders – critics, insiders – outsiders, optimists – pessimists, sympathisers – sceptics* / *прыхільнікі – праціўнікі, адэнты – ворагі*:

а) *Opponents say the plan is part of a plot to dismantle the south-east Asian nation's constitutional monarchy – a claim proponents staunchly deny*;

Адны кажуць пра скарачэнне колькасці газет і часопісаў. Іншыя заўважаюць толькі падзенне аб'ёмаў рэкламы;

б) *Для адных фільм – занадта аўтарскі, для другіх – масавы*.

Более широкий спектр вариативных конструкций с идентичным семантико-прагматическим наполнением используется в современных медиа-текстах для передачи недостоверной информации или слухов. В составе таких конструкций используются: а) существительное *rumours/чуткі* в субъектно-предикатной или предложно-падежной конструкции; б) глаголы речи *say, rumour / гаварыць* в бессубъектных конструкциях *it is said, it is rumoured, it is being said, is (are) said (rumoured) / пагаворваюць, загаварылі, кажучь*; в) в английском языке существительное *talk* в конструкциях типа *there is (has been) (a lot of) talk*:

а) *They were all said to have been tragically killed in snowboarding accidents, according to rumours which have circulated around the internet in recent years*;

Хадзілі чуткі, што рэжысёр больш не вернецца;

б) *Усё часцей пагаворваюць, што нібыта дворнікаў чакае скарачэнне*;

в) *There has been a lot of talk about China's new "sharing economy"*.

Нетрудно заметить, что вариативность рассмотренных синонимичных конструкций с затемненным референтом в медиадискурсе проявляется на формальном уровне, т. е. на уровне организации их синтаксической структуры, в то время как их содержательный аспект, т. е. семантико-прагматические характеристики, остается неизменным. Вариативные конструкции могут быть легко трансформированы друг в друга, что позволяет автору медиатекста прибегать к их стилистическому варьированию во избежание контекстуальных повторов с соблюдением своего основного коммуникативного намерения и выбирать в каждом отдельном случае лингвистическое оформление высказывания из широкого многообразия языковых вариантов.

Е. В. Беланович (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВАРИАТИВНОГО ОТРАЖЕНИЯ СЛОЖНОЙ ДЕНОТАТИВНОЙ ОБЛАСТИ В ПРОСТОМ АНГЛИЙСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Предложение в композиционном синтаксисе рассматривается как некая модель положения дел, которая включает в его содержательную структуру предикативность, информационную перспективу, а также номинативную семантику предложения. При этом номинативная семантика предложений признается двухаспектной и состоит из неизоморфных друг другу сигнификативного (пропозиционального) и денотативного (ситуативного) аспектов [1]. Признание автономности сигнификативного и денотативного аспектов семантики предложения приводит к необходимости различения их функций.

Результаты проведенных тестов (на объеме 8 242 предложений) на определение типа пропозиции предложений с глаголами ЛСГ «Потребление пищи» позволяют заключить, что для отражения сложной денотативной области «потребление пищи» используется динамическая и направленная пропозиция. Каждый тип пропозиций обладает определенным количеством аргументов. Динамическая и направленная пропозиция предполагает наличие

пяти аргументов: Агентива (Ag), Инструментива (Ins), Пациентива (Pat), Бенефактива (Ben), Фактивита (Fact). Но бывают случаи, когда в предложении присутствуют не все аргументы сразу, что обуславливает возможность вариативных реализаций пропозиции.

Вариативное заполнение аргументных мест пропозиции компонентами сложной денотативной области свидетельствует о том, что предложение с одним и тем же глаголом может иметь разный состав и отличающиеся структуры. При разных способах отражения в поверхностной структуре могут появляться компоненты, которые выполняют неодинаковые роли, что приводит к изменению валентности глагола. Эти изменения представляют собой трансформацию стандартного способа отражения сложной денотативной области с определенным глаголом, при котором в динамической направленной пропозиции место Агентива занимает не Субъект, место Пациентива – не Объект, место Инструментива – не Инструмент и т. д.

Например: *Small bones crunched under her teeth* ‘Маленькие косточки хрустели у нее в зубах’ [3, p. 170]. В этом случае наблюдается алломорфный тип соотношения денотативной и сигнификативной структур, при котором иерархия аргументов отличается от иерархии участников денотативной области вследствие изменения центра когнитивной доминанты. На первое иерархическое место (вместо Субъекта) поставлен второй участник денотативной области (Объект), в силу чего нарушается их иерархия: характер отношений в пропозиции и денотативной области совпадают, а направление является противоположным. Возможно и гомолексемное согласование, при котором заполнение аргументных мест и предиката осуществляется словами, указывающими на одну денотативную область.

ЛИТЕРАТУРА

1. Outline of the compositional syntax / D. G. Bogushevich [et al.] // Proceedings of the 16th Intern. Congr. of linguists, Paris, 20–25 July 1997. – Oxford, 1998. – Paper № 0013.
2. King, S. The girl who loved Tom Gordon / S. King. – London : Hodder, 2007. – 226 p.

А. В. Бенедиктович (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ НАИМЕНОВАНИЯ СИТУАЦИИ В АНАЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Вариативность – одно из фундаментальных свойств естественного языка, которое проявляется на всех уровнях его функционирования. В фокусе современных исследований находятся такие виды вариативности, как социолингвистическая, дискурсивная, региональная, индивидуальная.

В данной работе рассматривается абстрактное существительное как один из способов наименования ситуации в аналитическом медиадискурсе

наряду с высказываниями с коррелятивной предикативной структурой: *But maybe they should redirect their **anger**. <…> It's not Trump's victory that should get us **angry** – it's the Democrats' defeat. <…> Entitlement – that's what begets **anger** in 2017* (The Telegraph. 23.01.2017); *Сегодняшняя глобальная экономика проходит через американскую финансовую систему, которая, является основным инструментом **влияния** Соединенных Штатов. Доллар в качестве мировой валюты и Уолл-Стрит в качестве ключевого финансового центра мира помогают США **влиять** на друзей и запугивать врагов, — пишет издание The Bloomberg* (СБ Беларусь сегодня. 01.06.2018).

Употребление абстрактного существительного в качестве имени ситуации характеризуется большей частотностью по сравнению с предикативным обозначением ситуации. Абстрактные существительные обладают значительным семантическим и экспрессивным потенциалом, что дает возможность автору текста перейти от констатации факта к обогащению описания ситуации подробностями и деталями: *“Any job that is on some level routine is **likely to be automated**, and if we are to see a future of prosperity rather than catastrophe we must act now,” warns Martin Ford, a Silicon Valley entrepreneur, in his book The Rise of the Robots. <…> “The **bogeyman of automation** consumes worrying capacity that should be saved for real problems,” scoffed the economist Herbert Simon in the 1960s* (The Times. 21.11.2016).

Экспрессивность абстрактных существительных усиливается атрибутами оценочного значения: *toxic combination, complimentary and dangerous messages, tempting invitation, unmitigated cruelty, emotional intelligence, сложные условия, нешуточные испытания, наиболее важные вопросы: Then there's Nato, about which Mr Trump is sending out two **complimentary and dangerous messages**. He calls the alliance “obsolete” <…> At the same time, he signals his desire to mend fences with Vladimir Putin* (The Telegraph. 23.01.2017); *Апрель стал **нешуточным испытанием** и для Греции. Сотрудники музеев требуют решения ряда **наболевших вопросов** по оплате труда* (Народная газета. 04.05.2018).

Для аналитических статей характерно употребление цепочек существительных в рамках одного высказывания, посредством которых осуществляется логическая интерпретация связей и отношений между целым рядом ситуаций: *In choosing Hillary Clinton as their candidate, a woman whom they knew was holed below the waterline by **the contempt and mistrust** with which she was regarded by huge numbers of Americans, they betrayed their **arrogance** and, yes, their **stupidity*** (The Telegraph. 23.01.2017); *Полиция ведет **расследование**, а **скандал**, начавшийся в конце апреля, когда под огнем **критики** оказалось отделение ВМФ в Бремене, входит в новую стадию: две оппозиционные партии – «Альтернатива для Германии» и Свободные демократы – **требуют учреждения** парламентской комиссии, а политики, журналисты и общественность задаются **вопросом**: когда о системных сбоях и нарушениях в ведомстве узнала канцлер Меркель?* (СБ Беларусь сегодня. 08.06.2018).

Интерпретационный характер абстрактного имени обуславливает его использование для выражения широкого спектра субъективно-оценочных значений: *My **greatest fear**, odd as it might sound, is that the Union could be*

killed by love from the wrong people (The Times. 14.03.2017); *The sad truth is that students have succumbed to a set of political myths* (The Telegraph. 06.11.2015); *К сожалению, мы наблюдаем довольно тревожные тенденции. <...>Нет нужды регулировать и контролировать каждый отдельный случай, статью или комментарий — достаточно разработать универсальные, общепонятные простые правила* (Народная газета. 18.05.2018).

Существенным аргументом в пользу употребления абстрактных существительных в аналитических статьях является и коммуникативный аспект, а именно, обеспечение тема-рематического развертывания текста. Обобщающий характер семантики абстрактного имени позволяет сфокусировать внимание на целостной ситуации в тематической позиции безотносительно к ее модально-временным характеристикам. Ситуация становится предметом мысли и воспринимается как самостоятельная сущность:

The frustrating thing about Mr Osborne is that his early work was so much better. Alongside his excellent innovation in setting up the independent Office for Budget Responsibility he introduced the best-designed fiscal rule we have seen in the past two decades. His aim was to get to current budget balance five years hence. That was forward looking, flexible and allowed borrowing for investment. Its flexibility came from the fact that there was no set year in which balance had to be achieved as long as policy was set to achieve it on current forecasts. When forecasts deteriorated, as they dramatically did in the autumns of 2011 and 2012, no games had to be played, no further spending cuts had to be announced. The moment of budget balance was pushed out in a way that was economically sensible (The Times. 14.11.2016).

Подводя итог, отметим, что абстрактные существительные – наименования ситуаций обладают значительно большим интерпретативным потенциалом по сравнению с коррелятивными предикативными способами обозначения ситуации. Сопоставительный анализ аналитического медиадискурса в британской и белорусской прессе позволил выявить преобладание сходных черт в наименовании ситуаций абстрактными именами. Различия связаны с употреблением некоторых стилистических средств, а также с использованием абстрактных существительных в реализации тема-рематического развертывания дискурса, что обусловлено особенностями системно-структурных свойств английского и русского языков.

Т. П. Беценко (СумГПУ, Сумы, Украина)

ЛЕКСЕМА *МИСЛЬ* В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Своеобразную судьбу в украинском языке имеет лексема **МЫСЛЬ** (**мысли**) (укр. *мисль, мислі*). На примере фольклорных текстов, в частности, языка народного эпоса (дум), консервативного по своей природе жанра, можно выяснить существование вариантов и синонимических соответствий указанной лексемы. Текстовые образцы украинских народных дум фиксируют ее неоднократное функционирование:

*Хороші мислі мали,
Од мене більшу добичу брали;
Старший брат нехорошії мислі має;
Середульший брат хороші мислі має.*

Первый пример – из IV варианта думы «Козак Голота» (запись 1854 г. в Полтавской губернии), второй и третий – из IV варианта думы «Втеча трьох братів з города Азова, з турецької неволі» (запись 1857–1860 гг. в Киевской губернии) (Украинские народные думы. М. : Наука, 1972).

Названную лексему фиксирует словарь Даля (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4-х т. – М., 1995; т. II, с. 256), также 11-томный Словарь украинского языка (СУЯ): *мисль* – «те саме, що думка; в мислі – в думках» (СУЯ, т. IV, с. 718) (в словарной статье приведен пример из дум). В украинском языке от *мисль* образованы единицы, нормативные для современного словоупотребления: *мислимий* (СУЯ, т. IV, с. 718), *мислимо* (СУЯ, т. IV, с. 718), *мислитель* (СУЯ, т. IV, с. 718), *мислити* (СУЯ, т. IV, с. 718), *мислонька* (СУЯ, т. IV, с. 718), *мислячий* (СУЯ, т. IV, с. 718).

Нужно согласиться, что в книжных стилях (официально-деловом, научном) говорящие, несомненно, предпочтут слово *думка* вместо *мисль*. Таким образом, лексема *думка* вытеснила лексему *мисль* из современного словоупотребления в указанных стилевых сферах. Однако лексема *мисль* продолжает стойко функционировать в разговорной, диалектной украинской речи (как вариант также засвидетельствована лексема *мисля* (Сумская область, Буринский р-н, с. Воскресенка)).

Кстати, в «Великому тлумачному словнику сучасної української мови» (Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К. : Ірпінь, 2001), кроме *мисль*, засвидетельствованы лексемы укр. *мислений*, *мисливий*, *мислимий*, *мислимо*, *мислитель*, *мислити*, *мислитися*, *мислонька*, *мислячий*.

В «Словаре украинского языка» под ред. Б. Д. Гринченко зафиксированы лексемы укр. *мислити*, *мисліте*, *мислонька*, *мисленька*, *мисль*, *мисля* (т. III, с. 427–428). Лексема *мисль* есть органический компонент современного поэтического словоупотребления.

Судьба приведенных лексем в современном украинском литературном словоупотреблении неодинакова. Если лексема *мисль* (соответственно *мислонька*) вытеснена из письменных официально-деловых, научных, публицистических текстов лексемой *думка*, то лексемы укр. *мислимий*, *мислимо*, *мислитель*, *мислити*, *мислячий* есть их органическими, незаменимыми составляющими.

«Словарь синонимов украинского языка» (упор: А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк, С. І. Головащук та ін. – К. : Наук. думка, 2006) к слову *думка* предлагает синонимические соответствия укр. *дума*, *мисль*, *гадка*, *міркування*, *ідея*, *помисел* книж., *думонька* фолькл., *оцінка*, *судження*, *враження*, *погляд*, *розуміння*, *поняття*, *переконання*, *твердження*, *голос*, *опінія* зах., *здання* знах. (т. I, с. 476).

Лексикографические источники не содержат дополнительных примечаний относительно лексем *мисль* (типа *устар.*, *редкоуп.*, *поэт.* та ін.).

Нам представляется, что лексема *мисль* (учитывая ее поэтическое употребление) в современной украинской языковой действительности приобрела оттенок торжественности, возвышенности.

Так как правомерно квалифицировать статус данной единицы в языке: рассматривать ее как нормативную, однако редко употребляемую или стилистически ограниченную? Фольклорные источники, в частности язык народных дум, служат доказательством подлинности лексемы *мисль* относительно украинского языкового континуума.

Таким образом, слово *мисль* – полноправная составляющая лексико-семантической системы украинского языка, свидетель его исторического развития и обогащения.

С. Ю. Богданова, Н. Н. Коробейникова (ИГУ, Иркутск, Россия)

ВАРИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ОДНОГО СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА

Вариативность признается одной из необходимых лингвистических категорий, поскольку она встречается на всех языковых уровнях, включая лексический. Согласно традиционному определению, синонимы раскрывают различные аспекты, оттенки и варианты одного и того же явления. Точный выбор слова из синонимического ряда важен для адекватного выражения мысли. Некоторые лингвисты включают в определение синонимов и критерий частичной взаимозаменяемости. Функциональная эквивалентность или неэквивалентность, т. е. потенциальная способность или неспособность одних языковых единиц замещать тождественные по семантике языковые единицы в определенных контекстах, является объектом внимания в данном исследовании. Вариативный потенциал лексических единиц одного синонимического ряда можно рассматривать в нескольких аспектах: во-первых, это вопрос регистровой/стилевой отнесенности текста, в котором употребляется лексическая единица; во-вторых, это вопрос индивидуального стиля автора, который заботится об эстетической стороне высказывания; в-третьих, это вопрос возможности и целесообразности совместного употребления синонимов в одном контексте.

Исследование проводилось на материале синонимического ряда английских темпоральных наречий со значением мгновенности: *immediately* ‘незамедлительно’, *instantly* ‘немедленно’, *instantaneously* ‘мгновенно’, *promptly* ‘безотлагательно’, *forthwith* ‘тотчас’, *right away* ‘сразу’, *straight away* ‘тотчас’, *straight off* ‘сразу’, *at once* ‘тотчас же’. Необходимость обращения к категории вариативности возникает сразу, поскольку оказывается сложно выделить доминанту данного ряда. Тщательный анализ словарных дефиниций из Oxford English Dictionary, авторитетных этимологических и толковых словарей английского языка свидетельствует о том, что доминантой могут служить как наречие *immediately*, так и наречие *instantly*: они имеют высокую частотность употребления (по данным корпусов английского

языка), широкую сочетаемость, общее достаточно широкое значение и не имеют коннотаций. С точки зрения регистровой/стилевой отнесенности, оба наречия достаточно нейтральны и могут быть употреблены в практически любом контексте.

В ходе исследования вариантопорождающие возможности контекстов были изучены с привлечением информантов (из реальных контекстов были извлечены темпоральные наречия и произвольно заменены на какие-либо другие наречия из этого синонимического ряда), а также проверены на материале корпусов текстов современного английского языка. Были выявлены лексические единицы, демонстрирующие тяготение к определенным регистрам: наречия (наречные сочетания) *right away*, *straight away*, *straight off*, *at once* чаще всего употребляются в разговорной речи, *forthwith* – в формальном, чаще всего юридическом дискурсе, *instantaneously* – в научной прозе. В связи с этим, говорить о взаимозаменяемости наречий данного синонимического ряда можно лишь условно. Во многих контекстах информанты признали замену недопустимой и предложили тот вариант, который изначально был употреблен автором в данном контексте, либо другой, который не противопоставлен по регистровой/стилевой отнесенности. Вариативный потенциал в ряде случаев был ограничен принадлежностью наречия *straight off* к британскому варианту английского языка и «устаревшим» звучанием наречия *straight away*, по мнению информантов-американцев.

Однако информанты обратили внимание и на другую причину невозможности некоторых замен, которая состояла в нарушении благозвучия высказывания, что имеет отношение к индивидуальному стилю. Так, все двусловные наречные сочетания (*right away*, *straight away*, *straight off*, *at once*) имеют тенденцию к употреблению в конце высказывания, а не в середине, поскольку тогда они, в отличие от своих однословных синонимов, «разрывают» высказывание. По той же причине нарушения благозвучия был отклонен вариант замены наречия *instantly* наречием *right away* в высказывании <... > *any sign of the man she had just glimpsed, the human being behind the impenetrable barrier, would be [right away] and totally erased* (BNC) ‘любой знак мужчины, которого она только что видела, человека за непроходимым барьером, будет немедленно и полностью стерт’. Замена представляется невозможной, если двусловное темпоральное наречие соединено союзом *and* с другим наречием с суффиксом *-ly*.

Последний вопрос о возможности и целесообразности совместного употребления синонимов в одном контексте находит положительный ответ. Так, в высказывании <...> *the low, mellifluous voice was instantly recognizable – and as immediately detestable* (BNC) ‘низкий, ласкающий слух голос был мгновенно узнаваемым – и так же незамедлительно вызывал отвращение’, по мнению информанта, два синонимичных наречия употребляются, чтобы избежать тавтологии, к тому же оба слова оканчиваются на *-ly*, что является благозвучным. Целесообразность объясняется также тем, что, по мнению ученых, синонимы обеспечивают тексту смысловую целостность, передавая нюансы движения мысли и многообразие смысловых отношений

в тексте. В следующем контексте с помощью синонимичных наречий со значением мгновенности и прилагательного *instantaneous* ‘мгновенный’ создается новое значение «напряженности»: “*Agent Brüder, come up at once. We’ll begin evacuating people immediately.*” *Brüder’s reply was instantaneous.* (Brown) “Агент Брюдер, срочно поднимайтесь вверх. Мы начнем эвакуацию людей немедленно”. Ответ Брюдера был мгновенным.’

Изучение вариативного потенциала синонимичных лексических единиц не ограничивается данными аспектами и представляет собой пример необходимости привлечения категории вариативности для понимания сущности языка.

Е. В. Богоявленская (РГГУ, Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Являясь раздельноформленными единицами языка, служащими для образно-экспрессивной характеристики окружающей действительности, фразеологизмы характеризуются высокой структурно-семантической сложностью, что вызывает многообразие способов их варьирования. Очевидно, изучение явления фразеологической синонимии предполагает решение вопроса о пределах варьирования фразеологизма. Проблема фразеологической вариантности остается дискуссионной, в фразеологической литературе существует несколько точек зрения на природу и механизм фразеологического варьирования. Исследование большого корпуса английских фразеологических синонимов позволило прийти к выводу, что ключевым фактором, определяющим существование синонимических рядов, является основной дифференциальный признак фразеологизмов – их образность. Фразеологические синонимы обладают различными образными основами, они отличаются прежде всего таким компонентом содержания, как внутренняя форма. В противоположность этому, фразеологические варианты характеризуются единством образа и внутренней формы. Такое понимание фразеологической вариантности позволяет четко разграничить фразеологические варианты и фразеологические структурные синонимы, ведь как фразеологические варианты, так и фразеологические структурные синонимы характеризуются общностью лексического состава. Рассмотрим компаративные синонимичные фразеологизмы с значением *extremely happy* ‘чрезвычайно счастливый’, ограничившись в нашем исследовании компаративными идиомами с первым компонентом *happy*. Первый компонент *happy* употребляется в своем буквальном значении, метафоризация значения идиом происходит при помощи неожиданного сравнения. З. Кевечес, рассматривая концептуальные метафоры, объективирующие концепт счастья, выделяет метафору *happiness is an animal that lives well* ‘счастье – это животное, которому хорошо живется’ [1, с. 34]. Данная концептуальная метафора находит свое языковое выражение в таких компаративных фразеологических

синонимах как *as happy as a flea in a doghouse*, *as happy as a lark*, *as happy as a clam*, *as happy as a pig in mud*, *as happy as a pig in clover*, *as happy as a pig in slop*, *as happy as a pig in muck/poop/shit*. Блохе (*flea*) замечательно живется в собачьей конуре (*doghouse*), а жаворонок (*lark*) всегда счастлив, оттого и поет целый день напролет. Идиома с жаворонком является ярким примером антропоморфизма, наделения животных человеческими качествами. Существует стереотип, что счастливые люди поют. Идиома *as happy as a clam* является количественным вариантом фразеологизма *as happy as a clam at high tide*, которая появилась в XIX веке на северо-востоке США. Моллюск (*clam*) доволен и счастлив во время прилива, так как он чувствует себя в безопасности, его непросто найти в толще воды. Интересны для изучения вариантный фразеологический синоним *as happy as a pig in muck/poop/shit* и его структурные синонимы *as happy as a pig in mud*, *as happy as a pig in clover*, *as happy as a pig in slop*. Варьирование лексического состава идиомы *as happy as a pig in muck/poop/shit* от сниженного регистра до неприличного и грубого выражения, усиливая вульгарность образа 'свинья в навозе' приводит к дальнейшему снижению регистра употребления идиомы. Именные компоненты *muck*, *poop* являются эвфемистической заменой компонента *shit*. Все три взаимозаменяемых именных компонента являются внутриязычковыми синонимами, образная основа остается неизменной, как и внутренняя форма, речь идет о фразеологическом варьировании. Фразеологизмы *as happy as a pig in mud*, *as happy as a pig in clover*, *as happy as a pig in slop* являются структурными синонимами, замена субстантивных компонентов в эталонной части приводит к изменению образной основы (*mud* 'грязь', *clover* 'клевер', *slop* 'помои'). Следует отметить, что явная пейоративность образа свиньи не влияет на оценочный компонент анализируемых фразеологизмов, на что указывают англоязычные лексикографические источники. Данное наблюдение подтверждает тезис А. В. Кунина о том, что в адъективных компаративных идиомах характер оценки зависит от семантики первого компонента. Интересно, что в анализируемых фразеологических синонимах, кроме зоонима, в качестве объекта сравнения может выступать существительное, характеризующее человека по социальному статусу (*as happy as a king*), профессии (*as happy as a sandboy*), а также имя собственное (*as happy as Larry*). Образ, лежащий в основе идиомы *as happy as a king*, прозрачен (*king* 'король'). Существительное *sandboy* в XVII–XIX вв. означало работника, доставлявшего песок в английские пабы, где полы тогда посыпали песком. Элемент *boy* указывает на низкий социальный статус работников, они пользовались репутацией пьяниц, т. е. всегда были навеселе. Имя собственное *Larry* – это имя известного австралийского боксера *La Foley*, не проигравшего ни одного боя, т. е. счастливчика. Думается, что концептуальную метафору «счастье – это животное, которому хорошо живется», предложенную З. Кевечесом, можно видоизменить: счастье – это живое существо, которому хорошо живется.

Итак, очевидно, что фразео-синонимический ряд интегрирует как структурные синонимы (фразеологизмы с неподменяемыми компонентами),

так и варианты фразеологизмы (фразеологизмы с взаимозаменяемыми компонентами), что еще раз доказывает асимметричный характер фразеологической синонимии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kövecses, Z. The Conceptualization of Life and Happiness [Text] / Z.Kövecses // Journal of Humanities Therapy. – 2011. – 2. – P. 19–23.

Г. Г. Бондарчук (МГЛУ, Москва, Россия)

НОРМАТИВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ЛЕКСИЧЕСКУЮ СОЧЕТАЕМОСТЬ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В лингвистике, как и в других науках, существуют «старые» проблемы, к которым ученые обращаются вновь и вновь, стараясь, если их не решить, то, по крайней мере, несколько продвинуться в их решении, взглянув на данные проблемы с иной точки зрения и применив новые методы исследования. К таким проблемам, несомненно, относится важнейшая (как в теоретическом, так и в практическом плане) проблема сочетаемости лексических единиц.

Как известно, в результате соединения слов в речи возникают свободные словосочетания, которые представляют собой единства, состоящие как минимум из двух полнозначных слов, связанных между собой по законам и правилам данного языка. Не вызывает сомнения тот факт, что формирование словосочетаний регулируется многочисленными закономерностями. К сожалению, до настоящего времени не разработана система правил синтагматического взаимодействия слов и сложения их смыслов, это чрезвычайно сложная задача. Но были определены наиболее общие закономерности, нашедшие отражение в виде различных аспектов сочетаемости, различных типов валентности как способности / потенции слова вступать в связи с другими словами, и, в том числе, были определены различные факторы, ограничивающие сочетаемость, т. е. ограничения на сочетаемость (экстралингвистические и нормативные / лингвистические).

Ограничения нормативного, чисто лингвистического, порядка, определяют возможность / невозможность сочетаемости слов и находят отражение в своеобразии грамматических конструкций и индивидуальных словосочетаний языка. Нормативные ограничения многочисленны, легко выявляются в ходе сопоставительного анализа словосочетаний в разных языках, например, при сопоставлении английских и русских фраз. В качестве примера часто приводят русское прилагательное *толстый*, которое в плане сочетаемости гораздо более свободно, чем его английские эквиваленты *thick, stout, fat*.

Современная парадигма лингвистического знания – когнитивная лингвистика – позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, в том числе и на проблему лексической сочетаемости. Материал исследования – предметно-бытовая лексика, т. е. наименования жилища, одежды и питания. В русле

когнитивной лингвистики мы рассматриваем их как категории, что дает возможность представить как всю категорию, так и ее базовые наименования с позиций фреймовой семантики, а именно как фрейм, содержащий в качестве своих слотов категориальные признаки.

Основная идея исследования заключается в том, что сочетаемость лексических единиц, относящихся к предметно-бытовой сфере английского языка, зависит от категориальных признаков, которые представлены в их лексических значениях. При построении правильных словосочетаний с такими единицами в речи необходимо, на наш взгляд, соблюдать три основных условия. Первое: чтобы словосочетание было правильным, прилагательные, которые стоят в атрибутивной позиции, не должны «противоречить» по смыслу ни одному из «заложенных» в значении слова категориальных признаков. Например, *bungalow* – это одноэтажный дом, что следует из дефиниций этого слова в разных словарях. Поэтому нельзя сказать **a two-storey(ed) bungalow* ‘двухэтажный одноэтажный дом’ или **a multi-storey(ed) bungalow* ‘многоэтажный одноэтажный дом’.

Второе условие построения правильного словосочетания также предполагает знание набора категориальных признаков, представленных в значении слова: левый компонент словосочетания (или сложного слова) не должен повторять категориальный признак, актуализированный в значении слова, т. к. в итоге реципиент получает избыточную информацию. Например, в значении сложного слова *a disco dress* ‘платье для дискотеки’, среди прочих, представлен категориальный признак форма / фасон – такое платье всегда короткое с глубоким вырезом. Поэтому не следует говорить, что на ней было *a short disco dress* ‘короткое платье для дискотеки’, поскольку в данном случае это само собой разумеется.

Третье условие связано с индивидуальными ограничениями на сочетаемость. Это более сложный случай, когда нужно разбираться отдельно с каждой лексической единицей. Сформулировать его можно следующим образом: необходимо знать набор категориальных признаков того или иного слова, чтобы 1) исключить интерференцию родного языка (в нашем случае – русского) при построении фразы или запоминании / использовании сложного слова, 2) чтобы можно было объяснить индивидуальную сочетаемость слова.

В качестве примера сравним словосочетание *зеленый лук* в русском языке и английское – *spring onions*. В русском языке в основу номинации данного растения положен категориальный признак *цвета* (причем только одной его части – перьев), в то время как в английском языке *spring onions* – это сложное слово, образованное по традиционной для английского языка модели «n + n → N». В основу данной номинации положен иной, чем в русском языке, категориальный признак – *время года / сезон* произрастания данного овоща, т. е. *spring* ‘весна’: «**spring onion** noun [C] *British* a small white onion with a long thin stem with green leaves on it that is often eaten raw in salads». Категориальный признак *цвета* – *green* ‘зеленый’ – актуализирован в значении слова, поэтому, согласно второму условию, нет необходимости выносить его в атрибутивную позицию слева.

На основании вышесказанного можно сделать общий вывод о том, что знание набора категориальных признаков, активированных в значениях членов категории предметно-бытовой лексики английского языка, чрезвычайно важно, поскольку позволяет строить правильные словосочетания, объяснять индивидуальную сочетаемость конкретных единиц, избегать интерференции родного языка и даже прогнозировать возможные ошибки.

Е. И. Будникова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

О ВАРИАТИВНОСТИ СТРУКТУРЫ ЗНАЧЕНИЯ МОНОПРИЗНАКОВЫХ СЛОВ

Общепринятое в когнитивной лингвистике понимание значения как ментальной репрезентации, которая не закреплена непосредственно за языковыми знаками, но строится в сознании говорящих на основании своего рода «подсказок», которые дают говорящим эти знаки, имеет ряд важных следствий для лексической семантики. Во-первых, это вывод о том, что в значении слова или выражения в каждом акте его употребления есть элемент «недосказанности» (*underspecification*), т. е. какая-то часть концептуальной структуры, связанной с данным знаком, выходит на первый план, а что-то остается скрытым. Следовательно, для реконструкции данной концептуальной структуры необходимо учитывать как можно больше самых разнообразных контекстов, в которых она, так или иначе, эксплицируется. Во-вторых, данное положение приводит к пониманию вариативности как важнейшей характеристики содержания всех языковых знаков и, соответственно, необходимости уточнения традиционного деления лексических единиц на монопризнаковые и полипризнаковые. Имеет ли место вариативность в структуре значений прилагательных, относимых к группе монопризнаковых слов с традиционной точки зрения? И если да, то насколько эта вариативность сопоставима с вариативностью структуры значения предметного имени?

Исследование, проведенное на материале ряда английских прилагательных и существительных, позволило сделать следующие выводы.

1. Признаковые имена, обозначающие, казалось бы, некоторую одну характеристику субъекта (например, цвет, размер, качество характера и пр.), не являются монопризнаковыми с точки зрения структуры их значений. Сопоставление лексикографических дефиниций исследуемых прилагательных в 10 толковых словарях английского языка показало, что их значения зачастую представляют собой сложные, многокомпонентные, вариативные структуры. Например, в значении прилагательного *red* 'красный' выявлены 9 компонентов, которые можно отнести к трем крупным блокам (или «концептуальному стержню» у А. Вежбицкой): физические характеристики (положение цвета на спектре, длина волны цвета и пр.), субъекты цвета (кровь, рубин и пр.) и антропоцентрические характеристики (способность цвета распознаваться человеческим глазом). Компоненты характеризуются

вариативностью фиксации в лексикографическом дискурсе, что позволяет говорить об их разной степени значимости. Наиболее востребованным в дефинициях и, следовательно, значимым является компонент 'кровь' (в 90 % дефиниций); остальные признаки, с разной частотностью зафиксированные в словарях (от 50 % до 10 %), образуют его ближнюю и дальнюю периферию.

2. Полипризнаковость значения всегда сопряжена с вариативностью его экспликации в лексикографическом дискурсе и является градуальной характеристикой. Наиболее близкими к монопризнаковости являются значения не столько исследуемых прилагательных, сколько отдельных существительных (см. таблицу).

Количество семантических компонентов (СК)
в значениях исследуемых лексических единиц (ЛЕ)

Исследуемые ЛЕ	Число СК в их значениях	Исследуемые ЛЕ	Число СК в их значениях
<i>man</i> 'мужчина'	3	<i>mouse</i> 'мышь'	8
<i>teacher</i> 'учитель'	3	<i>red</i> 'красный'	9
<i>woman</i> 'женщина'	3	<i>brave</i> 'храбрый'	9
<i>tree</i> 'дерево'	4	<i>plant</i> 'растение'	10
<i>big</i> 'большой'	6	<i>bird</i> 'птица'	11
<i>person</i> 'человек'	7	<i>aggressive</i> 'агрессивный'	12
<i>creature</i> 'животное'	7	<i>substance</i> 'вещество'	12
<i>glass</i> 'стекло'	7	<i>owl</i> 'сова'	13

Для наименований лиц *man*, *woman* и *teacher* малое количество и небольшая вариативность признаков, лежащих в основании этих классов, обусловлена спецификой коммуникативной задачи этих имен, характеризующих свои денотаты по определенному параметру: естественному (пол и возраст) в случае *man* и *woman* или номинальному (профессия) в случае *teacher*. Однако значения исследуемых прилагательных, также нацеленных на характеристику некоторого субъекта, не стремятся к монопризнаковости (ср. данные для *aggressive*, *brave* или *red* в таблице). По-видимому, обнаруженное различие между данными классами слов является следствием разницы в двух ментальных операциях, лежащих в основании их выделения: описании класса сущностей по его наиболее характерному признаку и описании признака по его наиболее характерным проявлениям. Во втором случае, как показывают данные, избежать однозначности сложнее.

Наибольшим числом компонентов в структуре значений отмечаются ЛЕ *owl*, *substance* и *aggressive*. Однако причины этой многокомпонентности разные. Значение гипонима *owl* тяготеет к полипризнаковости и вариативности структуры как идентифицирующее имя естественного класса, задачей которого является скорее не приписать отдельную характеристику денотату, а идентифицировать класс сущностей, что лучше всего сделать с опорой на ряд типичных черт его представителей. Для гиперонима *substance*, напротив, полипризнаковость значения связана с широтой понятия и неопределен-

ностью области референции. В значении же прилагательного *aggressive* находят отражения участники и обстоятельства ситуаций проявления соответствующего качества субъекта, что делает его полипризнаковой единицей с вариативной актантной структурой организации значения.

Таким образом, полипризнаковость и вариативность структуры присуща значениям слов разной частеречной отнесенности и гиперо-гипонимического ранга. Тенденция к монопризнаковости наиболее отчетливо проявляется в значениях характеризующих имен существительных.

М. П. Булгакова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА И СТРУКТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

Частичное варьирование содержательных признаков слова приводит к возникновению вторичных значений, что является неотъемлемым признаком полисематна. Представляется интересным рассмотреть то, как варьирование значения слова влияет на структурные отношения в лексике. Наиболее яркими примерами семантической вариативности являются прилагательные, поскольку, сочетаясь с разными словами, они обладают повышенной семантической мобильностью и образуют разнообразные и по-разному организованные семантические поля. В какой мере деривационное развитие семантики прилагательных влияет на их синонимико-антонимические связи, рассмотрим на примере параметрических прилагательных французского языка.

Как элементы, образующие ядро лексико-семантического поля, прилагательные *grand* 'большой' и *petit* 'маленький' наиболее полно представляют содержательные и функциональные свойства всего поля параметрических прилагательных, отражая особо важные закономерности семантического варьирования. Гипероним может подчинять себе не только низшие члены своего поля. Многообразием и многоплановостью структурных отношений в лексике объясняется тот факт, что функционально-семантическая «сила» гиперонима нередко распространяется на целые комплексы лексико-семантических полей, деривационно с ним связанные. В этом проявляются системные прагматические особенности гиперонимов, создающие их прагматическую специфику – способность обслуживать такие ситуации действительности, в которых другие синонимы ряда параметрических прилагательных не употребляются (например, использование в сфере акустических, количественных, темпоральных и пр. характеристик, а также для описания нематериальной сферы). Изучение структурирующей роли гиперонимов *grand* и *petit* в деривационном аспекте показало, что, переходя в иные семантические сферы, прилагательные изменяют свою синонимическую и антонимическую отнесенность.

Анализ самого распространенного семантического переноса параметрических прилагательных в область характеристик временной протяженности выявил следующие закономерности. Так, прилагательное *grand*, употребляясь со словами, обозначающими отрезки времени (*minute* 'минута', *heure*

‘час’, *soirée* ‘вечер’, *nuit* ‘ночь’, *jour* ‘день’ и др.), и с другими существительными, характеризуемыми с точки зрения протяженности во времени (*discours* ‘речь’, *vacances* ‘каникулы’, *silence* ‘молчание’, *absence* ‘отсутствие’ и др.), находится под влиянием своего доминирующего деривационного значения и выражает важность, значительность характеризуемого объекта, т. е. данные сочетания образуют оценочные структуры, в которых отрезкам времени и другим определяемым объектам дается качественная характеристика подобно сущностям, имеющим некоторую ценность. На долю таких дериватов в проанализированных текстах приходится в среднем 3,4 % всех словоупотреблений прилагательного *grand*. Значение данных дериватов отличается объемом, где на первый план выступает выражение грандиозности.

С прилагательным *long* ‘длинный’ дело обстоит иным образом. Из проанализированного материала следует, что прилагательное *long* используется в 45 % в характеристиках темпоральных существительных и понятий, связанных с протяженностью во времени, т.е. приобретает значение ‘долгий’ и употребляется с ним почти также часто, как и с основным значением.

Следуя критерию частотности, можно заключить, что прилагательное *long* при переходе в область временных характеристик перемещается на гиперонимические позиции. Этим, по нашему мнению, можно объяснить факты нейтрализации синонимических отношений прилагательных *grand* и *long*.

Данные примеры показывают, что, сочетаясь с одинаковыми словами, прилагательные *grand* и *long* не сохраняют синонимических связей. Даже с темпоральными существительными (*moment* ‘момент’, *journée* ‘день’ и т. п.) прилагательное *grand* в большинстве случаев не выражает временных характеристик, полностью переходя в аксиологическую сферу.

В отношении гиперонима *petit* ‘маленький’ наблюдается иная картина. С точки зрения частотности, прилагательное *petit* употребляется со словами, обозначающими отрезки времени, гораздо активнее, чем *court* ‘короткий’. Этот факт объясняется тем, что прилагательное *petit* по сравнению с *court* обладает большим количеством семантических оттенков, имея в своем значении уменьшительно-ласкательные коннотации.

Что касается более широкого понимания темпоральных характеристик в сочетаниях с лексемами, обозначающими различные процессы, виды деятельности, эмоциональные состояния, где указание на протяженность во времени является одним из компонентов значения, то в этом случае прилагательные *petit* и *court* употребляются как синонимы: *un petit discours* ‘маленькая (короткая) речь’, *un petit silence* ‘непродолжительное молчание’, *les visites avaient été plus rares et plus courtes* ‘визиты были более редкими, более короткими’, *Sa part d'illusion avait été bien courte...* ‘Его иллюзии были довольно непродолжительными’.

Таким образом, при переходе в область темпоральных характеристик в отношениях между дериватами параметрических прилагательных высшего и базового уровней категоризации наблюдается отсутствие параллелизма: в синонимической паре *petit* – *court* роль гиперонима сохраняется за прилагательным *petit*; в паре *grand* – *long* на позиции гиперонима выдвигается слово *long*.

Переходя в сферу прилагательных, обозначающих временные признаки (*durable, prolongé, bref, éphémère, fugace, fugitif, passager, provisoire, temporaire, transitoire, instantané* и др.), дериваты прилагательных *long, court* занимают гиперонимические позиции и формируют ядро поля прилагательных, обозначающих протяженность во времени.

А. Б. Бушев (ТГУ, Тверь, Россия)

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ НОРМИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Современные коммуникативные технологии (система Интернет) делают возможным представление разнообразных аутентичных масс-медийных источников, создают обширный, доселе невиданный корпус текстов периодики общественно-политических текстов.

Жанрово-стилистическое разнообразие общественно-политических текстов представлено прежде всего газетной, журнальной статьями, статьей в энциклопедии, в справочнике, книгой политического содержания, ораторикой, документами официально-делового стиля (выдержки из коммюнике, уставов международных организаций). Отдельными жанрами идут географическая справка, историческое описание, политологическая аналитика, ораторская речь, художественная публицистика, фельетон. В свою очередь, газетная статья подразделяется на краткую, информационную, передовицу, обзор, комментариев, в зависимости от качества и направленности издания и т. д. Структура подачи новостей на серверах ведущих информагентств, наличие системы гиперссылок, рубрикации, отсылки к материалам справочного характера являет прекрасную возможность совершенствования постижению специфики вышеперечисленных жанров. Так, в качестве основных характеристик информационного сообщения отметим разнообразие тем, недопущение просторечия, жаргона, высокого стиля, предпочтение нейтрального порядка слов, преобладание когнитивной информации над эмоциональной (хотя и проблема оценки в новостном жанре значима).

Жанрово-стилистические проблемы представим на примере информационного сообщения. Они разнообразны. Это и номинативность заглавия, сам синтаксис заглавия; и развертывание сообщения – индуктивное и дедуктивное; и констатация факта, пересказ, оценка; и специальные обороты газетно-политического языка; и распространенность бытового словаря в газетном языке (в английском шире); и стиль газетной публицистики, полемика образность, разговорность, важность знания номенклатуры учреждений, партий, мероприятий.

Жанр трактуется как способ отображения автором действительности. В газетно-журнальных материалах выделяются фактографические, аналитические и наглядно-образные жанры. Некоторые практики журналистики выделяют всего четыре жанра медийных текстов интервью, репортаж, новость, статью. (В. Т. Третьяков). Среди жанров для фиксации сведений

(событий, ситуаций как череды событий) выделяются информационная заметка, хроника, отчет, интервью, репортаж. Информационный жанр в западных англоязычных средствах масс-медиа новостной рассказ (*news story*) – основная масса информационных потоков, осуществляющих мониторинг событий в интернете. Однако представлена и аналитика (*commentary, opinion*). Современные коммуникативные технологии обеспечивают ежедневное чтение основных газет, издаваемых в мире, и сообщений новостных агентств. Риторическая компетенция коммуникатора требует различения разных жанров в пределах данной группы.

Заметка – небольшие размеры изучения определенного предмета выступления, где кратко, обычно без разговора о глубине изучения, методах, авторском отношении, подается новость о событии, явлении, проблеме, человеке. В пределах данного пучка жанров можно выделить специфичные в риторическом отношении анонс, аннотацию, мини-рецензию, блицпортрет, мини-обозрение, мини-историю, мини-совет. Информационная корреспонденция подразумевает, что объем публикации такого рода может включать не только фактологическое описание предмета, но и некоторые элементы оценки, предписания, прогноза. В отличие от репортажа автор, как правило, не присутствует на событии. Его оценки менее эмоциональны.

Аналитическая корреспонденция, аналитическое интервью, аналитический опрос, беседа, комментарий требуют представления законов построения жанров.

Если информационное сообщение отвечает на вопросы *что? где? когда? как?*, то комментарий *что действительно? при каких обстоятельствах? почему? кому это выгодно? какова ситуация? что делать? как лучше? какие существуют различия, противоречия? как проявляется направление развития? каковы его стратегия и тактика?* С вопросами художественно-публицистического обобщения информации (пропаганда, передовица, текст прессы рекреационного характера, очерк, фельетон, памфлет, эпиграмма) переводчик сталкивается при подготовке текстов с иными риторическими задачами.

С углублением функциональной дифференциации языковых средств представления говорящих о «правильном» и «ненормативном» в речи усложняются: складываются «частные» нормы отдельных стилей – представления о должном и недолжном в научном, в официально-деловом, в публицистическом стиле, в разговорной речи, в том числе профессиональной разговорной речи. Современные коммуникативные технологии позволяют проследить и изучить все эти варианты жанрово-стилевого разнообразия. Это позволит приблизиться к пониманию языкового идеала и языковой нормы.

Необходимо понимать стандарты жанра. Скажем, пресс-релиз – своеобразный современный жанр, вполне привычный для западной деловой активности – являет собой краткий документ, предоставляющий информацию для прессы. Пресс-релиз комбинируется из особенностей делового и газетного стиля. Существенно риторическое умение представить, акцентировать наиболее важную информацию. Например, традиционно самая клю-

чая информация подается в первом абзаце пресс-релиза, называемом lead. Все это позволяет релизу осуществлять главную задачу жанра – предоставление информации для дальнейшей обработки прессе, являться инструментом информирования прессы.

О. И. Быкова (ВГУ, Воронеж, Россия)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВАРИАТИВНОСТИ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ

Вариативность определяется с позиции теории множеств как множество вариантов, потенциал для вариации отдельных элементов. Внутрисистемная значимость единиц языка и динамика развития семантики обусловлена проявлением вариативности употребления языковых единиц. В принципе невозможно рассматривать изолированно проблемы коммуникации и языка от процесса социализации представителей лингвокультурной общности. Языковая социализация адресанта, его осознанная языковая деятельность связана с дифференциацией и стилистическим разнообразием средств с учётом направленности на конкретного адресата. Социолингвистическая компетенция пользователей языком, в трактовке германистов Р. Гроссе и А. Нойберта, социолингвистический потенциал их речевой деятельности, находится в зависимости от субкодов, вариативностей как комплексной системы, исходя из четырех факторов: языковой код – отправитель информации – реципиент (в соответствующей социологической роли) – типы (классы) коммуникативных ситуаций. В социолингвистической компетенции можно выделить два модуля: языковые знания (Sprachwissen) и знания в сфере межличностной коммуникации (kommunikatives Wissen, Interaktionswissen). Гетерогенный характер языковой системы проявляется в конкретном коммуникативном акте, а знание нормы (Normwissen) и знание вариативности (Varietätenwissen) определяют его успешность [1, с. 7].

В этом отношении заслуживает внимания социолингвистическая модель вариативности, предложенная немецким лингвистом Г. Лёффлером [2, с. 79]. Она представляет собой комплексное сплетение (Geflecht), различных вариативностей, континуум отдельных «лектов» (Lekte): (диалектов, функциолектов, медиолектов, идиолектов, ситуолектов, социолектов) в зависимости от внеязыковых факторов вариативности, что, на наш взгляд, весьма конструктивно для исследования вариативности в языке и речи. В случае функциолектов (Funktiolekte) вариативность опирается на различные функции в разных регистрах: языке бытового общения (Alltagssprache), языке прессы (Pressesprache), языке делового общения (Behördendeutsch). Медиолекты (Mediolekte) представлены двумя видами вариативности: письменного и устного языка. Сюда же относятся и различные смешанные типы, как имеющие письменную базу квазисинхронной коммуникации в новых медийных средствах (Chat, SMS) Идиолекты (Idiolekte) обусловлены личностной спецификой способов выражения информации в межличностном общении. Ситуолекты (Situolekte) обозначают вариативности в различных ситуациях

общения: разговор с друзьями или официальная речь. Возрастными и гендерными характеристиками коммуникантов обусловлены *Genderlekte*. Социолекты (*Soziolekte*) охватывают очень большое количество различных типов вариативностей, характеризующих различные социальные слои, принадлежность к профессии, круг интересов.

И хотя эта модель, с одной стороны, демонстрирует наличие трудностей отграничения типов вариативностей, т.е. отдельные вариативности могут быть соотнесены со многими типами, с другой стороны, отдельные типы часто представляют негомогенные структуры и в свою очередь состоят из более мелких субсистем. Так, научный язык (*Wissenschaftssprache*) может быть реализован в зависимости от типа коммуниканта (эксперт или любитель) в устной и письменной форме. Как полагает учёный, именно диамедиальная вариативность языковых единиц может быть рассмотрена как центральная категория, включающая все признаки диахронической, диатопической, диастратической вариативности функционирования языковых единиц.

Репертуар языковых средств дополняется и расширяется, в том числе и за счет релевантности их коннотативной маркированности в конкретной коммуникативной ситуации, пока еще недостаточно исследованных в разных языках, что и является предметом нашего интереса. Лексическая синонимия является неотъемлемым свойством функционирования языка. Проблема типологии синонимов тесно связана с аспектами социолингвистической вариативности лексических единиц. Мы предлагаем для иллюстрации результаты анализа синонимии в смысловом поле «интеллектуальные способности человека». В отличие от идеографических синонимов, передающих саму номинацию этих «способностей», стилистические синонимы обнаруживают наибольшую релевантность этнокультурных особенностей их функционирования в семантическом пространстве немецкого языка. В микрополе «человек с низкими интеллектуальными способностями» превалируют стилистические синонимы (95 %), а в микрополе «человек с высокими интеллектуальными способностями» процентное соотношение стилистических и идеографических синонимов приблизительно равно, 49 % и 51 % соответственно. Специфичным для плюрицентричного немецкоязычного лингвокультурного пространства является преобладание стилистических синонимов в микрополе «человек с низкими интеллектуальными способностями». Так, 55 % номинант, отмеченных признаком диатопической вариативности, употребляются лишь на определенной территории, например: *der Lapp* ‘дурак’ (Бавария, Австрия); *der Waschel* ‘глупец’ (Бавария); *der Klaus* ‘простачок’ (Швейцария); *der Pinkel* ‘дурачок’ (северная Германия). Следует отметить, что в целом 87 % номинант исследованного микрополя маркированы признаками диастратической вариативности: /функциолект/ и /ситуолект/, указывающими на сферу употребления в определенном функциональном стиле и ситуации общения: *der Blödian* ‘тупица, болван’ (в обиходной речи); *der Brummochse* ‘дуралей, упрямец’ (в грубой разговорной речи).

Вариативность как фундаментальное свойство языковой системы находит проявление в подвижности и изменчивости аспектов языковой дифференциации в конкретной речевой ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Große, R.* Soziolinguistische Aspekte der Theorie des Sprachwandels / R. Große, N. Albrecht. – Berlin : Berlin: Akad.-Verl., 1982. – 43 S.
2. *Löffler, H.* Germanistische Soziolinguistik. 4. neu bearb. Aufl. (= Grundlagen Germanistik 28) / H. Löffler. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2010. – 222 S.

Л. В. Варпахович (МГЛУ, Минск, Беларусь)

АССОЦИАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕДУПЛИКАЦИИ

Редупликация является достаточно частотным способом выражения значений в языках мира. Этим объясняется неизменный интерес лингвистов к исследованию данного явления с разных точек зрения: фонеморфологической, грамматической, словообразовательной, стилистической, семантической, коммуникативной, социолингвистической, лингводидактической и пр. Однако до сих пор нет ни общепринятого определения редупликации, ни единого непротиворечивого мнения о том, какие значения этот способ может выражать. В литературе можно встретить ряд терминов, не имеющих четкой дифференциации и зачастую используемых синонимично: редупликация, дублирование, повтор, удвоение, повторная номинация, рифмованный повтор, тавтологический повтор, парные слова, геминация и др. При этом объем понятия «редупликация» колеблется от узкого (только повторение слога [1, с. 10]) до очень широкого (объединение «всех явлений, которые характеризуются формальным или содержательным повторением (удвоенным, утроенным и т. д.) какой-либо языковой единицы – фонемы, слога, морфемы, слова – или выражаемого в лексеме, высказывании, тексте смысла» [2, с. 141]).

Наибольшая вариативность, неоднозначность и противоречивость мнений касается спектра значений, которые может выражать редупликация. Выделяют повторы грамматические, звукоподражательные, лексические и стилистические. Лингвисты приписывают дублированным знакам выражение усиления или ослабления признака, числа предметов, кратности действия, длительности или кратковременности процесса, возможности, непринужденности, попытки, экспрессивных и оценочных смыслов и т. д.

Прояснить данную ситуацию может психолингвистический подход, в частности, анализ ассоциативных механизмов редупликации. Прежде всего следует отметить, что любые повторы знаков являются проявлением принципа иконичности в языке [3, с. 82]. Этот принцип предполагает, что существует структурное подобие между формой и содержанием знака. Количественное увеличение формы знака показывает усиление информационных составляющих, развитие их количественных и качественных параметров. Другими словами, редупликация манифестирует экстенсификацию и интенсификацию значений.

Всякий информационный кластер в сознании носителя языка (семантика слова, значение морфемы, предложения, модальные, эмоциональные, оценочные смыслы и др.) представляют собой сложные ассоциативные фреймы,

структуры, которые связывают воспринимающие и анализирующие отделы коры головного мозга. Изменение в одной части фрейма закономерно приводит к изменению в его другой части. Если носитель языка хочет каким-либо образом модифицировать информацию, он с неизбежностью отразит это в форме знака, который эту информацию будет выражать. Данная закономерность в работе ассоциативных механизмов в полной мере применима и к явлению редупликации.

Повторение формальных сегментов говорит о том, что соответствующая ассоциативная структура активизирована в течение большего промежутка времени, чем обычно, а значит, увеличены ее количественные и качественные параметры. Поэтому редупликация выражает усиление значений, и значений любых по желанию говорящего. При этом не важно, закреплен этот вариант в конкретном языке как нормативный, обязательный, или он узуальный, или вовсе окказиональный. Языковой материал разных языков это подтверждает. Чаще всего редупликация используется для выражения множественности (кит. 人人 ‘люди’, мал. *orangorang* – ‘люди’, рус. *вдоль дороги леса, леса*); усиления интенсивности признака (рус. *синий-синий*, англ. *chop-chop* ‘очень быстро’, *big big* ‘очень большой’, кит. 漂漂亮亮的 ‘очень красивый’), повтора, многократности, длительности действия (рус. бил-бил, плакал-плакал, ждал-ждал, кит. 想了想 ‘он подумал-подумал’), усиления модальных значений (рус. *ты поплачь, поплачь*) и т. п.

Сказанное выше не позволяет согласиться с мнениями о том, что повторы могут выражать уменьшение, ослабление признака: например, *слабенький-слабенький* означает не ослабление силы, а проявление слабости в высокой степени; *подожди-подожди* – это не немного подожди, а выражение настоятельной, сильной просьбы говорящего.

Обращаем внимание, что грань между дублированием в рамках одного знака и синтаксическим повтором стирается, закономерность общая: чем больше повторен формальный маркер, тем сильнее выражаемое значение (ср. *очень-очень люблю* и *очень, очень, очень люблю*), вне зависимости от того, как это оформлено грамматически.

Таким образом, редупликация, как и любой повтор, основана на иконическом принципе и использует следующую закономерность работы ассоциативных механизмов: увеличение формы знака манифестирует экстенсификацию и интенсификацию значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цао, Чэнь. Дублирование как способ экстенсификации процессуальной семантики (на примере китайского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Чэнь Цао. – Минск, 2019. – 124 с.
2. Панков, Ф. И. Языковая картина мира и механизм редупликации: фрагмент лингводидактической модели русской грамматики / Ф. И. Панков, Е. А. Овтина // Педагогический журнал. – 2018. – Т. 8. – № 1А. – С. 140–158.
3. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 656 с.

ВАРИАТИВНОСТЬ МАНИФЕСТАЦИОННАЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ АНАЛИТИЧЕСКАЯ

Манифестационная речевая вариативность – явление очевидное. Концепты с конвенциональным наполнением репрезентируются в коммуникации неодинаково, что зависит в числе прочего: от целей общения; от специфики коммуникативных установок общающихся; от условий коммуникативной и речевой ситуации; от осознания актором ракурса (сторон и уровня сложности) репрезентации. Дискурсивная личность (далее – ДЛ) проявляет себя:

(а) вариативно в зависимости от осознания и учета названных факторов;

(б) ригидно, что связано с неосознаваемыми человеком моментами (психологическими установками);

(в) ригидно-вариативно, что проявляется в движении или смещении скалярных показателей в разных коммуникативных условиях – например, в расположении характеристик когнитивного стиля в разных местах оси в зависимости от жанра общения.

Уже такие характеристики манифестационной вариативности позволяют принять идею об аналитической (рефлексивной, исследовательской) вариативности, которая связана с манифестационной. Так, при установлении субстанционального уровня дискурсивной личности требуется обращение к ее языковому ракурсу и соответственно, к языковым уровням анализа манифестаций, потому что попытка выявления, например, причин использования актором паралогических знаковых комплексов в дискурсе с помощью процедур языкового анализа представляется малоперспективной. Поэтому одни исследовательские методики оптимальны для одних аспектов, а другие – для других. С этой позиции рассмотрим метод схем, с помощью которого можно описать следующие параметры коммуникативной ситуации.

(1) Участники общения. Они обычно не репрезентируются в виде отдельных компонентов схемы, но представляют собой субъекты и объекты проекций действий. В этой связи используется термин *установка*, у которого два разных толкования – (А) коммуникативное и (Б) психологическое.

В (А) установка понимается как ориентационная / интенциональная деятельность субъектов общения, ориентированная на производство тех или иных реакций у партнера – ср. разграничение среди последних непосредственных, опосредованных, косвенных участников и косвенных адресатов. Можно в связи с этим выделить ориентационные установки говорящего с частными локусами:

(А-1) на компоненты коммуникативной ситуации: (а) на сообщение; (б) на ситуацию/контекст; (в) на наличие участников общения: непосредственных, опосредованных и косвенных участников, косвенных адресатов;

(А-2) на содержательные аспекты участников общения: (а) этосные (положение в обществе; авторитет; нравственность); (б) логосные: (б-1) статальный аспект участника: на энциклопедические знания, на языковые

знания, на профессиональные знания, (б-2) процедурный аспект участника: на реализацию знаний (know how); (в) пафосные: (на исходные эмоции; на возникающие эмоции (и эмоциональный фон); на результирующие эмоции).

В (Б) установка трактуется как неосознаваемая психологическая основа регуляции деятельности человека в целом – на смысловом, целевом, операциональном и психофизиологическом уровнях. Выявление типа установки осуществляется на основе следов деятельности субъекта (соблюдения социокультурных норм, обращения к определенной тематике, доминирования конкретных макроинтенций и др. На основе варьирования этих параметров выделяются психотипы.

(2) Типы социальной деятельности с набором интеракций, интенций, стратегий и тактик – в когнитивистике разграничивают разновидности схемовых структур, подчиненных принципу метонимии – декларативных и процедурных. Для речевой деятельности пригодно гипонимическое понятие сценария с использованием понятий рецепта и ретуши (С. А. Сухих).

А. Метод сценариев-рецептов пригоден для социализации мышления, т. е. приведения его в социальные рамки и нормы; сценарии структурируют мышление, избавляя его от хаотичности. Активация части сценария приводит к активации сценария-рецепта; его реконструкция предполагает не варьирующиеся языковые или пропозициональные репрезентации, а лишь семантические. Рецепты суть частные нормативные (предметные и процедурные) локусы; общие локусы – отношения между слотами (причина – следствие, перекрещивание, внеположность, подчинение и т. п.).

Б. Сценарии-ретуши показывают особенности деятельности конкретной ДЛ, но принципиальная оригинальность ретушей не позволяет утверждать, что активация части сценария должна приводить к активации сценария-ретуши в целом. Общие локусы необходимо присутствуют и в ретушном фрейме, обеспечивая его общую парадигматическую организацию. Языковая вариативная манифестация ретушей существенна: в предложениях присутствуют предикаты разных типов, по которым можно установить тип языковой личности как компонента ДЛ.

В. Десигнативные локусы – это интенции, то, что заставляет субъекта избирать конкретные ретуши-референты. Подобно оппозиции «иллокуции :: локуции», количество десигнативных топосов будет меньше, чем референтных.

Эти три феномена – *А*, *Б*, *В* – могут рассматриваться как локусы: (*А*) суперструктурные, образующие класс событий; (*Б*) – макроструктурные, дающие конкретные пропозиции в тексте; (*В*) – интенциональные, задающие выбор из множества потенциальных пропозиций уровня *Б*.

Конкретные тексты будут различаться прежде всего по параметру (*Б*) – отсюда и получают разносюжетные произведения. Но принцип анализа будет не-вариативен для всего множества однотипных текстов. Тогда задача – максимально показать, как именно можно использовать конкретную методику: в нашем случае – совокупность соотношений *А*, *Б*, и *В*.

РАЗНОВИДНОСТИ ТЕКСТОВЫХ ВАРИАНТОВ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ

В современном научном кругу все чаще проявляется интерес к изучению терминологии. На данный период времени в каждом развитом языке насчитывается несколько тысяч терминологий, которые охватывают совокупности терминов естественных, технических, общественных и других наук, а также совокупности собственно технических и производственных терминов и т. д. Некоторые ученые выдвигают определенные требования к содержанию термина: непротиворечивость семантики термина, однозначность термина в терминологии, полноточность, отсутствие синонимов. Но в процессе упорядочения терминологии могут возникнуть некоторые противоречия, например, термин должен быть однозначным, а он многозначен и др.

При исследовании компьютерной терминологии, которая характеризуется своей нестабильностью, можно наблюдать различную вариативность в процессе трансформации семантики иноязычного слова в принимающем языке. На первом этапе проявляется лексико-семантическая вариативность, т. е. значение определенного термина еще не устоялось в семантических структурах исконных слов или ранее заимствованных слов. При лексической вариативности встречаются семантические дублеты: *монитор* – *дисплей*, т. е. одновременное употребление старого и нового заимствований, а также синонимия старого и нового заимствований (часто однокоренных, причем новое представляет собой «усечение» более раннего): *демонстрационная версия* – *демоверсия*. Также исследование позволило выявить наиболее типичные варианты компьютерных терминов, которые встречаются в научно-технических текстах.

Наиболее сложную группу составляют орфографические варианты, которые образуются в результате различной записи термина, например, *браузер* – *броузер*, *IP-адрес* – *IP_адрес*, *баннер* – *ба~~н~~ер*. Встречаются также морфоварианты, которые состоят из пар слов одной части речи, но отличаются одной морфемой: служебной (*классификация* – *классифицирование*, *выполнение* – *исполнение*) или корневой (*спе~~ц~~символ* – *спе~~ц~~знак*), где происходит замена одного корневого морфа в сложносоставном слове на близкий по значению корень. Сюда можно отнести такие варианты, которые получаются в результате отбрасывания одной части слова от сложносоставного (*кэш-память* – *кэш*, *блок-схема* – *схема*).

Лексико-синтаксические варианты отличаются своей неоднородностью не только лексическим составом, но и синтаксическим строением. Здесь можно встретить грамматические синонимы, т. е. происходит замена слова на однокоренное другой части речи с одновременным изменением синтаксической связи, например: *базовый регистр* – *регистр базы*, *компьютерный монитор* – *монитор компьютера*. В данную группу можно включить синонимичные варианты, у которых произошла замена одного слова терминологического словосочетания на другое, близкое по смыслу в данной области (компьютерные *данные* – компьютерная *информация*, время *отклика* –

время *реакции*), а также усечения многословных терминов (*центральный процессор – процессор, информационная шина – шина, текстовый редактор – редактор*). Такие варианты часто используют в текстах для того, чтобы избежать монотонности изложения.

В литературе компьютерной области достаточно часто встречаются случаи сложения и сокращения слов, образуя термин. Вариативность происходит и в акронимах / аббревиатурах (*гигабайт – Гб*), и при словосложении (*демонстрационная версия – демоверсия*), и в сложносокращенных словах (*модулятор-демодулятор – модем*), в сокращениях смешанного типа (*мегагерц – МГц*). К данной группе относятся случаи сложения с одновременной заменой корня одного из слов на синонимичную морфему (*адаптер дисплея – видеоадаптер*).

Перечисленные варианты можно считать базовыми, так как на их основе могут образовываться более сложные варианты терминов. Например, пара *время центрального процессора – процессорное время* будет суперпозицией базовых вариантов усечения и грамматического синонима, и такие суперпозиции встречаются довольно часто при исследовании текстовых вариантов. Отсутствие же в тексте вариантов сокращений и грамматических синонимов словарных терминов объясняется тем, что данные формы отражены в словарях.

Предложенная классификация терминологических вариантов поможет в дальнейшем повысить точность и полноту определения терминов.

Л. В. Витченко (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ДИРЕКТИВОВ, ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ СФЕРУ АДРЕСАТА

Важным средством воздействия на эмоциональную сферу личности в процессе речевого взаимодействия является использование директивных речевых актов, включающих императивы глаголов эмоционального состояния типа *успокойся, не бойся, не волнуйся, (не) радуйся* и под. Подобные директивы, ориентированные на эмоциональную сферу адресата (далее – ЭДРА), отличаются ярким семантическим и прагматическим своеобразием.

С семантической точки зрения наиболее существенными особенностями ЭДРА являются обогащение их смысла за счет дополнительных алетических и деонтических модальных компонентов, а также наличие в их структуре компонентов, фиксирующих желательность / нежелательность внешнего проявления эмоциональных состояний, см. подробнее [1, с. 45–46, 55].

Что же касается их прагматического своеобразия, то здесь необходимо отметить широкий спектр решаемых при помощи данного типа директивов коммуникативных задач. Наиболее типичными из таких задач, по нашим наблюдениям (всего было проанализировано более 700 диалогических фрагментов, включающих ЭДРА, из текстов современных русскоязычных художественных произведений), являются следующие.

1. Желание успокоить, ободрить адресата, выразить ему поддержку и/или сочувствие. Данный вариант реализуется в ситуации актуального переживания адресатом негативного эмоционального состояния, ср:

– *Значит, он не сумел выбраться из окружения, – сделала вывод мама. – Ты не переживай, Муся, я верю, что он жив, – горячо принялся убеждать ее дядя Миша* (Р. Ахмедов. «Промельки»).

2. Стремление превентивным образом предупредить возникновение у адресата негативного эмоционального состояния. Данный вариант используется, когда адресант имеет основания полагать, что такое состояние может быть каузировано его речевыми действиями:

– *Ваня, – тихо сказала жена, – можно я спрошу тебя об одной вещи?*

– *Ну?*

– ***Ты только не сердись, пожалуйста.*** Я понимаю, женщины должны делать вид, будто знать не знают о таких вещах, но я не хочу с тобой лицемерить. Не будешь сердиться?

– *Не буду* (Л. Юзефович. «Князь ветра»).

3. Выражение неодобрения, обусловленного тем, что адресат, по мнению адресанта, проявляет свои эмоции слишком несдержанно, агрессивно, импульсивно:

– *Пропади он пропадом, ваш бандитский город! Ну за что это на меня все сыплется?*

– ***Не психуй, лабух!*** – раздраженно перебила его Вера (Э. Рязанов, Э. Брагинский. «Вокзал для двоих»), –

либо проявляет эмоции, не одобряемые социумом:

– *Пойдем ближе к звездам.*

– *А мама? Она нас потеряет!*

– ***Не трусь.***

Он шел, и я, охваченный мучительным сомнением, пошел за ним, но все медленнее (С. Шаргунов. «Мой батюшка»).

4. Ироническое «успокоение» адресата, сопряженное с приписыванием ему переживаний, выставляющих его в невыгодном свете, ср. контексты типа ***Не бойтесь, я уже ухожу; Не волнуйся, денег я у тебя просить не буду.***

Важно подчеркнуть, что разные коммуникативные цели могут достигаться при помощи императивных конструкций с идентичным лексическим наполнением. Так, например, императив *не бойся* может использоваться в контекстах первого и четвертого типа, императив *не волнуйся/волнуйтесь* может выполнять первую, вторую и третью задачу и т.д.

Таким образом, для директивных речевых актов, ориентированных на эмоциональную сферу адресата, характерна не только способность реализовать широкий спектр прагматических функций, но и высокая степень вариативности их интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Грамматика глагола в активном словаре (АС) русского языка [Электронный ресурс] / Ю. Д. Апресян // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. – Режим доступа : http://www.ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Apresjan_Ju.pdf. – Дата доступа : 28.12.2018.

УНІВЕРСАЛІЗАЦЫЯ ВЫБАРУ КАНЧАТКАЎ *-а/ -у*
Ў МНАГАЗНАЧНЫХ НАЗОЎНІКАХ, АМОНІМАХ
І ПІСЬМОВАЯ ПРАКТЫКА

Дыферэнцыяцыя канчатка *-а* або *-у* ў Р. скл. адз. л. у залежнасці ад аднаго са значэнняў назоўніка м. р. намецілася падчас станаўлення сучасных норм беларускай мовы ў 1920–1930-я гг.: *няма каменя* «асобнага прадмета» / *няма каменю* «кучы каменяў», *ліста* «асобнага прадмета» / *лісту* «матэрыял, зборнае». Адна з відавочных праблем – гэта вялікая для запамінання колькасць мнагазначных слоў і амонімаў. Так, у акадэмічнай «Беларускай граматыцы» (1985) адзначана 35 пар назоўнікаў м. р., якія маюць семантычнае размежаванне *-а/ -у*, у «Кароткай граматыцы...» (2007) – 36, у «Слоўніку-даведніку А або У» (2014), «Граматычным слоўніку назоўніка» (2008, 2013) – больш за 350 пар (!). Каб спрасціць выбар канчаткаў мнагазначных назоўнікаў і амонімаў м. р. у Р. скл. адз. л., можна сфармуляваць правіла размежавання лексем паводле палярнасці значэння: канкрэтны прадмет (*-а*) / дзеянне (*-у*), ~ / рэчыва (*-у*), ~ / зборны назоўнік (*-у*), ~ / абстрактны назоўнік (*-у*). Дзякуючы такому прынцыпу можна адаптоўваць новыя значэнні.

Так, адпаведна перадачы акання («Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі», 2010) сталі амонімамі словы *ка'тара* «невялікае марское судна» і назва краіны *Катара* і *катару* «запаленне слізистой абалонкі якога-н. органа». У сучасных рэаліях акрамя канкрэтага назоўніка *пост* – *паста* «месца назірання; канкрэтная пасада» актывізавалася рэлігійнае *пост* – *посту* «ўстрыманне ад скаромнай ежы» (абстракт.), з'явілася камп'ютарнае *пост* – *паста* «аб'ява-навіна ў сацсетках» (канкрэт., як *артыкула*), але *рэпосту* «распаўсюджванне інфармацыі капіраваннем» (дзеянне). Формы гэтых лексем не выяўляюць варыянтнасці, значыць, правільна ўспрымаюцца: *Радасны час посту* (zviazda.by, 16.06.2017). *Выбірайце выяву, загаловак і падводку да паста* (34mag.net, 15.06.2017). Слова *сэканд-хэнд* можна раздзяліць як «адзенне», (зборн.): *продаж сэканд-хэнду* і «крама» (канкрэт.): *адкрыццё сэканд-хэнда*.

Але не ўсе словы размяжоўваюцца паводле палярнасці. Напрыклад, сярод аддзяяслоўных назоўнікаў слова *выпуск* у слоўніках мае толькі *-у*. Гэта выразныя значэнні дзеяння: *парадак выпуску тавараў*, *першага выпуску школы*. Не развілася семантыка-граматычная аналогія з формамі *класа*, *курса*: *усе вучні майго выпуску*. Ужыванні на практыцы *выпуск-а* звязаны з паняццем асобнага аб'екта інфармацыі: *Аб выданні шаснаццатага выпуска зборніка* (niab.by), *Вёска Мільча ... стала героем новага выпуска праекта «Падарожжа дылетанта»* (peramoga.by, 21.03.2017). Хаця такога размежавання няма, у цэлым яно ўпісваецца ў сістэму: *пропуска* («дакумент») / *выпуску* («дзеянне»).

Неадназначнай з'яўляецца група, якая раздзяляе камяні, расліны і іх рэчывы. У падгрупе «каштоўны камень»/«мінерал» на практыцы дамінуе канчатак -у як агульная назва матэрыялу: *Ды ў цябе бурытыну больш, чым я за тры раніцы знайшоў!* (А. Масла). Канчатак -а выступае ў рэдкіх выпадках для абазначэння агранёных камянёў: *Apple разглядае магчымасць выкарыстання сапфіра для абедзвюх сваіх будучых мадэляў* (nn.by, 18.08.2014). Гэтаму спрыяе і спалучальнасць. Часцей ужываецца мн. л.: *бляск апалаў, оніксаў*, або Т. скл.: *завушнічкі з бурытынам*. Лексему алмаз больш звязваюць з паняццем формы «шматграннік», з'явілася новая перыфраза аб Нацыянальнай бібліятэцы: *госці «алмаза ведаў»*. У медыцынскай тэрміналогіі размяжоўваюцца каменя (у нырках) і зубнога каменю «налёту». *Каб урач-уролаг дакладна вызначыўся з тым, якім чынам пазбавіцца ад гэтага каменя* (zviazda.by, 25.09.2010) / *адкладанні зубнога каменю* (zviazda.by, 07.09.2016).

Журналісты не заўсёды ўспрымаюць назву дрэва як назву матэрыялу. Апісваючы выставу мастацтва В'етнама (2018), адны крыніцы ўжылі *вырабы з бамбуку і ратангу* і іншыя – *прадметы з бамбука і ратанга*. Раздзяленне «асобная кветка»/«расліна» у словах *рамонак, васілёк* і пад. паступова страчвае значэнне рэчыва, замяняецца для зручнасці на мн. л.: *экстракт васількоў. Для прыгатавання [кактэйлю] выкарыстоўваецца настой чабору, рамонак і размарыну* (hrodna.life, 31.03.2017). Тут *чабор і размарын* разумеюцца як травы, прыправы, таму з -у. Падзел бяспрэчны толькі ў прыкладах *мака* «кветка»/маку «зерне», *перца* «плод»/перцу «прыправа».

У групе канкрэтны / зборны назоўнік ужыванне канчаткаў адзінак з кампанентам -парк і -сад выразна размяжоўваюцца паводле абазначэння сукупнасці зялёных насаджэнняў (*батанічнага саду, дэндропарку*) і будынка (*аквапарк, тэхнапарк, школы-сада*). Але зафіксаваную раней словаформу машыннага *парку* «зборнай колькасці» можа зблытаць з назвай установы «*Аўтапарк № 2*». Назва пратэстанцкага храма збор патрабуе ўпарадкавання: *кальвінскага збору* (як наз. ад збірацца) або ~ збора «адзіночны будынак». Неаднастайнасць назіраецца ў зборных назоўніках-назвах будынкаў з некалькіх частак: *спарткомплексу і палаца-паркавага ансамбля*.

Нюансы, якія падзяляюць некаторыя лексемы на канкрэтнае / абстрактнае значэнне, вельмі складаныя. Адзінка *дом* у канкрэтным значэнні часцей прадстаўлена ў назвах устаноў: *дома адпачынку, радзільнага дома*. Другое значэнне – «жыллё, сям'я, радзіма»: *роднага дому, традыцыі нашага дому*. Часам цяжка вызначыць, аб будынку ці жыллі ідзе размова: *у двух кроках ад дому*. У сказе *Таму лепей выганяць камароў з дому і кватэры...* (С. Мінскевіч) пераважае канкрэтнае значэнне. Словаформы *гука* «тэрмін» і *гуку* «фізіч. з'ява» фактычна абазначаюць адно і тое, таму іх цяжка размежаваць: *Нідзе ні гука!* (В. Гапееў), а не *гуку*. Аналагічна тэрмін *склада* «спалучэнне гукаў» бліжэй да *складу* «структура, характар», чым да *склада* «памяшканне». У парах *закона* «дакумент»/закону «правіла ўвогуле», *народа* «нацыя»/народу «натоўп» перамагло першае значэнне слова і адпаведны

канчатак. Ваганні могуць быць звязаныя з аўтарскім меркаваннем, недасканалай карэктурай і г. д. *Папраўкі да закону аб СМІ могуць разгледзець ужо 19 красавіка ...* (svaboda.org, 03.04.2018).

Такім чынам, прынцыпы ўжывання мнагазначных назоўнікаў і амонімаў м. р. у Р. скл. адз. л. можна ўніверсалаваць, пры гэтым верагодна як ўтварэнне дадатковых значэнняў, так і знікненне наяўных.

Е. В. Глінка (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В МЕДИАТЕКСТЕ

Журналистика представляет собой особую скрытую форму конституирования культурной действительности, фрагменты которой соединяются с новой точкой зрения. Из журналистского текста можно извлечь не только ту информацию, которая сознательно предназначалась автором к передаче, но и ряд дополнительных смыслов: помимо прямой передачи информации, в медиатексте присутствуют скрытые информационные потоки, обусловленные прагматикой.

Одним из таких носителей прагматических целей выступают устойчивые выражения, являющиеся своеобразными единицами культурного знания в их языковом воплощении. К подобным единицам можно отнести пословицы, поговорки, крылатые слова, фразеологизмы, афоризмы, прецедентные имена и названия, высказывания известных людей, строки из популярных песен, цитаты из фильмов и произведений художественной литературы, журналистские и речевые штампы и т. п. Эти разноплановые языковые единицы характеризуются наличием в них культурного компонента, без знания которого коммуникация нарушается.

Устойчивые выражения могут встречаться как в своем исходном, первоначальном виде (*шагать в ногу со временем, девушка с характером, роаль в кустах, I'll be back*), так и в своих разнообразных вариантах.

В качестве примеров рассмотрим варианты и виды трансформаций устойчивых выражений в текстах белорусских печатных СМИ. Для анализа выбраны двух- и трехкомпонентные структуры исходных устойчивых выражений и их вариантов.

Двухкомпонентные структуры представлены тремя подсистемами: 1) модели, идентичные исходным выражениям; 2) варианты с трансформацией второго компонента структуры; 3) варианты с трансформацией первого компонента. В подсистему 1 входит исходная модель, употребляемая в медиатексте применительно к контексту. К этой подсистеме относятся выражения «Война и мир» (заголовок колонка редактора о политической ситуации); «Всевидящее око» (рекламный материал о видеорегистраторе); «Справы сардэчныя» (о республиканской кардиологии). При этом модель употребляется в дискурсе медиатекста. Варианты с трансформацией второго

элемента: «Танец с ложками» – заголовок статьи об экономическом кризисе (от исходного «Танец с саблями» А. Хачатуряна); «Апрельские грезисы» (о погоде) и др. Варианты с преобразованием первого компонента: «Что глаза колет?» (от *правда глаза колет*) «С культурой по жизни» (*с песней по жизни*); «Лапа помощи» (о собаках-помощниках) – от первоначального *рука помощи*.

Система трехкомпонентных моделей и их вариантов таким же образом заполняется языковым материалом. Исходные модели употребляются в различных ситуациях и контекстах: «Всё выше, и выше, и выше...» (о повышении пенсионного возраста); «Каждый выбирает по себе...» (из стихотворения Ю. Левитанского); «А у нас во дворе...» (из песни). Замена третьего компонента модели представлена примерами: «Трус не играет в конкуренцию»; «Держать хвост автоматом»; «Особенности национальной заботы». Перефразирование или дополнение второго компонента включает следующие варианты: «Мал граммофон, да дорог»; «Ладзь калёсы зімою» (*готовь сани летом*); «Герои своего времени». Изменение первого компонента представлено в выражениях: «Автолавка придет по расписанию»; «Брюссель слезам не верит»; «Сетевых дел мастер». В качестве устойчивых элементов могут использоваться прецедентные имена: «Штирлиц в упор не стрелял» (о шпионском скандале); «Фемида рубит бабки» (о коррупции в правоохранительной сфере); «Граф Монте-Кристо из Ивацевичской колонии». Варианты с видоизменением первого и третьего компонентов активно пополняются и исходные выражения с легкостью узнаются: «93 оттенка профанации»; «50 оттенков запретного»; «57 оттенков доносов»; «10 мгновений саммита». Варианты, в которых трансформируются первый и второй элементы структуры, трудно определимы в силу недостаточности формального представления и идентификации по одному из трех исходных компонентов. Например, заголовок «Считайте деньги, не доезжая до границы»: идентификация фразы основана по двум первым элементам *считайте деньги (не отходя от кассы)*.

Такие варианты, как «Простить нельзя наказывать», «Дапамагчы нельга пакінуць» восходят к выражению *простить нельзя помиловать*. В них чётко прослеживается исходная модель и механизм создания двойного смысла, зависящего от возможной постановки запятой, которая в этих фразах пропущена. И в этих случаях речь уже идёт об инварианте устойчивого выражения, рождающего новые фразы и новые смыслы.

В результате употребления устойчивых выражений и их трансформаций в медиатексте возникает эффект подобия, фиксирующий в словах опыт осмысления действительности. Варианты устойчивых выражений – это артефакты культуры, искусственно установленные знаки, знаки-символы, способствующие возникновению мысли на основе ассоциаций. Назначение подобных знаков – сказав мало, сказать много.

А. А. Гойло (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ КОРПУСОВ ТЕКСТОВ И АНКЕТИРОВАНИЯ¹

В современной лингвистике корпуса текстов активно используются для решения различных исследовательских задач, в частности, для анализа вариативности на различных структурных уровнях в национальных разновидностях английского языка.

Существует три основных корпуса, которые можно использовать в исследованиях национальных разновидностей английского:

1. «The International Corpus of English (ICE)» охватывает 13 разновидностей английского. Каждый подкорпус насчитывает 1 миллион словоупотреблений.

2. «Global Web-Based English (GloWbE)» охватывает 20 разновидностей и насчитывает в общей сложности 1,9 миллиарда словоупотреблений.

3. «iWeb: The Intelligent Web-based Corpus» охватывает все разновидности английского, относящиеся к внутреннему кругу (US/CA/UK/IE/AU/NZ), и насчитывает 14 миллиардов словоупотреблений.

Подкрепить результаты корпусного анализа могут такие традиционные социолингвистические методы, как интервью и анкетирование. Интервью позволяет создать обстановку, максимально приближенную к ситуации живого общения, благодаря чему можно записать речь испытуемых в комфортных для них условиях. Подобный метод хорошо подходит для фонетических исследований. Однако в социолингвистических исследованиях синтаксиса часто изучаются феномены, которые редко воспроизводятся в речи, поэтому во время интервью испытуемые вполне могут не использовать их. Что же касается корпусов, то проблема низкой воспроизводимости некоторых феноменов может быть нивелирована размером корпуса: например, из вышеперечисленных корпусов для исследования редких явлений лучше всего выбрать наиболее объемный ресурс – *iWeb*, так как вероятность появления низкочастотных языковых фактов в нем наиболее высока.

Проблема низкой частотности может решаться искусственным воссозданием условий, при которых наиболее вероятно будут использоваться те или иные редко встречающиеся феномены. Подходящим методом для создания таких условий является анкетирование.

В области синтаксиса распространенными являются три вида вопросов при анкетировании: прямая оценка (*direct judgment*), где у респондентов просят дать ответ «да/нет» на вопрос, использовали бы они похожее предложение в своей речи, непрямая оценка (*indirect judgment*), где респондентов просят оценить предложение по заданной шкале, а также переформулирование.

¹ Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

Во время нашего пилотного исследования вариативности порядка слов в косвенных вопросах в сингапурском английском мы решили использовать комбинированный подход: на первом этапе мы провели анализ материала из корпуса ICE, а на втором – анкетирование носителей сингапурского английского через интернет. Всего в анкетировании приняло участие 38 жителей Сингапура. Так как анкетирование проводилось через интернет, критически важным был размер анкеты: респонденты вряд ли были бы готовы потратить значительное количество личного времени на заполнение анкеты, поэтому мы постарались сделать ее максимально краткой. Всего анкета насчитывала 16 вопросов: в среднем на каждое интересное для нас синтаксическое явление отводилось по три задания: прямая и непрямая оценка, а также переформулирование.

При проведении анкетирования респондентам не сообщалось, что необходимо обращать внимание именно на синтаксис предложений, так как это могло бы повлиять на результаты исследования: для нас важны были в первую очередь интуитивные предположения носителей, а прикованность внимания к определенным синтаксическим феноменам могла бы заставить респондентов сравнивать сингапурский английский с разновидностями внутреннего круга, из-за чего они могли бы начать задумываться о том, как «правильно» говорить в подобной ситуации. Однако отсутствие информации о том, на чем акцентируется внимание в анкете, стало и проблемой. По нашему мнению, респонденты слишком буквально понимали вопрос «Могли бы вы использовать похожее предложение сами?» либо же принимали во внимание в первую очередь лексический состав предлагаемых к оценке предложений, посчитав, что не смогли бы употребить подобное высказывание в своей речи из-за наличия определенных слов.

Одной из проблем, частично связанной с описанной выше, стало использование нами нейтральных лексических средств английского языка. Вероятно, сконструированные нами высказывания несколько отличались от тех, с которыми респонденты сталкиваются в повседневной коммуникации, из-за чего языковой материал, представленный в анкете, мог показаться респондентам «чужим», и это также могло повлиять на результаты. Косвенным свидетельством этого является тот факт, что при ответе на вопросы с переформулированием примерно 35 % респондентов изменяли лексический состав предложения на, вероятно, более привычный им.

Тем не менее, анкетирование в целом подтвердило выводы, сделанные на основе корпусного анализа, а также позволило выявить новые феномены, которые представляют интерес для последующих исследований, что подтверждает ценность комбинированного подхода к исследованию синтаксической вариативности в национальных разновидностях английского языка.

Е. Е. Голубкова (МГЛУ, Москва, Россия)

ДИНАМИКА АССИМИЛЯЦИИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Корректируйте свою речевую продукцию
Вероника Скворцова
Мемно!

Постоянное обновления состава англицизмов (по данным словаря С. И. Левиковой из 1005 единиц 908 составляют англицизмы), которое легко проследить на сайтах «Словарь перемен» и «Неологизм года», а также в онлайн-словарях слэнга и лингвистических корпусах, оставляет по-прежнему актуальными вопросы причин заимствований, особенностей их ассимиляции и вариантивности значения и формы [1; 2].

Нельзя не отметить и тот факт, что в онлайн-общении появилась новая гибридная разновидность письменного и устного языка (как английского, так и русского), которую Дж. МакВортер остроумно назвал «fingered speech», цель которого приблизить письменную речь (набираемый текст сообщения) к устной [3]. Отсюда нарушения пунктуации, правописания, синтаксиса, мультимодальность сообщений (смайлы и эмодзи), диалогический стиль речи и беспрецедентные требования к лаконичности. В чатах и форумах пользователи идентифицируют себя как участники нетспика, то есть показывают, что находятся в курсе современных жаргонизмов и сленгизмов киберязыка.

В работах по когнитивной лингвистике было показано, что процесс заимствования определяется не только престижем английского языка и когнитивными лакунами (*органайзер, таймер, сканнер, виджет*), но связан также с особенностями конструирования средствами каждого языка ситуации или события, так как заимствование не является дубликатом русского синонима (ср.: *шопинг* и *поход по магазинам*). Помимо этого, очевидно, что заимствование проходит путь ассимиляции, «вживаясь» в систему языка-рецептора на всех уровнях, в том числе и на семантическом. Это часто приводит к модификации изначального значения. Оставляя за рамками способы введения письменной формы заимствованного слова в русский язык и их функции, в данном сообщении мы хотели бы обозначить некоторые тенденции ассимиляции современных частотных англицизмов:

- разрастание словообразовательных гнезд; ср.: *гуглить, выгуглить, выгугливать, погуглить, загуглить, выгугленный, гуглевантность; френд, за-/отфрендить, зафрендиться, френд-зона, принципы френдования; коннект, коннектиться, коннектинг; лайк, лайкнуть, лайкать, полайкивай, дизлайк; випить, випнуть, випарь* ('ведущий себя как VIP'), *креза* или *крейза, крезовник, крейзушник, крейзовый прикид, крейзануть; лухарь(ка), лухарить* (от *luxury*);

- включение заимствований в русскую морфологическую систему (активная «работа» русских аффиксов и образование новых частей речи); например, финали *-ить, -ать, -уть, -ка, -ция, -но* и приставки *за-, с(о)-, пере-* (*засуспендить, лагать, триповать, хакнуть, рипнуть(ся), хайпить, апнуть, донатить,*

завикипедить, чекинуть(ся), юзать, браузерить, гоуаутить, задефить ('успешно ответить на вопросы преподавателя' от *defence*), харассить, расшарить, смитинговаться, элонить ('проводить время в одиночестве'), сонейбахудовцы, свайпить (от *swipe*), перенайтать, офтопить, кульно, кульный (от *cool*), мемно, миллениэллочка, старлетка, ачивка, дигитализация, хаюшки (привет), высюривание ('тщательная работа с деталями' от *sure*), дижестивы ('напитки, подаваемые в конце еды'), брендирование и др.;

- приток слов с английским суффиксом *-ing*, ср.: дауниифтинг, секстинг ('пересылка личных фото'), моббинг ('травля сотрудника'), фаббинг ('привычка отвлекаться на мобильные устройства' от *phone + snubbing*), кейтеринг, снорклинг, коворкинг, читинг, скрапбукинг (англ. *scrap booking* 'составление альбомов из вырезок'), типотинг, оулинг, бэтменинг ('изображающие людей в позе чайника, совы или Бэтмена'), версус эскалатор волкинг и создание слов с русской основой собянинг, крышеладинг, межвагон зацепинг, дуракавалякинг, уазинг ('путешествие на внедорожнике группой во время выходных'), откаттинг, позоринг, раздербанинг, объегоринг, охаинг, толкучинг и пр. и приставкой *over-*: овербенд, овербукинг, овердрайвер, овердрафт, оверквотинг, оверклокер, оверлоадинг, и окказионализмы с русской основой овердрянь, овердуб, оверкрут; суффиксом *-able*, ср.: блинабл, суперб(ол), майгодабл;

- усиление тенденций к заимствованию композитов и контаминантов (блендов): лайфхак (-шок), мастхэв, митушки (от *me too*), чейн-эйджеры, таймлапс, Хайли лайкли, грамарнаци, клаутлайтинг ('розыгрыш близких людей в сети'), шринкфляция ('продажа в уменьшенных объемах'), чиченгейт, Слуцкий-гейт, шеймовер (от *shame from hangover*), плоггинг (бленд англ. *jogging* и швед. *plocka upp* – 'сбор мусора во время оздоровительной пробежки'), холивар ('бессмысленный спор в Интернете' от *holy war*), фак-/старт-/мэшап, броманс, вайфаиться, брекзиточение ('то, что испытывает Великобритания по случаю Брексита') и др.;

- развитие новых значений, в особенности у дериватов (семантические заимствования), ср.: залогинился 'заблудился', хипповать 'важничая, выставить напоказ', хоббит 'человек маленького роста', нарния 'гардеробная, платяной шкаф', аскать 'просить деньги у прохожих на улице', лайтовый 'легкий', пионеры 'знаменитости средней руки, всегда готовые прийти на программу по первому звонку'.

Перечисленные тенденции интересны тем, что показывают взаимодействие, интерференцию и вариативность актуальных словообразовательных процессов двух неродственных языков, с одной стороны, и творческие ресурсы русского языка по проведению границы между возможным и дозволенным как с семантической, так и словообразовательной точек зрения. Еще более неожиданными могут оказаться грамматические конструкции, проникающие в русский язык: *we need to watch this space...*

ЛИТЕРАТУРА

1. Левикова, С. И. Большой словарь молодежного сленга / С. И. Левикова. – М. : Гранд : Фаир-пресс, 2003. – 923 с.

2. Кронгауз, М. А. Словарь языка интернета.ru / М. А. Кронгауз, Е. А. Литвин, В. Н. Мерзлякова. – М. : АСТ-Пресс, 2017. – 288 с.

3. McWhorter, J. Texting is killing language. JK! / J. McWhorter [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.ted.com/talks/john_mcwhorter_txtng_is_killing_language_jk/transcript. – Дата доступа : 12.01.2019.

О. С. Горицкая, Н. В. Супрунчук (МГЛУ, Минск, Беларусь)

**БУЛЬБА VS. КАРТОШКА: ЧАСТОТНОСТЬ БЕЛОРУСИЗМОВ
И ИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СООТВЕТСТВИЙ
В БЕЛОРУССКОЙ РАЗНОВИДНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹**

Одной из ярких особенностей русского языка в Беларуси является использование элементов белорусского языка (белорусизмов): *бульба* ‘картошка’, *калыханка / колыханка* ‘колыбельная’, *каплица* ‘часовня’ и т. п. Некоторые белорусизмы достаточно часто встречаются в русской речи, в то время как другие имеют окказиональный характер. Для определения большей и меньшей востребованности белорусских элементов в русскоязычной коммуникации мы готовим частотный словарь белорусизмов в белорусской разновидности русского языка. Словарь создается на базе Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru), в котором представлена русская речь различных стран. Материал словаря ограничен текстами, созданными жителями Беларуси. Анализируется подкорпус блогов «Живого Журнала», отражающий современную русскую разговорную речь в письменной форме. Объем подкорпуса – 8,72 миллиарда словоупотреблений.

При анализе частотного списка возникает закономерный вопрос: чем обусловлена большая и меньшая частотность того или иного белорусизма в исследуемом идиоме? С одной стороны, частотность белорусизмов обусловлена тем, что определенные смыслы являются более или менее востребованными в коммуникации, в т. ч. в рамках отдельной дискурсивной сферы. Следовательно, белорусизмы, обозначающие феномены, о которых носители языка в целом говорят чаще, будут использоваться более активно, чем белорусизмы, обозначающие что-то менее широко обсуждаемое. С другой стороны, можно предположить, что какие-то объекты действительности будут с большей вероятностью обозначаться именно белорусизмами.

Для того чтобы проверить данную гипотезу, мы сопоставили частотность белорусизмов и их соответствий из русского литературного языка. На данном этапе мы отобрали 25 существительных-белорусизмов с абсолютной частотой более 10 словоупотреблений (от 11 до 354). Для каждого белорусизма были найдены наиболее близкие по семантике и стилистике соответствия в русском литературном языке (включая его разговорный сегмент). Белорусизмы, у которых нет однословных эквивалентов (например, *поречка / паречка – красная смородина*), а также многозначные слова и омонимы,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

имеющие несколько соответствий в русском литературном языке (*буся* ‘поцелуй’, ‘кто-то милый или что-то милое (обычно о людях или животных)’), исключались из выборки.

На основании количества употреблений лексем в подкорпусе мы определили частотные ранги белорусизмов и их литературных соответствий. В результате корреляционного анализа была обнаружена положительная связь между частотностью сопоставляемых вариантов, однако она не является сильной. Например, варианту *змагар*, самому частотному белорусизму в нашей выборке, соответствует литературное слово *оппозиционер*, находящееся в нижней трети частотного списка, и наоборот, самому употребительному литературному слову *друг* соответствует низкочастотный белорусизм *сябар*. При этом ранги среднечастотных вариантов *вежа* / *башня* и *ганьба* / *позор* являются близкими, то же касается низкочастотных вариантов *оводень* / *овод*. Парой лексемы *бульба*, занимающей второе место в частотном списке белорусизмов, является слово *картошка*, находящееся на десятом месте, и т. п.

Анализ относительной частотности вариантов позволил выявить смыслы, которые с большей и меньшей вероятностью будут обозначаться белорусизмами. Так, удельный вес лексемы *змагар* составляет около 25 % выборки по обоим вариантам, соответственно, показатель слова *оппозиционер* – 75 %. К числу заметных белорусизмов относятся и такие единицы, как *жменя*, *каплица* и *калыханка* / *колыханка*. Напротив, белорусизм *сябар* (0,01 %) оказывается «слабым» на фоне его значительно более частотного литературного соответствия *друг* (99,99 %). Другие подобные примеры – *вёска*, *жах*, *ровар*. *Бульба* относится к числу белорусизмов со средними показателями: удельный вес данного варианта составляет 3,41 %. В целом, чем выше частотность литературного слова, тем меньше вероятность того, что удельный вес белорусизма в коммуникации будет достаточно высоким. И наоборот, белорусизмам легко конкурировать с редкими словами. Например, максимальный удельный вес (26,56 %) в нашей выборке имеет вариант *оводень*, поскольку его литературный аналог *овод* используется очень редко.

Очевидно, что на востребованность языковых единиц в тексте влияют как внутри-, так и внеязыковые факторы. Так, к числу белорусизмов, которые достаточно часто используются в белорусской разновидности русского языка по сравнению с их литературными аналогами, относятся слова, не являющиеся чуждыми системе русского литературного языка. Например, лексемы *жменя* и *каплица* присутствуют в некоторых словарях русского языка (впрочем, по данным ГИКРЯ их частотность в Беларуси является выше ожидаемой, что мы связываем с влиянием белорусского языка, и на этом основании относим данные единицы к белорусизмам). Слово *калыханка* / *колыханка* не отмечается в русских лексикографических источниках, однако вписывается в ряд отглагольных существительных типа *запеканка*. Кроме того, данная лексема связана с феноменом, известным многим жителям Беларуси именно под белорусским названием, – детской телепередачей «Калыханка». *Змагар* отличается от *оппозиционера* яркой экспрессией, что и делает белорусизм востребованным в разговорной речи и публицистике, в том числе в интернете.

Таким образом, под воздействием белорусского языка повышается лексическая вариативность белорусской разновидности русского языка. При этом белорусизмы имеют разный вес в коммуникации по сравнению с их литературными аналогами, что обусловлено структурными, культурными, коммуникативными и иными факторами.

О. О. Графутко (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Одной из главных характеристик эмоции как феномена психики является интенсивность (сила). Цель данного исследования – рассмотреть лингвистические средства передачи интенсивности эмоциональных переживаний в художественном дискурсе на английском и белорусском языках.

В языке психологическое свойство интенсивности эмоции представляется через семантическую категорию интенсивности, которую характеризует вариативность средств выражения на разных уровнях языковой системы. В первую очередь, представление о силе эмоции может содержаться в самом значении эмотивной единицы: *irritation* ‘раздражение’ – «the state of feeling annoyed, impatient, or **slightly** angry» (Oxford English Dictionary, далее – OED); *жах* – «**моцны** страх да знямення» (Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, далее – ТСБМ).

Реализация категории интенсивности может происходить через квантификаторы при эмотивных лексемах, обозначающие разные степени проявления эмоции: чрезмерное (*too ashamed* ‘слишком стыдно’; *празмерна спагадалі*), максимальное (*maximal anxiety* ‘максимальная тревога’; *найболей баяўся*), значительное (*an immense relief* ‘огромное облегчение’; *моцна здзіўлены*), некоторое (*fairly happy* ‘вполне счастливый’; *сякую-такую спагаду*), незначительное (*a little sad* ‘немного грустный’; *крыху спалохана*), минимальное (*minimal paranoia* ‘минимальная паранойя’), недостаточное (*insufficiently in awe* ‘недостаточно трепетать’) и т. п. При этом анализ показал, что зона высокой интенсивности представлена в художественном дискурсе значительно шире (80,8 % отобранных единиц для англоязычного и 84,1 % для белорусскоязычного).

В роли квантификаторов могут выступать лексемы со значением меры и степени, принадлежащие к разным частям речи: наречия (*rankle (you) so* ‘так тебя раздражает’, *a bit sorry* ‘немного жаль’; *дарэшты ўзлаваўся, мала ўсцешнага*), прилагательные (*a great frustration* ‘страшная досада’, *full of pity* ‘полный жалости’; *смяротная крыўда, на вялікую ўсцеху*), существительные (*the multitude of shames* ‘все стыдное’, *a twinge of jealousy* ‘укол ревности’; *бура захаплення*), глаголы количественного изменения (*heightened his frustration* ‘увеличивала его досаду’; *узраслае раздражненне*).

Эксплицитным показателем силы эмоции также являются обороты с лексемами *grade* ‘степень’, *degree* ‘степень’; *ступень* и под. Они могут

содержать дополнительный квантификатор (*fairly high-grade paranoia* ‘довольно сильная паранойя’; *да крайній ступені злосці*), или же интенсивность эмоции может быть имплицирована (*the scale of his relief was humiliating* ‘степень его облегчения была унижительной’ – подразумевается высокая степень облегчения; *bothered him only to a degree* ‘беспокоило его лишь отчасти’ – степень раздражения небольшая).

Примечательно, что для реализации категории интенсивности могут использоваться эмотивные лексемы, не содержащие семы ‘количество’, но приобретающие количественное значение в сочетании с лексемой той же эмоциональной модальности: *blood-curdling terror* ‘леденящий душу страх’, где *blood-curdling* – «causing or expressing **terror** or **horror**» (OED), т. е. обе лексемы указывают на сильный страх; *панічна баяўся* – от *паніка* «непераадольны **жах** і разгубленасць, якія авалодалі чалавекам або мноствам людзей» (ТСБМ). В подобных случаях качественный характер прилагательного или наречия отходит на второй план, и они превращаются в квантификаторы.

Еще одним способом экспликации категории интенсивности являются устойчивые выражения, фразеологизмы с эмотивным элементом: *die of shame* ‘умереть от стыда’, *go insane with worry* ‘сойти с ума от тревоги’, *happy as a clam* ‘доволен, как слон’, *the mother of all worries* ‘главный источник тревог’; *да смерці пералякаліся, на сёмым небе ад шчасця, радасць так і перла фантанам*.

Семантическая категория интенсивности реализуется также на морфологическом уровне – через сравнительную степень, указывающую на большую/меньшую силу эмоции по сравнению с другим моментом ее переживания (*rankled more considerably* ‘сердил сильнее’; *большае раздражненне*), и превосходную, указывающую на предельный характер эмоции (*the most repellent thing* ‘самое отвратительное’, *найболей баяўся*).

Передача идеи интенсивности в художественном дискурсе может иметь и синтактико-стилистический характер. В частности, сила эмоции нередко реализуется при помощи повтора эмотивной единицы и/или содержащей ее синтаксической структуры: *I hate that there were always these alpha girls and you're one of them and I'm not. I hate that you went to Stanford. I hate that you don't have to worry about money. I hate that you'll never really get how privileged you are* ‘*Меня бесит, что среди девушек всегда были альфа-особи и ты одна из них, а я нет. Меня бесит, что ты училась в Стэнфорде. Меня бесит, что ты можешь не волноваться из-за денег. Меня бесит, что ты никогда до конца не поймешь свою привилегированность*’ (J. Franzen. «Purity»); *Ненавіджу! Усё скрозь ненавіджу!* (М. Южык. «Перакулены час»). В художественном дискурсе также отмечено комбинирование способов передачи категории интенсивности: *You're relieved. Really relieved* ‘Ты испытал облегчение. Огромное облегчение’ (в оригинале лексема *really* выделена курсивом – О. Г.) (L. Shriver. «The New Republic»); *Пакрыўдзіца Аляксандр Францавіч. Моцна пакрыўдзіца* (М. Клімковіч, У. Сцяпан. «Цень анёла»).

Анализ употребления эмотивных лексем в художественном дискурсе показал, что семантическая категория интенсивности характеризуется вариативностью языковых средств ее выражения. Данная категория реали-

зуется через семы количества в дефинициях эмотивных лексем, при помощи отдельных лексем со значением меры и степени, степеней сравнения и синтактико-стилистических средств. Также выявлено, что для художественного дискурса на обоих языках характерно преобладание средств передачи высокой интенсивности эмоций.

Л. И. Гришаева (ВГУ, Воронеж, Россия)

ВАРИАНТЫ ИМЕНОВАНИЯ ПРОПОЗИЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Вариативность является, вне всякого сомнения, одной из наиболее существенной языковедческой проблемой, которая в том или ином виде значима для осмысления общих и частных вопросов в разных разделах языкознания. Изучение вариативности применительно к разноуровневым языковым средствам тесно связано с фундаментальными проявлениями языка, трактуемого как средство познания и коммуникации, как культурный код, например, нормативность, конвенциональность, реализация функционального потенциала, соотношение нового и устоявшегося, сериализация новаций, соотношение системных особенностей и речевых проявлений отдельных языковых средств и др.

По понятным причинам наиболее значима проблема вариативности для максимально сложной единицы, при порождении и рецепции которой необходим учет буквально всех закономерностей, присущих языку как коммуникативному и когнитивному феномену, – текста. Вариативность как наиболее значимая категория анализа наиболее востребована, очевидно, при осмыслении теории текста, в особенности закономерностей семантической, синтаксической и функциональной организации текстов, а также в типологии текста и прежде всего при выявлении принципов варьирования организации текста одного типа в пределах одной и/или нескольких языковых культур.

В качестве иллюстрации к сказанному целесообразно привести один пример – тексты, конвенциональные для разных языковых культур, прилагаемые к пробникам: *Sample – Not for individual sale / Echantillon – Ne peut être vendu séparément / Probe – Nicht verkäuflich / Campione gratuito – Vietata la vendita / Muestra – Prohibida su venta / Amostra – Não pode ser vendida separadamente / Sample – Niet voor individuele verkoop*. Даже только поверхностный взгляд убеждает, что один и тот же смысл вербализуется разными синтаксическими структурами, которые по-разному профилируют один и тот же комплекс сведений. Эти структуры могут быть позитивными и негативными, концептуализировать возможные действия либо как вероятность, либо как запрет, либо как вычленение / акцентирование одного из множества потенциальных способов реализации действий субъекта и т. д. Порядок выведения в поле сознания той или иной информации также специфичен в разных языковых культурах, равно как и степень детализации активируемых сведений и соотношение эксплицируемого и имплицитного в тексте.

Это все говорит о существенных различиях в семантической, синтаксической, функциональной организации текста одного типа в разных языковых культурах, с одной стороны, и о вариативности способов обозначения одной и той же пропозиции средствами разных языков, с другой.

В этой связи целесообразно обратить внимание на то, что в языке имеются системно закрепленные возможности, весьма чувствительные к когнитивным закономерностям, с одной стороны, и вследствие этого сказывающиеся на организации текста, с другой. Стоит назвать некоторые из этих способов, имеющих непосредственное отношение для семантической и синтаксической организации текста любого типа:

- разные структуры для обозначения пропозиции: глагольная *Он, вероятно, придет в Минск* (для констатации, сообщения о положении дел), субстантивная *Его приезд в Минск – это для нас возможность* (для классификации ситуации), адъективная *Его приезд в Минск вероятен* (для характеристики ситуации);

- первичные (финитная конструкция) и вторичные (группа слов разной структуры) средства обозначения пропозиции: *Он приезжает в Минск – его приезд в Минск* и др. (для перспективизации комплекса сведений);

- разные способы оформления отношения между аргументами и функционатором – $P(x) R(x, y) / R(x, y, z)$: *Университет владеет несколькими зданиями – Это здания университета – университетские здания*;

- разное тема-рематическое членение каждого предложения, а также разные типы развития тема-рематической прогрессии в сверхфразовом единстве (для профилирования и перспективизации сведений из одного и того же комплекса);

- реализация / нереализация глагольного окружения (для варьирования контекстом, а также для варьирования когнитивного фона и когнитивной фигуры): *Он отвечает – Он отвечает на вопрос*;

- структура грамматической категории залога и прежде всего активного и пассивного (для варьирования точки зрения на ситуацию и тем самым для профилирования комплекса сведений): *Он перевел текст – Текст переведен*;

- синонимические способы обозначения одной и той же ситуации: *Петр дает Анне книгу – Анна получает от Петра книгу* (при сохранении семантических функций актантов) и другие способы обозначения пропозиции.

Перечисленные и другие способы обозначения одной и той же пропозиции можно изучать по-разному. При атомистическом подходе гетерогенные, но однородные явления изучаются под одним углом зрения, например, лексические / морфологические / синтаксические / словообразовательные и пр. средства и их функциональный потенциал. При холистическом подходе исследовательский фокус смещается с описания отдельных средств и способов решения номинативной задачи на изучение принципов организации целостного текста как тематического, функционального, интенционального, содержательного, структурного, формального единства и вклада этих средств в соответствующее единство.

Холистический подход имеет очевидное преимущество перед атомистическим, поскольку любой текст порождается при решении коммуникантами определенной коммуникативной и когнитивной задачи в известных условиях разнородными и разноуровневыми средствами языка. Это позволяет описать комплекс изофункциональных средств, востребованный для решения конкретной задачи, выявить функциональную сферу и функциональный потенциал каждого из соответствующих средств, а также специализацию отдельных средств на решение коммуникативной и когнитивной задачи, на условия, в которых эта задача решается, и др., т. е. установить, какие закономерности, связанные с обозначением пропозиции, каким образом влияют на выбор способа организации текста.

А. Г. Гурочкина (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ЯЗЫКОВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАРТИНЫ МИРА

Положение о том, что человек может описать одну и ту же ситуацию или один и тот же объект сходным образом, но при помощи разных языковых средств не является новым в лингвистике. Традиционно такие единицы квалифицировались как лексические или синтаксические синонимы выражающие эквивалентные значения. Вместе с тем результаты исследований разноструктурных языковых средств, используемых для описания сходных объектов или ситуаций, полученные во второй половине XX в., способствовали более глубокому осмыслению этого явления, появлению нового взгляда на их семантику и функции. Особый вклад в этом направлении внесла возникшая в 70–80 гг. XX в. и активно развивающаяся в настоящее время когнитивно-дискурсивная парадигма научного знания, поставившая на повестку дня вопрос об «очеловечивании» лингвистики, о применении исследовательских методов, учитывающих сложный характер явления, именуемого «естественным языком».

В центре внимания лингвистических исследований когнитивного и биокогнитивного направления стала языковая личность, рассматриваемая в качестве познающего реальный мир человеческого индивида, субъекта – наблюдателя. Получив свое первое научное освещение в 1970 г. в работе У. Матураны «Биология познания» (рус. пер. 1996 г.), фигура человека-наблюдателя как живой (биологической и психической) когнитивной системы, вовлеченной в процесс познания, т. е. в жизнь, нашла дальнейшее развитие в теории аутопоэза (autopoiesis) – интегративной биологической модели познания и языка, предполагающей тесное сопряжение человека и действительности (когнитивной области его взаимодействий). Субъект-наблюдатель провозглашается главным и единственным «конструктором» собственного мира, картина которого формируется дискурсивно в языке: «Все сказанное сказано наблюдателем» (У. Матурана). Согласно данной модели, тот или иной языковой материал представляет собой прежде всего

вербализованный результат первичного, индивидуально опытного этапа чувственного познания человеком действительности, но одновременно отражает процессы когнитивной обработки человеком воспринятого, его оценку и отношение к наблюдаемому.

В процессе своей жизнедеятельности субъект-наблюдатель (языковая личность) познает окружающий ее мир, категоризируя его, т. е. вычленяя элементы его структуры и объективируя свои знания в языковых единицах, служащих описанию познанного явления (Е. С. Кубрякова). В обоих случаях – как при чувственном знакомстве с предметом / явлением и формированием первичного (феноменологического) знания, так и в познании предмета / явления в совокупности их сущностных свойств и формированием вторичного (структурального) знания – субъектом познания осуществляется категоризации действительности, в процессе которой знание «овеществляется» в различных языковых формах и структурах. При этом в процессе познания мира, у каждого человека неизбежно возникает некое отношение к наблюдаемому, услышанному, ему важно понять свое отношение к происходящему, осознать, как он должен реагировать на определенные факты, явления окружающего мира, какое его речевое / неречевое поведение необходимо и приемлемо в той или иной жизненной ситуации, чтобы не допустить коммуникативную неудачу, чтобы более комфортно приспособиться к среде обитания. В этой связи тот или иной факт, явление, ситуация может быть увиден и осмыслен субъектами не одинаково, что обусловлено их разным жизненным опытом, разным объемом их структурального и феноменологического знаний, разными прагматическими интенциями и целями, а также тем, какими языковыми средствами и формами и в какой степени они владеют, какие из них представляются им более целесообразными в некий конкретный момент. Именно такие условия способствуют и определяют выбор (формирование) говорящим / пишущим альтернативных средств языка.

Одним из ярких примеров того, как осуществляется концептуализация и категоризация мира человеком, т. е. как человек воспринимает и осмысливает окружающую его среду и как его опыт познания реализуется в значениях языковых единиц, является феномен парафразирования. Парафраз – это один из сложнейших лингвистических феноменов, который основывается на интеграции сразу нескольких категориальных противопоставлений – формы и содержания, старого и нового, тождества и различия. Универсальный характер категорий, преломляющихся в данном явлении, позволяет рассматривать парафраз как механизм, функционирование которого осуществляется там, где новое создается путем преобразования старого, когда известное модифицируется в новое посредством изменения формы при относительном сохранении содержания. Степень смысловых различий единицы первичной номинации и ее парафразы варьируется от невысокой (в случае смысловой близости единицы первичной номинации и ее парафразы) до достаточно высокой (в случае контрадикторности смыслов единицы первичной номинации и ее парафразы).

Парафразирование в диалогическом дискурсе распространяется на все уровни языковой системы, т. е. парафразированию могут подвергаться слово, словосочетание, высказывание и микротекст, при этом единица первичной номинации и ее парафраз могут относиться как к одному языковому уровню (одноуровневая корреляция), так и к разным языковым уровням (разноуровневая корреляция).

В зависимости от инициатора парафразирования различаются два типа парафраза: самопарафраз (повторная передача содержательного ядра сегмента дискурса с внесением смысловых и формальных модификаций самим инициатором первичного сообщения) и аллопарафраз (парафразирование речевого сообщения адресанта его собеседником).

Гэн Цзянь (Хунаньский университет, Китай)

ВАРИАТИВНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЙ С КОМПОНЕНТОМ *СЕРДЦЕ* В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В предлагаемом сообщении рассматриваются структурно-семантические варианты единиц в китайском языке, в составе которых имеется компонент *сердце*, в его разных формах языковой репрезентации: в форме радикала как ядерной части иероглифа и в функции морфемы. В обоих случаях функционирования с компонентом *сердце* связано значительное число производных единиц.

1. В современном китайском языке существуют 84 иероглифа, в состав которых входит радикал 心 xīn ‘сердце’ и 154 иероглифа с графическим вариантом радикала *сердце* 忄 (в это число не включены древние варианты). Эти два радикала, связанные с семантическим обозначением «сердце», имеют разные типы производных. Радикал 心 используется в выражениях разных состояний человека, его настроений: 急 jí ‘беспокоиться’, 怒 nù ‘гнев’, 恐 kǒng ‘страх’; характеристик и качеств человека: 忍 rěn ‘терпение’, 忠 zhōng ‘лояльность’, 志 zhì ‘честолюбие’, 恶 è ‘злой’, 慧 huì ‘умный’; мыслительных процессов: 忘 wàng ‘забывать’, 念 niàn ‘думать, скучать’, 思 sī ‘думать’ и других понятий, например, долженствования 必 bì ‘должен’.

Значения иероглифов с радикалом 忄 сложнее классифицировать ввиду их широкого разнообразия. Наиболее часты среди них обозначения настроений, эмоций, состояний и т.д., например, 怕 pà ‘бояться’, 忙 máng ‘занят’, 快 kuài ‘радость’, 愧 kuì ‘совестно’, 怖 bù ‘кошмар’, 忆 yì ‘воспоминание’, 怀 huái ‘скучать’, 悔 huǐ ‘сожаление’ и др.

2. Другим аспектом функционирования компонента *сердце* является его использование не как радикала – ядерной части иероглифа, а как отдельного иероглифического знака – репрезентанта морфемы, в китайском языке функционирующего как полновесный языковой знак, на базе которого формируются производные лексические единицы. Анализ лексических единиц, в состав которых входит морфема *сердце*, позволяет сделать вывод о про-

дуктивности ее использования в данной функции. Наибольшее употребление иероглиф 心 xīn ‘сердце’ имеет в словах, словосочетаниях и фразеологических единицах, выражающих состояние человека или его отношение к чему-либо (например, 心安理得 xīnānlǐde ‘со спокойной душой’, 心惊胆战 xīnjīngdǎnzhan ‘трепетать от ужаса’ и др.). Несколько меньшую группу формируют единицы, описывающие эмоции (например 心烦 xīnfān ‘нервничать, раздражение’, 心花怒放 xīnhuānufāng ‘душа радуется’, 心情 xīnqíng ‘настроение’), а также мышление и душевное состояние (например 心思 xīnsī ‘мысль’, 心灵 xīnlíng ‘душа’, 心意 xīnyì ‘мысль, чувства’, 心潮 xīncháo ‘сильные душевные волнения’). Входит данная морфема и в состав обозначений различных органов человека (心房 xīnfāng ‘предсердие’), а также наименований процедур, связанных с мониторингом состояния сердца как органа (心电图 xīndiàntú ‘электрокардиограмма’). 10 единиц, первым структурным компонентом которых является 心 xīn ‘сердце’, репрезентируют человеческие качества (心细 xīnxì ‘внимательность’, 心软 xīnguǎn ‘мягкосердечие’). Интересны также метафорические употребления иероглифа 心 xīn ‘сердце’ (например, в составе слова 心肝 xīngān в его прямом (‘совесть’), а также переносном (‘любимая, душенька’) значениях.

Следует подчеркнуть, что в описанных выше 心 xīn ‘сердце’ занимает первую структурную позицию. Еще более часто встречается данный компонент в составе слов, словосочетаний и фразеологизмов в качестве второго, третьего и далее позиционного члена (например, 开心 kāixīn ‘веселый’, 关心 guānxīn ‘обеспокоенный’, 脑门心 nǎomenxīn ‘середина лба’ и т.д.).

Сравнение лексических единиц с компонентом 心 xīn ‘сердце’, обозначающих душу и различные ее аспекты, с компонентом 灵 líng ‘душа’ и его производными, указывает на то, что первая группа значительно превосходит вторую по своему количественному составу. В китайском словаре зарегистрировано только 27 слов, в которых 灵 líng ‘душа’ занимает первую позицию (ср. 139 единиц с 心 xīn ‘сердце’ только в качестве первого структурного элемента). Обращают на себя внимание и их семантические отличия: обозначения таких качеств, как ловкость и гибкость (например, 灵巧 língqiǎo ‘ловкость’), состояний (灵感 línggǎn ‘вдохновение’), интеллектуальных характеристик (灵性 língxìng ‘умственные способности, умный’, 灵验 líng yàn ‘чудодейственный, эффективный’ и др.).

Таким образом в языковой системе китайского языка находят выражение разные представления: 心 xīn ‘сердце’ может контролировать все виды деятельности, такие как психические процессы, эмоции и мышление, отражая общий образ мышления, а 灵 líng ‘душа’ более «склоняется» в сторону «духа и умственных способностей». Являясь в большинстве случаев обозначениями душевного состояния человека, его чувств, эмоций и мыслительных процессов, данные единицы, семантически переключаясь, демонстрируют определенную избирательность и, что главное, лингво-культурную специфику китайского языка.

Н. В. Дардыкова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВЛИЯНИЕ ТИПА ГЛАГОЛЬНОГО КОМПЛЕМЕНТА НА СЕМАНТИКУ ФАЗОВОГО ГЛАГОЛА

В работе на материале данных корпусов текстов рассматривается влияние семантического типа глагольного компонента на значение ситуации, выражаемой фазовым глаголом. Источником материала для исследования выступили контексты из художественных текстов, взятые из Национального корпуса русского языка, Корпуса современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English), Национального корпуса турецкого языка (Türkçe Ulusal Derlemi). К рассмотрению принимались конструкции с глаголами *начать*, *стать*, *приняться*, *продолжить*, *остаться*, *кончить*, *перестать* в русском языке; с глаголами *to begin* 'начать', *to start* 'начать', *to continue* 'продолжить', *to keep* 'продолжить', *to stop* 'перестать', *to finish* 'закончить' в английском языке; *başlamak* 'начать', *girişmek* 'приняться', *koyulmak* 'броситься', *-Ip/-A- durmak* 'продолжить', *-Ip/ -A- kalmak* 'остаться', *-Ip gitmek* 'продолжаться (от настоящего к будущему)', *-Ip/-Egelmek* 'продолжаться (от прошлого к настоящему)', *-Ip bitirmek* 'закончить' и *-Açılmak* 'перестать' в турецком языке. Выборка составила 15057 контекстов с данными глаголами.

Анализ выбранных контекстов в русском, английском и турецком языках позволил выявить, что фазовый и полнозначный глаголы образуют семантический шаблон. Так, типичной для фазовых глаголов является сочетаемость с компонентами, обозначающими движение (*ракеты стали падать*, *вода продолжила отступать*), физическое действие (*принялся кидать*, *çizip boyataya koyulmuşlar* 'бросились рисовать и раскрашивать'), речевую (*принялся рассказывать*, *her aynı şeyler söyleyip duruyor* 'продолжает говорить об одном и том же'), интеллектуальную (*перестал понимать*), социальную (*заканчивать читать курс*) и созидательную деятельность (*finish building a new school* 'закончить строить новую школу', *hikaye yazıp bitirmek* 'дописать рассказ'), а также эмоциональное и физиологическое состояние (*ухо продолжает гноиться*, *continue to feel happy* 'продолжить чувствовать себя счастливым', *sevmeğe başladı* 'начал любить').

Использование в фазовых глагольных конструкциях семантически нетипичного полнозначного глагола приводит к появлению у фазовых глаголов новых оттенков значений. Так, русский глагол *остаться* приобретает результирующее значение в сочетании с нелокативными глаголами (*все ушли, а я остался скучать*), английский глагол *to keep* 'продолжить' получает итеративное значение в сочетании с некоторыми недлительными глаголами, в особенности с семельфактивами, глаголами, обозначающими единый множественный акт, состоящий из отдельных повторяющихся действий, – *keep nodding* 'продолжить кивать', *keep winking* 'продолжить мигать'.

Турецкий глагол *koyulmak* ‘бросаться, приниматься’ в сочетании с глаголами интеллектуальной деятельности приобретает оттенок интенсивного, энергичного вступления в действие:

Yeşim'i hala seviyordu ama işle aşkı birbirine karıştıracak değildi. Hemen Yeşim'i ne zaman ve nasıl öldüreceğini düşünmeye koyuldu ‘Он все еще любил Йешим, но не был намерен мешать любовь с работой. Поэтому сразу же **принялся думать** о том, когда и как он убьет Йешим’.

Кроме этого, определенные типы глаголов-комплементов способны нейтрализовать семантические различия между глаголами, представляющими одну и ту же фазу действия. В частности, между английскими глаголами фазы начала наблюдается семантическое различие, которое заключается в том, что *to begin* ‘начать’ указывает на наличие определенного периода, в течение которого действие начинает разворачиваться, а *to start* ‘начать’ указывает на момент появления действия. Данное различие становится неочевидным в случаях, когда в качестве комплементов выступают глаголы, обозначающие постепенный характер вступления в действие (*snow started to take shape* ‘снег начал оформляться’ vs. *snow began to take shape* ‘снег начал оформляться’).

В свою очередь, присущее *to start* ‘начать’ противопоставление значения нереализованного действия в конструкциях с инфинитивом и значение свершения в конструкциях с герундием актуализируются только в том случае, когда комплементом становится глагол, обозначающий действие (в том числе движение) или деятельность, и только в некоторых контекстах:

I stagger and start to fall, but Ensel is there and I don't fall. ‘Я пошатываюсь и начинаю падать, но Энсел рядом, и я не падаю’. В данном примере действие не было реализовано, говорящего подхватили, и он не упал.

I start to fall and as I'm falling, I think, but will Cyrus see me? Will I see him when he comes back from his boarding school for holidays? Will I ever see him again? That question ends with a pain like a burning rocket piercing through me. Such a bad pain I have never felt. It makes me blind. ‘Я начинаю падать и пока я падаю, я думаю о том, увидит ли меня Сайрус? Увижу ли я его, когда он вернется из школы-интерната на каникулы? Увижу ли я его когда-нибудь снова? Вопросы заканчиваются, когда меня, подобно горячей ракете, насквозь пронзает боль. Я никогда не чувствовал(а) столь ужасной боли. Она ослепляет меня’. Как и предыдущем, в данном примере используется глагол движения *to fall* ‘падать’, но фазовая глагольная конструкция не передает никаких дополнительных оттенков действия, помимо выражения собственно начинательности.

Таким образом, отношения между фазовым и полнозначным глаголом представляют собой отношения взаимовлияния, поскольку не только фазовый глагол влияет на выражаемый полнозначным глаголом контекст ситуации, но и полнозначный глагол оказывает влияние на семантику фазового глагола. При этом появление семантических оттенков у фазовых глаголов может зависеть не только от значения полнозначного глагола, но и от значения самой ситуации.

В. П. Дзігadzюк (МДПУ ім. І. П. Шамякіна, Мазыр, Беларусь)

КАТЭГОРЫЯ РЭТРАСПЕКЦЫІ Ё ТВОРАХ В. ІПАТАВАЙ: СРОДКІ ВЫРАЖЭННЯ

Тэкставая катэгорыя рэтраспекцыі ё апошні час з'яўляецца аб'ектам пільнай увагі даследчыкаў. Гэта тлумачыцца павышанай увагай да мовы мастацкага тэксту, да спосабаў рэпрэзентацыі мастацкай задумы.

Многія даследчыкі (І. В. Ціўяева, Н. В. Брускова, Р. Л. Смулакоўская) кваліфікуюць рэтраспекцыю як частку структуры дыскантынуума, паколькі дадзеная катэгорыя можа рэалізоўвацца шляхам перапляцення часавых падзей або перарывам у апавяданні з мэтай паведамлення падзей, якія адбыліся або адбудуцца ё адносінах да базіснага часу.

Выбар моўных сродкаў выражэння катэгорыі рэтраспекцыі аўтарам залежыць ад часавай арыентацыі апавядання. Калі падзеі перадаюцца ад першай асобы, то моўнае выражэнне прадстаўлена формамі прошлага, цяперашняга і будучага часу, у той час як апавяданне ад трэцяй асобы фарміруецца формамі прошлага.

Катэгорыя рэтраспекцыі можа актуалізавацца лексічнымі, граматычнымі, сінтаксічнымі сродкамі. Аднак большую цікавасць уяўляюць марфалагічныя спосабы эксплікацыі разглядаемай катэгорыі. Тут неабходна адзначыць, што значэнне часавых форм дзеяслова, якія ўдзельнічаюць у стварэнні мастацкага тэксту, адрозніваецца ад формаў дзеясловаў, якія рэалізуюць граматычную катэгорыю дзеясловаў.

Праведзены аналіз марфалагічных сродкаў выражэння катэгорыі рэтраспекцыі на матэрыяле мастацкіх твораў В. Іпатавай дазволіў вызначыць часавыя формы дзеяслова, якія ўказваюць на мінулае ё адносінах да базіснага часу.

Грунтуючыся на класіфікацыі формаў прошлага часу, прапанаванай А. В. Бандарка, нам удалося ўстанавіць, што кропкай адліку ё дадзеным творы з'яўляецца прошлы незакончаны. Такім чынам, у адносінах да базіснага часу зачынам рэтраспектыўнай тэкстаструктуры ё большасці выпадкаў з'яўляецца прошлы закончаны час.

Ва ўрыўку (1) *Але ўсё роўна князь Георгі, бацька Прадыславы, перабраўся з дзядзінца, дзе жылі княжацкія сем'і, амаль на самы канец Полацка, на Вадзяную вуліцу, што вяла да Дзвіны.* <...>

Але Прадыслава была рада іхняму перасяленню: яна магла цяпер часцей выходзіць за горад, у адзіноце думаць пра тое, што хвалявала яе душу, — філасофскія развагі Платона і Арыстоцеля, свае ўласныя ўяўленні аб жыцці і смерці, аб сэнсе быцця (В. Іпатава) пачатак рэтраспектыўнай тэкстаструктуры (1) выражаны прошлым закончаным перфектнага значэння [1, с. 95], якое завяршаецца прошлым незакончаным пастаяннага дзеяння і тэмпаральным прыслоўем *цяпер*. Неабходна таксама адзначыць, што важную ролю ё выражэнні мінулага (рэтраспектыўнасці) нясе першы сказ рэтраспектыўнай тэкстаструктуры.

Рэтраспектыўны пачатак можа быць выражаны формай прошлага закончанага ё аорыстычным значэнні [1, с. 100], пры гэтым неабходна наяўнасць ўказання на час здзяйснення дзеяння, г. зн. лексічных сродкаў: (2) *Нашто тады Яна пайшла з Брачыславай!* <...> (В. Іпатава)

Наяўнасць прыслоўя *тады* ў рэтраспектыўнай тэкстаструктуры (2) адносіць дзеянне да пэўнага моманту ў мінулым: да святкавання ночы на Купала, калі Прадыслава сустрэлася з Раманам, будучым каханым. Аднак варта адзначыць, што перфектнае значэнне лексічна залежна ў большасці выпадкаў і таксама, як і аорыстычнае, абумоўлена кантэкстам; такім чынам, можна сцвярджаць, што абедзве гэтыя формы мала чым адрозныя [1, с. 102].

Увядзенне ў рэтраспектыўны план можа быць выражана і прошлым незакончаным паўтаральнага дзеяння [1, с. 80] з наяўнасцю розных прыслоўяў часу, якія паказваюць на рэтраспектыўнасць: (3) **Не раз чуў Іаан, як маліліся за яе людзі.** <...> (В. Іпатава); (4) **Некалі ў вольны ад работы час займаўся гэтым.** (В. Іпатава)

Разгледзім наступныя тэкстаструктуры: (5) **Прадыслава аднойчы бачыла, як пачыналася наводка: нерухомая, скаваная рака аж выгіналася — адтуль, з яе глыбіняў, узнімалася магутная неадольная сіла.** (В. Іпатава); (6) **Казаў неяк бацька, што палымяная кроў дзедава ва ўсіх іх бушуе, ад таго бываюць нязгоды паміж Давыдам, Глебам, Георгіем — ды і іншымі.** <...> (В. Іпатава)

Як адлюстравана у дадзеных прыкладах (5, 6), рэтраспекцыя можа быць экспліцыравана прошлым незакончаным абагульненага дзеяння або прошлым аорыстычным [1, с. 84] з наяўнасцю лексічных паказальнікаў часу, у дадзеным выпадку гэта прыслоўі «аднойчы», «неяк».

Такім чынам, прааналізаваўшы граматычныя сродкі выражэння рэтраспекцыі ў мастацкім тэксце, мы прыйшлі да высновы, што часам недастаткова адной толькі формы дзеяслова, каб паказаць зрух у паступальным руху часу. Рэтраспектыўны план можа быць дапоўнены лексічнымі адзінкамі з семай мінулага або са значэннем паўтору дзеяння.

ЛІТАРАТУРА

1. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.

И. В. Дмитриева (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ НУЛЬМЕСТНЫХ ПРЕДИКАТОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Во многих типологиях семантических предикатов, начиная с одной из первых в работах Л. Теньера, выделяется группа безвалентных / авалентных (в терминологии Л. Теньера), или нульместных (в терминологии В. В. Богданова) предикатов. Как показывает само название этой группы предикатов, в семантической структуре предложений они выступают без сопровождения семантически наполненных номинативных элементов. В английском языке это соответствует предложениям с безличным подлежащим *it*. Например, *It snows, It rains, It pours*, где формальное подлежащее служит лишь заполнению обязательной синтаксической позиции английского двучленного предложения. Ядро этой группы составляют предикаты, обозначающие разно-

образные климатические процессы, что послужило основанием к выделению семантической группы климатических, или метеорологических (в терминологии М. Хэллидея), предикатов. Отсутствие номинативных элементов в предложениях с нульместными предикатами вполне естественно, поскольку для метеорологических явлений, являющихся амбиентными процессами, трудно представить некую сознательную и активную силу, выступающую в качестве первопричины этого явления. Эти процессы организуют ситуации, разворачивающиеся сами по себе, в них не предполагается участие субъекта действия или объекта воздействия или носителя состояния. (Позволим себе отвлечься от реалий XXI в. и влияния человека на климат и экологию.)

При этом словарь английского языка и разнообразные текстовые употребления показывают, что исходно климатические глаголы могут называть не только амбиентные метеорологические процессы. Формализации новых значений глагола служит изменение комплементации предиката в рамках предложения. Появление знаменательного слова в позиции подлежащего сигнализирует о возможном переносе всей ситуации, описываемой предложением с исходно нульместным предикатом, в иную денотативную сферу, в которой ситуация организуется материальными или ментальными процессами, и ожидаемо присутствуют участники ситуации.

Например, в *I had been a fool letting him snow me with his big ideas* (Collins Cobuild) появление личного местоимения *him* (т. е. появление семантического субъекта) уже свидетельствует об изменении в семантике глагола и о возможном выходе из климатической сферы. Дальнейшее синтагматическое развертывание и, в частности, местоимение *me* в позиции дополнения (т. е. появление семантического объекта) указывает на воздействующий характер процесса, называемого глаголом, а предложное дополнение *with his big ideas* способствует конкретизации процесса как ментального воздействия, что определяется отнесенностью существительного *ideas* к ментальной сфере. В совокупном результате это все фиксирует изменение в семантике глагола, который в данном употреблении является ментальным предикатом. Следует отметить, что если в актантную рамку ментальных предикатов, как правило, входят экспериенсер ('воспринимающий' – *experiencer*) и феномен (*phenomenon* – терминология А. Downing), как в *Tom knows the answer*, то воздействующий характер процесса позволяет охарактеризовать номинативные элементы анализируемого употребления как субъект и объект. Допустимо предположить, что в случае изменения 3-го номинативного компонента синтаксической структуры, изменится и семантика предиката. Так, в модифицированном варианте *I had been a fool letting him snow me with his grief* отнесенность существительного *grief* к психоэмоциональной сфере станет основанием к определению предиката как глагола психо-эмоционального воздействия. На воздействующий характер процесса *rained* в предложении *The police rained blows on rioters and spectators alike* (Collins Cobuild) указывает появление субъекта *police* и дополнения *rioters and spectators*, который вводится предлогом *on*, и предикат *rained* является глаголом физического воздействия.

В последующих примерах употребления глагола *pour* демонстрируют значения перемещения в пространстве и вербального информирования. В предложении *Any day now, the Northern forces may pour across the new border ...* (Collins Cobuild) формированию значения предиката *pour* как глагола перемещения в пространстве служит локативный компонент *across the new border*. В то время как в *Dolores poured (out) the story of her ring* дополнение *story*, семантически относящееся к сфере вербальной коммуникации, позволяет определить предикат *poured* как глагол говорения / вербального информирования.

Таким образом, совокупность элементов синтаксической структуры и семантические особенности номинативного и / или сирконстантного окружения предиката способствуют формализации вариативных семантических значений нульместных предикатов.

М. Б. Добровольская (ЗНУ, Запорожье, Украина)

ИРОНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ

Ирония является одним из средств выражения имплицитности в художественном дискурсе, а также характеризуется завуалированностью: критичность и колкость в ней затемнены, но в то же время граничат с пренебрежительностью и отрицательной оценкой объекта иронии, его действий или качеств. При этом иронизирующий как бы дистанцируется от объекта иронии и косвенным образом демонстрирует свое превосходство. Хотя ирония дискредитирует объект, ироническое высказывание не в такой степени неприятно адресату, чем прямое, имеющее то же значение. Таким образом, ирония является таким стилистическим приемом, который позволяет автору тонко передавать характеристику определенных персонажей.

На синтаксическом уровне ирония реализуется с помощью различных синтаксических конструкций – «вклинивания», вводные конструкции, риторические вопросы. Ирония может рассматриваться как языковое средство, позволяющее докладчику выразить свое отношение к изображаемому явлению, придать субъективно-оценочную окраску своей речи. Проанализируем следующий пример:

“Do you think Abe can keep a secret?” He spoke with incisive irony. “Tell a secret over the radio, publish it in a tabloid, but never tell it to a man who drinks more than three or four a day” (F. S. Fitzgerald. «Tender is the Night») ‘Неужели вы думаете, Эйб способен сохранить секрет? Он произнес с едкой иронией. Сообщите тайну по радио, напечатайте в бульварной газете, только не доверяйте ее человеку, который пьет больше трех-четырёх порций в день’.

Этот пример достаточно ярко выражает иронию посредством риторического вопроса. Мы видим намерение автора передать неспособность Эйба сохранить что-либо в тайне.

Иронический смысл представляет собой ситуативную импликацию – вывод, к которому реципиент приходит в ходе прагматической интерпре-

тации прагматического высказывания в коммуникации. Например: *“Let me do the talking. Keep quiet, everybody; keep calm. Don’t get excited. I’ll handle it.” Oafley moved a step closer to Laxter and said, over Shuster’s shoulder, “Are you insinuating that I planted it there, Sam?” Laxter, his voice edged with bitterness, said, “Why not? You don’t fool me any, Frank Oafley. **You’d do a damn sight more than that for half a million dollars** (E. S. Gardner. «The Case of the Caretaker’s Cat») ‘Предоставьте мне вести переговоры! Оуфли шагнул ближе к Лекстеру и сказал через плечо Шастера: Ты что, Сэм, хочешь мне пришить, что я его подкинул? – А почему нет? – с горечью произнес Сэм Лекстер. – Ты меня не одурачишь, Фрэнк. За полмиллиона долларов ты еще и не то сделаешь’.*

В данном примере с помощью иронии автор хотел показать жадность героя к деньгам, который за определенную сумму готов выполнить определенные действия, которые могут противоречить здравому смыслу.

Стилистическая функция иронии связана не столько с информативностью, сколько с эмоционально-эстетической оценкой объекта. Ироническое высказывание позволяет выразить большую гамму чувств в одной реплике. Ирония является содержательной концептуальной категорией текста, позволяющей автору имплицитно выразить не только свои интенции, но и мировоззренческую позицию в целом.

Например: *It was fine to have your postcard. **I am so glad you take such interest in disqualifying nurses** – oh, I understood your note very well indeed. Only I thought from the moment I met you that you were different (F. S. Fitzgerald. «Tender is the Night») ‘Было очень приятно получить от вас открытку. Я рада за вас, что вам так нравится проваливать медицинских сестер на экзаменах, – не беспокойтесь, я очень хорошо поняла все, что вы пишете’.*

Проанализировав это ироническое высказывание, можно сделать вывод, что адресант хотел показать негативные качества адресата, который, вероятно, пользуясь своим положением, создает определенные трудности для своих студентов в процессе обучения.

Таким образом, ирония выступает средством передачи имплицитной оценки и активно используется в художественном дискурсе, для интерпретации которой необходимо владеть определенными экстралингвистическими знаниями.

О. Я. Добровольская (УжНУ, Ужгород, Украина)

ВАРИАТИВНОСТЬ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА:
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ

Словарный состав языка образует систему, возникшую в процессе многовекового исторического развития с характерной для неё диахронической изменчивостью, вариативностью и способностью преобразовываться на всех уровнях языковой структуры. В системе языка различают субстанцию как

материальную оболочку единиц языка, структуру как сеть отношений и способов организации, а также функцию как реализацию системы в речевой деятельности, отображающую ситуативную вариативность, стилевые отличия, индивидуальные особенности речи в разных условиях коммуникации (термином *вариативность* обозначаем членение языка на разные формы существования или разные функциональные типы). Преобладающая часть лексики, называя понятие, осуществляет номинативную функцию (классификацию и идентификацию), которая является первичной характеристикой знаков какой-либо сложности (отсюда деление номинативных единиц на классификационные – имена нарицательные, и идентификационные – имена собственные). В исследовании среднеанглийских наименований лиц по профессии мы анализируем комплекс языковых изменений лексико-семантической группы и выявляем взаимную обусловленность её онтологических и функциональных характеристик, воплощая общеметодологический принцип триадичности Г. П. Мельникова в принципе триадичности при системно-функциональной реконструкции развития лексико-семантической системы путем изучения комплекса триад («узус – норма – функция», «внутреннее – внешнее – функция», «реализованные потенции языковой системы – нереализованные потенции языковой системы – функция», «системные языковые факты – несистемные языковые факты – функция», «синтагматика – парадигматика – функция» и «синхрония – диахрония – функция»), иерархически подчиненных триаде «язык – речь – функция» как реализации номинативной функции словесного знака.

Изучение антиномии «язык – речь» в триаде с номинативной функцией лексических единиц, осуществляемой ими в надсистеме среднеанглийского языка, т. е. согласно системно-функциональному принципу выявления взаимоотношения языка и речи, в частности соотношения нормы и узуса, позволило нам установить следующие данные, касающиеся специфики функциональной дифференциации исследуемой лексико-семантической группы: а) *ядро* – 1044 (43 %) наименования, использовавшиеся исключительно в функции идентификации как имена собственные (в частности, дополнительные к личному имени собственному компоненты антропонимной формулы – наименования фамильного типа периода активного формирования английской фамильной системы), т. е. не входившие в состав апеллятивного фонда среднеанглийского языка; б) *полупериферия* – 971 (40 %) наименование, использовавшееся как апеллятив в функции классификации, и как наименование фамильного типа в функции идентификации; в) *периферия* – 402 (17 %) наименования, использовавшиеся исключительно в классификационной функции апеллятива. Факты, установленные нами согласно системно-функциональному принципу изучения динамики наполнения изучаемой лексико-семантической группы исконной, гибридной и заимствованной лексикой с использованием данных антропонимии, а также результаты, полученные нами при исследовании корреляции исконного / заимствованного, продуктивности структурных моделей и словообразовательной продуктивности лексических заимствований как признаков их ассимиляции в среднеанглийском языке, раскрывают *определяющую роль функции идентификации* в бытовании наименований лиц по

профессии в среднеанглийский период: 1) функционирование 83 % наименований в составе антропонимных формул, то есть четырехкратное количественное преобладание лексики, используемой в функции идентификации лица как имя собственное, над лексикой, используемой исключительно в классификационной функции как апеллятив; 2) более ранняя первая письменная фиксация как имен собственных большинства наименований; 3) четко выраженная в функциональной разновидности наименований, бытовавших исключительно как имена собственные, тенденция к использованию в словообразовании более экспрессивных форм, какими, безусловно, являются композиты; 4) превышение показателей речевой активности и общенародного использования (основных условий вхождения лексики в апеллятивный фонд языка) в функциональной разновидности наименований, выполняющих обе разновидности номинативной функции, установлено нами на базе соотношения количественных данных фонографических вариантов наименований фамильного типа, а также их частотности в составе антропонимных формул в пределах функциональных разновидностей исконной, гибридной и заимствованной составных лексико-семантической группы; 5) превышение показателей речевой активности и общенародного использования (основных признаков ассимиляции лексических заимствований) в функциональной разновидности наименований, выполняющих функции идентификации и классификации, установлено нами на базе соотношения количественных данных фонографических вариантов наименований фамильного типа, а также их частотности в составе антропонимных формул в пределах функциональных разновидностей гибридной и заимствованной составных лексико-семантической группы. Результаты исследования служат подтверждением коммуникативной природы языка, а также свидетельствуют, что основной причиной языковой эволюции является общественный прогресс, который проявляется в развитии духовной и материальной культуры вследствие усложнения структуры общества, расширения и диверсификации сфер человеческой деятельности, а также обуславливает возрастание функциональной вариативности языка как отображение расширения его специализации, увеличения его соответствия потребностям общества и необходимости сохранения в состоянии коммуникативной пригодности.

О. В. Дони́на (ВГУ, Воронеж, Россия)

ВАРИАНТЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СКРЫТОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

В рамках доклада будет рассмотрена попытка применения метода криптоклассного анализа для сопоставления 20 вариантов английского языка.

Основная работа проводилась в русле исследований лексико-грамматических классов имен, которые в одних языках оформлены грамматически в виде рода (русский, немецкий, испанский) или именного класса (языки Африки), а в других выражены лексически, т. е. относятся к скрытой грамматике и могут быть выявлены только через классификаторы. Такие лексико-грамматические классы называются *криптоклассами* (скрытыми классами).

Проведенное исследование скрытой категоризации эмоций показало, что единое англоязычное пространство на практике, тем не менее, делится на ареалы, которые демонстрируют свои лингвокультурные особенности. Проведенное исследование позволило обнаружить и предложить интерпретацию лингвокультурной специфики скрытой языковой категоризации эмоционального состояния и чувственного переживания в английском языковом пространстве на примере 20 вариантов английского языка.

В рамках исследования были рассчитаны коэффициенты корреляции всех рассматриваемых вариантов английского языка, а также корреляции между вариантами внутри каждого ареала. Полученные данные были сопоставлены с уровнями генетической близости Д. Долби, базирующимся на сопоставлении базового словаря. Таким образом, было выявлено, что близость всех идиомов соответствует понятию языковой ячейки, а также показано, какие варианты могут быть соотнесены с понятием самостоятельного языка, а какие – с диалектом.

По результатам исследования, неоднородность языковой категоризации эмоционально-чувственного состояния в разных вариантах английского языка объясняется разными историческими условиями функционирования идиомов и интенсивностью языковых контактов между английским и местными языками ареала, а также уровнем экономического развития регионов, их культурной и религиозной спецификой и особенностями коллективного когнитивного опыта исследуемых языковых сообществ. Такая неоднородность проявляется в различии криптоклассных предпочтений эмонимов, что и будет показано в рамках доклада.

Дун Цзюньфэй (БГПУ, Минск, Беларусь)

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В настоящее время идея антропоцентричности языка считается общепризнанной. Язык – зеркало культуры, он отражает действительность и создает свою картину мира, уникальную для каждого языка, народа, этнической группы, пользующейся данным языком как средством общения. Язык оказывает влияние на становление личности, характер, эмоции и в то же время человек влияет на язык. Язык представляет собой способ отображения мысли и передачи ее от человека к человеку, поэтому он тесно связан с мышлением и эмоцией. Таким образом, между действительностью и языком стоят мышление и эмоции.

Глагол – самостоятельная часть речи в китайском языке, явление весьма неоднородное. В сравнении с другими языками, в китайском языке глагол характеризуется как элемент языка, могущий потерять свою предикативность, в то время как именно предикативность характеризует глагол как главную часть речи, например: *我爱生活* *wo ai sheng huo* ‘люблю жизнь’, *我爱的生活* *wo ai de sheng huo* ‘любимая мной жизнь’. В китайском языке

глагол по-китайски 动词, 动 (движение), 词 – основное значение – действие, однако в китайском языке глаголы характеризуются некоторой статичностью, несмотря на то что практически всегда глагол – наиболее динамичная часть речи. Именно благодаря глаголу действие приобретает тот или иной характер: оно может быть очень подвижным, или, наоборот, может практически «стоять» на месте. «В силу того что количество морфемных форм ограничено, глаголы, чтобы сохранить предикативное начало, сближаются с именными частями речи. Это и придает им необходимую динамику».

Интерес в китайском языке представляют эмоциональные глаголы, которые часто называют «мыслью в миниатюре». И это не случайно, ведь в китайском языке эмоциональный глагол может развернуться не только до уровня словосочетания, но и до уровня предложения. С другой стороны, сокращающиеся крупные языковые единицы могут превратиться в эмоциональные глаголы. Такое явление не является характерным для языков европейских языков. Этот факт подчеркивает уникальность эмоциональных глаголов в китайском языке. Интересно, что составляющими эмоциональных глаголов часто выступают далеко не глагольные компоненты. Это лексем, принадлежащие другим грамматическим группам. Например, соединение качественной и именной первичных лексем приводит к возникновению эмоционального глагола. «Формирование лексического значения носит структуральный характер, когда семантические составляющие эмоционального глагола скрыто или явно формируют единую семантику слова».

Эмоциональные глаголы китайского языка по структуре делятся на несколько подтипов:

1) глагольный подтип А, когда вторая основа всегда глагольная: 自豪 *zi hao* ‘гордиться’ (自 ‘сам’; 豪 ‘гордиться’); 受辱 *shou ru* ‘стыдить’ (受 ‘чувство’; 辱 ‘стыдить’), 高兴 *gao xing* ‘веселиться’ (高 ‘высота’; 兴 ‘создать’), 焦急 *jiao ji* ‘нервничать’ (焦 ‘фокус’; 急 ‘спешить’), 欣赏 *xi shang* ‘восторгаться’ (欣 ‘рад’; 赏 ‘наградить’). Разрыв между компонентами невозможен;

2) глагольный подтип В, где глаголы всегда состоят из двух глагольных основ с парным соотношением, т. е. оба слагаемых компонента равноценны. К этому типу относятся следующие глаголы: 惭愧 *can kui* ‘стыдиться’, (惭 ‘стыдить’; 愧 ‘позориться’), 惊讶 *jing ya* ‘удивляться’ (惊 ‘удивляться’; 讶 ‘изумляться’), 感动 *gan dong* ‘растрогать’ (感 ‘чувствовать’; 动 ‘двигаться’), 害怕 *xia pa* ‘отпугаться’ (吓 ‘пугать’; 怕 ‘бояться’).

3) глагольный подтип С, где глаголы структурально состоят из глагольной и именной основ, находящихся в глагольно-объектных отношениях, например: 伤心 *shang xin* ‘огорчить’ (伤 ‘ранить’; 心 ‘сердце’), 赞美 *zan mei* ‘растрогать’ (赞 ‘хвалить’; 美 ‘красота’), 痛苦 *tong ku* ‘мучить’ (痛 ‘болеть’; 苦 ‘горечь’), 生气 *sheng qi* ‘дуться’ (生 ‘вырасти’; 气 ‘обида’). Характерная компонентная особенность таких глаголов заключается в том, что они могут расчленяться, восстанавливая качество слов, например: 伤心 *shang xin* может

расчленяться на 伤了心 *shang le xin*, 伤过心 *shang guo xin*, 伤着心 *shang zhe xin* (суффиксальный разрыв), 伤了5年的心 *shang le wu nian de xin* ‘Пять лет огорчил’ (разрыв с помощью слова или словосочетания) [3].

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что функционирование эмоциональных глаголов в китайском языке значительно отличается от их употребления в любом другом языке, причем, если словообразовательные модели эмоциональных глаголов, например, в русском языке могут приводить к расширению их смыслового объема, то в китайском языке, наоборот, значительно сужают их семантические возможности.

Таким образом, эмоциональный глагол в китайском языке – явление уникальное, изучение которого необходимо для правильного понимания смысла китайского текста.

Д. С. Еникеев (ЗНУ, Запорожье, Украина)

НОМИНАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОЗВИЩ ДОНАЛЬДА ТРАМПА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Прозвище – это дополнительное имя, которое дается человеку другими людьми и основывается на оценке его внешности, черт характера, сопутствующих его жизни обстоятельств, рода занятий. В отличие от официального имени, прозвище обычно является мотивированным и отражает реальные свойства и качества его носителя, его этнокультурную принадлежность. Как разновидность антропонимов, прозвище выполняет кроме номинативной аксиологическую и эмоционально-экспрессивную функции, поскольку не только называет лицо, но и подчеркивает особый смысл, который имеют его определенные черты и качества для окружающих.

Прозвища могут даваться в разные периоды жизни объекта номинации и могут быть известны как достаточно ограниченному, так и широкому кругу лиц. Чем значимее та или иная личность в истории, культуре, политической и экономической жизни общества, тем больше внимание к ней и, как результат, более многочисленными являются прозвища, которыми нарекают эту выдающегося человека люди как в своей стране, так и за рубежом. В этой связи личность Дональда Трампа достаточно показательна, поскольку всю свою сознательную жизнь он находится в центре внимания социума, меняя только сферы своей деятельности – бизнес, шоу-бизнес, политика.

По разным данным, у Д. Трампа есть более 300 прозвищ различного происхождения, большинство из которых имеет прозрачную мотивацию и в юмористической, иронической или саркастической форме актуализируют оценку внешности, поведения, идеологии и политики Д. Трампа представителями американского социума. Прозвища имеют как положительные, так и отрицательные коннотации, причем последние значительно преобладают.

Коннотативно нейтральным изначально было прозвище *The Donald*. Так случайно назвала его в своем интервью 1989 г. первая супруга, Ивана Трамп, бывшая чешская модель, для которой английский язык не был родным.

Позже она объяснила, что в частном общении она часто обращалась к мужу *The Duke, The King, The Man in Black*, поэтому автоматически использовала «привычный» артикль перед его именем. Ее оговорка понравилась журналистам, которые «привнесли» иронию в семантику этой номинации, считая, что *The Donald* звучит как королевский титул.

Коннотативно «положительным» можно считать прозвище *Mogul* ‘магнат’, которым называют Д. Трампа его охранники, подчеркивая богатство и величие его личности, или *King Twit* – ‘Король Твиттера’, которое он получил благодаря активному пользованию твиттером для связи с общественностью.

Однако самыми многочисленными являются прозвища, имеющие отрицательную коннотацию. Среди них можно выделить варианты номинаций, указывающие на специфику его внешности, в частности, рыжие волосы и красный цвет кожи, например: *Orange Man* ‘Оранжевый (Рыжий) Человек’, *Orange Bozo* ‘Оранжевый Дуралей’ (*Bozo* – имя известного клоуна), *Captain Crunch* ‘Капитан Кранч’ (от названия готовых завтраков желтовато-оранжевого цвета на основе кукурузы и овса), *Butternut Squash* – прозвище, созданное от названия сорта тыквы с ярко оранжевой мякотью, *Cheddar Boy* – прозвище, намекающее на сходство цвета волос Трампа с сыром чеддер, *Orange Faced Gibbon* ‘неуклюжая агрессивная обезьяна (гиббон) с оранжевой мордой’, *Barbecued Brutus* ‘Поджаренный Брут’ – прозвище, указывающее на цвет кожи и коварство поведения Трампа (Брут – друг Юлия Цезаря, который впоследствии стал его убийцей).

Среди вариантов прозвищ Д. Трампа можно выделить группу вторичных номинаций, характеризующих особенности поведения, такие, например, как *Sociopathic 70-Year-Old Toddler* ‘Социопатичный 70-летний Малыш’, *Donald Dodo* – прозвище, созданное по аналогии с именем диснеевского героя Дональда Дака (*Donald Duck*), в котором вместо фамилии употребляется название другого анимационного персонажа, известной своей глупостью птицы *dodo*). Натуру Д. Трампа характеризует прозвище *Tricky Trump* (от *tricky* ‘хитрый, ловкий, коварный’), которое 45-й президент получил по аналогии с известным прозвищем 37-го президента США Ричарда Никсона *Tricky Dicky*. От уменьшительных форм имени *Donald* были созданы варианты прозвищ, отсылающие к таким особенностям характера, как несерьезность (*Donnybaby, Donnyboy*) и любви к шоу (*Donnybrook*). Все они имеют отрицательную коннотацию, поскольку детскость не подобает серьезному политику.

Отдельные прозвища, имеющих иронический или нелестный характер, были созданы путем объединения фамилии Д. Трампа с другими словами (или их фрагментами), например: *Trumpinator* (<*Trump* + *Terminator*), *Trumpacabra* (<*Trump* + *chupacabra*), *Trumpenstein* (<*Trump* + *Frankenstein*), *Trumpadour* (<*Trump* + *Pompadour*). Телескопизм *Trumpasaur* (<*Trump* + *dinosaur*), вторым словообразующим компонентом которого является название огромного и хищного доисторического ящера, был создан для номинации Д. Трампа, в связи с его склонностью впадать в ярость, если что-то идет вразрез с его желаниями.

Ряд прозвищ Д. Трампа содержит аллюзивные компоненты, которые указывают на диктаторов разных времен, например: *American Caesar*, *American Mussolini*, *Cheeto Führer*, *Cheeto Benito*, *Mango Mussolini*, *Orange Caligula*, *Orange Caesar*, *Orange Mussolini*, *Two-Bit Caesar* (*two-bit* – ‘никудышный, ничего не стоящий’).

Итак, номинативная вариативность прозвищ Д. Трампа обусловлена разнообразием качеств и параметров объекта наименования, которые берутся за основу носителями американского варианта английского языка для создания характеризующих номинаций личности действующего президента. Лексико-семантический анализ прозвищ Д. Трампа показал, что они создают преимущественно негативный «портрет» президента, и основываются на ироничной или саркастичной характеристике его внешности, поведения, идеологии, внутренней и внешней политики. Этимология прозвищ является прозрачной для носителей языка, поскольку связана с социокультурными реалиями их жизни.

С. М. Еникеева (ЗНУ, Запорожье, Украина)

ФЕНОМЕН РЕНОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Процесс познания человеком тесно связан с его номинативной деятельностью, поскольку для того, чтобы сделать полученные знания известными другим представителям социума, необходимо закрепить инновационную информацию в коллективном сознании с помощью определенных наименований. При создании нового языкового знака могут альтернативно применяться различные средства номинации в соответствии с характером и свойствами объекта наименования, особенностями языковой картины мира, свойственной языковому коллективу, а также возможностями языковой системы.

В процессе когнициии носители языка не только открывают для себя новые объекты бытия, но и углубляют свои знания о привычных предметах, пересматривают понимание сущности известных реалий, что также создает необходимость формирования новых или модификации существующих языковых знаков для отражения обнаруженных новых особенностей традиционных конститuentов картины мира.

Одним из важнейших социальных факторов, опреляющих ход развития современного английского языка, и прежде всего его лексической системы, стала информационная революция. Существование «параллельной» виртуальной реальности вызвало необходимость создания соответствующей языковой картины мира, отражающей образы виртуального бытия. При создании новых номинативных единиц носители языка использовали имеющийся потенциал языковой системы, формируя новые лингвальные знаки либо модифицируя форму или значение уже существующих единиц.

Так, в результате возникновения и распространения электронных книг на базе слова *book* была создана номинативная фразама *electronic book*, а затем и лексема *e-book*. Однако со временем носители языка ощутили

необходимость в дифференциации электронных и традиционных книг, что стало причиной переименования исконной реалии, обозначаемой словом *book*, на *paper book*, а позже – *p-book*. Таким образом была осуществлена **реноминация** – переименование известного объекта с целью его дифференциации на фоне неоминации новой реалии. Неологизмы, созданные для наименования давно известных предметов и явлений ввиду возникновения их новых разновидностей и необходимости чёткого разграничения старых и новых объектов, получили название **ретронимы**.

Например, в американском варианте английского языка для номинации электронной почты сначала был создан неологизм *e-mail* (от *electronic mail*), а позже *voice-mail* ‘голосовая почта’, *video-mail* ‘видеопочта’. Быстрое распространение нового вида связи привело к тому, что исходный сигнификат *mail* стал больше ассоциироваться с электронной почтой, нежели с обычной, поэтому для наименования традиционной почты были созданы ретронимы *hard-mail* (указывающий на её «материальность») и *snail-mail* (метафорично актуализирующий свойственную обычной почте медлительность). Примечательно, что вербализатор исходного сигнификата (в рассматриваемом случае – *mail*), как правило, выступает в качестве гиперонима относительно неоминаций (*electronic mail, e-mail, voice-mail, video-mail*) и ретронимов (*hard-mail, snail-mail*).

Развитие электронной торговли способствовало возникновению и быстрой узуализации таких номинативных единиц, как *e-commerce* и *e-sales*, что впоследствии стало причиной создания фраземы *face-to-face sales* для реноминации обычной торговли. Электронная торговля осуществляется через Интернет-магазины, для номинации которых была создана серия синонимичных единиц: *cybermall, cybershop, e-mall, electronic shop, e-partment, e-store, virtual store*. Путём реноминации для обозначения обычных торговых центров был создан ретроним *stores with doors*.

Для осуществления банковских и торговых операций были введены так называемые «электронные деньги», для номинации которых была создана целая серия неологизмов: *cybercash, cybercurrency, cybermoney, digital money, e-cash, electronic currency, electronic money, e-money, virtual money*. Для дифференциации электронных денег и обычных наличных денежных средств, традиционно представленных банкнотами и монетами, были созданы ретронимы *physical money, traditional currency, traditional money*.

Фирмы, осуществляющие свою коммерческую деятельность только через Интернет, в английском языке обрели такие формы вербализации, как *dot-com, dot-net, online company, Internet firm*. В противовес этим неологизмам путём замены первого компонента фраземы *online company* на слово с антономичным значением был создан ретроним *offline company*, который обозначает традиционную компанию, деловое предприятие, фирму.

Итак, одним из путей обогащения словарного состава современного английского языка служит реноминация – процесс повторной номинации «старых» понятий. Неологизмы-ретронимы, созданные в результате реноминации, служат для дифференциации сигнификатов реального и виртуального

миров, уточнения традиционных понятий, обновления знаний о реальном мире путем переоценки значимости его конститuentов. Модификация экспонента языкового знака осуществляется главным образом путем прибавления к исходному исконному вербализатору лексических или словообразовательных элементов, подчеркивающих его традиционность в противовес современным особенностям инновационных референтов. Исходная лексическая единица, служащая основой для формирования неонимаций и ретронимов, выступает в качестве гиперонима относительно созданных на его основе неологизмов.

А. Н. Ерёмин (КГУ, Калуга, Россия)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ РОД ИМЕН И БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЛ ЛИЦ (ВАРИАНТЫ КОРРЕЛЯЦИИ)

1. Морфологический род:

- а) мужской (*летчик, сват, Алексей, Лизок* [неполная падежная парадигма], *родитель, скот*);
- б) женский (*модистка, сноха, Нинель, Варя, Никита, Женя, адвокатшица, мразь, скотина, женоубийца, мужеубийца, самоубийца*);
- в) средний (*брехло, мурло*);
- г) нулевой морфологический род (*денди, леди, визави*).

Существительные мужского и среднего рода изменяются по одной парадигме, женского рода – по двум. В силу этого формально в количественном отношении доминирует и представлен более разнообразным набором экспонентов женский биологический пол.

Собственно маскулинных суффиксов – 3: два типа, связанных с семантикой корневой морфемы *-ович/-евич*: в словах типа *Михайлович / Михалыч, Иванович / Иваныч* и в словах типа *королевич, княжич*.

Кроме того, в словах типа *генералиссимус* можно видеть маркированный по полу суффикс *-иссимус-*, (*женщин-генералиссимусов* история не знала).

Суффиксов со значением женскости больше – 9: *-к, -иц, -ниц, -их, -ш, -й, -ин, -есс, -н*.

2. Биологический пол:

- а) мужской (*брат, Сергей, Данила, Ваня, негодяй, генералиссимус, Петрович, подлец, ухажер*);
- б) женский (*модистка, Надежда, Маша, Адель, Верунчик, поклонница, арфистка, французженка, добытчица, генеральша, поэтесса, ухажерка, мисс*);
- в) мужской или женский (*инженер, староста, чудила, чушка*);
- г) мужской и/или женский (*родители, пьяницы*).

3. Соотнесенность с биологическим полом может реализовываться в следующих вариантах.

1. При номинативном нарицательном непарном имени лица морфологический род соотносится: а) только с обозначениями лиц мужского пола: *воин, генералиссимус, дальнобойщик*; б) с обозначениями лиц мужского и женского пола: *пилот, шофер, боец* и т. д.

2. При номинативном нарицательном непарном имени лица женский морфологический род соотносится только с обозначениями лиц пола: *роженица, курсистка, сиделка* и т. д.

1. При номинативном нарицательном парном имени лица мужской род нередко формирует формальную избыточность в обозначении лиц женского пола: она *студент, студентка*. Обратное не отмечено: она *школьница*, *он *школьница*. Также: *массажист – массажистка, скрипач – скрипачка, поэт – поэтесса, лыжник – лыжница, опекун – опекунша* и т. д.

2. При оценочном непарном обозначении лица имена часто ориентированы как на мужской пол, так и на женский (*лодырь, балда, мурло, пьянь – он, она*).

Сюда отойдут и примеры бранной характеристики, отличающиеся формальным варьированием эмоционального негатива: *скот = скотина, тварь = тварина, идиот = идиотина, урод = уродина*.

Выводимость слов здесь чисто формальная: от простого к более сложному.

В словарях иногда произвольно.

Непарные имена, характеризующие лицо по части тела, в норме обозначают лицо мужского пола: *голован, пузан, ушан, бородач, усач* и под.

Можно отметить и индивидуальные характеристики: *пышка* (она), *кувалда* (она), *пила* (она), *индюк* (он), *ишак* (он), *корова* (чаще она).

3. При оценочном парном обозначении лица мужской род ориентирован в норме на мужской пол, а женский род – на женский пол: *бездельник – бездельница, туняедец – туняедка, дурак – дура*.

Мужской морфологический род при оценочном парном обозначении лица может быть ориентирован и на женский биологический пол окказионально: она *лентяй*.

4. Оценочное, всегда непарное имя лица среднего морфологического рода, характеризует мужской или женский биологический пол (он, она *мурло, животное, брехло, убожество, чучело...*).

5. Номинативные нарицательные существительные нулевого морфологического рода дублируют общую схему корреляции с биологическим полом: он *денди*, она *миссис*; он, она *визави, протезе*.

6. Модификационные нарицательные номинативные имена существительные часто переводят исходные имена, ориентированные на мужской или женский пол, в имена, ориентированные только на мужской пол: *учительшика, адвокатишика, докторишика*.

7. Любопытно, что модификационные собственные имена лиц исходного мужского морфологического рода последовательно замещаются именами женского морфологического рода, сохраняя при этом ориентацию на мужской биологический пол: *Александр – Саша, Павел – Паша, Николай – Коля, Виктор – Витя*, и непоследовательно остаются в поле мужского морфологического рода: *Виталик, Толик, Санек, Димон, Вова*.

8. Модификационные собственные имена лиц исходного женского морфологического рода последовательно остаются в поле женского морфо-

логического рода, сохраняя при этом и ориентацию на биологический пол: *Наталья – Наташа, Александра – Саша, Виктория – Вика, Зинаида – Зина*, и непосредственно переходят в зону мужского морфологического рода: *Лизок, Зинок, Верунчик*.

9. Сложные нарицательные имена лиц при одной словообразовательной структуре и одинаковом морфологическом роде нередко дают разную отнесенность к биологическому полу:

а) *женоубийца* – он; б) *мужеубийца* – она; в) *детоубийца* – он или она.

10. Формы множественного числа нарицательных имен лиц могут представлять три совокупности по отношению к биологическому полу: а) совокупную однородную множественность (*мужчины, женщины*), б) совокупную неоднородную множественность (*ректоры, родители*), в) совокупную однородную множественность, однако не исключающую и некоторую неоднородность (*французы* – народ социально активный).

11. Формы множественного числа собственных имен лиц могут представлять две разновидности неоднородной множественности по отношению к биологическому полу: а) *Ивановы* – люди с такой фамилией; б) *Ивановы* – семья.

Е. В. Ермолаева (ИГУ, Иркутск, Россия)

О РОЛИ ВАРИАТИВНОСТИ ПРИ ОПИСАНИИ КАУЗАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ С АНГЛИЙСКИМИ ФРАЗОВЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Исследования, касающиеся вопросов функционирования языков, часто тесно связаны с изучением различных форм вариативности языковых средств. Вариативность применяется при реализации двух основных функций языка: экспрессивной и коммуникативной, позволяя во время общения подобрать из всего разнообразия выразительных средств подходящие для конкретной ситуации и таким образом адекватно реагировать в процессе коммуникации. Помимо употребления уже существующих вариантов, у говорящего может возникнуть необходимость в создании нового. На появление вариантов могут оказывать влияние такие факторы, как географическое пространство, социальная среда, цели, формы общения и т. п.

В настоящее время в ряде работ, посвященных исследованию свойств глагола, в частности, изучается проблема валентности как ингерентного свойства глагола. Вариативность глагольной валентности можно отнести к коммуникативному типу. В нем различаются «коммуникативное настоящее» (частная, спонтанная коммуникация с известным собеседником, в которой возможно выражать сильные эмоции), которое отражает разговорный язык и способствует эволюции в языке, и «коммуникативная дистанция» (публичная коммуникация, заранее подготовленная, с неизвестным собеседником, слабой эмоциональностью), в которой используется стандартный язык, отражающий уже свершившиеся в нем изменения. Вариативность глагольной валентности зависит от ряда условий, где одним из основных можно

выделить особенность восприятия и интерпретации события говорящим, заключающуюся в фокусировке/перефокусировке внимания говорящего на различных участниках этого события. Таким образом, речь идет не только о наличии определенных вариантных форм в языке, но о важности говорящего субъекта, принадлежность которого к одной из социальных групп, а также условия речевого общения и определяют использование того или иного варианта.

В каузативных ситуациях с английскими фразовыми глаголами фактор наблюдателя, интерпретирующего такую ситуацию, значителен: от него напрямую зависит выбор тех или иных уже существующих языковых вариантных форм или, возможно, создание новых для максимально полной и корректной передачи информации. В современном английском языке вариативность глагольной валентности представлена разнообразными формами, например, такими как опущение или добавление актантов, изменение их положения, изменение предложного управления глагола в составе конструкции.

Лексические средства, используемые при описании каузативных ситуаций, разнообразны. В частности, для выражения каузации перемещения в пространстве применяются конструкции с фразовыми глаголами, употребляя которые говорящий может максимально точно описывать ситуацию, используя для этого минимум лексических средств. При этом зачастую в роли фразовых глаголов выступают не уже существующие в языке варианты, а новые формы, создаваемые для наиболее полного отражения способа каузации перемещения. Необходимость создания этих форм объясняется тем, что воздействие на объект (на каузируемого субъекта) с целью его перемещения в пространстве может осуществляться не только при помощи непосредственного физического контакта, но и при помощи жеста, звукового или речевого воздействия (или того и другого одновременно), а в ряде случаев и при помощи неких абстрактных действий, таких как воздействие чар, искушение и т. п. Примерами могут послужить каузативные ситуации с глаголами *buzz* и *captivate*. Оба этих глагола изначально не образуют фразовые глаголы и не подразумевают воздействия на объект при помощи непосредственного физического контакта.

Глагол *captivate* имеет значение ‘пленять, очаровывать’, ‘удерживать чье-либо внимание будучи чрезвычайно интересным, волнующим, приятным или привлекательным’. В примере <...> *that game completely captivated me back in 1936 or there* <...> (СОСА) ‘игра полностью перенесла меня в 1936 год или около того’ *captivate* употребляется уже в форме фразового глагола с послелогом *back*, который в данном контексте приобретает дополнительное значение: не просто эмоциональное воздействие на объект, но и передвижение его из одной временной плоскости в другую. В отличие от предыдущего примера, глагол *buzz* ‘1) издавать продолжительный, низкий звук, такой, как его издают пчелы; 2) нажимать на кнопку звукового сигнала, с тем, чтобы привлечь чье-то внимание; 3) быть занятым и полным энергии’ приобретает новую форму (форму фразового глагола) для обозначения

воздействия на каузируемый субъект с целью его физического перемещения в пространстве: <...> *they simply buzzed her in wordlessly* ‘они просто посигналили ей войти, не произнеся ни слова’. В данном примере без контекста невозможно точно сказать, куда именно должен был переместиться каузируемый субъект *she* и было ли это действие выполнено, но новая форма *buzz somebody in* позволяет указывать на объект (в данном примере это *she*), описывать способ воздействия на него (при помощи сигнала, но без слов), а также дает представление о местоположении участников каузативной ситуации в пространстве и по отношению друг к другу (каузирующий субъект *they* находится внутри некоего помещения, каузируемый субъект *she* за его пределами, на таком расстоянии, чтобы было возможным услышать/увидеть сигнал и отреагировать на него).

Представленные примеры показывают важность такого явления, как вариативность глагольной валентности при создании конструкций с английскими фразовыми глаголами для описания каузативных ситуаций, описывающих перемещение объекта в пространстве.

О. В. Ермолович (МГЛУ, Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О КОРРЕЛЯЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ И ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ РЕПЛИК В ДИАЛОГЕ

Как известно, конституирующим признаком диалога является связность, реализуемая как на глобальном уровне, так и на локальном, ограниченном рамками диалогического единства. Локальная связность, в свою очередь, обеспечивается благодаря наличию в диалогическом единстве нескольких типов связей.

Существует целый ряд подходов к выделению таких типов; тем не менее обобщение концепций, представленных в данной исследовательской области, позволяет выделить (с неизбежными оговорками в плане содержательных различий и терминологической фиксации) три основных типа связи: а) формальную (структурную, грамматическую), б) семантическую (лексическую, смысловую) и в) прагматическую (коммуникативную, иллокутивную). При этом наиболее проблемной и условной является дифференциация формальной и семантической типов связи: так, например, рекуррентная связь, зачастую определяемая как разновидность формальной, также может быть отнесена и к семантическому типу, что дает основания комплексно рассматривать эти типы в рамках формально-семантической связи. Соответственно в данной работе противопоставляются формально-структурная и прагматическая связь реплик.

Необходимо отметить, что внимание исследователей механизмов организации диалога привлекали в первую очередь подвиды данных типов связей и их языковые индикаторы. На наш взгляд, не меньший интерес вызывают и корреляции между этими типами, отличающиеся, как показывает наш анализ, высокой степенью вариативности. Так, изучение около 200 диалогических

единств показывает, что для единств с полной прагматической связью реплик характерны следующие разновидности формально-семантической связи: рекуррентная – 35 %, инцидентная (проформы) – 11 %, эллиптическая – 10 %, функционально-коррелятивная – 8 %. В 36 % диалогических единств с полной прагматической связью реплик представлены комбинации нескольких разновидностей формально-семантической связи, причем в этих комбинациях, как правило, представлена рекуррентная: на долю комбинации инцидентной (проформы) и рекуррентной связей приходится 12 %, а на долю комбинаций эллиптической и рекуррентной связей – 8 % исследованных контекстов.

Таким образом, проведенный анализ дает основания утверждать, что ведущим типом формально-семантической связи в диалогических единствах с полной прагматической связью реплик является рекуррентная связь. Можно предположить, что конфигурация разновидностей формально-семантической связи будет существенно отличаться в диалогических единствах с неполной прагматической связью, обуславливая вариативность отношений между анализируемыми типами связи.

Н. С. Еўчык (МДЛУ, Мінск, Беларусь)

ВАРЫЯТЫЎНАСЦЬ І СТАБІЛЬНАСЦЬ ПРАСОДЫ ЯК СВЕДКА ГІСТАРЫЧНАГА РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫІ

Аб гістарычным развіцці нацыі можна меркаваць па стане самых розных і практычна ўсіх сфер жыцця. Пры гэтым разглядзе важна мець на ўвазе дзве рысы. З аднаго боку, пры параўнанні на восі часу развіццё азначае змяненне з трывалай дынамікай якасцей па іх прыкметах, з іншага боку, яно абавязкова прадугледжвае захаванне ў часе таго, што павінна быць заўсёды прысутным, каб складаць тую асаблівую якасці, якія сведчаць аб прыналежнасці таго, што разглядаецца, менавіта да гэтай нацыі, службы яе ідэнтыфікацыі пры пераходзе з аднаго гістарычнага вітка на іншы. Таму гэтая другая рыса мацней за ўсё звязана з глыбіннымі, зыходнымі каранямі пачаткаў развіцця. Такія прыкметы дазваляюць народу, прайшоўшы доўгі, шматвяковы шлях, захаваць і развіць сваю нацыянальную адметнасць. Так адбываецца і з беларускай мовай на падставе яе сваеасаблівага вымаўлення. Нягледзячы на ўплыў літаратурнай мовы, лінгвістычныя асаблівасці, якія прадстаўляюць сабой генетычную і гістарычную моўную спадчыну народа, працягваюць надаваць беларускаму маўленню той асаблівы характар, які прасочваецца ў яго сучасных рэгіянальных варыянтах.

Засярэдзім нашу ўвагу на такім спецыфічным складніку мовы, якім выступае прасодыя. Спецыфіка гэта заключаецца ў тым, што для прасоды характэрна высокая ступень індывідуальнага вар'іравання. Менавіта гэта паслужыла прычынай цяжкасцей яе сістэматызацыі, і таму яна доўга не магла стаць прадметам навуковага вывучэння. Вар'іраванне прасоды з'яўляецца яе першаснай асабістай характарыстыкай і праяўляецца ў тым, што нават адна

і тая ж асоба не здольна вымавіць аднолькава адну і тую ж фразу: яе дэталёвыя прасодычныя характарыстыкі будуць адрознівацца. Тым не менш, выкарыстанне сучасных метадык апрацоўкі моўнага сігнала дазваляе разглядаць варыятыўнасць так, каб атрымліваць яе абагульняючыя інварыянтныя даныя. Так, даследаванне прасодыі дазволіла вылучыць шэраг агульных рыс, якія ўласцівы маўленню ў лінгвістычнай прасторы Беларусі і адносна індывідуальнай варыятыўнасці складаюць стабільны прасодычны малюнак сучаснай беларускай мовы. У гэтым заключаецца сутнасць першага вітка ўзаемападпарадкавання варыятыўнасці і стабільнасці прасодыі.

Другі віток суадносін варыятыўнасці і стабільнасці ў гэтай неад'емнай складаючай маўлення назіраецца з улікам функцыянавання тэрытарыяльных варыянтаў мовы. Зыходзячы з пазіцыі яе гістарычнага развіцця нам удалося вызначыць і эксперыментальна даказаць існаванне рэгіянальных прыкмет прасодыі ў шасці найбольш буйных лінгвагеаграфічных рэгіёнах краіны: Гомельскім, Полацкім, Заходнепалескім, Гродзенска-Баранавіцкім, Усходнемагілёўскім, Мінска-Маладзечанскім. Гэты факт на фоне шырокай рэгіянальнай варыятыўнасці можна разглядаць як доказ існавання спецыфічных якасных рыс для падзелу на стабільныя прасодычныя партрэты яе трывалага захоўвання, характэрныя для кожнай пэўнай тэрыторыі краіны.

Нягледзячы на міжрэгіянальную варыятыўнасць, унутрырэгіянальная прасодыя мае стабільнасць, якая складае вышэй названую рысу захоўвання сваёй якасці. Чаму адбываецца так? Адказ на гэтае пытанне крыецца ў антагенэзе чалавека і звязан з тым, што прасодыя закладаецца чалавечаму плоду з голасу матулі яшчэ да яго нараджэння – да таго моманту, як дзіця ўбачыць свет, а потым па меры яго станаўлення замацоўваецца ў асяроддзі сям'і і грамадства і таму носіць разам з абагульняючай нацыянальнай якасцю прыкметы менавіта рэгіянальнага характару. Стабільнасць характарыстык у кожным рэгіёне назіраецца настолькі трывалая, што перадаецца ад папярэдняга пакалення наступным. І дзеля гэтага дастаткова ўжываць родную мову ў сваім блізкім асяроддзі, нават калі астатняя частка грамадства карыстаецца іншай мовай. Аб тым, што менавіта так ідзе рух гістарычнага развіцця нацыі, сведчыць наша даследаванне прасодыі на матэрыяле Гомельскага і Полацкага рэгіёнаў Беларусі. Яны былі абраны для даследавання па прычыне існавання палявых магнітафонных запісаў 60-х гадоў мінулага стагоддзя, захаваных у архівах Нацыянальнай Акадэміі навук. Гэтыя запісы ў свой час былі створаны беларускімі навукоўцамі і выкарыстаны імі для вывучэння рэгіянальнай мовы на ўзроўні яе сегментных характарыстык. На сёння, калі прыйшоў час зрабіць прадметам навуковага даследавання рэгіянальную прасодыю, гэты матэрыял мае для нас гістарычную каштоўнасць.

Так, згодна з праведзеным комплексным (аудытыўным, акустычным і перцэптыўным) эксперыментам, накіраваным на параўнанне супрасегментных рыс маўлення старэйшага і маладога пакаленняў у даследаваных рэгіёнах, выяўлена наяўнасць агульных найбольш спецыфічных тэрытарыяльных прыкмет у маўленні дзвюх узроставак груп іх жыхароў. Выяўленыя асаблі-

васці пацвярджаюць вынікі ўсяго даследавання, даказваючы маркіраванасць Гомельскага і Полацкага рэгіёнаў адметнымі для кожнай тэрыторыі прасадыхнымі характарыстыкамі, падобнымі ў маладога і старэйшага пакалення беларусаў. У цэлым эксперыментальныя даныя ўсімі сваімі паказчыкамі сведчаць аб захаванасці тых рыс прасоды маўлення, якія былі ўласцівы даследаваным рэгіёнам у сярэдзіне ХХ стагоддзя, і аб іх устойлівым праяўленні ў рэгіянальным вымаўленні маладога пакалення на пачатку трэцяга тысячагоддзя.

Такім чынам, атрыманыя даныя даюць падставу сцвярджаць існаванне той стабільнасці прасоды, якая як вертыкальны замацавальны стрыжань прасякае і жывіць два першыя віткі, дзе функцыянуе яе варыятыўнасць: спачатку рэгіянальнай мовы, каб захаваць кожную з іх як аўтэнтчную і каб адначасова з гэтым даць той матэрыял, які служыць для стварэння другога віткагістарычнага развіцця – гучання сучаснай беларускай літаратурнай мовы з яе агульнанацыянальнымі рысамі, якія прадстаўляюць тэрытарыяльнае адзінства нацыі і адлюстроўваюць яе цэласную лінгвістычную непаўторнасць.

Для факталагічнай доказнасці прадстаўленых сцвярджэнняў прыводзяцца прыклады, малюнкi інтанаграм і графічныя ілюстрацыі з лічбавымі паказчыкамі атрыманых эксперыментальных даных.

Е. Г. Задворная (МГЛУ, Минск)

ВАРИАТИВНОСТЬ КОММУНИКАТИВНЫХ РЕАКЦИЙ НА НЕГАТИВНООЦЕНОЧНЫЕ СУЖДЕНИЯ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Кооперативность и толерантность, будучи ведущими принципами речевого поведения субъектов научной коммуникации, тем не менее не могут заблокировать возможности актуализации в научной полемике негативно-оценочных суждений различного типа и различной степени интенсивности, ср. следующие фрагменты дискуссий, участники которых демонстрируют впечатляющую степень резкости и категоричности своих оценок:

– Я думаю, что, если бы современные школьники и учителя прослушали вашу лекцию, они бы полностью потеряли вкус к Тургеневу, который у них, может быть, когда-то существовал;

– Так вы видели живого практикующего человека?

– Это очень тупой вопрос. Повторяю, традиция жива и существует сегодня, в не самом худшем своем периоде, во всем православном мире, как она существовала в иные столетия.

Если факторы актуализации таких высказываний и их семантико-прагматические характеристики не раз обсуждались в работах, посвященных научному дискурсу, причем преимущественно применительно к ядерным монологическим жанрам научной речи, то способы реагирования на негативную оценку в научном диалоге пока не получили достаточно глубокого

освещения. Между тем это весьма любопытный и важный тип речевых действий, отличающийся в рамках анализируемого типа коммуникации выраженной прагматической нетривиальностью и в силу этого нередко вынуждающий участников научной полемики оперативно принимать непростые решения. Основные тенденции реализации коммуникативных реакций данного типа в научной дискуссии могут быть суммированы следующим образом.

1. Вариант реакции, который выбирает адресат высказывания, содержащего негативную оценку, зависит от коммуникативной роли участника научного диалога. Данный жанр предполагает не только асимметричное распределение коммуникативного пространства между аргументатором и оппонентом/оппонентами, но и определенную асимметрию в аксиологической аранжировке соответствующих субдискурсов: аргументатор чаще становится объектом негативной оценки, но, обладая большей свободой (в плане регулирования коммуникативной инициативы), имеет при этом больше возможностей на нее реагировать, в то время как оппонент имеет ограниченные возможности реагирования на негативную оценку, но при этом и значительно реже становится ее мишенью.

2. Диапазон реакций анализируемого типа резко сужен в сравнении с аналогичными речевыми действиями в других дискурсивных сферах (обыденно-разговорном диалоге, деловой коммуникации, политической полемике и т. д.). Из всех возможных вариантов (игнорирование негативно оценочной реплики, выражение несогласия по существу, метакоммуникативный комментарий, «отзеркаливание» негативной оценки) в научном диалоге очевидно доминирует игнорирование, в свою очередь реализуемое в нескольких вариантах: полное игнорирование реплики, содержащей негативную оценку; игнорирование оценочного компонента при наличии реакции на собственно содержательную часть; безоценочная реакция на оценочный компонент иницирующей реплики. Употребительность прочих видов реакций в целом невысока, а такой вариант, как метакоммуникативный оценочный комментарий (весьма распространенный в обыденно-разговорной, деловой, политической коммуникации), в научной полемике практически не фиксируется.

3. Факторы, обуславливающие характер реагирования на негативную оценку, многообразны и образуют сложные и пластичные конфигурации, определяющие весьма высокую степень вариативности прагматической интерпретации соответствующих контекстов. К наиболее существенным из таких факторов относятся:

- семантико-прагматические особенности иницирующего оценочного высказывания (степень интенсивности оценки, эксплицитность/имплицитность ее реализации);
- протяженность реплики и локализация в ней оценочных значений;
- уровень полемического накала дискуссии (ее отдельных фрагментов);
- специфика индивидуального коммуникативного стиля участников научной дискуссии.

О. В. Иванова (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ В АССОЦИАТИВНОМ СЛОВАРЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Словари ассоциативных норм являются формой представления результатов массового ассоциативного эксперимента. Наиболее частые ответы мало подвержены влиянию индивидуальных особенностей информантов, (социальных, профессиональных, культурных, возрастных и др.). Это дает возможность использовать ассоциативные данные как источник разнообразной лингвистической информации.

Ассоциативный словарь терминологической лексики может представить обширный материал для изучения нормы и вариативности в подсистеме терминологической лексики и в речи специалистов. Материалом для создания такого словаря послужили ответы, полученные в свободном ассоциативном эксперименте от информантов-специалистов на слова-стимулы терминологической лексики. Экспериментальный список включает термины трех областей знания: высшей математики, медицины и экономики, а также общеупотребительные слова; информанты – специалисты трех областей знания (более 1000 человек). По результатам эксперимента было обработано более 1000 анкет. Словарная статья представляет собой все ассоциации на данное слово-стимул в порядке убывания частоты в ответах информантов; рядом с каждой ассоциацией указывается четыре частоты – общая (суммарная) и по профессиональным группам.

Ассоциативные поля (АП) терминов образованы реакциями, полученными от информантов одной профессиональной группы; в двух других профессиональных группах практически все реакции являются несмысловыми. Основными типами реакций на термины-стимулы являются родовая реакция и синонимическая реакция. Родовая реакция – это название обобщающего понятия по отношению к специальным понятиям, обозначаемыми терминами-стимулами (*кватернион – число, бурсит – воспаление, авизо – документ*). Синонимические отношения проявляются между двумя параллельно функционирующими в той или иной области знания заимствованным и отечественным наименованием специального понятия (*аппроксимация – приближение, люмбаго – поясничная боль, клиринг – расчет*). Материалы словаря показывают универсальность лексического состава и семантических отношений разных терминосистем.

Своеобразно представлены словарные статьи слов-стимулов, используемых как в специальных областях знания, так и в общем употреблении. Ассоциативные поля таких слов образованы ответами информантов всех групп, однако характер ответов различен по профессиональным группам. Информанты одной группы дают терминологические реакции, в двух других группах появляются слова-реакции, относящиеся к общеупотребительной лексике (*предел – мечтаний, ссуда – магазин, пункция – больно, кошмар*). Данные словаря позволяют выделить в «переходной лексике» несколько типов слов по степени терминологичности.

АП общеупотребительных слов образованы ответами информантов трех профессиональных групп. Все специалисты отвечают одинаково на слова-стимулы общеупотребительной лексики. Смысловые отношения между стимулами и реакциями разнообразны: *дом – очаг* (синоним); *хлеб – душистый, горячий* (вкус); *ребенок – веселый, жизнерадостный* (характер); *музыка – классическая, эстрадная* (вид).

Авторы словарей ассоциативных норм обычно не рассматривают ассоциации с низкой частотой ответов и несмысловые реакции (реакции, в которых не выражена семантическая связь со словом-стимулом, или искусственно сконструированные звукосочетания), а также не включают в состав словарных статей отказы от ответа (прочерки). Считается, что такие реакции значительно увеличивают объем словарной статьи, но не представляют интерес для исследования АП общеупотребительных слов-стимулов. В нашем эксперименте ответы с низкой частотой – это оценочные, междометные и цитатные ассоциации. Они появляются в ответах информантов на слова-стимулы «переходной лексики». Несмысловые реакции дают в своих ответах информанты двух профессиональных групп на узкоспециальные термины. Включение таких типов реакций в статьи терминологического словаря имеет важное значение: они являются показателями вариативности в подсистеме терминологической лексики и в речи специалистов.

Ассоциативный словарь терминологической лексики может представлять интерес для лингвистов, занимающихся изучением профессиональных дискурсов, лексикографов, а также преподавателей русского языка как иностранного.

О. А. Каверина (ИГУ, Иркутск, Россия)

СЕМАНТИКА НОРМЫ В МОДУСНОМ ГЛАГОЛЕ *LACK*

Понятие нормы относится ко всем сферам деятельности человека. Для употребления модусных предикатов релевантной оказывается ситуативная норма, когда признаки объекта не соответствуют требованиям, предъявляемым к нему, делая его непригодным для конкретной цели. Описываемая ситуация задает ненормативные параметры объекта, акцентируя внимание на участниках и обстоятельствах ситуации, учитывая позицию говорящего, сопоставляющего данный объект со стереотипом / стандартом / нормой.

В лексикографических источниках глагол *lack* 'испытывать недостаток, не иметь' представлен дефинициями, в числе которых глагол *have* – «not have, have less than enough, to not have something what you need or not have enough of it» [3]. Толкование значения глагола *lack* через глагол *have not* 'не иметь' свидетельствует об отсутствии или недостаточном присутствии каких-то признаков у объекта. Другими словами, словарные дефиниции содержат своего рода выводы, умозаключения говорящего, получаемые в процессе восприятия и осмысления окружающего мира. Таким образом, можно предположить, что в значении глагола *lack* имплицитно представлен модусный субъект, категоризирующий знание или мнение по поводу некоторого положения дел, а сам глагол объективирует инкорпорированный модус отсутствия.

Рассмотрим простое предложение с предикатом *lack*, фокусируя внимание на его модусно-диктумной организации: (1) *She lacks a sense of humour* ‘У нее нет / отсутствует чувства юмора’ [2]. Оценочный предикат *lack* объективирует отсутствие / недостаточно выраженный признак (*a sense of humour*) у субъекта ситуации (*she*). Предикат *lack* совмещает в себе информацию о некотором положении дел (диктумная часть) и вместе с тем маркирует модусного субъекта, по мнению которого, объем признака, необходимого для реализации конкретной ситуации (*She has a sense of humour*), не является полным или отсутствует. Семантическую структуру предложения можно представить следующим образом: [*Я считаю*] у нее нет / отсутствует чувство юмора. Как видно из примера, модусная рамка включает предикат ментального плана, который имплицитно выражает мнение модусного субъекта относительно отсутствия определенного качества у субъекта диктума.

Отличительной особенностью предложений мнения является их субъективность, замкнутость в мире субъекта мнения, так как они не содержат информации о том, как обстоит дело в действительности. В примере (1) модусный субъект оперирует собственным знанием об определенной психологической особенности человека (чувстве юмора), полученным путем познания окружающего мира, которое не соответствует тому, что он наблюдает в поведении субъекта диктума. Тем не менее ситуация (2) *She has no sense of humour* является адекватной и отличается от (1) *She lacks a sense of humour* спецификой модусной рамки – в первом примере модус мнения имплицитный, тогда как во втором эпистемический модус инкорпорирован в семантику глагола. Кроме того, ситуация отсутствия в примере (2) акцентирует внимание на восприятии, а ситуация отсутствия в (1) коррелирует с семантической зоной желательности.

Вместе с тем существуют ситуации, в которых *lack* и *have no (not)* не являются синонимами, более того, замена *have no (not)* на *lack* аномальна. Дж. Лакофф рассуждает на этот счет так: «*lack* определено относительно ИКМ (идеализированной когнитивной модели), содержащей фоновое условие, что некоторое лицо или вещь должны иметь нечто, и условие «переднего плана», что это лицо или вещь не имеют этого. Поскольку отрицание в этой ИКМ является внутренним, *lack* и *not have* не являются синонимами», предлагая в качестве примера ситуацию: *The pope lacks a wife* ‘Папе недостает жены’ [1].

Рассмотрим еще пример: (3) *The Canadian Sphinx is a naked cat which was first discovered in Ontario in 1966. Apart from the fact that it lacks a coat of fur, it is a perfectly normal cat, with a charming disposition* ‘Канадский сфинкс – это представитель лысых пород кошек, которая впервые появилась в Онтарио в 1966 году. Не считая отсутствия шерсти, это совершенно нормальный кот с прелестным характером’ [2]. В примере выше посредством сопоставления признаков, присущих обычному коту, субъект модуса категоризирует отсутствие одного из признаков (шерсти). Теория идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа фокусирует внимание на том, что прототипические эффекты в категориях являются следствием того, что знания в мозгу чело-

века организованы посредством определенных структур – идеализированных когнитивных моделей. Применительно к примеру (3) данную ситуацию можно прокомментировать следующим образом: в процессе категоризации особого пороody кошек – канадского сфинкса, говорящий оперирует когнитивными моделями, характеризующими семейство кошачьих, т. е. имеет знание о прототипических объектах категорий, которые сопоставляются с представителями этих же категорий. В результате отсутствия одного из признаков у объекта говорящий категоризует ситуацию посредством глагола *lack*, семантика которого удовлетворяет условиям соответствующей когнитивной модели. У папы и не должно быть жены, тогда как канадский сфинкс – разновидность кошек.

В анализируемых выше ситуациях отсутствия модусный субъект «отталкивается» от некоторой нормы, стандарта, прототипа, идеализированной модели. Выбор глагола *lack* обусловлен такой ситуацией, где актуализировано знание или мнение модусного субъекта о некотором отсутствии, присутствие которого было бы желательным с точки зрения нормального положения вещей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф, Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Д. Лакофф. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
2. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. – Дата доступа : 18.02.2018.
3. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/>. – Дата доступа : 10.01.2018.

Г. С. Казиева, Е. А. Журавлёва (ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан)

ВАРИАНТНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

Каждый язык функционирует в виде целого ряда вариантов, среди разновидностей которых выделяются литературные формы, региональные формы, социальные формы и идиолекты. Каждая из этих форм имеет свою функцию, которая обеспечивает социальное взаимодействие в различных социально-коммуникативных ситуациях.

Категорию вариантности можно истолковать при помощи двух определений, предложенных В. М. Солнцевым: «вариантность» (от лат. *varians*, род. п. *variantis* – изменяющийся) (вариативность) – 1) представление о разных способах выражения какой-либо сущности как об ее модификации, разновидности или как об ее отклонении от некоторой нормы (например, разночтении в разных списках одного и того же памятника); 2) термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы в целом. «Вариантность – фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка» [3, с. 80].

Согласно первому определению, категория вариантности в языковой системе можно рассматривать как особенность отдельных единиц, их способность конкурировать с другими средствами выражения в процессе развития языка. Данное истолкование категории вариантности позволяет нам теоретически обосновать ее сущность в языковой системе.

Как известно, в языковой системе языка функционируют элементы современные и устаревшие, расширяющие и сужающие сферу своего употребления. Постепенный параллелизм этих элементов в системе языка приводит к возникновению, например, вариантов языковых единиц. Такая вариантность является фундаментальным свойством в развитии языка и определяет функционирование всех единиц. Безусловно, существование слова или его формы в нескольких вариантах может привести к постепенному минимуму, и поэтому вариантность в этом случае следует устранять в целях литературной нормы. Помимо этого, варианты также можно охарактеризовать как средства экспрессивного обогащения художественной речи и стилистической дифференциации. Следует также принять во внимание тот факт, что хотя норма призвана «регулировать» изменчивость в языковой системе, она постоянно находится в «движении» и совершенствуется в процессе функционирующих вариантов языковых единиц.

Характеристика вариантности как свойства литературной формы языка определяет основные направления исследования: поиски причин возникновения и прекращения варьирования слова; определение границ языковых вариантов; выделение критериев разграничения вариантов и смежных явлений (например, однокоренных синонимов); классификацию вариантов языковых единиц; определение степени допустимых различий у разных вариантов; обоснование устойчивости различных типов вариантов; фиксацию колебаний в варьировании слов и их форм в словарях и грамматиках [1, с. 121]. Интересно отметить, что в основных направлениях исследования варьирования слова фигурирует понятие «вариант», а не «вариантность».

Процедура распознавания вариантов языковых единиц, как правило, может быть основана на грамматических, фонетических и морфологических признаках. В теории языкознания эта проблема была поставлена в работах В. Н. Немченко на материале русского языка.

Второе определение вариантности, упомянутое в начале нашей статьи, предполагает противопоставление варианта инварианту. Согласно В. М. Солнцеву, соотношение вариантов и инварианта характеризует языковую систему в целом: «Инвариант и вариант представляют собой две характеристики предмета или явления, входящего в некоторый класс. Свойство инвариантности характеризует то общее, что есть у данного единичного предмета с другими ему подобными. Вариантность характеризует то особенное, что есть только у данного предмета в отличие от других ему подобных, с которыми он связан через свои инвариантные свойства. Инвариантные свойства предмета представляют собой основу конструирования идеального предмета, в котором сняты вариантные черты» [2, с. 217].

Таким образом, категория вариантности, по нашему мнению, основывается на дихотомии «инвариант – вариант», поскольку универсальная категория вариантности связана с формами существования языковых единиц и может быть представлена как системное явление на всех языковых ярусах (фонетическом, лексическом и грамматическом). Необходимость изменчивости языка можно сформировать или соизмерить функциями языка в обществе, а вариантность лежит в основе изменчивости и развития языковой системы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Камчатков, А. М. Лексическая вариативность и лексические значения / А. М. Камчатков // Вопросы языкознания. – 1983. – № 4. – С. 121–130.
2. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М. : Главная редакция восточной литературы; изд-во «Наука», 1971. – 294 с.
3. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 2000. – 685 с.

Е. Б. Карневская, Е. Д. Долматова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СЛОВОРАЗГРАНИЧИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АЛЛОФОНИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ СОГЛАСНЫХ В РЕЧИ

Возможности смысловых смещений в результате перераспределения слоговых границ на межсловных стыках, неоднократно отмечавшиеся исследователями-фонетистами (Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер, Р. Данилоф, А. Катлер, А. Лехисте, Р. Хаммаберг и др.), свидетельствуют о вариативности акустической реализации согласных в одной и той же позиции в слове, которая может приводить к сглаживанию различий между позиционными аллофонами.

Вопрос, возникающий в этой связи, в широком плане относится к выявлению характерных для конкретного языка способов соединения слов в рамках более высокой по иерархии речевой единицы. Очевидно, что если в качестве нормы признается трансформация соединения типа С_Г на межсловном стыке в словоначальное соединение типа СГ (так же как и ССГ, ССС, ГС), то само разграничение словоначальных и словоконечных аллофонов согласных фонем лишается оснований, и тогда английская фраза типа *I want a cup of coffee* ‘Я хочу выпить чашку кофе’ действительно может отражаться при транскрибировании как [aɪ 'wɒn tə 'kʌ pə 'kɒ fi] [1, с. 87]. В то же время экспериментальные исследования на материале английского языка свидетельствуют о том, что позиция фонемы в слове является важным фактором ее модификации и, кроме того, сами позиционные аллофоны фонемы различаются по характеру варьирования их репрезентаций в речи. Было показано, что наиболее заметными оказываются различия между словоначальными и словоконечными согласными и что наиболее стабильными в этом отношении во всех группах согласных являются словоначальные аллофоны, а наиболее вариативными – словоконечные. Они представ-

лены в речи одного и того же говорящего в указанном выше типе стыка разными звуковыми реализациями, и некоторые из них совпадают со словоначальным аллофоном согласного, приводя к нейтрализации межсловных границ. Случаи полного совпадения акустических характеристик, однако, являются немногочисленными, и, таким образом, вряд ли можно согласиться с вышеприведенным примером транскрибирования, предлагаемом представителями постгенеративной фонологии.

Для выявления перцептивно-акустической реальной картины фонемных соединений в связной речи в указанном исследовании представлялось необходимым, прежде всего, расширить объект акустического анализа за счет включения формантных характеристик переходных участков в сочетании СГ, отражающих степень кортикулированности, т. е. взаимопроникновения, между согласным и гласным в зависимости от морфологического типа сочетания.

Таким образом, объектом изучения в настоящем исследовании стала коартикуляция, возникающая в сочетании СГ на внутрисловном (*a tall* ‘высокий’) и межсловном (*at all* ‘вообще’) стыках. По результатам перцептивного анализа было выделено 3 экспериментальных блока: 1) распознанные внутрисловные сочетания (СГ); 2) распознанные межсловные сочетания (С_Г); 3) сочетания, в которых имела место нейтрализация различий между словоначальными и словоконечными стыковыми аллофонами.

В ходе акустического анализа при помощи компьютерной программы Praat 4.0.13 устанавливалась длительность переходов по F2. Согласно полученным данным, в словоначальных сочетаниях СГ длительность формантного переходного участка увеличивается в 1,5–2 раза по сравнению с межсловными сочетаниями С_Г. Обращает на себя внимание тот факт, что на внутрисловных стыках (СГ) указанный формантный переход становится более плавным и продолжительным за счет увеличения переходного участка как на согласном, так и на гласном. Длительность переходного участка на согласном на 10–15 % превышает длительность перехода на гласном. На межсловных стыках (С_Г), напротив, переход на согласном минимален, а на гласном максимален. В отдельных случаях переход на согласном на спектрограмме не визуализируется.

Маркером различий в анализируемых соединениях служит и начальная частота перехода: на согласном, реализуемом на внутрисловном стыке, она оказывается более высокой (например, 1687 Гц перед гласным [ɔ:]), чем в аналогичной позиции на межсловном стыке (1600 Гц). Конечный уровень перехода на гласном ниже в сочетаниях СГ (949 Гц), по сравнению с сочетаниями С_Г (1139 Гц).

Следует отметить, что случаи нейтрализации словоначальных и словоконечных аллофонов на стыках могут быть объяснены не только изменением фазы взрыва по длительности, интенсивности и степени аспирированности, но и модификациями длительности переходных участков на согласном и гласном. Так, чем более длительным и насыщенным по спектру является переходный участок на согласном, тем выше вероятность его восприятия как внутрислов-

ного (словоначального), и наоборот: чем менее длительным (вплоть до полного отсутствия) является переходный участок словоначального согласного, тем выше вероятность его смещения со словоконечным.

Установление коартикуляторной специфики соединений СГ важно как для научно-теоретических, так и для практических целей, поскольку оно позволяет глубже проникнуть в механизм продуцирования связной речи, раскрывая роль коартикуляционных модификаций в сегментации речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко, Т. И. Фонетика и фонология английского языка : курс теорет. фонетики англ. яз. для бакалавров : учебник / Т. И. Шевченко. – Дубна : Феникс+, 2011. – 256 с.

Е. Б. Карневская, О. В. Ниживинская (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СПОСОБЫ ПЕРЦЕПТИВНОГО ОПИСАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Варьирование звучащей речи по степени экспрессивности во многом обеспечивается различиями в дистрибуции, частотности и сочетаемости специальных экспрессивных просодических средств. В английской просодии, в частности, к ним, наряду с ингерентно экспрессивными формами («фигурами»), такими как восходяще-нисходящий тон, скользящая или скандентная шкала, смещенная по уровню предшкала, сдвиг ядерного акцента, следует причислить также и модификации, имеющие характер увеличения количественных значений признаков и тем самым трансформирующие нейтральные единицы в экспрессивные (простые тоны – эмфатические тоны), или модификации, приводящие к усложнению просодических структур (так называемые составные контуры). Установление роли отдельных характеристик в определении степени экспрессивности просодии на уровне восприятия остается одной из актуальных задач в изучении названной проблемы.

В обсуждаемом исследовании, материалом которого служила речь ведущих и гостей программы британского телевидения «Hard Talk», экспрессивные просодические средства были обнаружены в более чем 90 % всех речевых актов. В то же время, по данным информантов-носителей языка и фонетистов-экспертов, перцептивная оценка степени экспрессивности высказываний варьировала от малой (низкой) до высокой. Характерно при этом, что степень экспрессивности была оценена как высокая лишь в сравнительно небольшом числе высказываний – в среднем 13 % (от 9 % до 15 % в речи ведущих программы и от 5 % до 9 % в речи приглашенных в студию гостей). Значительно более представительной (70 %) оказалась группа высказываний со средней степенью экспрессивности. Тем не менее, в качестве точки отсчета нами была принята высокая степень экспрессивности, демонстрирующая максимальное проявление объема просодических модификаций, имеющих выраженную модально-прагматическую доминанту в изучаемом

виде медиадискурса. Согласно такому пониманию, установление просодического «портрета» наиболее экспрессивных высказываний и, следовательно, выявление наиболее экспрессивных просодических структур может быть осуществлено в форме позитивного описания, т. е. безотносительно к каким-либо иным градациям.

При определении методологии позитивного описания перцептивные просодические признаки были разграничены на общезфразовые, такие как диапазон высоты голоса, громкость, темп и тембр речи, не связанные непосредственно с самой просодической структурой, и локальные, относящиеся к отдельным элементам просодической структуры.

Модификации указанных общезфразовых признаков оценивались на основе общепринятой дискретизации: расширенный / суженный / нормальный диапазон голоса, повышенная / пониженная / нормальная громкость, замедленный / убыстренный / нормальный темп речи, позитивно окрашенный / негативно окрашенный / нейтральный тембр голоса.

Анализ признаков, относящихся к элементам просодической структуры фразы и каждой из интонационных групп, входящих в нее, осуществлялся на основе полученной от фонетистов-экспертов просодической разметки (транскрипции).

Следует указать, что выделенные типы экспрессивных признаков различались не только своей экстенсивностью, но и доминированием количественного (1-й тип) или качественного (2-й тип) аспектов.

Обобщение как количественных, так и качественных признаков, представленное в виде абсолютных значений их частотности в общей выборке (100 речевых актов), обнаруживает широкий спектр вариативности по данному показателю (от 4 % до 80 %). На этом основании можно выделить *высоко вероятные признаки* (не ниже 75 % встречаемости), такие как повышенная громкость, расширенный диапазон высоты голоса, замедленный темп, и *достаточно частотные признаки* (от 50 % до 74 % встречаемости), к которым относятся дробность просодического членения, наличие экспрессивных шкал во фразе, наличие прагматических пауз.

Для достижения большей объективности в позитивном описании реальная значимость абсолютных данных может быть оценена путем их соотнесения с максимальными потенциальными величинами частотности для конкретного признака. Примером может служить признак плотности акцентной структуры. Очевидно, что для его установления недостаточно просто вычислить общее количество тональных акцентов. Более информативным является отношение числа тональных акцентов к числу знаменательных слов (потенциальным носителям акцента), а также к общему числу слов во фразе. В обоих показателях отражается «актуализованная длина» фразы, выступающая мерой плотности ударений. Анализ показал, что в 88 % фраз с высокой степенью экспрессивности это соотношение больше или равно единице (58 % и 28 % соответственно), что означает выделенность полным ударением фактически каждого знаменательного слова, а часто и ряда служебных слов во фразе: в 60 % фраз, обозначенных как высоко экспрессивные, было

отмечено одно или более ударных служебных слов. Аналогичным образом, показателем экспрессивности служит не просто большее или меньшее абсолютное число разных типов выделенности (простое / эмфатическое ударение, статическое / кинетическое ударение), а такое их соотношение, при котором более сильный, маркированный, вариант оказывается более частотным.

Нужно также подчеркнуть, что использование относительных признаков в позитивном описании позволяет точнее оценить роль характеристик, низкая частотность которых в общей выборке (от 5 % до 25 %) по существу исключает их из дальнейшего рассмотрения. В то же время наблюдения показывают, что в каждом конкретном высказывании они значительно влияют на создание эффекта экспрессивности. Это, например, имеющие место в экспериментальном материале случаи не только полного сохранения двухакцентной структуры слова (вопреки ритмической тенденции) во фразе, но и добавления второго ударения в словах, имеющих одноакцентную структуру.

К. С. Кенжигожина, Е. Н. Нурахметов (ЕНУ им. Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА (на основе аудиоматериалов речи молодежи г. Астана)

Цель работы заключается в выявлении особенностей устной речи казахоязычной молодежи г. Астаны в различных ситуациях бытового общения. Объект исследования – казахоязычная молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, проживающая на территории г. Астана, Республики Казахстан. Анализ аудиоматериалов выявил следующие особенности спонтанной речи молодых людей.

1. Несмотря на то, что молодые люди разговаривали на казахском языке, можно было наблюдать русские вкрапления в их речи. Иногда можно проследить использование не только отдельных русских слов, междометий, но и целых выражений и предложений:

Жазда блаженство зой! ‘Летом это блаженство!’; *Сосын олардың зренясы мықты зой!* ‘И потом их зрение отличное!’; *Мммм насчет зреня сибирский здоровьеде бір бад бар екен. Для зреня алсай!* ‘Ммм насчет зреня в сибирском здоровье есть бад. Возьми для зреня!’; *Қыздардың слабосттары зой* ‘Это слабость девушек’; *Біздің Мадияр осыны любит* ‘Наш Мадияр это любит’; *Мектепте жүргенде уже жанагы медиктер келеді тәрбие сағатын жүргізетін* ‘Когда в школе учились эти медики проводили воспитательные занятия’; *А че өздері звандайт да... напрямую неге шықпайды дейм* ‘А что сами не звонят... напрямую почему не связываются’; *Че то сұрағым көбей кетті че то пдозрительно наверное да* ‘Что-то вопросов у меня много появилось что-то подозрительно да’; *Ну хотя бы 10 бір 3 дейін... хотя бы 2 дейін* ‘Ну хотя бы 10 раз по 3 хотя бы по 2 раза’; *Біраз ойлану керек қой как руководитель... че он говорит. А че на выходных не выходите анау-мынау* ‘Надо же немного думать как руко-водитель... что он говорит. Задает вопросы почему мы на выходные не выходим’; *1900 тенге екінші класс 1800 3 класс 1480 почти 1500* ‘1900 тенге второй класс 1800 3 класс 1480 почти 1500’.

2. В фонетическом отношении наблюдалось сокращение или искаженное произношение слов: вместо слова *қазір* 'сейчас' употребляется *кәзір* или *кәз*, например, *Кәз кім қарайды?* 'Кто сейчас смотрит?'. Также по произношению испытуемых можно было наблюдать их региональную принадлежность. К примеру, исследователь записал телефонный разговор девушки, которая родом из местности Сарыагаш (юг Казахстана). В своей речи девушка вместо слова *мына жақта* 'на этой стороне' (характерно для жителей северных и центральных регионов Казахстана) употребляла *мынаяққа* 'сюда', например, *Мынаяққа келе берініз...* 'Сюда идите...'. Испытуемые проявляли стремление к языковой экономии, например: *Шүкір жақсы көшті... орналасватыр... короче жиырма бірі Асландар барады құдай қаласа* 'Слава богу переехали обустроиваются... короче... 21 числа Аслан и его семья дай бог поедут'. Как видно, окончание слова *орналасватыр* (*орналасу* 'обустроиваться на новом месте') не существует в казахском языке, но употребляется в глаголах казахского языка в разговорной речи.

3. Мужская и женская речь имеет свои различия. Интонация мужчин более резкая, жесткая, речь обрывистая и содержит больше нецензурной лексики, жаргонизмов: [нецензурное слово] *Мынау қуады зой...* 'Он же гонит...'. Слово *қуады* является в современном казахском языке жаргонизмом, часто употребляемым молодыми людьми, и одновременно является калькой с русского языка от слова *гнать* 'вести себя неадекватно, быть ненормальным, сумасшедшим'.

4. Часто в речи в современном казахском языке употребляют такие выражения, как *Құдай бюрса, Алла жазса* 'Дай Бог': *Шүкір жақсы көшті... орналасватыр... короче жиырма бірі Асландар барады құдай қаласа* 'Слава богу переехали обустроиваются... короче... 21 числа Аслан и его семья дай бог поедут'. Данный факт связан с тем, что среди молодых людей исламская религия, чтение намаза и соблюдение поста приобретают все большую популярность, что естественным образом проявляется в речи.

Таким образом, проанализировав аудиозаписи, мы пришли к выводам, что в современном казахском языке присутствуют свои особенности: наличие русских вкраплений и междометий, что является естественным явлением в условиях двуязычия Казахстана. Что касается фонетических аспектов, можно отметить фонетические редукции в словах, в частности глаголах. Произношение дает нам информацию о региональном происхождении испытуемых. Еще одна особенность, которую хотелось бы отметить: это малое количество или отсутствие сленгов и иноязычной лексики в речи.

В. Ю. Клеймёнова (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГЕМА: ВАРИАТИВНОСТЬ И ИНВАРИАНТНОСТЬ

Мифологичность есть имманентная характеристика человеческого сознания, которое тысячелетиями пользуется своеобразной символической системой для восприятия и описания реальности. Миф предлагает человеку

проверенную временем жесткую, инвариантную логико-символическую конструкцию репрезентации мира («арматуру мифа» в терминах К. Леви-Стросса), которая характеризуется вариативностью наполнения. Миф – это основа современной культуры, активно создающей новые варианты традиционных образов в процесс ремифологизации. Формирование современного мифологического пространства предполагает, с одной стороны, воспроизведение неизменных вечных начал, а с другой стороны, создание новых мифологем, т. е. семантически значимых структурно-смысловых единиц, которые отражают экзистенциальную специфику сегодняшнего дня.

В соответствии с постмодернистской парадигмой автор играет с читателем, мистифицирует и мифологизирует отдельные фрагменты действительности. Однако в медийном дискурсе выбор фрагмента действительности, которому предназначено стать мифологемой, определяется не столько индивидуальными предпочтениями пишущего, сколько социальным заказом на формирование системы ценностей и поведенческих ориентиров современного социума. Средства массовой информации активно используют возможности мифа для создания новых образов по традиционным моделям. Это позволяет отказаться от метода логического убеждения адресата, довольствуясь воспроизведением традиционных образов в несколько «осовремененном» варианте.

Структурной основой мифа являются многочисленные инвариантные бинарные оппозиции архетипов («добро – зло», «протагонист – антагонист» / «герой – злодей», «жизнь – смерть», «свет – тьма», «свой – чужой» и т. д.), каждый из которых характеризуется вариативностью актуализации посредством собственного набора мифологем. Например, в современном англоязычном медийном дискурсе активно формируется мифологема «хакер» (контекстуальные варианты «русский хакер», «китайский хакер») как одна из разновидностей образа антагониста наряду с уголовником, работником, педофилом (*criminal gangs, people-traffickers and paedophile rings as well as Russian hackers*).

Хакер становится излюбленным персонажем газетных статей, его выводят на передний план, поскольку использование новой мифологемы позволяет решить несколько прагматических задач. Во-первых, компенсировать недостаток знаний коммуникантов о реальных причинах событий и, предложив готовое стереотипное решение проблемы, избавить читателя от необходимости обдумывать информацию. Новая мифологема, как и ее традиционные предшественники, помогает объяснять мироустройство, создавать пояснительную схему межличностных отношений, формулировать нормы и правила социальной активности личности. Взаимодействие хакера и политика в описанной ситуации можно сравнить с работой мышц антагонистов, обеспечивающих противоположные по отношению друг к другу действия, например разгибание и сгибание конечностей, которые обеспечивают движение тела.

Во-вторых, актуализировать аксиологический шаблон, существующий в сознании адресата и основанный на ведущем лейтмотиве мифа – борьбе зла и добра; следовательно, протагонисту, наделенному всеми возможными

добродетелями, должен противостоять воплощению зла – антагонист. Хакер как вариант злодея очень гибок, в зависимости от описываемой ситуации он может погубить и кандидата в президенты, и авиакомпанию. Жертвы хакеров, в свою очередь, оцениваются исключительно положительно, так как они подверглись нападению злодея, и в такой ситуации их моральное превосходство аксиоматично. Именно бинарная оппозиция «герой – злодей» позволяет автору не использовать в тексте узуальные оценочные лексические единицы, эмоционально окрашенное отношение передается имплицитно.

Авторы статей прибегают к гиперболизации, и мифологические хакеры в статьях обладают поистине сверхъестественными возможностями: уникальные интеллектуальные способности позволяют придумывать программы для взлома любой максимально защищенной компьютерной сети и благодаря этому получить контроль над демократическим обществом. Подобная демонизация легко объяснима. Мы склонны оценивать силу человека по тем препятствиям, которые он может преодолеть, по тем противникам, с которыми он может справиться. Чем сильнее противник, тем ценнее победа. Поэтому политик, против которого выступают хакеры, изначально воспринимается как сильная личность, достойная восхищения и поддержки на выборах, а у читателя формируется иллюзия участия в борьбе со злом, своей важности и незаменимости в этом мире. Эта иллюзия особенно приятна, поскольку хакер обречен, ведь в мифе добро всегда побеждает зло.

Так и мифологема «хакер» как вариант антагониста в медийном дискурсе становится не только движущей силой сюжета, но и движущей силой развития политической и общественной жизни.

Л. А. Козлова (АлтГПУ, Барнаул, Россия)

**ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ
КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА ГЛАГОЛА
(на материале английского языка)**

Вариативность является имманентным свойством языка, которое находит свою манифестацию в процессах функционирования языка, предоставляя говорящему выбор того варианта, который наиболее полно соответствует языковой норме, отвечает коммуникативным интенциям говорящего, коммуникативному кодексу, принятому в данном лингвокультурном сообществе, и ситуации общения. Появление вариантов для передачи идентичного смыслового содержания обусловлено целым комплексом факторов структурного, семантического и прагматического характера: вторичной номинации, заимствований, имеющих место в результате языковых контактов, а также изменений статуса языковых единиц под влиянием различных внутриязыковых процессов. Сегодня, в контексте когнитивно-коммуникативной парадигмы, основное внимание уделяется изучению когнитивных и прагматических факторов, обуславливающих вариативность. Однако системно-структурные факторы не утратили своей значимости, и только интеграция всех факторов может обеспечить, на наш взгляд, глубину анализа языковых явлений.

Объектом данной работы служит английская конструкции типа *give a look, have a say, take a nap* и т. п., построенная по модели: «широкозначный глагол + отглагольное существительное», а предметом исследования являются факторы, обуславливающие вариативность глагольной валентности в ее составе. Характер распределения функций компонентов в составе данной конструкции аналогичен тому, который имеет место в аналитических формах глагола: широкозначный глагол выражает глагольные грамматические значения, а отглагольное существительное номинирует само действие, т. е. выражает лексическое значение, что и дает основания рассматривать данную конструкцию как полуаналитическую форму глагола. Данная конструкция отличается высокой частотностью употребления в современном английском языке, что обусловлено как общей тенденцией английского языка к аналитизму, так и тем фактом, что она дает возможность более детальной качественной характеристики действия. Такая возможность создается, во-первых, за счет того, что, помимо стандартных широкозначных глаголов типа *give, have, get, take*, в ней употребляются так называемые адвербиальные глаголы, содержащие в своем значении характеристику действия, например: *David flashed her a look* (J. Fowles) ‘Дэвид стремительно взглянул на нее’; а во-вторых, за счет того, что более широкие, по сравнению с наречиями, сочетаемостные возможности существительного позволяют представить более детальную качественную характеристику действия, ср.: *She gave him a warm, Indian-woman smile* (J. Waller) ‘Она улыбнулась ему теплой улыбкой индийской женщины’.

Данная конструкция представляет особый интерес в плане вариативности, поскольку на ее примере мы имеем возможность наблюдать два вида вариативности. Во-первых, данная конструкция является функциональным синонимом глагола – основного средства номинации действий: *to look – to have a look, to walk – to take a walk*. При этом эти функциональные синонимы не дублируют друг друга, а, как это обыкновенно бывает в случаях синонимии, приобретают существенные различия в семантическом плане. Как отмечает А. Вежбицка, глагол оказывается предпочтительным в тех случаях, когда речь идет о продолжительном и целенаправленном действии, а конструкция употребляется для номинации непродолжительного, нецеленаправленного, зачастую приятного действия. Ср.: *We walked all the way to the village* ‘Мы шли пешком до самой деревни’; *Let’s take a short walk before bedtime* ‘Давай прогуляемся перед сном’. Подобное разграничение показывает, что появление функциональных синонимов не приводит к дублетности, т. е. к избыточности, а, напротив, увеличивает арсенал номинативных средств языка, позволяя передавать тончайшие оттенки смысла.

Во-вторых, на примере данной конструкции мы имеем возможность наблюдать вариативность глагольной валентности, что позволяет высказать предположение об особом статусе таких глаголов в ее составе. Сопоставим следующие примеры: *She gave me a fierce cold look* (J. Fowles) ‘Она посмотрела на меня свирепо и холодно’; *She gave a surreptitious look at David* (J. Fowles) ‘Она украдкой взглянула на Дэвида’. В первом предложении валентность глагола *look* в составе конструкции полностью совпадает с его

валентностными характеристиками как полнозначного глагола. Во втором предложении употребление предлога *at* указывает на то, что он относится не к глаголу *give* 'давать', для которого несвойственно употребление с данным предлогом, а соотносится по смыслу с существительным *look* 'взгляд', которое выступает номинантом действия в составе конструкции. Примечателен и тот факт, что в нашем корпусе примеров нет таких, в которых бы прямое и косвенное дополнение в составе данной конструкции менялись местами, как это бывает в случаях употребления *give* как полнозначного глагола. Изменение валентностных свойств глагола *give*, находящее свое проявление как в употреблении иного предлога, так и в ограничении возможности изменения порядка следования дополнений, свидетельствует об изменении статуса подобных глаголов в составе данной конструкции, что является дополнительным фактором для характеристики данных образований как полуаналитических форм. Основным препятствием для их дальнейшего преобразования на пути к завершению процесса анализации служит прежде всего тот факт, что в составе данной конструкции может употребляться довольно широкий список глаголов (*cast, dart, steal, flash* и т. п.). Известно, что в любом языке имеют место такие образования, статус которых характеризуется неопределенностью, а процессы преобразования, некогда начавшиеся в них, так и остаются незавершенными, что лишь свидетельствует об отсутствии жестких границ между различными явлениями как в системе языка, так и в других системах.

Т. А. Козлова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ НАИМЕНОВАНИЙ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Вариативность на лексическом уровне проявляется в наличии нескольких единиц языка, выражающих одну сущность. В случае, если такой сущностью является лексическое значение слова, говорят о явлении синонимии. При этом лексическое значение слов-синонимов может совпадать в разной степени. Данный факт основан на том, что синонимы фиксируют в языке свойства объективного мира, а следовательно, позволяют представить его различные аспекты, существенные для носителей языка. При этом нельзя говорить о том, что слова-синонимы, подобно мозаике, покрывают все семантическое пространство вербализуемого в языке свойства: отношения между единицами синонимического ряда сложнее.

Поскольку синонимы репрезентируют различные аспекты представления объективного мира, считать их тождественными единицами не представляется возможным, а соответственно, невозможно относить к синонимам лексические дублиеты. В то же время благодаря синонимам осуществляется дифференциация различных «оттенков» значения – семантических, стилистических, синтагматических и словообразовательных. Наличие внутренних противоречий допустимо при рассмотрении синонимов как лексического

единства, а способность различий нейтрализоваться является обязательным критерием синонимичности (Ю. Д. Апресян, Д. Н. Шмелев). При этом чем больше ситуаций, в которых такие различия способны нейтрализоваться, тем выше степень синонимичности.

Следует отметить, что отношения между единицами синонимического ряда не линейны: чаще можно выделить слово-доминанту, которое характеризуется стилистической нейтральностью, большей частотностью по сравнению с другими единицами ряда и отсутствием дополнительных дифференцирующих признаков.

При анализе единиц, называющих моральные качества в романе М. Шолохова «Поднятая целина», было выделено 12 синонимических рядов, из них 7 используются при наименовании положительных моральных качеств и 5 – отрицательных моральных качеств. При этом в положительном плане было выявлено 3 пары синонимов, называющих моральные качества, а в отрицательном – 7 таких пар. Наиболее многочисленными являются синонимические ряды, называющие следующие моральные качества (в скобках указано количество различных слов, репрезентирующих моральное качество): *благородство* (11), *вежливость* (7), *доброта* (6), *смелость* (5), *честность* (4), *терпеливость* (4), *сдержанность* (3); *нахальство* (6), *высокомерие* (6), *жестокость* (4), *нечестность* (3), *упрямство* (3).

Одним из наиболее представленных синонимических рядов, называющих отрицательные моральные качества, является группа слов, репрезентирующих моральное качество *нахальство*. Данный синонимический ряд включает следующие лексемы: *беззастенчивость*, *бесстыдство*, *бесцеремонность*, *дерзость*, *нахальство*, *фамильярность*. Следует отметить, что «круговые дефиниции» представляют сложности для репрезентации значений лексем в виде конечного набора сем. Тем не менее, можно отметить, что лексема *фамильярность* противопоставлена всем остальным по признаку того, что называет отрицательное качество, которое проявляется вследствие избытка, а не отсутствия, положительного, т. е. *фамильярность* = ‘очень’ + ‘естественность’. Такой отход от положительного качества позволяет «смягчить» его негативную окраску положительным прилагательным: *С того дня он [Щукарь, кучер при правлении колхоза] почел себя близким знакомым Давыдова (председателя колхоза) и обращался с ним, не в пример остальным, с дружественной фамильярностью.*

Лексемы *беззастенчивость*, *бесстыдство*, *бесцеремонность* объединяет наличие приставки *без-*, которая, в данном случае, обозначает полное отсутствие положительного качества, указанного в основе: *Только Тимофей мог лезть и сердечным бесстыдством ворохнуть Лушкину душеньку. Дед Аким крякнул, видя такую бесцеремонность гостя, а Аким Младший расхохотался.* В таких случаях соответствующее бесприставочное слово обозначает наличие качества в большом количестве (по Ю. Д. Апресяну).

Лексемы *бесцеремонность* и *дерзость* называют такие качества, благодаря которым осуществляется связь анализируемого синонимического ряда с синонимическим рядом *невежливость*. Так, если *бесцеремонность* предполагает отсутствие вежливости, то *дерзость* – уже наличие грубости.

Лексикографическое описание лексемы *нахальство* позволяет представить ее как *беззастенчивость* + *наглость*, а *наглость*, в свою очередь, как *беззастенчивость* + *дерзость*. Таким образом, можно говорить об иерархичности лексем по степени проявления качества в синонимическом ряду: *беззастенчивость* → *дерзость* → *нахальство*. Именно разная интенсивность качества не всегда позволяет произвести замену слова на синоним. С другой стороны, нейтрализация отдельных семантических признаков в определенных контекстах позволяет производить такие замены.

Подводя итог, следует отметить, что вариативность на лексическом уровне свидетельствует о богатстве языка, поскольку возможность вербализовать свойство объективного мира с помощью целого ряда лексем способствует большой выразительности данного языка. При этом необходимо помнить, что данные единицы при наличии общего семантического ядра имеют и дифференциальные семы, которые «высвечивают» необходимую грань называемого свойства. Человек живет в социуме, и поэтому номинировать моральные качества предельно точно чрезвычайно важно, что и доказывается разнообразием синонимических рядов и пар при номинации моральных качеств в художественном тексте.

Н. Н. Коноплева (СГУ, Саратов, Россия)

«ГАРМОНИЧНОСТЬ» И «РИТМИЧНОСТЬ» В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIV–XVI вв.

Названные «гармоничностью» и «ритмичностью» свойства поэтического текста выявляют вариативность служебных и многосложных слов в стихотворной строке при пропуске метрического ударения на сильной позиции ямба («пиррихическая» стопа). Поскольку метрический профиль ямба имеет более явные очертания в строках с первым коротким (четыре слога) полустихием, то в этом смысле такая делимитация строки является диагностической. Представим соотношение служебных и многосложных слов в сильной позиции ямба в строках с таким членением.

В среднеанглийский период число многосложников до падения гласных в окончаниях слов было высоким за счет французских заимствований. Следовательно, изначально можно предположить, что возможные пропуски метрического ударения придутся именно на слова с большим слоговым объемом. Однако число многосложников и служебных слов, стоящих на иктовых (сильных) позициях ямба, в поэзии Чосера практически одинаково: 48 % служебных слов и 52 % многосложников.

Это метрическое равновесие названо «гармоничностью» в противоположность «ритмичности», то есть преобладанию в сильной позиции ямба служебных слов. При распределении по позициям ямба выявлено, что наибольшее количество пропусков метрического ударения приходится на 3 и 4 стопы (шестую и восьмую позицию в строке), но их фоно-лексическое наполнение различно: 3 стопа занята служебными односложными словами (41 %), а 4 стопа (32 %) – многосложными словами.

Можно сказать, что Чосер не только ввел в английскую поэзию 5-стопный ямб, ставший национальным английским размером, но и интуитивно придерживался тех метрических правил, которым в основных чертах неукоснительно следовали идущие за ним поколения английских поэтов, получившие метрический канон.

Дальнейшее развитие этого метрического явления наблюдаем в поэзии XVI в. (Уайет и Сарри). Поэты стали сознательно избегать многосложных слов (особенно в рифменной позиции), так как они приводили к неясной метрической ситуации: ударение в слове неуклонно перемещалось к его началу, а поэтическая традиция диктовала наличие «тяжелого» (ударного) суффикса на конце слова.

Отрыв 3 от 4 стопы обозначился резче, но оба поэта показывают различные метрические предпочтения. Уайет расшатывает в большей степени 4 стопу: в ней 52 % пропусков метрического ударения на икте, а Сарри – 3 стопу (51 % пропусков). В отличие от Уайета, у которого в этих позициях встречаются как многосложные, так и служебные слова, у Сарри как в 3, так и 4 стопе преобладают служебные слова, а их характерное положение – 3 стопа. Можно сказать, что к середине XVI в. «гармоническая» тенденция, при которой количество многосложников и служебных слов приблизительно уравнено, уступила место «ритмической» тенденции, придающей большую динамичность поэтической строке.

Т. В. Корбачёва (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СВОЙСТВА ЦИКЛА КАК ИСТОЧНИК ВТОРИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НАИМЕНОВАНИЙ КОНСТИТУЕНТОВ ЦИКЛИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ

Как известно, в лексической системе языка цикл – это тип лексического поля, принципом организации которого является последовательность и повторяемость. Элементы цикла следуют один за другим в строгой очередности и выстраиваются в бесконечно повторяющийся ряд, что наиболее очевидно на примере временных циклов: суточного, недельного, сезонного и годового. Последовательности могут начинаться с любого элемента, но, как правило, начальный элемент определяется традицией, например, понедельник – первый день недели, год начинается с января.

Предположив, что онтологическое своеобразие цикла может служить источником вторичных значений наименований конститuentов циклических подсистем, мы провели исследование, целью которого было подтвердить или опровергнуть это предположение. Материалом для исследования послужили наименования конститuentов темпоральных циклов русского и испанского языков. Для выявления имплицитных смыслов в семантике наименований конститuentов темпоральных циклов были проанализированы примеры их связанной и свободной сочетаемости.

В ходе исследования установлено, что знание об очередности следования элементов последовательности от первого до последнего и о месте каждого компонента в цикле позволяет наименованиям конstituентов темпоральных циклов передавать следующие смыслы:

1. Элементы цикла могут указывать на место явления, действия в общей картине события. Так, пресуппозиция говорящего, знающего, что неделя начинается в воскресенье и заканчивается в субботу (в испанской традиции XVIII в.), позволяет использовать *sábado* ‘суббота’ в значении «финал, конец»: <...> *huid la justicia de Dios, antes que os huiga la vida*; <...> *antes del Sabado, que es el último día de la semana de vida ...* ‘постарайтесь избежать правосудия божьего прежде, чем вас покинет жизнь, <...> прежде, чем наступит Суббота, последний день недели жизни человека’. Знание о том, что весну традиционно считают первым сезоном года, а утро – началом дня, выступает базой для передачи этими словами значения «начало»: *Vesna – утро года*. Раскрыть смысл поговорки *Неделя средою крепка, а век – половиною* позволяет пресуппозиция того, что среда находится в середине последовательности наименований дней недели. На том же семантическом компоненте «занимающий среднее положение в последовательности дней недели» строится разговорное выражение *estar en medio como el jueves* букв. ‘Находиться посередине, как четверг’, которое употребляется в значении «*estar en medio, generalmente obstaculizando o molestando a alguien o algo*» ‘находиться посередине, служить препятствием или мешать кому-либо’; отличие от русского языка заключается в том, что в испанском языке не среда, а четверг считается днем недели, занимающим срединное положение.

2. Элементы цикла могут передавать краткость или длительность промежутка времени между событиями. Краткий промежуток времени передается рядом стоящими элементами цикла: *Из под пятницы суббота видна; Зарекался, да только от воскресения до понедельника*. Фразеологизм *de la noche a la mañana* букв. ‘с ночи на утро’ используется для описания вдруг, неожиданно наступившего события, т. е. в очень короткий промежуток времени. Для передачи длительного промежутка времени используются отстоящие друг от друга конstituенты цикла: *В ночь с пятницы на понедельник*.

3. Элементы цикла могут указывать на неизменность следования действий и неизбежность событий. Именно значение очередности следования событий несет поговорка *Не суйся пятница наперед четверга*. Мысль о том, что каждый сезон непременно наступит, даже если несколько запаздывает, заложена в поговорке *El verano no se lo come el lobo; ni el invierno tampoco* букв. ‘Ни лето, ни зиму волк не съест’.

Знание о повторяемости циклов позволяет передавать смыслы о том, что событие относится к прошлому или может произойти в будущем. Например, выражение *cosa del otro jueves* букв. ‘дело другого четверга’ указывает на давно прошедшее событие. А фразеологизм *no ser nada del otro jueves* букв. ‘не представлять ничего такого, что стоило бы повторить

в другой четверг⁷ употребляется в отношении того, что не представляет ничего необыкновенного и экстраординарного и, как следствие, недостойно того, чтобы его повторять.

Таким образом, изначальные характеристики цикла: последовательность, повторяемость, положение конstituентов цикла по отношению друг к другу – детерминируют ряд определенных смыслов, которые выражаются наименованиями конstituентов циклических подсистем.

В. В. Корнева (ВГУ, Воронеж, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ НОМИНАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТЕКСТОГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ О ЗНАКОМСТВЕ

Разные типы текста имеют инвариантную структуру, которая может существенно варьироваться. В нашем докладе предпринимается попытка выявить те факторы, которые влияют на текстограмматическую организацию испанских объявлений о знакомстве как определенном типе текста.

В основе порождения объявлений о знакомстве лежит инвариантная модель «кто ищет кого для чего», что позволяет выделить в данном типе текста четыре основных информационных блока: самопрезентация, постулирование контакта, портретирование и целеполагание.

Блок «целеполагание» имеет первостепенное значение, поскольку именно цель позволяет выделить такие виды объявлений, как «брачные отношения», «дружеские отношения» и «гедонистические отношения», каждый из которых обладает разной степенью эксплицитности и структуры в целом, и отдельных ее компонентов. Так, в брачных объявлениях обязательно представлены все четыре информационных блока, тогда как в других видах объявлений могут быть эксплицированы лишь три блока. Например, в объявлениях вида «дружеские отношения» имплицитным может быть либо блок «целеполагание», либо блок «портретирование». Ср.: *Viuda de 65 años busca a alguien similar, educado, bueno, gustándole viajar, naturaleza y pasear* ‘Вдова 65 лет ищет похожего человека, воспитанного, доброго, которому нравится путешествовать, гулять и который любит природу’ (1) и *Deseo conocer chica amable, inteligente, cariñosa, gustando salir, para amistad estable* ‘Желаю познакомиться с ласковой умной нежной девушкой, которая любит гулять, для стабильных дружеских отношений’ (2).

Кроме того, брачные объявления отличаются максимально развернутой характеристикой и адресанта, и адресата, тогда как объявления вида «гедонистические отношения», напротив, могут содержать минимум информации, как в следующем примере: *Chico busca chicas* ‘Молодой человек ищет девушек’ (см. подробнее [1; 2]).

Другим фактором, влияющим на текстограмматическую организацию текстов объявлений о знакомстве, являются реализуемые адресантом интериоризованная или экстериоризованная номинативно-дискурсивные стратегии

[1; 2]. Маркерами этих стратегий выступают средства номинации адресанта и форма глагола. В первом случае это имя собственное и / или местоименные формы *yo / te* в сочетании с глаголом 1-го л. ед. числа, а во втором – номинация адресанта гендерно ориентированными лексемами и глагол 3-го л. ед. числа.

Выбор той или иной стратегии во многом определяет и распределение информации в макроструктуре текста, и вариативность его композиции, и языковую репрезентацию отдельных информационных блоков.

Так, экстерииоризованная стратегия допускает лишь линейную композиционно-смысловую структуру с последовательным разворачиванием информационных блоков («самопрезентация», «постулирование контакта», «портретирование», «целеполагание»). В то же время при реализации интериоризованной стратегии возможны не только линейная структура, но и инверсная и даже рамочная структура (блок «самопрезентация» или завершает текст, или обрамляет его). Ср.: *José, 39 años, 1,73, 75 kg., no fumador. Busco chica sincera, simpática, sabiendo que quiere, para amistad, formar familia* ‘Хосе, 39 лет, 1.73, 75 кг., некурящий. Ищу искреннюю, симпатичную молодую женщину, которая знает, чего она хочет, для дружеских отношений и создания семьи’.

Me gustaría conocer un chico entre 40-45 años, honesto, que le guste bailar, cine, que busque relación estable. Yo, chica honesta, buscando lo mismo ‘Мне бы хотелось познакомиться с мужчиной 40-45 лет, честным, любящим танцы и кино, который ищет стабильных отношений. Я честная девушка, которая ищет то же самое’.

Не менее очевидно влияние номинативно-дискурсивных стратегий на синтаксическую вариативность данных текстов. Как и в случае с композиционно-смысловой структурой, только при интериоризованной стратегии в макроструктуре текста появляются самые разные синтаксические конструкции. В их числе побудительные и вопросительные предложения, а также условные сложноподчиненные предложения, которые в принципе не возможны при реализации экстерииоризованной стратегии. Например:

José, 38 años, separado. ¿Crees en el amor? Yo, sí. Busco chica entre 30-38 años para fines serios. ‘Хосе, 38 лет, разведен. Ты веришь в любовь? Я да [верю]. Ищу молодую женщину 30–38 лет с серьезными намерениями’.

Все сказанное выше свидетельствует о важности номинативно-дискурсивных стратегий в текстограмматической организации объявлений о знакомстве как определенном типе текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнева, В. В. Типология и структурно-семантические свойства испанских объявлений о знакомстве / В. В. Корнева, К. О. Москаленко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. – Воронеж, 2017. – № 4. – С. 103–107.
2. Корнева, В. В. Традиции и новации в изучении объявлений о знакомстве / В. В. Корнева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. – Воронеж, 2018. – № 1. – С. 184–187.

М. Д. Королькова (Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия)

ПРИРОДА ВАРИАТИВНОСТИ В РЕМЕСЛЕННОЙ ЛЕКСИКЕ ПОВОЛЖЬЯ¹

Профессиональная лексика русских говоров представляет собой интереснейший объект для различных исследований, как лингвогеографических, так и лексикологических. Под профессиональной лексикой говора или ремесленной лексикой автор понимает лексические единицы, используемые ремесленниками-диалектоносителями для описания своей работы, т. е. для наименования деятеля, процессов, материалов, изделия и его частей, инструментов и приспособлений.

В рамках исследования полевых записей рассказов о ремеслах, кроме лингвогеографического, был проведен пристальный анализ особенностей функционирования ремесленной лексики в говорах Присурского Поволжья. Анализ показал, что ее природа неоднозначна: в состав ремесленной лексики входят как диалектные, так и общенародные слова и словосочетания (по территориальному делению), а также терминологические и общеупотребительные единицы (по особенностям функционирования). Это и является причиной развитой вариативности в наименовании практически любого понятия в трех проанализированных тематических группах: лексика валяльного дела, лексика плотнического и столярного дела и лексика обработки волокна, прядения и ткачества.

Было отмечено, что профессиональная лексика русских говоров, не смотря на кажущуюся архаичность, подвержена вариативности. Если следовать строгой классификации вариантов (тождество морфологической структуры), то в анализируемом материале представлены варианты по следующим формальным признакам:

- акцентологические (ср. *доска́* / *до́ска* 'доска');
- фонетические (ср. *шелева́ть* / *шилева́ть* 'отделывать досками');
- фонематические (ср. *гро́хатъ* / *гру́хатъ* 'процесс битья валенка в процессе валяния с водой', *за́страги* / *за́струги* 'тип крепления, продолговатый шип');
- морфологические (ср. равноправные по употреблению варианты ед. и мн. числа: *поя́рок* / *поя́рки* 'шерсть молодой овцы', и наименования м. и ж. рода: *рубча́тка* / *рубча́т* 'инструмент для валяния в виде доски с острыми рубцами', *руба́нок* / *руба́нка* 'инструмент для строгания' и *пятисте́нок* / *пятисте́нка* 'вид сруба, конструкция с поперечной перегородкой').

Но этим материалом варианты, представленные в терминологической лексике русских говоров, не ограничиваются. Если понимать вариантность расширенно, то ремесленная лексика предоставляет богатое поле для

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда РФФИ: грант 19-012-00207 «Лексический атлас русских народных говоров»: архивные лингвогеографические источники и новые полевые данные

наблюдений за словообразовательными вариантами, совпадающими по лексическому и грамматическому значениям (ср. *нос / нóсик / носóк, зад / зádник / задóвка* ‘передняя и задняя части валенка’, *решётник / обрешетка* ‘поперечный настил из тонких досок или жердей на стропилах’).

В анализируемом материале вариативность проявляется в двух плоскостях: региональной и социальной дифференциации, но существуют и полные варианты. Региональная вариативность выражается в наличии общенародных и диалектных слов для обозначения одних и тех же понятий на разных территориях. Примером могут служить наименования мастера валяльного дела. Функциональная вариативность единиц, входящих в ремесленную лексику, проявляется в том, что в ней присутствуют единицы, имеющие терминологическое и общеупотребительное значения.

В. Ю. Костюченко (БГУ, Минск, Беларусь)

**МОДАЛЬНОСТЬ АКЦЕНТИРОВАНИЯ:
ЛЕГКО ПОЧУВСТВОВАТЬ, НО ТРУДНО ОБЪЯСНИТЬ**
(на материале русских и английских сетевых ток-шоу
и интернет-комментариев)

Модальность акцентирования не представляет собой четко оформленную модальную категорию, однако ее высокая употребительность (особенно в устной неподготовленной речи и в новых формах письменной коммуникации (форумах, интернет-комментариях)) свидетельствует об их важной роли в процессе общения. Особенностью модального класса слов акцентирования является то, что они не изменяют семантику высказывания, однако во многом определяют ее прагматику. Все слова и словосочетания акцентирования выражают эмоциональное отношение и состояние говорящего, показывают его вовлеченность в ход беседы и направленность на собеседника. Для них характерна размытость семантики и отсутствие денотативной соотнесенности с предметами и явлениями реального материального мира. Их семантика в большей или меньшей степени свернута и идиоматична. Слова акцентирования сами по себе не имеют лексического значения, они не имеют и общего значения «усиления», «выделения». Так, например, частицы *и* или *же* сами по себе ничего не значат, в то время как высказывание *И лентяй же!* имеет модально-экспрессивное значение акцентированного усиления, которого нет в высказывании *Лентяй!* О своеобразии функций и содержании лексем акцентирования говорит то, с каким трудом раскрывают их семантику словари: не денотативно, а очерчивая условия, при которых нужна та или иная частица. Учитывая коммуникативную направленность этих слов, представляется, что термин «дискурсивные слова» – это наиболее подходящее название для этой прагматически-маркированной группы слов с модальной семантикой акцентирования. Размытость и диффузность семантики таких слов, а также связь этих лексем с эмоциями говорящего делают эти средства акцентирования трудно переводимыми на другие языки.

А. Вежбицкая отмечает, что «если человек, изучающий какой-либо язык, не сможет овладеть значениями его частиц, коммуникативная компетенция такого человека будет трагически неполной» [1, с. 327]. Материалом исследования послужили 16 фрагментов (по 8 фрагментов в русском и английском языке) сетевых ток-шоу с участием актеров и 16 фрагментов интернет-комментариев к ним или ток-шоу такого же формата. Объем одного фрагмента 1000 слов.

В русских интернет-текстах модальное значение акцентирования выражается при помощи частиц (*ну, же, вот*), вводных слов и оборотов (*понимаете, видите*), усилительных наречий (*абсолютно, просто*), союзов (*а*), местоименных прилагательных (*какой, такой*), глаголов в повелительном наклонении, которые в рамках данного материала максимально приближены к вводным словам (*послушай, подождите*). В английском материале группу слов с модальной семантикой акцентирования составляют маркеры разговорной речи (*discourse markers, spoken adverbs* или *discourse particles*), а также наречия и усилительный глагол *do*. Следует отметить, что многие слова акцентирования в английском материале выражают симпатию, согласие со словами собеседника (*okay, yeah, good, yes, you know*).

Более широко по лексическому разнообразию дискурсивные слова представлены в русских ток-шоу и интернет-комментариях, причем их представленность в русских ток-шоу и интернет-комментариях практически одинаковая (40 и 39 лексем соответственно), в то время как в английском материале разница более существенная (23 vs. 34 лексем). Количественная представленность лексем акцентирования также выше в русских интернет-дискуссиях: в них зафиксировано 385 словоупотреблений в ток-шоу и 188 словоупотреблений в интернет-комментариях, в то время как в английских текстах выявлено 223 vs. 95 словоупотреблений. Таким образом, модальные значения акцентирования более широко представлены в русских и английских ток-шоу по сравнению с интернет-комментариями, что связано с непосредственным присутствием собеседника в студии, стремлением участников оказать воздействие на слушающего, создать непринужденную и открытую атмосферу общения. Анализ русских и английских интернет-дискуссий показал, что различия между двумя рассматриваемыми жанрами интернет-коммуникации более существенны в английском материале по сравнению с русским.

Рассматриваемый материал показал разнообразие других модальных значений или оттенков значений, сопутствующих основному значению акцентирования (подчеркивания, выделения слова или всего высказывания): 1) значение акцентирования часто сопряжено с выражением эмоционально-оценочного отношения (восхищение, удивление, недоумение, пренебрежение); 2) противопоставление словам собеседника или общему мнению (*Так все-таки есть оперные примеры?*); 3) тривиальность, понятность, очевидность сообщаемого для адресата, соответствие его ожиданиям: *Ну это же тоже хореография?*; 4) метакоммуникативная функция (заполняют паузы, разъясня-

ют и дополняют ранее сказанное, сигнализируют о переходе к новой теме и др.; 5) выражение допущения (*Ну, наверное, сейчас везде тебя возьмут*); 6) средство установления контакта, создания непринужденной обстановки общения.

В русском материале слова и словосочетания акцентирования более часто по сравнению с английским материалом выражают несогласие, противопоставление мнению собеседника, эмоционально-оценочное отношение или состояние, что говорит о прямолинейности, открытости и большей степени искренности в проявлении эмоций русскими коммуникантами. Английские собеседники более сдержанны и косвенны в проявлении своих эмоций. Использование ими дискурсивных слова акцентирования – это стратегия коммуникативного поведения, направленная на то, чтобы оказать коммуникативную поддержку собеседнику, показать свое одобрение и положительное отношение, избежать конфликтных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wierzbicka, A. Particles and linguistic relativity / A. Wierzbicka // International Review of Slavic Linguistics. – 1976. – №1 (2/3) – P. 327–367.

Т. С. Котик (МГЛУ, Минск, Беларусь)

О ДЕЙКТИКЕ *HIN* КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ЭЛЕМЕНТЕ

В данной работе представлены результаты исследования количественных характеристик словообразовательной активности локального дейктика *hin*, использующегося для обозначения направления движения от говорящего. Коррелятом данного дейктика в русском языке является наречие *туда*.

В отличие от единицы *туда*, *hin* очень широко используется в качестве приставки для образования производных слов. Для определения словообразовательной активности дейктика *hin* методом сплошной выборки из словаря «Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» отобраны все языковые единицы, образованные с помощью этого дейктика, всего 866 единиц. Установлено, что *hin* используется для образования единиц самых разных частей речи – глаголов, существительных, наречий, прилагательных. В выборке зафиксированы также 1 предлог и 1 союз.

Как показывает выборка, наибольшее количество дериватов среди отобранных языковых единиц составляют глаголы – 775 единиц. Установлено, что среди них представлены глаголы разных семантических групп, например, глаголы физической деятельности (*hinblicken* ‘смотреть в определенную сторону’), глаголы речевой деятельности (*hinreden* ‘бездумно говорить, болтать’), глаголы движения (*hindrängen* ‘стремиться подойти’) и др. Анализ переводов глагольных дериватов с *hin* в переводных словарях на русский язык показал, что в них семантические различия производящих и производных глаголов с *hin* не фиксируются: *gehen* ‘идти’ – *hingehen* ‘идти’, *fallen* ‘падать’ – *hinfallen* ‘падать’, *marschieren* ‘маршировать’ – *hinmarschieren* ‘маршировать’, *blicken* ‘смотреть’ – *hinblicken* ‘смотреть’ («Новый большой

немецко-русский словарь»). Однако в толковых словарях немецкого языка в дефинициях многих глаголов, образованных с помощью *hin*, присутствует уточнение «an eine Stelle, an einen Ort» ‘в определенное место’, например, *hinfahren* ‘отвозить’ – «a) **an einen bestimmten Ort fahren**; b) jmdn., etw. **an einen bestimmten Ort fahren**» ‘a) отвезти в определенное место; b) отвезти кого-то в определенное место’, *sich hinbegeben* ‘отправляться’ – «**sich an einen bestimmten Ort begeben**» ‘отправляться в определенное место’, *hinbefehlen* ‘приказать явиться’ – «**an eine bestimmte Stelle befehlen**» ‘приказывать явиться в определенное место’ (Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache). Отсюда следует предположение, что в немецком языке глаголы с приставкой *hin* обозначают действие, направленное в конкретное место, известное адресату, т. е. они, подобно артиклю, выполняют функцию детерминации. Сравнение аутентичных языковых выражений на немецком языке с их переводом на русский язык показывает, что подобная эксплицитная детерминация известного / неизвестного места, в / на которое направлено действие, для русского языка оказывается не всегда релевантной, при этом в ее осуществлении задействуется не дейктический элемент *сюда*, а глаголы с приставками *под-*:

(1) *Da Momo nun merkte, dass die beiden böse aufeinander waren, wusste sie zunächst nicht, zu welchem sie zuerst **hingehen** sollte* (M. Ende. «Момо») ‘Когда Момо поняла, что они злы друг на друга, она никак не могла решить, к кому первому **подойти**’.

В то же время очевидно, что детерминация места действия по отношению к говорящему / адресату является не единственной семантической функцией *hin* в составе глаголов. Так, в высказывании (2) *Wo sie nach der Besichtigung derselben **hinfahren** werden, weiß ich nicht; aber das weiß ich, daß sie nur einige Tage ausbleiben und in den Sternenhof zurückkehren werden* (A. Stifter. «Der Nachsommer») ‘Куда они **поедут**, когда осмотрят ее, я не знаю, но знаю, что они отлучились лишь на несколько дней и вернутся в Штерненхоф’ глагол *hinfahren* не сообщает о перемещении в известное место. Мы предполагаем, что в результате взаимодействия с *hin* семантика производящих баз будет модифицироваться в нескольких направлениях. Выявление направлений таких модификаций, а также факторов, их обуславливающих, станет предметом наших дальнейших исследований.

И. А. Краева (МГЛУ, Москва, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ И НОРМА ПРИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ГРАДУАЛЬНОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Согласно общепризнанному определению, языковая норма представляет собой совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Нельзя не согласиться с тем, что языковая норма является не

только лингвистической, но и социально-исторической категорией, поскольку отбор и фиксация языковых явлений, система их оценок отличаются в разные периоды развития языка и общества. В итоге норма как совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, отражает специфические черты литературного языка определенного периода.

Не вызывает сомнения тот факт, что между литературной нормой и реальным употреблением языка всегда имеются большие или меньшие расхождения, степень которых зависит от разных факторов языкового и социального характера. Под воздействием стихийных и сознательных процессов норма постепенно формируется и эволюционирует. В связи с этим, говоря о нормативности в языке, важно, на наш взгляд, обращать внимание на проявляющиеся в языке тенденции отбора и правила использования языковых средств. Конечно, новые явления в языке (наряду с архаичными, функционально и территориально маркированными), не входят в ядро литературной нормы определенного периода, но, находясь на ее периферии, используются, тем не менее, в рамках литературной нормы.

Несомненно, определить, нормативно какое-то новое языковое явление или нет, подчас довольно сложно. Как известно, признание нормативности явления должно основываться по крайней мере на трех признаках: на соответствии данного явления структуре языка, на факте массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации и на общественном одобрении и признании соответствующего явления нормативным.

Наиболее эксплицитной и «объективированной» формой подобного одобрения всегда считалась *кодификация* определенного явления в качестве нормы в грамматиках, справочниках и словарях, которая по мере изменений, происходящих в языке, должна периодически обновляться.

В настоящее время, благодаря успешному развитию корпусного направления лингвистических исследований, ученые получили дополнительные возможности для решения как новых, так и традиционных задач науки о языке. В рамках нашего исследования при определении новых тенденций в использовании лексических единиц, вербализующих концепт «градуальность» в современном английском языке, а, точнее, при изучении сочетаемости английских прилагательных с наречиями степени для выражения разной степени проявления признака, мы используем данные авторитетных онлайн словарей лексической сочетаемости, основанных на данных Британского национального корпуса (British National Corpus, BNC), – Online Oxford Collocations Dictionary и the English Collocations Dictionary Online.

Ранее лингвисты, изучающие функциональный класс квалификаторов степени (т. е. класс лексических единиц, вербализующих концепт «градуальность»), полагали, что квалификаторы имеют довольно широкую валентность, но в то же время возможны и валентностные ограничения, связанные с их семантикой. Такие ограничения сводились к тому, что ни один квалификатор в силу своей семантики не может модифицировать прилагательные

типа *formidable* 'грозный; огромный', *enormous* 'громадный', *gigantic* 'гигантский', которые сами содержат в себе усилительные градационные семы: *formidable* = *very* + *big* 'очень + большой'; **very formidable* = *very* + *very* + *big*.

Однако обращение к корпусным онлайн словарям сочетаемости показало, что ситуация на данный момент несколько изменилась и, например, упомянутое выше прилагательное *formidable*, имплицитно выражающее высокую степень проявления признака, в настоящее время часто употребляется с наречием степени *very*.

Согласно данным онлайн словарей, тенденция часто употребляться с наречиями степени, усиливающими степень проявления признака, характеризует и целый ряд других английских прилагательных, имплицитно выражающих высокую / очень высокую степень признака, которые ранее таких сочетаний не образовывали (например, *ancient* 'древний', *astonished* 'изумленный', *astonishing* 'изумительный', *brilliant* 'выдающийся', *delightful* 'восхитительный', *dreadful* 'ужасный', *shocking* 'потрясающий' и др.).

Употребление других английских прилагательных, также имплицитно выражающих высокую / очень высокую степень проявления признака, с наречиями степени может, на наш взгляд, считаться уже *кодифицированным*, поскольку авторитетные словари английского языка, в том числе учебные, приводят подобные сочетания в качестве примеров типового употребления рассматриваемых прилагательных. К таким прилагательным относятся *freezing* 'ледяной', *amazing* 'изумительный', *awful* 'ужасный', *absurd* 'абсурдный', *appalling* 'отталкивающий' и многие другие: "*It's completely absurd to suggest that we shouldn't test students*" 'Совершенно абсурдно предлагать не тестировать студентов'; "*The jokes were absolutely appalling*" 'Шутки были очень плохими'.

Таким образом, в современном английском языке прослеживаются новые тенденции употребления лексических единиц, в том числе в плане сочетаемости лексем, вербализующих концепт «градуальность». Некоторые из таких новых употреблений, согласно онлайн словарям, часто используются в речи, другие уже кодифицированы авторитетными словарями, т. е. приобрели нормативный характер.

А. В. Красник (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОДЕРЖАНИИ ЗНАЧЕНИЯ ПОГОДА В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

В современной лингвистике под вариативностью понимается фундаментальное, универсальное свойство языка, заложенное в самом устройстве языковой системы. Это способ существования всех единиц языка, обнаруживающий специфические черты в пределах каждого уровня: в фонетике, морфологии, лексике, синтаксисе. Вариативность обеспечивает не только функционирование языковой системы, но и ее развитие. Благодаря вариатив-

ности языковые единицы способны формировать бесконечное число смыслов, фиксировать новое знание, получаемое социумом, а также выражать оценочное отношение говорящего к предмету сообщения в процессе коммуникации, не нарушая при этом устойчивости языковой системы.

Психолингвистический подход уделяет значительное внимание проблемам вариативности значения, полисемии, выявления факторов, влияющих на семантику слова. В отличие от традиционного понимания значения, представленного суммой семантических компонентов, входящих в определенное семантическое поле, в психолингвистике значение определяется как сложная, постоянно изменяющаяся под влиянием различных внешних и внутренних факторов система эквивалентов психологических взаимосвязей слов. Признавая идею двойственности значения, психолингвисты разграничивают лексикографическое и психолингвистическое значение как виды значения, отражающие языковое сознание носителей языка, т. е. сознание, отраженное, зафиксированное, актуализируемое в значениях языковых знаков.

Попытаемся проследить вариативность представлений о содержании значения *погода* в сознании носителя языка. Рассмотрим, чем отличаются данные виды значения на материале опорной группы слов со значением *погода*. В данную группу вошли 35 лексических единиц общеупотребительной погодной лексики: *weather* 'погода', *wind* 'ветер', *storm* 'шторм', *squall* 'шквал', *tornado* 'торнадо', *gale* 'штормовой ветер', *breeze* 'бриз', *whirlwind* 'вихрь', *hurricane* 'ураган', *precipitation* 'осадки', *snow* 'снег', *blizzard* 'метель', *hail* 'град', *rain* 'дождь', *drizzle* 'морось', *shower* 'ливень', *downpour* 'ливень', *cloudburst* 'ливень', *sleet* 'мокрый снег', *slush* 'талый снег', *cloud* 'облако', *hoar-frost* 'иней', *dew* 'роса', *fog* 'туман', *haze* 'дымка', *mist* 'легкий туман', *temperature* 'температура', *frost* 'мороз', *cold* 'холод', *cool* 'прохлада', *thaw* 'оттепель', *heat* 'жара'.

В обиходном употреблении под погодой понимают все то, что происходит в настоящий момент за окном: идет ли дождь, светит ли солнце, тепло на улице или холодно. Хотя в наивном понятии не представлено толкование значения, приведенное в словаре, содержательные компоненты словарного толкования тем или иным образом отражены в нем.

Полученное в результате проведения компонентного анализа лексикографическое значение *погода* включает в себя такие семантические компоненты, как ДВИЖУЩИЙСЯ ВОЗДУХ, ВОДА и НАГРЕВАЮЩИЙСЯ ВОЗДУХ, их физические характеристики (НАПРАВЛЕНИЕ, ИНТЕНСИВНОСТЬ, ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ, СКОРОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ЦВЕТ), а также ВРЕМЯ и МЕСТО протекания погодного явления. При изучении психолингвистического значения *погода* в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента дополнительно были выявлены такие компоненты, как ОТНОШЕНИЕ, НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА, ЖИВАЯ ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК, ЭФФЕКТ, ЗАЩИТА.

Сравнительный анализ обоих видов значения показал, что, с одной стороны, психолингвистическое значение шире и объемнее лексикографического варианта и лексикографическое значение входит своим составом

в психолингвистическое значение. С другой стороны, оно занимает в психолингвистическом значении ядерное положение. Это означает, что при упоминании о погоде у носителей языка чаще возникают ассоциации, непосредственно связанные с различными видами погодных явлений, будь то бриз или шквалистый ветер, морось или проливной дождь; с их формой проявления в виде капель, снежинок, градин, порывов ветра; насколько сильно идет дождь или дует ветер и в какую сторону, а также где и когда данное явление можно наблюдать. Подобные ассоциации будут схожи у большинства людей и именно поэтому лексикографическое значение представлено в словарях. Оно отражает социальную сторону значения слова, которая обеспечивает взаимопонимание в процессах познания и общения.

Тем не менее, эксперимент показал, что в сознании носителя языка *погода* связана не только с представлением о погодных явлениях. Для человека является важным, какое влияние оказывают погодные явления: *wet feet* 'мокрые ноги', *mud* 'грязь'; как с ними бороться: *roof* 'крыша', *umbrella* 'зонт'; чем можно заняться в период протекания того или иного погодного явления: *reading* 'чтение', *dancing* 'танцы'; кто подвластен влиянию погодных явлений: *crying children* 'плачущие дети', *dog* 'собака', что отражено в психолингвистическом значении. Индивидуальные реакции, входящие в психолингвистическое значение *погода*, отличаются в силу положительного или отрицательного опыта, пережитого каждым конкретным человеком. Тем не менее, их можно обобщить, что мы и сделали, и дополнить реально существующие в сознании носителей языка связи между семантическими компонентами, закрепленными за определенной звуковой оболочкой. Содержание значения *погода* в сознании носителя языка детерминировано особенностями индивидуального опыта и в силу этого вариативно.

И. В. Кратёнок (БГЭУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕСКРИПЦИИ В ФИНАНСОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Одной из задач, подсказанной современным развитием лингвистики, является выявление специфики лексикографического описания терминов, как одной из наименее изученной группы слов.

Объектом нашего исследования был выбран один из важнейших терминов финансовой терминологии термин *lien* 'заклад', 'обеспечение займа', 'право удержания имущества за долги'. При всех разных переводных эквивалентах все они связаны с одним и тем же компонентом значения, т. е. 'нечто, что дается как обеспечение возврата денег'. Предполагается, что термины, будучи обозначением понятий специфической области, по своим значениям должны совпадать с понятиями, и, предположительно, дескрипция не должна допускать лексикографических вариаций.

Для проверки данной гипотезы в качестве лексикографических источников были взяты 15 авторитетных толковых словарей английского языка и лексическая база WordNet.

В исследуемых словарях термин *lien* представлен как многокомпонентная структура и количество компонентов варьируется от словаря к словарю. При проведении дефиниционно-сопоставительного анализа в значении термина *lien* было выявлено 12 основных семантических признаков, представленных различными компонентами, которые, однако, наблюдаются не во всех словарях, т. е. разный объем информации передается разным количеством компонентов.

Так, например, наиболее полные дефиниции, содержащие максимальное количество семантических компонентов, выделены в общих словарях LDOCE и MEDFAL. В них содержится по 9 признаков: ‘право’, ‘удерживать, хранить’, ‘имущество’, ‘принадлежность’, ‘лицо’, ‘быть должным’, ‘деньги’, ‘темпоральность’, ‘оплачивать’, ‘гарантия (обеспечение)’. Наименьшее количество признаков зафиксировано в словаре BCFG – 2. Термин *lien* определяется как «claim against a property» (BCFG) – иск к собственности / недвижимости – ‘право и обязательства’, ‘имущество’.

Таким образом, наиболее близкими дефиниции оказываются в общих толковых словарях, а специальные толковые словари дают наиболее полные по своим определениям и примерам дефиниции. Примечательно, что наименьшее количество признаков термина *lien* было зафиксировано в финансовых глоссариях.

Сопоставление дефиниций термина *lien* во всех исследуемых источниках позволило выделить среди них *обязательные* (присутствующие в 100 % дефиниций), *высокочастотные* (зафиксированные в 75 % толкований), *среднечастотные* (в 50 % словарных статей), *низкочастотные* (в 25 % словарных статей) и *единичные* (обнаруженные в дефиниции одного источника). Из них: обязательных признаков – 2, высокочастотных – 3, среднечастотных – 2, низкочастотных – 3 и единичных – 2 признака. Очевидно, что обязательными и наиболее значимыми компонентами и, следовательно, наиболее значимыми в структуре значения, являются 7 признаков: ‘права и обязательства’ (*right*), ‘имущество’ (*property*), ‘оплачивать / оплата’ (*pay*), ‘лицо’ (*person*), ‘деньги’ (*money*), ‘хранить, удерживать’ (*keep*), ‘темпоральность’ (*until*), а замыкают список второстепенные, факультативные, варьирующиеся признаки: ‘принадлежность’ (*possession*), ‘гарантия’ (*security*), ‘быть должным (обязанным)’ (*owe*), ‘давать’ (*grant*) и ‘продавать’ (*sell*). Таким образом, в дефиниции термина работает принцип необходимости, обязательности и факультативности признаков.

Кроме этого, в ряде словарей дается специальная помета, что это юридический термин, что позволяет нам говорить об амбивалентности финансовой терминологии. Во всех используемых словарях искомый термин *lien* имеет одно значение, в основе которого находится компонент ‘залог’, т. е. ‘обеспечение возврата денег’. Однако, как показывает анализ, в разных типах словарей акцентируются различные стороны значения термина: так,

в ODOFB, PBD, DOB, GIG, RFG, WordNet, OALD, LDOCE, CCD, MEDFAL на первом месте стоит компонент 'right' – 'право' (удерживать, брать, получать что-либо), в DOMI 'security interest' – обеспечение залога, в CALD 'official order' – 'официальное право', в BCFG 'claim' – 'иск', в BDOBT 'charge' – 'удержание', в LIBD 'charge or claim' – 'удержание или требование', в LDOBE 'bond or tie' – 'долговое обязательство, связывание условиями'.

Несмотря на специфику термина как определенной лексической единицы, его дефиниция тем не менее варьируется, термин не получает одинаковое определение, он обладает набором дефиниций, значительно отличающихся друг от друга. Проведя анализ 16 дефиниций, можно с уверенностью утверждать, что ни в одном словаре нет абсолютно идентичных дефиниций.

Поэтому становится возможным утверждать, что вариативность наблюдается не за счет трактовки разных значений, а за счет разного видения, разного решения лексикографами вопроса о составляющих значение термина компонентов, разных форм выражения одного и того же понятия.

С. Е. Кремзикова (ДонНУ, Донецк)

ВАРИАТИВНОСТЬ СЕМАНТИКИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИНАМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ МИРА

Язык как динамическая система находится в постоянном движении, которому сопутствуют языковые изменения. Способность к варьированию является универсальным свойством языка, проявляющимся как в его структурной организации, так и в процессе функционирования. Вариативность как общее свойство языка изучается различными лингвистическими теориями: в рамках функционализма, структурализма, генеративной лингвистики, коммуникативной лингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики. В общей форме идеи вариантности были сформулированы лингвистами Пражской школы. Они представляли язык как эластическую стабильность в свойственной ему дихотомии: константности и подвижности. Через термин *вариативность* лингвистам Пражской школы удалось преодолеть разрыв между синхронией и диахронией, показать их взаимопроникновение.

Как известно, морфологическая стабильность и семантические различия комплексных словообразовательных единиц – словообразовательных типов, многозвенных словообразовательных рядов определяются разными валентностными характеристиками производящих основ и аффиксов. Они также связаны с таким понятием, как *лингвокультурный потенциал языковой единицы*, который определяется через номинативную, лексико-грамматическую и функциональную валентность лексических единиц, т. е. через участие последних в процессе именованности и особенности их функционирования [1, с. 48]. Благодаря когнитивной природе, комплексные единицы словообразования способствуют фиксации новых структур знания и объективации определенных концептуальных единств, которые рассматриваются

в современной лингвистике как ментально-языковые категории, выступающие в роли способов познания мира [2, с. 407]. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена применением новых подходов к изучению *процессов словообразовательной категоризации действительности* в старофранцузском и современном французском языке *с учетом особенностей дискурсивной деятельности*, присущих определенному языковому сообществу.

Обращение к раннему периоду становления французской словообразовательной системы позволяет по-новому взглянуть на факты современного языка. Так, в старофранцузский период продуктивность словообразовательной модели $N^1 + \text{Suf. } -ier \rightarrow N^2Ag$ объясняется не только количеством образованных существительных со значением названия лиц по действиям, поступкам, функциям, роду занятий, отношениям, свойствам, связям (976 единиц по данным словаря TL), но и регулярностью участия производных в вербализации деятельностных ситуаций, имеющих отношение к ключевым концептам феодального средневековья, в частности, принадлежности к социальным стратам общественной иерархии, в эпическом, куртуазном, историческом, агиографическом, фольклорном дискурсах [3]. Например: *Li changeor et li drapier, Li orfevre et li freprier, Li maçon et li chapantier, Li cirier et li espicier, Li celier et li cordouannier, Et li bouchier et li tripier* (Des Vilains ou des XXIII menieres de vilains; www.uhb.fr/alc/medieval/index.htm). Кроме производных со значением лица «тот, кто имеет отношение к предмету...», продуктивными были и производные с суффиксом *-ier / -iere* с предметным значением «место»: *evangelier, inier* «recueil d' hymnes / сборник гимнов», *leçonier* «livre contenant les parties lues de l'office», *poitriniere* «cuirasse», *visagiere* «visière», *cerveliere* «casque», *panier* «корзинка для хлеба», *salier* «солонка».

В процессе формирования нового значения производного важную роль играет наследование значений, присущих исходному слову, как процедура передачи определенной концептуальной информации от одной единицы к другой. В современную эпоху развития науки и техники, прогресса в сфере инженерии, меняется социальная стратификация, появляются новые профессии и новые области социального устройства. Анализ достаточно представительной выборки из словаря современного французского языка Le Petit Robert свидетельствует о продуктивности модели $N^1 + \text{Suf. } -ier \rightarrow N^2Ag$ и в современный период. Отмечено, что в современном французском словообразовании формулы «лицо, которое...», «тот, кто...», представляющие собой базовые понятия концептуальной и языковой картин мира, реализуют дополнительные коннотации, в частности, «то, что является источником энергии», «техническое устройство, которое...», как, например, названия морских судов предназначенных для перевозки определенного вида грузов: *butanier* «navire destiné au transport du butane liquéfié», *méthanier* «navire transporteur de gaz liquéfié», *vraquier* «navire transportant des produits en vrac»; судов для ловли определенных видов рыбы: *thonier* «navire pour la pêche au thon», *crevettier* «bateau qui fait la pêche à la crevette»; морских судов, предназначенных для определенных географических условий: *cap-hornier*

‘grand voilier, long-courrier qui passait par le cap Horn’. По расширению значения название корабля переносится на капитана и команду *cap-hornier* ‘nom donné aux capitaines commandant ces navires et à leurs équipage’. Результаты проведенного исследования подтверждают тезис о том, что нормативные изменения модели связаны с общей тенденцией к усилению константности языкового знака. Словообразовательные модели рассматриваются не только как категоризаторы языковых единиц, но и как категоризаторы опыта, приобретаемого человеком.

Исторический аспект изучения производных имен деятеля дает возможность осознания проблем словообразовательного характера: модель как историческая категория, зависимость словообразовательного значения, структуры и семантики производных определенной модели от лексического значения образующего слова и его когнитивной специфики. Большинство производных категории агентивности и в современный период развивают свои значения на образной основе с постоянным обновлением их содержательных форм. Все новые образования представляют собой выражение концепта активного начала деятельностной сущности в актуальном его проявлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матюнова, А. А. Структура номинативно-словообразовательной семантики сложных слов в русском языке (диахронический аспект) / А. А. Матюнова // Веснік Бел. дзярж. ун-та. Сер. 4. – 2011. – № 3. – С. 46–50.
2. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
3. Кремзикова, С. Ю. Словотвір та дискурс: діяльнісні ситуації у старофранцузькій мові : монографія / С. Ю. Кремзикова. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2010. – 512 с.

А. В. Кремнева (АлтГТУ им. И. И. Ползунова, Барнаул, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Хорошо известен тот факт, что человек может по-разному форматировать когнитивное содержание своего высказывания с помощью языковых средств. При этом по способности варьировать способы выражения мысли при необходимости адаптировать свою речь в зависимости от собеседника мы формируем наше представление о коммуникативных способностях человека, об уровне развития его языковой личности. Каждый представитель определенного лингвокультурного сообщества владеет определенной совокупностью языковых средств, позволяющих ему осуществлять речевую деятельность. Однако уровень владения этими средствами различен. Как справедливо подчеркивает Б. Ю. Норман, различие в реализации этих

языковых средств состоит в «доле стандарта» и «доле новаторства» [1]. Полагаем, что к новаторству следует относить не только создание новых слов или необычное их сочетание, но и такие нестандартные способы выражения мысли, как использование для этого прецедентных высказываний, хранящихся в интертекстуальном тезаурусе языковой личности. Как отмечает Б. М. Гаспаров, в нашей языковой памяти хранится в самых различных формах множество «осколков» прошлого языкового опыта, которые в процессе нашей речемыслительной деятельности извлекаются из памяти, модифицируются, переосмысливаются и используются нами в процессе коммуникации [2].

Исходя из принципа изоморфизма языка и мышления, можно считать, что обилие в речи говорящего тривиальных, клишированных форм выражения мысли свидетельствует о среднем уровне развития языковой личности, тривиальности мышления. И, напротив, богатая, образная речь, использование неконвенциональных способов выражения мысли свидетельствует о нестандартности мышления, способности к креативному использованию ресурсов языка, высоком уровне лингвокультурной, или интертекстуальной компетенции. Такие способы передачи мысли отвечают постоянной потребности к лингвокреативной деятельности, игре со словом, в данном случае, игре с помощью «чужого слова», что также позволяет сделать вывод о лингвокреативных способностях говорящего. Приведем пример: *She grew bored, and gazed out of the window, at the fading winter light and the fluttering descent of the snow. The snow was general all over Rummidge, she mused, playing variations of a famous passage by James Joyce to divert herself. It was falling on every part of the dark, sprawling conurbation, on the concrete motorways, and the treeless industrial estates, falling softly upon the lawns of the University campus and, further westward, upon the dark mutinous waters of the Rummidge-Walsbury canal* (D. Lodge. «Nice Work»). Д. Лодж использует интертекстуальный прием для создания образа главной героини романа «Хорошая работа» («Nice Work»), преподавателя литературы местного университета. Устав от скучных речей на производственном совещании на фабрике, куда она направлена в качестве так называемого *shadow*, т. е. наблюдателя от академических кругов, она коротает время, придумав своеобразную интертекстуальную игру. Используя структуру хорошо знакомого ей отрывка из рассказа Дж. Джойса «Мертвые» («The Dead») в качестве матрицы, она создает свой собственный текст, который представляет собой описание местного индустриального ландшафта. Характер данного отрывка позволяет читателю составить представление о языковой личности персонажа.

Использование «чужого слова» как особого способа форматирования когнитивного содержания в текстовых практиках и в повседневной коммуникации обусловлено и тем, что нередко выражение смысла сообщения с помощью «чужого слова» оказывается и более экономичным способом выражения смысла: вместо развернутой формы выражения смысла нам оказывается когнитивно более «выгодно» передать этот смысл с помощью лишь одного слова или фрагмента прецедентного текста, т. е. лишь намек,

достаточного для того, чтобы слушающий, обладающий достаточным интертекстуальным тезаурусом, смог декодировать смысл сообщения. Принцип экономии, реализуемый при использовании «чужого слова», становится особенно очевидным в тех случаях, когда в порождаемом тексте используется лишь фрагмент прецедентного текста, который должен (для успеха общения) активировать в памяти слушающего весь текст, способствуя пониманию смысла, передаваемого с помощью этого текста. Например, героиня романа Дж. Фаулза преобразует исходную поговорку *to kill two birds with one stone*, редуцируя ее и заменяя в ней всего одно слово, и использует ее для объяснения своего экзотического хобби – кражи вещей (*shoplifting*) в дорогих супермаркетах: *I steal everything... I never steal from small shops. Only the big stores. They ask for it. Don't look so shocked...I hate big stores. And not just capitalists. Pommy capitalists. Two birds with one steal* (J. Fowles. «The Magus»).

Все сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что прецедентные высказывания, образующие интертекстуальный тезаурус личности, служат одним из способов вариативности, а способность творчески и в то же время экономно использовать эти средства служит одним из параметров характеристики уровня развития языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман, Б. Ю.* Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. – 228 с.
2. *Гаспаров, Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Е. В. Ксендзова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ В БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ КАК РЕЗУЛЬТАТ БЕЛОРУССКО-БАЛТСКОГО ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Диалектный язык, представляющий собой совокупность структурно-территориальных обособлений говоров в рамках национального языка, характеризуется наличием большого количества вариантов, проявляющихся на разных уровнях языковой системы (фонетическом, словообразовательном, лексическом и т. д.). Эта особенность обусловлена многими причинами – как внутренними, так и внешними по отношению к рассматриваемому языку и его диалектам. Процесс заимствования относится к внешним факторам, которые способствуют развитию вариативности в принимающем языке. Особенностью белорусско-балтского диалектного взаимодействия, которое осуществлялось на протяжении многих веков, является взаимное проникновение языковых единиц разных уровней, когда заимствованные элементы становятся неотъемлемой частью системы языка-реципиента, в том числе проявляясь и в исконных по происхождению словах.

Объектом исследования явились белорусские диалектные оценочные наименования человека с формантами *-ш-(а)*, *-з-(а)*, имеющие вариантное

употребление в говорах. Лексикографической базой для исследования послужили белорусские диалектные словари, лексикографические сборники, «Лексічны атлас беларускіх народных гавораў», диалектный тематический словарь «Чалавек», «Словарь балтизмов в славянских языках» Ю. Лаучюте, «Литовско-русский словарь» А. Либериса и др.

В белорусских говорах наименования с формантом *-ш-(а)* представлены несколькими словообразовательными типами, среди которых выделяют отглагольные, отадективные и отсубстантивные имена существительные (см. исследования П. Сцяцко, О. Урбан и др.). Мы рассмотрим один из них, включающий оценочные имена существительные общего рода *клыпша* (*клыбша*), *клемша*, *кляйша* (*кileyша*) ‘хромой’, *керайша* (*керэйша*) ‘неуклюжий’, ‘коротышка’, *макша* ‘пьяница’, *рагеша* (*рэкеша*) ‘нерасторопный’, ‘неаккуратный’ и др. Определение внутренней формы большинства из этих наименований вызывает затруднения и в той или иной степени возможно только в тех случаях, когда в говорах зафиксировано соответствующее производящее слово (например: *клыпша* (*клыбша*) < *клыпць*, *клыбаць* ‘хромать’, ‘идти прихрамывая’; *клемша* < *клеміць* ‘кривить ноги’), указывающее преимущественно на отглагольный тип словообразования. Но в основном мотивирующие слова для этих наименований в лексикографических источниках отсутствуют, что препятствует установлению деривационных связей на исконно белорусской почве. Обусловлено это тем, что данные существительные по происхождению являются балтизмами и образованы по словообразовательной модели, имеющей широкое распространение в балтских языках и диалектах. В белорусских говорах эти слова отмечаются преимущественно в пределах северо-западной диалектной зоны, в других регионах фиксируются лишь единично. Для многих из таких семантически неясных лексем в современных балтских языках имеются соответствия, которые помогают объяснить их значение (*макша* – лит. *makšỹs* ‘человек, который наносит урон’, *майкти* ‘пить’, *майкас* ‘глоток’; *рагеша* – лит. *rekešỹs* ‘неуклюжий, нерасторопный человек’, *керейша* – лит. *keraišioti* ‘широко ставить ноги’). Отметим, что данная словообразовательная модель определяется и в некоторых исконно белорусских наименованиях, имеющих славянские корни: *калупша* ‘медлительный, неповоротливый’ (< *калупаць* перен. ‘медленно, неторопливо что-л. делать’), *заглыша* ‘скупой, жадный’ (< *заглытваць* ‘с жадностью поглощать’), *ляпша* ‘неуклюжий’ (< *ляпаць* ‘шлепать, ляпать’, ‘делать что-либо кое-как, наспех, плохо’). Указанные существительные с формантом *-ш-(а)* также зафиксированы в основном в говорах северо-западной диалектной зоны, что дает основания высказать предположение о влиянии балтских диалектов на их формирование.

По типу образования к рассматриваемым наименованиям очень близки существительные общего рода на *-з-(а)*: *клыбза* ‘хромой’, *клымза* ‘хромой’, *рагеза*, *рагіза* ‘рассеянный, бестолковый’, ‘неуклюжий’, *лаўза* ‘бродяга’. В белорусских говорах эти лексемы часто имеют параллельные вариантные формы с чередованием *-з-/-ш-* (*клыбза* и *клыбша*; *рагеза*, *рагіза* и *рагеша*). Указанные имена существительные также отмечаются преимущественно

в говорах северо-западной диалектной зоны белорусского языка и имеют соответствия в балтских языках (ср.: *кльбза* – лит. *klìbis* ‘хромой’, лат. *klibât* ‘хромать’; *клымза* – лит. *klìmza* ‘кто переваливается с ноги на ногу’, *kliñti* ‘бродить по болоту’; *лаўза* – лит. *láužas* ‘неудачник, опущенный, ленивый человек’). Чередование согласных *s (z) // š (ž)* представляет собой характерную особенность литовских диалектов. Некоторым литовским говорам, находящимся на границе с Беларусью и Польшей, свойственно смешение этих вариантов с постепенным переходом от одних форм к другим (см. работы Ж. Маркевичене, Д. Валентюкевичене и др.).

Наряду с указанными особенностями отметим и другие черты, которые можно рассматривать в данных словах как проявление балтского языкового влияния. Это вариантное употребление форм с чередованием *[b]//[n]*, которое зафиксировано в балтских языках (ср. лит. *klỹpti, klibúoti* ‘искривляться; ковылять, хромать’, лат. *klibât* ‘хромать’). Еще одно проявление вариативности – это чередование *u//ы//э* в корне: *клипша, клыпша, клэпша*. Подобного рода чередования широко употребимы в диалектах литовского языка (ср. лит. *klipsà* ‘хромой’ // *klĩpsta* // *klỹpti* // *kleĩpti* ‘хромать’, ‘стаптывать обувь’, ‘искривлять’; *klibti* // *klèbti* ‘расшатываться’, *klišti* // *kleĩšti* ‘ковылять’).

Н. В. Кузьменко (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ *ИДТИ / ХОДИТЬ – ЕХАТЬ / ЕЗДИТЬ*

Общеизвестно, что опыт человечества, репрезентируемый в лексических значениях слов, находит свое отражение в лексикографических дефинициях, которые являются не только источником знаний, накопленных языковым коллективом, но также призваны отражать их динамику.

В этой связи интерес представляют лексикографические толкования определенных значений базовых глаголов движения *идти / ходить* и *ехать / ездить*. Выбор материала исследования обусловлен трудностями, возникающими у изучающих русский язык при употреблении данных лексем в контексте с наименованиями разных транспортных средств: почему автобус / трамвай / электричка и т. д. *идет*, а автомобиль *едет*?

Настоящий доклад является попыткой найти возможный ответ на данный вопрос в словарных толкованиях исследуемых глаголов разных лексикографических источников и сравнить полученную информацию с корпусными данными.

Источниками дефиниций выступили: Современный словарь русского языка Д. Н. Ушакова (1935–1965), Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля (1989), Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (1999), Словарь русского языка С. И. Ожегова (1988) и Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова (1998). Для анализа

материала взято ЛСВ «двигаться в определенном направлении (по определенному маршруту) с помощью транспортных средств», в структуре которого обнаруживалась сема 'транспортное средство', выступающая связующей (синтагмой) при употреблении в контексте. Ср., например: *ехать* 1. Двигаться куда-нибудь при помощи каких-нибудь *средств передвижения*. 2. *О средствах передвижения*: двигаться (Ожегов 1988); 1. Двигаться, перемещаться в определенном направлении. 2. Отправляться, направляться куда-л., к кому-л. (*при помощи каких-л. средств передвижения*) (Кузнецов 1998); *идти* 3. Отправляться, направляться куда-л. // Об отправлении *транспортного средства* (Кузнецов 1998); 2. Двигаться, перемещаться (Ожегов 1988); 1. Двигаться в определенном направлении по определенному маршруту: ехать, плыть, лететь (*о средствах передвижения*) (Евгеньева 1999); двигаться по назначению, *как машина* (Даль 1989) и т. д.

Анализ дефиниций позволил выделить следующие семы в структуре исследуемого значения глаголов движения *идти / ходить* и *ехать / ездить*: категориальная сема 'перемещение в пространстве' и дифференциальные семы 'направление движения', 'способ (средство) передвижения', 'среда передвижения', 'цель движения' и 'маршрут движения'. Однако далеко не все они, согласно разным лексикографическим источникам, присутствуют в структуре значения глаголов. Так, не во всех дефинициях эксплицируется информация о средстве передвижения. В одни толкования вводятся уточнения о направлении и маршруте движения, в то время как в других данные кванты знания не зафиксированы вовсе. Очевидна вариативность словарных дескрипций исследуемых ЛСВ, которая проявляется в разной организации и количестве информации. Примечательно, что указание на маршрут движения присутствует в словарных толкованиях более поздних лексикографических источников (Словарь русского языка... 1999, Большой толковый словарь... 1998 и др.), в то время как ранние источники не фиксируют этого в дефинициях. С развитием технического прогресса возрастает значимость транспорта в жизни общества, что находит отражение в переосмыслении человеком данного явления и, соответственно, перестраивается семантическая структура ЛСВ под влиянием появившегося компонента «транспортное средство». В тех дескрипциях, которые содержат указание на движение в определенном направлении по определенному маршруту с помощью транспортных средств, само средство, тем не менее, не конкретизируется.

Анализ сочетаемости глаголов движения *идти / ходить* – *ехать / ездить* в речи (Национальный корпус русского языка) показал, однако, что данные лексемы проявляют определенную избирательность при употреблении с именами различных транспортных средств. Так, глаголы *идти / ходить* в 3–4 раза (в случае с лексемой *поезд* – в 13 раз) чаще употребляются с обозначениями общественного маршрутного транспорта (конка, трамвай, автобус, электричка, поезд), в то время как при описании движения личного транспорта в русском языке предпочтение отдается глаголам *ехать / ездить*.

Наименование транспортных средств	Количество словоупотреблений		Общее количество словоупотреблений
	ехать / ездить	идти / ходить	
Конка	0	8	137
Трамвай	14	52	2439
Автобус	31	91	3671
Поезд	101	1397	13157
Электричка	9	61	366
Маршрутка	4	4	44
Такси	6	6	4459
Автомобиль	46	14	8571

Очевидна корреляция между сочетаемостными свойствами глаголов *идти / ходить* – *ехать / ездить* и такими характеристиками транспортных средств, как «личный – общественный», а также особенностями самого движения – произвольное или по установленному маршруту.

Таким образом, для более исчерпывающей характеристики всех семантических свойств исследуемых лексем и адекватного отражения практики освоения человеком окружающей действительности, наряду с указанием на наличие маршрута движения, возможно, со временем в их лексикографических определениях появится уточняющая информация «общественный транспорт / личный транспорт», которая снимет трудности при их употреблении в речи.

В. А. Курдюмов (МГПУ, Москва, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ УРОВНЕЙ: СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОЛОГИЙ

Со времен Ф. де Соссюра принято говорить об уровнях языка (language levels, LL, УЯ); фактически, по уровням распределяются разделы лингвистики: фонология, морфология, лексикология, синтаксис. Соссюр придерживался дихотомии «язык – речь» и полагал, что фонемы, морфемы, лексемы относятся к языку и, начиная с синтаксиса, исследователь имеет дело с речью, индивидуальным творчеством говорящего.

Лингвистика текста показала, что текст (по крайней мере, как набор предложений – в самом общем случае) также является уровневой единицей (level unit, LU), он состоит из СФЕ (которые также можно рассматривать как LU). Кроме того, совершенно очевидно, что между лексемой и предложением можно поместить словосочетание, между лексемой и словосочетанием – идиомы и аббревиатуры, и – распространенное и сложное предложения (которые также можно разделить на подуровни) расположены на пути из простого нераспространенного предложения. Таким образом, кроме «принципиальных», «ключевых» уровней можно выделить бесконечное число «промежуточных».

Набор текстов формирует дискурс с единством темы и / или содержания, дискурсы формируют речь, а речь в различных вариантах составляет язык. С точки зрения Г. П. Мельникова, речь является одной из высших единиц языка, а высшей уровневой единицей является сам язык [2]. Могут быть уровни выше, чем язык, как бы парадоксально это ни звучало: всегда может быть более высокий уровень общения, чем банальный, обычный способ общения.

Китайский язык (КЯ), начиная с 19-го в., всегда вызывал трудности в описании и провоцировал дискуссии: его категории невозможно отождествить с «европейскими» словами, предложениями и т. д.

По отношению к КЯ и русскому языку (РЯ), вслед за А. М. Ефремовым, мы предлагаем системно рассматривать «слабые» и сильные уровни по принципу, насколько типичный носитель языка следит за их целостностью, нормативностью и спаянностью.

К примеру, носитель китайского языка не абсолютизирует фонему как звукотип или смыслоразличитель. Нормативная китайская речь в реальности произносится со множеством акцентов, чистота звуков не соблюдается – к примеру, подобие русского *ш*, может произноситься как подобию *с*, *ф*, *th*, *пш* и т. д, аналог *н* – как *л*, аналог *ж* – как *й*, *г*, *л/л'* и т. д. Китаец не обращает внимания на местные и «иностранные» акценты в звуках. Единственное, что имеет ценность в КЯ, это единство тонированного слога, совпадающего со слогоморфемой, вне зависимости от точности отдельных звуков. Фонема в КЯ – слабая единица, слогоморфема – сильная. Слог во всех диалектах КЯ (де-факто, разошедшихся языках) имеет обязательную формулу 1234, типа *h-u-a-ng*, с обязательными позициями для согласного, промежуточного гласного, основного тонированного гласного и конечного звука: инспираторного или носового. Для РЯ же важна точность звукотипа, при этом морфема может строиться произвольно, позиции и количество звуков в ней не имеют ограничений. В РЯ фонема – сильная единица, морфема – слабая.

В РЯ лексический уровень представлен спаянными хорошо выделемыми словами, в КЯ лексические единицы из двух и более слогов напоминают русские идиомы, при этом они легко сочленяются и легко распадаются, между ними можно вставить дополнительные элементы. Любые попытки выделения «слова» в китайском языке порождают многолетние дискуссии: в КЯ лексический уровень является слабым, в РЯ – очевидно сильным.

Предложение в КЯ не требует согласования форм и строится по принципу разделенных спаянных частей: Топик – Комментарий – *Эта книга \ я не прочел* – в отличие от русского, где требуются согласованные подлежащее и сказуемое, имитирующие деятеля и действие: *Чемодан стоит на полу, Стоит хорошая погода*. Предложение – сильная единица для РЯ и слабая – для китайского. Топик и комментарий – это синтагмы (словосочетания); словосочетание – произвольная и слабая единица в РЯ и сильная – в КЯ.

Возможные агглютинативные формы лексических единиц в КЯ (множественность имен и местоимений, виды глагола) никак не отражаются на предложении, поскольку не обеспечивают согласование, однако они важны

для организации СФЕ и всего текста. Форма и организация СФЕ для китайского языка исключительно важны. По меньшей мере можно признать, что СФЕ в КЯ – гораздо более сильная единица, чем в РЯ, хотя известно только одно исследование на данную тему [1].

Таким образом, выстраивается стройная система противопоставления уровней в достаточно типичных флективных языках с выдвижением подлежащего (сильные: фонема, лексема, предложение, слабые морфема, словосочетание, СФЕ) и типичных изолирующих с выдвижением топики с сильными уровнями слогоморфемы, синтагмы-словосочетания, СФЕ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремов, А. М.* Связность китайского текста в сравнительно-типологическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук / А. М. Ефремов. – М., 1987.
2. *Мельников, Г. П.* Принципы и методы системной типологии языков : дис. ... докт. филол. наук. – М., 1990.

Е. А. Кучугурная (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ *HIJO / HIJA* В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Отличительной особенностью испанского языка является его деление не только на диалекты и говоры, но и на структурные элементы более высокого уровня – национальные варианты, представляющие собой такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности (В. С. Виноградов). Национальные варианты в свою очередь могут заключать в себе различные диалекты и говоры. Многочисленные исследования в данной области (см. работы Г. В. Степанова, Н. М. Фирсовой, О. С. Чесноковой и др.) убедительно продемонстрировали, что каждый национальный вариант испанского языка обладает фонетическими, грамматическими, лексическими особенностями. В одной из своих работ О. С. Чеснокова отмечает, что обращение к исследованию слов основного словарного запаса может выявить поразительные и весьма неожиданные, с точки зрения носителей других культур, языковые факты. В нашем исследовании мы обратились к изучению особенностей функционирования терминов родства *hijo / hija* ‘сын / дочь’ в национальных вариантах испанского языка. При анализе использовались данные словаря американизмов (ASALE. Diccionario de americanismos), словаря доминикализмов (C. E. Deive. Diccionario de dominicalismos), словаря мексиканизмов (Diccionario del Español de México), а также примеры, отобранные из корпуса испанского языка (Corpus del Español del Siglo XXI). Проведенный анализ позволил выявить как сходства, так и различия в употреблении рассматриваемых лексических единиц в Испании и странах Латинской Америки.

Помимо употребления в своих основных значениях ‘сын / дочь, потомок, уроженец, детище’, обращает на себя внимание очень широкий диапазон и высокая частотность использования данных слов в функции обращения. Это не только форма обращения, относящаяся к наименованию родства; она узуальна в разнообразных жизненно-бытовых ситуациях. Данный апеллатив в зависимости от лингвистического и ситуационного контекста обычно осложнен различными коннотациями (Н. М. Фирсова): *Hijo, ¿te figuras que todo el mundo es igual como tú?* (J. Goytisolo). При обращении существительные *hijo / hija* часто сочетаются с притяжательным местоимением *mío(-a)*: *Pero esto, **hija mía**, esto es más que un favor* (F. De las Heras). Данные формы характерны также для религиозной сферы коммуникации: *Vete, vete tranquilo, **hijo mío**. Si alguien te quiere molestar, refúgiate en la iglesia* (R. Castillo).

Наряду с вышеописанными формами обращения, которые используются во всех национальных вариантах испанского языка, в странах Латинской Америки (Чили, Мексике, Эквадоре, Гватемале, Колумбии, Венесуэле и др.), в отличие от Испании, в разговорно-обиходной речи при обращении также широкоупотребительны словоформы *mijo(-a)* и *mijito(-a)*, образованные очевидно в результате слияния притяжательного местоимения *mi* с существительным *hijo(-a)*: *¡Vamos, **mijo!*** (B. Cadena); ***Mijito**, por Dios, ¿usted dónde estaba?* (G. Cardona). Для латиноамериканских вариантов характерно также использование в качестве обращения уменьшительно-ласкательных форм *hijito(-a)*: *¡No, **hijito**, fue hace diez años! Pero no importa* (R. Hanglin). В пиренейском же варианте подобные обращения практически не употребляются.

Национально-культурная специфика существительных *hijo / hija* проявляется и в образовании устойчивых сочетаний с данными единицами. Так, и в пиренейском, и в латиноамериканских вариантах испанского языка широко употребляется грубое выражение *hijo(-a) de puta*, означающее ‘плохой человек’. Данное выражение имеет ряд вариантов. Оно может интенсифицироваться при помощи наречия *muuy* (*muuy hijo(-a) de puta*), а также при помощи прилагательно *grande* (*hijo(-a) de la gran (grandísima) puta*). Среди национально-специфичных латиноамериканских эквивалентов рассматриваемого выражения можно выделить сочетания, характерные для ряда стран Латинской Америки, и сочетания, используемые только в одной из стран. Так, в Мексике, Колумбии, Гватемале, Аргентине, Сальвадоре и др. странах употребляются выражения *hijo(-a) de la (re-)chingada / de la perra / del maíz / de mil putas / de una (la) gran siete*: *¡Ya te vi, **hijo de la chingada!*** (M. Juárez). Помимо вышеописанных в Мексике используются *hijo(-a) de la tiznada / fregada / tostada / mañana / pelona*; *hijo(-a) de su tal por cual*, в Доминиканской Республике *hijo(-a) de la cherna*, в Боливии *hijo(-a) de flauta*.

Отметим, что в Доминиканской Республике существует ряд других, не синонимичных рассмотренным выше, сочетаний с существительными *hijo/hija*. Например, выражение *hijo(-a) de machera* ‘бедный, скромный человек; человек из народа’, которое изначально использовалось для обозначения группы революционеров. В словаре доминикализмов зафиксированы

и другие единицы с компонентом *hijo / hija*: *andar uno el hijo del Santísimo* «descubierto, destacado», *darle a uno un hijo mucha agua que beber* «ocasionar serios disgustos», *hacerle a uno un hijo bartolo* «causar daño, perjudicarlo». В Боливии выражение *hijo de cura* применяется по отношению к человеку, ничего из себя не представляющему, в Аргентине и Уругвае глупого и наивного человека называют *hijo de la pavota*.

Специфичным для латиноамериканских вариантов испанского языка является использование рассматриваемых существительных в качестве междометий. Так, в частности в Мексике используются такие междометия, как *¡hijole(-s)!*, *¡hijos!*, выражающие удивление: *Había... ¡hijole, mucha gente!*, *¡Hijoles, es un trabajo muy difícil!*, *¡Hijos, me equivoqué!*. Междометие *¡hijole!* представляет собой эвфемизм и сокращение от вышеупомянутого грубого выражения *hijo(-a) de la chingada*. В Доминиканской Республике для выражения удивления используется междометие *¡Hijo de Dios!*

Таким образом, существительные *hijo / hija* в латиноамериканских вариантах испанского языка образуют особые формы обращений, специфические устойчивые сочетания, а также, в отличие от пиренейского варианта, функционируют в качестве междометий.

Л. В. Лаенко (ВГУ, Воронеж, Россия)

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА КАК ФАКТОРЫ ВАРЬИРОВАНИЯ ЕГО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Не вызывает сомнения тот факт, бурные, но плодотворные научные дискуссии 60–70 гг. XX в. относительно проблем вариативности языка, варьирования языковых единиц, их формы и содержания, логично привели современную лингвистику к необходимости учета когнитивных оснований таких явлений, в частности, в плане определения параметров и факторов содержательного варьирования одного определенного концепта в условиях, когда он репрезентирован разными типами языковых средств.

В данном случае представляется релевантным использование трех известных семиотических измерений языкового знака – синтактику, семантику, прагматику, результаты которых позволяют не только утверждать о вариативности как о свойстве структуры и употребления языка [1, с. 7]), но и представить три типа семиотических параметра варьирования языков:

- «формальное варьирование, связанное с выбором знака из нескольких возможных в конкретной ситуации,
- концептуальное варьирование, связанное с выбором содержания речи (того, что же именно говорится в конкретных обстоятельствах),
- социальное варьирование, связанное с тем, кто, кому, в каких обстоятельствах, зачем и т.п. нечто говорит и/или кто интерпретирует данное высказывание» [2].

Безусловно, по данным параметрам осуществляется варьирование не только языков, но оно очевидным образом наблюдается и в пределах одного

отдельно взятого языка, что, однако, в обоих случаях предполагает активизацию типичного набора факторов варьирования семантики единиц, призванных выражать один смысл как на уровне языка (лингвистические факторы: наличие в системе языка строевых элементов для производства новых языковых знаков с тождественным содержанием, словообразовательных моделей, сочетаемостных предпочтений и т. д.), так и на уровне речи (экстралингвистические факторы: ситуация общения, социальные условия, культурные традиции, личностные характеристики говорящего. В данном случае важно отметить и когнитивные факторы: когнитивный опыт номинирующего/говорящего, его фоновые знания, способность оперировать разными типами знания и т. д.). Представляется, что при вариативном означивании одного смысла отмеченные факторы работают в команде в том смысле, что избираемое для создания нового знака словообразовательное средство или модель модифицируют не только форму, но и его семантику с эксплицированием мыслимого говорящим концептуального признака / признаков образа оцениваемого объекта. Можем в таком случае утверждать, что возможность варьирования формы языкового знака конституирует существование единого концепта.

Так, английский язык обладает богатым арсеналом разночастеречных языковых средств репрезентации оценочного концепта признака «ограниченные интеллектуальные способности», которые представлены как в системе языка (прилагательные: примарные, метафоризованные, образованные в соответствии со словообразовательными моделями, композиты), существительные (примарные, метафоризованные, композиты), глагольные фразы, фразеологические единицы), так и альтернативными речевыми образцами оценки человека по отмеченному признаку (альтернативные комплексные знаки – высказывания).

Особый интерес в данном случае представляет концептуальное варьирование содержания англоязычных разнотипных атрибутивных средств описания такой особенности человека на уровне их синтактики при сохранении синонимического статуса этих единиц в соответствующих синонимических рядах. В таком случае интегрированные концептуальные пространства производных знаков, наследуя роли и свойства исходных пространств семантики их композиционных составляющих (основы и аффикса, основы и основы и т. д.) приобретают собственную структуру и новые свойства – репрезентировать новообразованный смысл.

В результате можно наблюдать следующее варьирование содержания оценочного концепта признака «ограниченные интеллектуальные способности» сообразно действию отмеченных факторов:

1) ОТСУТСТВИЕ должного содержимого в голове (*empty-headed*), субстанции (*gormless*), света (*dim*), скорости (*slow*), способностей (чувствовать – *numb*, думать – *unthinking*, говорить вообще – *dumb*, говорить четко и членораздельно – *indiscreet*), врожденных способностей как таковых (*inept*), определенных черт характера (*irresponsible*), интеллекта, мудрости, рассудка (*unwise*), смысла и значения [в действиях, поступках, словах] (*meaningless*), соответствия принятым нормам (*mentally deficient*);

2) ЧАСТИЧНОЕ ОТСУТСТВИЕ способности мыслить (*half-witted*), готовности (*half-baked*), способности видеть далеко (*short-sighted*), способности выполнять правильную функцию вследствие недостатка (*crackpot*), увечья (*lamebrained*), смерти (*braindead*), внешнего воздействия (*punch-drunk*);

3) ОЦЕНКА КАЧЕСТВА НАПОЛНЯЕМОСТИ ГОЛОВЫ: абсолютная пустота (*bubble-headed*), наличие вязкой, непрозрачной, густой субстанции в голове (*mutton-headed*), полная непроницаемость головы (*bone-headed*);

4) СПОСОБНОСТЬ провоцировать определенное поведение или эмоции окружающих (*laughable, ridiculous*);

5) ПРОСТОТА, незамысловатость (*simple*);

6) ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ к дуракам / сумасшедшим либо ПОХОЖЕСТЬ на них (*goofy, kooky*);

7) УПОДОБЛЕНИЕ животным, растениям, артефактам, явлениям природы (*asinine, nutty, crackpot, obtuse, whacky, crackers, off-beat*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Reppen, R. Introduction / R. Reppen, S. M. Fitzmaurice, D. Biber // Using Corpora To Explore Linguistic Variation / Ed. by R. Reppen, S.M. Fitzmaurice, D. Biber. – Amsterdam ; Philadelphia ; Benjamins, 2002. – P. 7–11.

2. Levshina, N. Towards a 3D-Grammar: Interaction of linguistic and extralinguistic factors in the use of Dutch causative constructions / N. Levshina, D. Geeraerts, D. Speelman // Journal of Pragmatics. – 2013. – Vol. 52. – P. 34–48.

Г. П. Латушка (БДУ, Мінск, Беларусь)

ВАР'ЯНТЫ ЗНАКАЎ ПРЫПЫНКУ ПРЫ СІНТАКСІЧНА НЯЧЛЕННЫХ ВЫКАЗВАННЯХ ЗГОДЫ І НЯЗГОДЫ

У апошнія дзесяцігоддзі ў лінгвістыцы ўсё больш даследаванняў прысвячаецца пытанням камунікацыі. Увага лінгвістаў скіроўваецца на розныя яе аспекты, у тым ліку і на асаблівыя адзінкі гутаркова-дыялагічнай формы маўлення – сінтаксічна нячленныя выказванні (далей – СНВ). СНВ – гэта кароткія інтанацыйна аформленыя выказванні, якія складаюцца з аднаго слова ці ўстойлівага спалучэння слоў і служаць для выражэння мадальных і экспрэсіўных адносін. Згаданыя сінтаксічныя адзінкі характарызуюцца сцісласцю, аграматычнасцю, стэрэатыпнасцю, экспрэсіўнасцю. На сённяшні дзень у вывучэнні СНВ застаецца дастаткова нявырашаных пытанняў: напрыклад, праблема намінацыі, класіфікацыі, лексікаграфічнага ўпарадкавання і інш. Цікавым таксама з'яўляецца аспект пунктуацыйнага афармлення СНВ, якія ўжываюцца ў пісьмовых тэкстах.

У вусным маўленні СНВ суправаджаюцца пэўнай інтанацыяй, што спрыяе іх правільнаму разуменню. У пісьмовых тэкстах гэтую функцыю выконваюць знакі прыпынку, асноўнае прызначэнне якіх заключаецца ў структурнай арганізацыі тэксту. Мы ж разгледзім уплыў пунктуацыі на сэнс

СНВ згоды і нязгоды. Так, клічнік можа сведчыць пра ўзбуджанасць, радасць, ахвоту моўцы і г. д., шматкроп'е – пра задуменнасць, няўважлівасць, філасафічнасць і пад. Параўн.: *Як я зразумеў, вы за апраўданне Салавейчыка? – Так! Я за апраўданне* (М. Матукоўскі. Амністыя); *Няўжо непрыяцель разарваў згоду аб перамер'і? – Так* (У. Сіўчыкаў. Філасофскі камень); *Вы – мерцвякі... – Што-што – Так... Мерцвякі...* (А. Дудараў. Парог). СНВ згоды *Так!* мае дадатковае значэнне катэгарычнасці, узрушанасці ў параўнанні з *Так*, а ў камунікатыўнай адзінцы *Так...* ёсць адценне разгубленасці, абьякавасці, задуменнасці.

Па прычыне таго, што СНВ звязаны з перадачай эмоцыі, яны часцей аддзяляюцца не проста коскай (калі ўключаюцца ў складаны сказ) або кропкай, а клічнікам (радзей – пыталнікам) ці камбінацыяй знакаў прыпынку. Адрозненне некалькі клічнікаў сведчаць пра большую эмацыйную напружанасць, параўн.: *He!!!* і *He!*

Часта для перадачы яшчэ большай экспрэсіі знакі прыпынку ўзмацняюцца графічнай перадачай СНВ: большым шрыфтам (*HE!*); спецыяльным напісаннем, якое сведчыць пра працягласць, (*He-e-e-e!*); рэдуплікацыяй (*He! He! He!*), а таксама аўтарскімі рэмаркамі ў драматургічных тэкстах і тлумачэннямі ці апісаннямі ў празаічных (*Гучна; Эмацыйна; Закрычаў*) і г. д.

Цікавым з'яўляецца выбар знакаў прыпынку на канцы СНВ, якія маюць форму пытання. Так, адзінкі для выражэння нязгоды тыпу *А што; Ды ну; Жартуеш; З глузду з'ехаў; Звар'яцеў; Што ты; Што ты гаворыш/ кажаш* маюць два асноўныя варыянты пунктуацыйнага афармлення – з дапамогай пыталніка ці клічніка. Параўн.: *Цяпер я пагарцую, паезджу! – На мне? – Што вы, што вы?! Вы – гістарычная, можна сказаць, фігура* (А. Макаёнак. Пагарэльцы) і (*Заспяваў.*) *«По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей...» – Ой, што вы, што вы!!!* (А. Макаёнак. Пагарэльцы) ці: *І гарэлкі мы піць не будзем, і да другога разу адкладваць не будзем. Выбачайце! – Пятрок, ты што? З глузду з'ехаў? Ты ж сам казаў?* (У. Бутрамееў. Страсці па Аўдзею) і *Па-першае, з гэтай нявестай вырашыў зрабіць усё так, як яна раскавала на судзе! – З глузду з'ехаў!* (А. Дудараў. Парог). Звычайна ў такіх выпадках адрозненне ў адценнях значэнняў СНВ звязана з тым, што пыталнік выражае большае здзіўленне, часта сведчыць пра патрабаванне пэўнага тлумачэння, стымуляванне камунікацыі. Клічнік хутчэй указвае на негатыўнае стаўленне, канстатацыю нязгоды.

Варыятыўнасць у пастаноўцы знакаў прыпынку мае важнае значэнне ў СНВ, утвораных з дапамогай рэдуплікацыі. Раздзяленне знакамі прыпынку адмоўных ці сцвярдзальных часціц уплывае на значэнне выказаў. Параўн.: *Будзем каровам малако псаваць! Будзем асілкаў у жывёлу ператвараць! Згаджайся! – He! He! He!..* (П. Васючэнка. Хведар Набілкін – беларускі касінер) – СНВ вымаўляецца з узрастаючым хваляваннем, мае адценне ўпэўненасці, узрушанасці, усхваляванасці; *Давай! – He-не-не! Табе радасць, дык ты ўжо і мяне парадуў... Згоцай «Лявоніху» з прыпеўкамі...* (А. Дудараў. Вечар) – СНВ мае значэнне гулівасці, жартаўлівасці; *Адмовіцца ад спаткання з Тарасам ды яшчэ на канцэрце, на які немагчыма дастаць білетаў?*

Не, не, не (І. Шамякін. Сэрца на далоні) – СНВ сведчыць пра цвёрдасць, уважанасць. Колькасць часціц таксама ўплывае на сэнс выказвання, таму *Не! Не!*; *Не-не* і *Не, не* будуць адрознівацца значэннямі ад згаданых вышэй выказаў.

СНВ уяўляюць сабой устойлівыя адзінкі, але да іх могуць далучацца часціцы, якія мяняюць сэнс выказванняў. Часам такія часціцы аддзяляюцца коскай, а часам уяўляюць сабой адно цэлае з СНВ, і гэта таксама уплывае на значэнне выказаў згоды і нязгоды. Напрыклад, *Ну добра* і *Ну, добра*; *Ну так* і *Ну, так* будуць трактавацца па-рознаму. Параўн.: *Грошай амаль не было, фраў заклала ў банк свае завушніцы, брошкі. Тут, праўда, спадчыну атрымалі. – Ну добра, – сказаў я. – А мова? Дзе ты так навучылася нямецку? У школе?* (В. Быкаў. Пакахай мяне, салдацік) і *Проста няшчасны чалавек. – (Не адразу.) Ну, добра... Мы благія, амаральныя, цынічныя... А ты сама?* (А. Дудараў. Парог). Часціца *ну*, што далучаецца ў пачатку СНВ і аддзяляецца коскай, звычайна сведчыць пра роздум, сумненне, якія папярэднічаюць фразе. Часціца *ну*, якая не аддзяляецца коскай, змяняе сэнс выказванняў па-рознаму. Так, згаданае вышэй *Ну добра* будзе мець адценне дапушчэння, а *Ну так* – упэўненасці, самазадаволенасці.

Пастаноўка знакаў прыпынку абавязваецца на правілы пунктуацыі, але заўсёды мае аўтарскі характар. Некаторыя пісьменнікі часцей ужываюць пэўныя знакі прыпынку. Напрыклад, аналізуючы СНВ нязгоды, мы заўважылі, што ў творы М. Матукоўскага «Амністыя» СНВ *Не* часцей аддзяляецца коскамі і ўключаецца ў межы складанага сказа, а пры паспешлівай нязгодзе запісваецца як *Не-не*. У «Сэрцы на далонях» І. Шамякіна *Не* часцей аддзяляецца кропкай і афармляецца ў асобны сказ, а паспешлівая нязгода перадаецца як *Не, не*.

Такім чынам, пастаноўка знакаў прыпынку як на канцы, так і ўнутры СНВ мае важнае значэнне для разумення сэнсу апошніх. Знакі прыпынку прыносяць дадатковыя эмоцыі і адценні значэнняў, якія могуць узмацняцца таксама іншымі графічнымі сродкамі. Некаторыя аўтары часцей аддаюць перавагу пэўным знакам прыпынку.

Р. В. Лебедевич (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ВЕРБАЛЬНЫХ ХЕЗИТАТИВОВ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Результатом фиксации коммуникативного затруднения говорящего в речи становятся конструкции различной степени развернутости и эксплицитности: 1) краткие апокопированные конструкции типа *как это, как его, что там* и под. (в терминологии Н. В. Богдановой-Белгарян – *вербальные хезитативы*) [1, с. 346]; 2) развернутые метакоммуникативные рефлексивные конструкции типа *(не знаю) как это сказать; как подобрать слова; как выразиться* и под. Если первый тип конструкций просто фиксирует факт возникновения затруднения, то второй позволяет судить о характере возникшей коммуникативной проблемы, в связи с чем последний тип целесообразно назвать *специализированными вербальными хезитативами* (далее – СВХ).

При анализе конструкций, способных выступать в качестве СВХ необходимо учитывать их прагматическую вариативность, т. е. способность реализовать иные прагматические функции.

Так, индикаторы типа *нет слов, не могу подобрать слова, не хватает слов*, могут отражать не только и не столько реальные коммуникативные затруднения, сколько участвовать в выражении эмоционально-оценочной информации как негативного, так и позитивного характера, ср.:

(1) – *Когда я слушаю подобных дирижеров, то задумываюсь. тем ли я делом занимаюсь. У меня **не хватает слов**, чтобы подобрать какой-то эпитет к Евгению Федоровичу. У нас сейчас инфляция терминов, все понятия замусолены, все гениальные, все великие, все знаменитые. Для меня Светланов мессия в музыке;*

(2) – *У меня **нет слов** для возмущения!;*

(3) – *Я **не могу подобрать слова**, чтобы высказать всю мою благодарность Волкову.*

Если в контексте 1 наблюдается реальное затруднение при поиске необходимой номинации (о чем можно судить, в частности, по дальнейшим рассуждениям адресанта), то контексты 2 и 3 являются достаточно сложными для интерпретации, так как невозможно исключить вероятность того, что говорящий одновременно и подчеркивает интенсивность переживаемого состояния / выражаемой оценки (т. е. соответствующие конструкции выступают в роли интенсификаторов), и пытается донести до слушающего то обстоятельство, что эта интенсивность мешает ему выразить свои ощущения максимально точно и полно (т. е. одновременно данные конструкции реализуют функцию индикации коммуникативного затруднения). Кроме того, формула *слов нет* может употребляться и в роли вводной конструкции, синонимичной единицам *безусловно, бесспорно, конечно*:

(4) – *Утверждение это, **слов нет**, верное.*

Выражение *не знаю, как (это) объяснить* используется не только в качестве типичного показателя коммуникативного затруднения, но и в случаях, когда тяжело сформулировать высказывание из-за отсутствия у говорящего соответствующего опыта, знаний, информации:

(5) – *Торпеда классная. Знаешь, не такая как в жигулях, а полагая такая, ну... даже **не знаю, как объяснить**. В общем, с правой стороны, когда сидишь, бардачок у тебя не перед носом, а как бы чуть-чуть внизу.*

(6) – *Для меня самого было загадкой, почему они так долго не принимали решение. Это очень странно, конечно, но я просто **не знаю, как объяснить**.*

Таким образом, конструкции, потенциально способные выполнять роль СВХ и сигнализировать о коммуникативном затруднении, обусловленном сложностью выбора выражения, словесного оформления, вербальной «упаковки» коммуникативного замысла, могут также участвовать в решении иных прагматических задач. Важно отметить, что интерпретация контекстов, включающих СВХ, осложняется и в силу того обстоятельства, что истинные мотивы употребления того или иного элемента не только могут оказаться недостаточно прозрачными для наблюдателя, но и зачастую не до конца осознаются самим говорящим.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова-Бегларян, Н. В.* Вербальные хезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» / Н. В. Богданова-Бегларян // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века.* – 2015. – № 2. – С. 345–354.

А. Э. Левицкий (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ВЕРБАЛИЗОВАННЫЙ ВАРИАНТ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

При передаче информации мы используем, как правило, потенциал двух регистров: **делового**, научного, утилитарного, используемого человеком для ориентации в реальном мире, адекватного отражения реальности и эффективной деятельности; **игрового**, в котором человек, освободившись от детерминизма природы и себе подобных, наиболее полно реализует свое «Я». Таким образом, одна и та же информация может быть вербализована в двух вариантах: серьезном (деловом) и комическом (игровом). Именно второму из них присуще создание необычных способов построения высказывания. Игровая лингвистическая активность деформирует реальность и нормы самого языка, опровергая устоявшиеся стереотипы восприятия окружающей действительности и ее отражения в процессе коммуникации, делая его более адекватным и экспрессивным.

Поскольку язык вплетен в человеческую деятельность, он может быть рассмотрен как одно из средств деятельности. Игровой же элемент, сопоставляя язык с простыми инструментами человеческой деятельности, достаточно отчетливо проявляет его функциональную природу. Любое языковое выражение получает свое прагматическое значение в результате выполнения своей функции в языковой игре – в человеческой деятельности того или иного рода. Выбор средств для языковой игры диктуется их (т. е. номинативных единиц) значениями. Таким образом, игровой вариант подачи информации по сути не отличается от неигрового, а по форме между этими вариантами есть важные отличия.

При этом отметим, что форма единицы номинации является важным фактором в ходе реализации данного коммуникативного феномена. Для «игроков» целью семантической игры является получение планируемого эффекта в исходе «партии». Иными словами, в задачу коммуникантов входит не установление значения истинности рассматриваемого высказывания, а выяснение логических аспектов значения высказывания, зависящих от способа нахождения его истинного значения. Средством же игры выступает использование потенции семантических свойств определенных единиц номинации.

Человек способен для наиболее адекватной и экспрессивной передачи информации и реализации собственной интенции употреблять известные, или потенциально известные, языковые единицы в нетрадиционных функциях. Этот процесс вполне может быть приравнен к особому типу

языковой игры. Причем, человек в данном случае играет и с формой языковой единицы, и с ее содержанием. Игра с формой заключается в том, что человек не производит никаких преобразований в плане выражения языковой единицы, а ставит ее в новое непривычное окружение, как бы предлагая ей «сыграть» новую роль с неизвестными ранее партнерами.

Игра же с содержанием заключается в том, что человек сознательно употребляет языковую единицу в нетрадиционной функции, но делает это, будучи уверенным в успехе донесения до других коммуникантов необходимой информации и соответствующей интенции. Если игра с формой, это игра с самим словом, его реализацией в высказывании, то игра с содержанием представляет собой явление производное, т. е. игру со значением всего высказывания.

Что же касается непосредственно «игроков», то они не только обладают достаточной предварительной информацией обо всех существенных характеристиках данной игры, но и располагают знанием логических аспектов значения данного высказывания. На основе же достигнутых результатов и в зависимости от особенностей хода игры они могут составить себе более полное представление о ней самой и о структуре своих стратегий.

Причина интереса человека к трансформациям уже существующих языковых единиц, их переориентации, на наш взгляд, заложена в существовании различных ипостасей *Homo sapiens*, в частности, *Homo faber* (Человека творящего) и *Homo ludens* (Человека играющего). Именно эти две ипостаси в результате своего объединения позволяют человеку творить нечто (например, преобразовывать процесс коммуникации) играя.

Творческий же характер данного процесса предполагает продуцирование семантического эффекта с учетом стихийно проявляющихся в коммуникативной деятельности процессов лексической аттракции, определяющих особенности конструирования и сочетаемости словесных знаков. Происходит нарушение стереотипа узуального восприятия и употребления слова, но при этом актуализируется (на основе намеренной имитации) какой-то другой системно обусловленный стереотип, определяемый устройством языковой системы. Ассоциации по форме выражения языкового знака способствуют функциональной переориентации типа *Aristotle* в сленге кокни обозначает *bottle*, а *Rosie Lee* – *tea*. Отметим, что языковая игра у коренного населения Лондона может проявляться и в избыточности, так называемых парных синонимах типа *safe and sound* – *здоров*. Игровое начало присутствует и в примерах функциональной переориентации, когда номинативные единицы полностью аналогичны в плане выражения. Для адекватного декодирования данных образований могут использоваться графические средства: *Но и это было не самое громкое фиаско московской фотоМММодели* («Комсомольская правда»). Сравним с неигровым вариантом *Но и это было не самое громкое фиаско московской фотомодели*. Как видно, вместе с игровым потенциалом потеряны эмоционально-экспрессивный оттенок значения и сопутствующее значение, указывающее на факт связи данной фотомодели с хозяином корпорации МММ.

Намеренно ложная, игровая мотивация заметно выделяется в образованиях типа *обЩАРПанная элита*. Слово (например, *экстаз*) выступает в сознании носителей языка как немотивированное, что способствует его сближению с псевдомотиваторами (типа *экстаз = вышедший из употребления таз*) в процессе языковой игры. Итак, языковая игра выступает одним из возможных вербализованных вариантов подачи информации, реализующим определенную функционально-прагматическую задачу в процессе коммуникации.

К. И. Леонтьева (ТГУ им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия)

ДОМИНАНТНЫЙ ПРИНЦИП, ПЕРСПЕКТИВА И КОГНИТИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ¹

В докладе рассматривается один из возможных механизмов в основе феномена вариативности художественного перевода – **доминантный принцип организации и функционирования сознания переводчика**, согласно которому когнитивная активность, опосредующая процессы перевода, регулируется системой личностно значимых, но при этом социокультурно маркированных **когнитивных доминант**. Доминанты, набор которых субъективно вариативен, определяют 1) феноменологически выделенные для каждого конкретного переводчика структурные свойства объектов интерпретации (текст, порождаемые на его основе образы сознания) и 2) когнитивно выделенные структуры знания, задающие точки референции для интерпретации этих объектов в сознании и дискурсе. Это позволяет рассматривать доминанты как один из главных факторов в основе когнитивного варьирования при переводе, множественности дискурсивных реализаций переводимого произведения и его неизбежной трансформации на формальном и эстетическом уровнях. Характер и вектор подобной трансформации, в свою очередь, в значительной степени определяется **нейрокогнитивным механизмом перспективации**, действие которого может быть осознано переводчиком лишь частично, но который является системообразующим с точки зрения дискурсивной семантики.

Перспективация – динамичный процесс конструирования образа объекта интерпретации через селективное восприятие и профилирование некоторых его свойств при помощи конкретных средств, эксплицирующих точку зрения субъекта-наблюдателя на объект. **Перспектива** как конкретный способ интерпретации конкретного объекта конкретным субъектом в конкретном ракурсе и в конкретной конфигурации его свойств, с конкретной точки зрения и точки обзора является сложно структурированным когнитивным феноменом и реализуется параллельно на различных уровнях дискурсивной деятельности (перцептивный, концептуальный, формально-языковой, интертекстовый, интерактивный, социокультурный). При переводе процессы перспективации осложняются тем, что предполагают в разной мере

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина

сингармоничное сопряжение, столкновение и согласование в сознании переводчика минимум трех перспектив – актуальной перспективы самого переводчика (в разной мере осознаваемой и координируемой системой доминант), его ретроспективной гипотезы относительно возможной перспективы и интенций автора и его проспективной гипотезы относительно перспективы, контекста знаний и языкового опыта реципиента перевода.

Как показал анализ актуальных данных нейронаук, механизм перспективации, нейрофизиологические корреляты которого активны в процессе восприятия и порождения дискурса, справедливо рассматривать в качестве основного основания когнитивного варьирования в дискурсе, в том числе в качестве основания вариативности (при некоторой инвариантности) интерпретации одного текста разными переводчиками в формате альтернативных и в разной мере мотивированных конфигураций структурных свойств текста и конструируемых в нем объектов, событий, образов и моделей реальности. Анализ корпуса параллельных текстов различных жанров и эпох, в свою очередь, показал, что формат и степень трансформации произведения при переводе (закономерное следствие альтернативности и вариативности любой интерпретации) определяется характером **реперспективации** конструируемых в этом произведении фрагментов реальности в результате их переводческой интерпретации в формате иных концептуальных и языковых категорий, профилирующих иные свойства, фокусные с иных пространственно-временных точек обзора и иных социокультурных точек зрения. При этом, как показал анализ, реперспективации подвергаются самые разные компоненты, типы, измерения и форматы перспективы.

В целом, есть все основания полагать, что подобные сдвиги перспективы, в процессе перевода приводящие к формально-эстетической трансформации текста (порой значительной), являются следствием действия значимой для каждого переводчика системы когнитивных доминант. Это позволяет говорить о доминантном принципе как когнитивном основании феномена вариативности перевода и перспективации как механизме его фактической реализации в дискурсе.

В докладе на примере сравнительно-сопоставительного анализа фрагментов нескольких русскоязычных переводов рассказа Ф. Скотта-Фитцджеральда «The Curious Case of Benjamin Button», 130-го сонета У. Шекспира, а также оды У. Х. Одена «In Memory of W. B. Yeats» будет продемонстрирована обусловленность языковых решений переводчика процессами перспективации на различных уровнях дискурса и роль когнитивных доминант в их координации.

И. В. Лешкевич (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ СТРУКТУРЫ МЕДИЙНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

Языковая вариативность рассматривается лингвистами как объективное имманентное свойство языковой системы, затрагивающее все выделяемые в языке подсистемы и единицы в плане формы и содержания, в синхронии

и диахронии, а также внутрисистемные отношения и отношения «язык – внешний мир». Неоднозначно употребляется в науке сам термин вариативность: с одной стороны, это свойство языковой системы предоставлять говорящим различные способы выражения одного и того же содержания; с другой – свойство конкретной языковой единицы иметь такие модификации (видоизменения, разновидности), которые не нарушали бы ее тождества. Таким образом, можно считать, что в широком смысле вариативность обозначает всякую изменчивость и модификацию, а в узком – определяется как характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии.

Вариативность свойственна любому языку и проявляется на всех уровнях его функционирования: фонетическом, лексическом, грамматическом и текстовом. Текстуальная вариативность подразумевает взаимодействие жанра и темы текста, его лингвистической экспрессии, учитывающей ситуацию дискурса и способ передачи информации. На наш взгляд, диапазон и значимость феномена вариативности особенно расширяются и возрастают, когда базой исследования становится текст с многообразной вариативностью содержания, структуры, композиции, стилевого плана, общих форм воплощения. Настоящее исследование посвящено структурной вариативности как одному из проявлений текстовой вариативности. Материалом служат 50 аналитических статей из британских периодических изданий за 2015–2019 гг.: «The Observer», «The Guardian» и «The Times».

При выявлении структуры аналитической статьи мы опирались на концепцию суперструктуры, предложенную Т. ван Дейком, и теорию аргументации, принимая во внимание ее роль в построении аналитических жанров медиадискурса. В результате интегрированного подхода понятие суперструктуры наделяется нами семантическими свойствами и определяется как общая структура содержания текста, т. е. как семантическая структура, представленная рядом семантических компонентов, в число которых входят и элементы (структурные составляющие) аргументации. Выявленные компоненты структуры объединены в группу обязательных компонентов (*формулирование проблемы и аргумент*) и факультативных (*описание проблемной ситуации, причины проблемы, пути решения проблемы, контраргумент, вывод, следствие, прогнозы/предсказания*).

В рамках данной работы структурная вариативность аналитической статьи иллюстрируется на примере семантического компонента *аргумент*, включающего доводы в пользу суждения, выраженного в компоненте *формулирование проблемы*. В результате анализа выявлены следующие типы аргумента: *аргумент к авторитету*, *аргумент-факт* и *аргумент-мнение автора*. Самым значимым в семантической структуре аналитической статьи является аргумент к авторитету, он классифицируется по источнику авторитета на индивидуальный (*Merkel suggested earlier this year that the US (and Britain) could no longer be wholly relied upon* ‘Уже ранее в этом году Меркель высказывала предположение, что на США (и Великобританию) больше нельзя полностью положиться (The Observer. 30.07.2017)) и коллек-

тивный (*experts believe* ‘эксперты считают’, *analysts doubt* ‘аналитики сомневаются’). Аргумент к фактам реализует фактуальную информацию, к которой обращается журналист в поисках доказательств. Для большей убедительности фактуальная информация может дополняться статистическими данными. Например: Описание проблемной ситуации *Some MPs can see the situation spiralling out of control* ‘Некоторые члены парламента понимают, что ситуация выходит из-под контроля’. Аргумент-факт *Today 298 lined up to demand an intervention* ‘Сегодня 289 из них выстроились, требуя вмешательства’ (The Guardian. 29.01.2019). Еще один тип аргумента представляет собой мнение автора аналитической статьи, его маркерами выступают личные и притяжательные местоимения, а также оценочные лексические. Например: Формулирование проблемы: *Every month, thousands of tonnes of used tyres leave our ports on a passage to India* ‘Каждый месяц тысячи тонн использованных шин покидают наши порты, отправляясь в Индию’. Аргумент-мнение: *I can only imagine what their life expectancy might be. Our government seems happy to dump it (mess) on other people* ‘Я могу себе только представить, какова продолжительность их жизни. Похоже наше правительство счастливо выбрасывать его (мусор) на других людей’ (The Guardian. 30.01.2019).

Помимо вариативности типов аргумента выявлена вариативность функционирования данного семантического компонента. Так, установлено, что в британской аналитической статье аргумент способен «проникать» в другие семантические компоненты, например, в компонент *описание проблемной ситуации* (*Yvette Cooper and Nick Boles, sponsors of the more controversial amendment, insisted their aim was only to guarantee an orderly departure* ‘Иветт Купер и Ник Боулз, сторонники более спорной поправки, настаивали, что их цель была только гарантировать упорядоченный выход из Евросоюза’ (The Guardian. 29.01.2019)) или *пути решения проблемы* (*We need a path to recovery, not May’s frantic hunt for a stronger, purer dose* ‘Нам нужен путь к восстановлению, а не отчаянная охота Мей за более сильной и чистой дозой’ (The Guardian. 29.01.2019)).

Таким образом, вариативность семантического компонента *аргумент* проявляется в способах его актуализации (типы аргумента) и в особенностях функционирования в аналитической статье (его участие в реализации факультативных семантических компонентов).

Л. М. Лещёва (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ И КОГНИТИВНОМ АСПЕКТАХ

Семиотический подход к описанию языка, наиболее последовательно представленный в концепции Ф. де Соссюра, предполагает, как известно, описание его как системы знаков, характеризующейся в силу асимметрического дуализма языкового знака одновременной устойчивостью и изменчивостью.

В рамках структурного подхода к описанию языка, порожденного семиотическим, были предприняты попытки описания сущности языковой вариативности и вариантности как ее результата.

Первоначально вариативность и вариантность изучались в тесной связи с понятием *норма* и рассматривались, прежде всего, на фонологическом уровне, где фонема виделась как неизменный абстрактный инвариант, а ее конкретные звуковые реализации – как варианты. Позже идея вариантов и инварианта была перенесена на единицы других уровни языка, в том числе на слова. Вариантами слова обычно считались лишь его формальные разновидности, т. е. разновидности его плана выражения при наличии у них тождественного значения: различия в произношении: *т[е]рмин – т[э]рмин*, ударении: *твóрог – творóг* или же разновидности грамматических форм: *с разбе́гу – с разбега́*. Разумеется, что при этом синонимы (*глаза* и *очи*) или паронимы (*элитный* и *элитарный*) вариантами слова не считались как не обладающие инвариантным содержанием.

Позже варьирование и вариантность стали рассматриваться и на смысловом уровне, на уровне плана содержания языкового знака. В. В. Виноградов и А. И. Смирницкий обосновали понятие лексико-семантического варьирования слова, содержание многозначного слова виделось ими как сумма его лексико-семантических вариантов (ЛСВ), которые устанавливались на основе компонентного и дистрибутивного методов анализа.

В последующих работах многочисленных авторов было установлено, что механизм лексико-семантического варьирования слова и актуализация определенного ЛСВ в речи обеспечивается перераспределением, фокусированием и затушевыванием определенных сем. При этом в содержании каждого ЛСВ реализуется лишь некоторая часть иерархически организованных родовых, дифференциальных видовых и потенциальных семантических признаков, образующих содержание семемы – абстрактной единицы плана содержания ЛСВ. То есть, по мнению ряда исследователей, организация семантической структуры полисемантического слова предполагает наличие общего, инвариантного значения для всех его значений, хотя этот тезис вызывал и по-прежнему вызывает горячие дискуссии.

Исследование лексико-семантической вариативности в структурном плане предполагает, прежде всего, установление характера внутрисловной упорядоченности ЛСВ. В значительно меньшей степени изучены их внешние отношения с другими лексическими единицами в системе языка на основе общности их родовых и видовых семантических признаков, которые могут выявить целый ряд их семантических характеристик.

Однако структурная лингвистика, окончательно оформившаяся к середине прошлого века, стремилась, как известно, ограничиться исследованием *системы* языковых знаков, которая представлялась самодостаточной, способной к существованию и развитию *per se*, хотя Ф. де Соссюр неоднократно подчеркивал психологическую сущность языкового знака, существование и его формы, и содержания в сознании коммуникантов. Такой антимента-

листский структурный подход к проблемам языка, в том числе к проблеме лексико-семантической вариативности, не способствовал эффективному исследованию источника смысловых изменений, более глубокому пониманию связи языковых и концептуальных категорий, установлению влияния человеческого фактора и социума на вариативность языкового знака.

В антропоцентрических когнитивной и лингвокультурологической парадигмах, пришедших на смену структурной, полисемия слова снова оказалась в центре внимания в связи с исследованием вопросов концептуализации и категоризации, внутреннего устройства категории. Многозначное слово оказалось прекрасным материалом, иллюстрирующим один из важнейших принципов организации информации в ментальном пространстве, связанной одним знаком: она видится как *кластер* разных, но определенным образом связанных одной формой слова нескольких концептуальных категорий. Каждая категория в концептуальном кластере многозначного слова, как и сам кластер в целом, организованы по принципу поля с ядерной и периферической частями, которые определяют семантику, синтактику и прагматику каждого ЛСВ многозначного языкового знака. Под действием центростремительных сил каждая из категорий остается в кластере, а под действием центробежных сил она готова выйти из кластера и организовать в самостоятельную категорию или в другой кластер (что мы наблюдаем в случае расщепления полисемии на омонимы). Каждая из категорий в кластере (соотносимых с содержанием ЛСВ) представляет собой динамически развивающийся комплекс разнородной информации (сенсомоторной, логической, эмоциональной, прагматической, языковой и др.), поступающей из разных когнитивных источников.

Таким образом, вся кластерная категория, обозначенная многозначным словом, отражает антропоцентричную сущность языка. Антропоцентризм начинается с формирования языкового знака и закрепления за его формой первичного сенсомоторного опыта, переживаемых эмоций и выносимых оценок. Далее он проявляется в установлении человеком отношений сходства и смежности концептуальных категорий и вовлечение их в референцию уже существующего знака. Конструируя определенным образом концептуальную информацию в ментальном пространстве, многозначное слово категоризирует опыт человека, устанавливает связи между областями его деятельности, в том числе, мыслительной, отражает опыт всего языкового коллектива, участвуя тем самым в формировании языковой картины мира [1]. Такой кластер является по своей природе одновременно и динамичным, и статичным, что объясняет изменчивость каждого ЛСВ и лексико-семантическую вариативность слова в целом.

Таким образом, можно полагать, что семасиологический, структурный и когнитивный подходы к лексико-семантической вариативности являются не антагонистичными, но дополняющими один другого, комплементарными теориями. Каждая из них вносит свой вклад в понимание сущности этой языковой универсалии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лещёва, Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л. М. Лещёва. – Москва : Языки славянской культуры; Знак, 2014. – 256 с.

Т. А. Литвинова (ВГПУ, Воронеж, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРИЗНАКОВ ИДИОЛЕКТА: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД¹

Одним из важных, но недостаточно исследованных аспектов языковой вариативности является индивидуальная вариативность, т. е. вариативность языковых единиц в идиолекте, понимаемом как индивидуальный вариант языка. На протяжении долгого времени исследователи, занимавшиеся данной проблемой, изучали преимущественно тексты лиц, профессионально владеющих языком (преимущественно художественные тексты). Однако развитие интернет-коммуникации и связанное с ним появление большого объема текстов рядовых носителей языка привело к актуализации проблемы исследования индивидуального варьирования. Во-первых, у исследователей появился в распоряжении большой объем языкового материала, требующий теоретического осмысления. Во-вторых, актуализировался общественный спрос на надежные методики идентификации автора анонимного текста, содержащего различного рода вредоносный контент. Разработка таких методик напрямую связана с решением проблем, связанных с определением границ вариативности языковых признаков идиолекта. При этом под вариативностью мы понимаем способность квантифицируемых языковых признаков идиолекта изменяться в определенных количественных пределах в зависимости от различных факторов (смены темы, жанра, стиля, модуса и др.). В случае если речь идет об вариативности внутри идиолекта, такая вариативность называется внутрииндивидуальной. Вариативность языкового признака в идиолектах разных носителей языка является межиндивидуальной вариативностью. Для идентификации автора текста особое значение имеют языковые признаки, имеющие низкую внутрииндивидуальную вариативность (т. е. позволяющие идентифицировать тексты одного автора) и высокую межиндивидуальную вариативность (т. е. позволяющие различать тексты разных авторов).

Проблемы идиолектной вариативности, однако, мало исследованы на специально созданном корпусном материале с использованием аппарата математической статистики. Мы проанализировали существующие в научной литературе (преимущественно англоязычной) подходы к определению пределов вариативности, предложенные исследователями, и обнаружили, что каждый из них имеет как свои достоинства, так и недостатки. Нами был проведен ряд экспериментальных исследований на русскоязычном мате-

¹ Исследование выполняется при поддержке гранта Российского научного фонда № 18-78-10081 «Моделирование идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификации автора текста».

риале, направленных на оценку масштабов внутрииндивидуального и межиндивидуального варьирования признаков идиолекта на уровне лексического разнообразия и морфологии, проведенных с использованием коэффициента вариации. Нами также был проведен анализ, направленный на оценку влияния различных факторов, обуславливающих внутрииндивидуальную вариативность признаков идиолекта (тема, жанр, модус, время написания текста), который выявил, что смена модуса (устный – письменный) вызывает статистически значимые изменения в значениях наибольшего числа признаков идиолекта. Однако наш анализ, проведенный с использованием различных техник (дисперсионный, дискриминантный анализ, кластерный анализ и т. д.), выявил ряд признаков, на которых не оказывает влияние даже смена модуса. Такие признаки представляются особенно перспективными для последующего анализа.

Поскольку указанные исследования проводились нами на корпусе ограниченного объема, с небольшим числом текстов и авторов, наши предстоящие работы связаны преимущественно с формированием корпуса RusIdioStyle, специально направленного на исследование пределов внутрииндивидуальной вариативности квантифицируемых признаков идиолекта в зависимости от таких факторов, как жанр, тема, стиль, модус текста с учетом социолингвистической информации об авторах, а также на анализ межиндивидуальной вариативности. Корпусный подход к исследованию идиолектной вариативности, по нашему мнению, позволит как приблизиться к решению теоретических проблем, так и внести вклад в решение практических задач, и прежде всего задачи идентификации автора текста. Нами обосновывается необходимость исследования проблемы вариативности в идиолекте в рамках отдельного научного направления – **корпусной идиолектологии**.

А. В. Ломовая (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Личные имена представляют особый интерес для лингвистов в связи со своей многоплановостью. С одной стороны, как любое имя собственное, личное имя служит для идентификации (т. е. выделения объекта среди ряда однородных объектов). С другой стороны, частая повторяемость одних и тех же имен в тех или иных группах людей и социумах как будто бы сводит эффективность таких единиц к нулю. В то же время личные имена обладают значительной вариативностью: они могут выступать в полной форме, сокращенной, уменьшительно-ласкательной, заменяться или сочетаться с созвучной кличкой, становиться именем нарицательным и даже давать оскорбительную характеристику личности или национальности.

Личные имена, используемые современными носителями английского языка, также представлены множеством вариантов. Рассмотрим наиболее

типичные причины возникновения вариантов одного и того же личного имени, а также исторические и культурные факторы, влияющие на выбор того или иного варианта.

1. Ряд личных имен подвергся расщеплению на определенном этапе исторического развития либо параллельно заимствовался из различных языков. Так, имена *Jacob* 'Джейкоб' и *James* 'Джеймс' восходят к одному библейскому имени (*Иаков*), однако *James* представляет собой позднелатинское прочтение (*Iacomus*). В современном английском эти имена используются как разные: и для библейских персонажей (ср. *Jacob, son of Isaac and Rebecca* 'Иаков, сын Исаака и Ревекки' – *James, son of Zebedee* 'Иаков Зеведеев'), и в быту.

2. Многие варианты личных имен (особенно библейского происхождения) появились в кельтских языках Британских островов (валлийском, шотландском и ирландском), а позже были приняты носителями английского языка в качестве самостоятельных имен. Например, библейское имя *Иоанн* приобрело в английском форму *John* 'Джон', в шотландском – *Ian* 'Иан, Йен', в валлийском – *Ifan, Evan* 'Иван, Эван', в ирландском – *Sean* 'Шон'. Подобные варианты существуют и для имени *Иаков*: англ. *James* 'Джеймс' – шотл. *Hamish* 'Хэмиш' – вал. *Iago* 'Яго' – ирл. *Seamus* 'Шеймас'. В наше время та или иная форма может заявлять о национальной идентичности носителя либо использоваться безотносительно этнической принадлежности.

3. Большое число имен кельтского происхождения (особенно ирландские) были англоязычны во времена британского господства: ирл. *Caoimhín* (от др.-ирл. *Coemgen* 'благородного происхождения') – англ. *Kevin* 'Кевин', ирл. *Ciara* (от гаэльск. 'темная') – англ. *Keira* 'Кира', ирл. *Domhnall* (от протокельтск. 'правитель мира') – англ. *Donald* 'Дональд'. В Великобритании и США используется только вторая форма, в то время как в Ирландии такие имена воспринимаются как переводные варианты для общения и письма на ирландском и английском языках соответственно в связи с официальным двуязычием. В ряде случаев ирландская форма имени может применяться для подчеркивания национально-культурной принадлежности, а также свидетельствовать о политических взглядах (например, указывать на приверженца идеи о единой республиканской Ирландии).

4. Некоторые имена представлены орфографическими вариантами. Так, имя *Шон* встречается в трех вариантах написания: *Sean* (оригинальное), *Shaun, Shawn* (последние два особенно распространены в США). В Северной Ирландии, в связи с особенностями ольстерского диалекта, то же имя произносится как *Шейн*, что дало три варианта написания: *Shane, Shaine, Shayne*.

5. Уменьшительные имена нередко выступают как самостоятельные (эта практика наиболее распространена в США, где отсутствуют законодательные ограничения на форму имени). Если уменьшительная форма происходит из иностранного языка, то носители английского языка могут даже не подозревать о ее родстве с привычными им именами. Например, в Великобритании и США со второй половины XX в. возрастает популярность имени *Саша* (в английском написании *Sasha, Sascha*), причем в первой из стран это

в основном мужское имя, а во второй – женское. Похожая ситуация сложилась и в отношении имени *Misha* (в английском написании *Misha*, *Mischa*). Носители этих имен, не имеющие славянских корней, чаще всего считают данные имена самостоятельными, а не производными от английских имен *Alexander* и *Michael* соответственно.

Таким образом, в современном английском языке варианты одного и того же личного имени в основном используются как самостоятельные имена, однако в ряде случаев предпочтение, отдаваемое определенному варианту, может заявлять об этнической и культурной принадлежности носителя, а также отражать его политические взгляды.

В. В. Лопатько (МГЛУ, Минск, Беларусь)

МОДИФИКАЦИИ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА

Современная теория речевой деятельности определяет диалог как основную форму устного общения, в основе которой лежит личное взаимодействие людей с главной целью воздействия активного партнера на речевое поведение собеседника и побуждение его к реальному сотрудничеству. Телефонный разговор создает идеальные возможности такого рода общения, поскольку его личностно-ориентированная устная форма предоставляет партнерам одинаковые права в актуализации речевых взаимоотношений и готовность каждого из них к плавной смене ролевого участия. Телефонный разговор (ТР) трактуется в языкознании как особо структурированная устно-речевая разновидность диалогической речи, реализованной в дистантной форме общения, при которой собеседники объединены временем и расстоянием с полным отсутствием зрительного контакта, исключающего возможности использования дополнительных средств информации – ситуативной обстановки, предметного окружения, внешнего вида коммуникантов, их жестов и мимики. В связи с этим значительно повышается роль контакто-устанавливающих факторов с возрастанием значимости и потенциала языковой и особенно просодической организации речи, которая выполняет в разговоре более 40 % подачи информации. Существует мнение, что ваш голос предстает визитной карточкой вашего имиджа, создаваемого партнером во время ТР и первостепенным средством выполнения фатической функции речи.

Спонтанный характер ТР, протекающего без опоры на письменный текст и речевого контроля, в полной мере свойственен реципиенту беседы, зачастую не ожидающего телефонного звонка, в то время как речь инициатора ТР определяется исследователями квазиспонтанной, поскольку он планирует как время цель и программу общения, так и его вербальный репертуар. Однако не вызывает сомнений спонтанность и неподготовленность фонетической стороны ТР, порождаемого и озвученного в процессе говорения, которые ведут к большой звуковой и интонационной вариативности речи.

Хотя существующие правила ведения ТР нацеливают партнеров на четкую, качественную и корректную артикуляцию звуков, особенно при

наличии всякого рода помех технической связи, лимит времени ТР и объем излагаемой информации создают своеобразную звуковую компрессию реплик коммуникантов, которая выражается в звуковой и слоговой элизии в полисиллабических словах, явлениях ассимиляции и адаптации консонантов, монофтонгизации дифтонгов, нейтрализации и сильной редукции гласных и ослаблении согласных (как правило, взрывных) в интервокальной и финальной позиции, изменении качества сонантов и потере фарингального согласного в функциональных частях речи.

Архитектоника развернутого ТР может быть подразделена на ряд функциональных блоков, каждый из которых демонстрирует широкий спектр просодической вариативности. Предваряющий и завершающий блоки приветствия и прощания, как обязательные компоненты телефонного этикета, реализуются в речи набором разговорно-коммуникативных формул, просодическая структура которых колеблется от низкого восходящего или среднего нисходящего до нисходяще-восходящего контура. Формулы прощания, произнесенные с нисходящим тоном, свидетельствуют о сильной раздраженности или агрессии говорящего. Интересно, что телефонный вариант приветствий в ряде стран (Японии, Италии, Испании) отличается от его лично-контактного аналога. Этикетный блок взаимного представления новому собеседнику или узнавание давнего знакомого отмечен вариантом высокого ровного или пологого средне-нисходящего тонального контура, реализованного в среднем темпе произнесения и мягком доброжелательном тембровом варианте.

Основные коммуникативные блоки ТР – изложение цели разговора и обсуждение заявленной тематики – отличаются нарастающей динамикой речевого акта в широком голосовом диапазоне тональных (с постепенно нисходящим, скользящим или волнообразным контуром), динамических (в рамках средней или повышенной громкости), темпоральных (от замедленного до ускоренного темпа с равномерным паузальным членением фраз на синтагмы) и тембральных (от мягкого и сердечного до жесткого и звучного) модификаций в зависимости от взаимоотношений и социального статуса собеседника, глубины знаний материала, делового или непринужденного характера беседы. Большая рекуррентность употребления междометий, разного рода повторов и переспросов, заполненных пауз и эллиптических фраз способствует созданию своеобразной ритмической структуры ТР с сильным выделением ударных слогов, увеличение количества эмфатических ударений в совместно с повышенной громкостью произнесения. В деловых беседах отмечается повышенная плотность ударений за счет увеличения частотности ядерных и статических и сокращения числа частичных ударений по сравнению с непринужденной ТР.

Кульминационный и завершающий этапы ТР, свидетельствующие о достижении цели разговора и степени договоренности о дальнейших контактах коммуникантов в большинстве случаев представлены одной или двумя краткими клишированными фразами, реализованными постепенно нисходящим тональным контуром в среднем или замедленным темпе произнесения.

Таким образом выявлены в ходе анализа модификации звуковых и просодических характеристик в поэтапной актуализации телефонного разговора свидетельствуют о его отличии от иных видов диалогического общения и позволяют отнести его к особой разновидности устно-речевого дискурса.

А. А. Лукашанец (Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь)

ЛЕКСІЧНАЯ ВАРЫЯТЫЎНАСЦЬ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ: ТЫПЫ І ФАКТАРЫ РАЗВІЦЦЯ

Лексічная варыятыўнасць з'яўляецца паказчыкам высокага ўзроўню развіцця любой літаратурнай мовы, сведчаннем яе багатых намінацыйных, словаўтваральных і выяўленча-вобразных магчымасцей, а таксама адлюстроўвае асаблівасці гістарычных шляхоў і ўмоў развіцця і кантактаў з іншымі мовамі. Не з'яўляецца выключэннем у гэтых адносінах і сучасная беларуская мова – дзяржаўная мова Рэспублікі Беларусь.

Беларуская мова на пачатку XXI стагоддзя характарызуецца не толькі багаццем слоўнікавага складу, але і разгалінаванай рознаўзроўневай лексічнай варыятыўнасцю, складаным перапляценнем лексіка-стылістычных сродкаў. Сучасны стан лексічнай варыятыўнасці ў значнай ступені адлюстроўвае асаблівасці фарміравання сучаснай беларускай літаратурнай мовы, яе намінацыйныя магчымасці, а таксама экстралінгвістычныя ўмовы развіцця і функцыянавання ў XX стагоддзі.

У сучаснай беларускай мове лексічная варыятыўнасць знаходзіць сваё праяўленне на розных узроўнях, што дазваляе выдзеліць наступныя разнавіднасці (тыпы) лексічнай варыятыўнасці.

1. Фанетыка-фаналалагічная варыятыўнасць: *віндсерфінг* і *віндсёрфінг*, *долар* і *даляр*, *камп'ютар* і *кампутар*, *класічны* і *клясычны*, *пафас* і *патас* (інтэрнэт-маўленне) і г. д.

2. Словаўтваральная варыятыўнасць (асабліва ў сферы мадыфікацыйнага словаўтварэння): *бізнесаўскі* (*бізнесоўскі*) і *бізнесовы*, *выступленне* і *выступ*, *дысконтны* і *дысконтавы*, *канцэртны* і *канцэртовы*, *пляцак* і *запlechнік*, *рыначны* і *рынкавы*, *коцік* і *каток*, *дочачка* і *дачушка*, *сынок* і *сыночак*, *маленькі* і *маленечкі*, *біблейскі* і *біблейны*, *маладзёжны* і *моладзевы* і г. д.

3. Словаўтваральна-граматычная варыятыўнасць: *выступовец* і *выступоўца*, *грантадавец* і *грантадаўца* і г. д. Варыятыўнасць словаўтваральных фармантаў уплывае на варыятыўнасць склонавых форм, напрыклад: *выступовец* – [адсутнасць наступнага] *выступоўца*, але: *выступоўца* – [адсутнасць чарговага] *выступоўцы*.

4. Уласна лексічная варыятыўнасць (лексічная сінанімія і лексічная дублетнасць): *веласіпед* і *ровар*, *гутарык* і *далькажык* 'мабільны тэлефон', *тратуар* і *ходнік*, *працэнт* і *адсотак*, *тыраж* і *наклад*, *сабака*, *малпа* і *слімак*, *вадзіцель* (аўтобуса) і *кіроўца* і інш.

Прычыны і шляхі развіцця лексічнай варыянтнасці ў сучаснай беларускай мове маюць комплексны характар і ўключаюць як уласна лінгвістычныя (перш за ўсё намінацыўныя магчымасці сістэмы мовы), так і экстралінгвістычныя (сацыялінгвістычныя) фактары. Сярод найбольш значных для развіцця слоўнікавага складу сучаснай беларускай мовы ў плане яе лексічнага вар'іравання назавем наступныя.

1. Рэалізацыя намінацыўных (у першую чаргу словаўтваральных) магчымасцей сістэмы мовы:

а) багатае гістарычнае мінулае беларускай мовы, даўнія традыцыі пісьменства і багатая кніжная спадчына, што ў сукупнасці забяспечыла сучаснай беларускай мове выпрацоўку разнастайных лексічных сродкаў намінацыі і разватай сістэмы словаўтварэння;

б) паралельнае ўтварэнне дублетных лексічных адзінак – словаўтваральных сінонімаў: *мосцік і масток, запlechнік і пляцак, выступовец (выступоўца) і выступальнік, ватар і брамнік, вучылішча і вучэльня*;

в) паралельнае суіснаванне запазычанняў і ўласнамоўных намінацыўных вытворных адзінак: *рукзак і запlechнік, спартсмен і спартовец, юрыспрудэнцыя і правазнаўства, сабака (рус.), малпа (польск.) і слімак (бел.)*;

г) утварэнне новых намінацыўных адзінак, альтэрнатыўных існуючым намінацыям, якія маюць у моўнай свядомасці статус русізмаў: *гулец* замест *ігрок*, *заўзятар* замест *балельшчык*, *заўзець* замест *хварэць* [за футбольную каманду] (у спорце), *мінак* замест *прахожы*, *вітальяня* замест *прыхожыя* [у кватэры] і інш.

2. Паралельнае запазычванне лексічных адзінак з розных моў: *веласіпед і ровар, партфель і тэчка, фестываль і фэст*.

3. Узаемадзеянне рознадзялектных сістэм: *бусел і бацян, калодзеж (калодзезь) і студня, сасна і хвоя*.

4. Узаемадзеянне варыянтаў літаратурна-пісьмовай мовы (літаратурная мова – тарашкевіца): *саюз і звяз (Еўрасаюз – Еўразвяз) газета і газэта, наклад і тыраж, экзэмпляр і асобнік (паасобнік)*.

5. Суіснаванне ў сучасным маўленні (вяртанне ў актыўны ўжытак) устарэлых і сучасных лексічных адзінак: *мытня і таможня, амбасада і пасольства*.

Сярод асноўных фактараў, якія вызначаюць сучасныя маштабы лексічнага вар'іравання ў беларускай мове неабходна назваць наступныя.

1. Змяненне канцэпцыі паняцця “сучасная беларуская мова” і пашырэнне яе часовага дыяпазону (ад пачатку ХХ стагоддзя да сучаснасці), а таксама зняцце палітычных і ідэалагічных абмежаванняў на факталагічную базу (тэкставыя крыніцы) беларускай літаратурнай мовы. Апошняе садзейнічае істотнаму павелічэнню разнастайнасці і варыятыўнасці ў сучасным маўленні лексічных сродкаў з наступным замацаваннем іх у лексікаграфічных даведніках.

2. Тэндэнцыя да нацыяналізацыі, якая ва ўмовах беларуска-рускага дзяржаўнага двухмоўя мае выразныя рысы рэрусіфікацыі і садзейнічае а) нарматыўнай пераацэнцы слоўнікавага складу мовы; б) актуалізацыі

ўласных намінатыўных рэсурсаў мовы; в) спецыфіцы функцыянавання іншамоўнай лексікі (напрыклад, пашырэнне ў сучасным маўленні паланізмаў, якія адпавядаюць тэндэнцыі адштурхоўвання ад лексічнай сістэмы рускай мовы).

3. Развіцце сістэмы нацыянальнай беларускай мовы і актуалізацыя ў моўнай прасторы беларусаў новых падсістэм і функцыянальных стыляў («тарашкевіца», маладзёжны і камп’ютарны слэнг, канфесійны стыль і г. д.).

Е. Г. Лукашанец (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ТОЛКОВАНИЙ В «НАРОДНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ»

Появившиеся лет 10 тому назад так называемые русскоязычные онлайн-словари сленга и разговорной лексики, которые существуют только в электронном виде и пополняются самими пользователями Интернета, уже привлекли внимание лингвистов, занимающихся русским субстандартом. Однако, поскольку в этих произведениях «народной лексикографии» носители сленга не только добавляют слова и выражения, но и дают им определения, эти словари могут также стать хорошим источником для изучения металингвистической деятельности носителей русского языка. Они позволяют проанализировать, как те, кто не является специалистом-лексикографом, формулируют дефиниции, с помощью каких средств объясняют значение слов. В свою очередь это даст возможность в будущем внести вклад в решение некоторых важнейших проблем лексической семантики (разграничения ЛСВ, значения и его оттенка, полисемии и омонимии и т. п.).

Одна из характерных особенностей ненормированной речи – вариативность, и она в высшей степени проявляется и в онлайн-словарях. О графических, фонетических, морфологических, фразеологических вариантах заглавных единиц онлайн-словарей мы уже писали в ряде работ, целью же данного сообщения является определение характера вариативности дефиниций (толкований). Материалом послужили однословные сленговые названия лиц из онлайн-словаря «Словоново» (<http://slovonovo.ru/>), всего свыше трех с половиной тысяч толкований.

Анализ материала позволил сделать следующие основные выводы.

1. Около 12 % дефиниций носят характер синонимических, причем число синонимов может варьироваться от одного (*бухарик* ‘алкоголик’) до пяти (*лошпен* ‘растяпа, разиня, бестолочь, дурачок, чудак’). Интерес представляют дефиниции, состоящие из 2–3 синонимов, их около трети синонимических толкований. В ряде случаев синонимы, входящие в состав толкования, действительно очень близки по значению (*ахо* ‘«дурак», «дебил», «идиот»’), в меньшем числе случаев второе (третье) слово позволяет сузить понятие (*шапиро* ‘юрист, адвокат’, *нацик* ‘нацист, расист, скинхед’); к таким случаям примыкают и толкования, которые представляют собой скорее ряд гипонимов: *крот* ‘сапер / минер / пиротехник’ (объединение слов в одну дефиницию подчеркивается знаками пунктуации). Вариативность здесь проявляется не только количественно (число синонимов), но и качественно:

например, как выбор того или иного слова из ряда синонимов или даже той или иной социальной подсистемы языка. Иногда литературные и внелитературные синонимы объединяются в одной статье: *вахляй* ‘придурак, балбес, лох, чмо’ (два последних слова в толковании – сленгизмы). Очень небольшое число таких толкований содержит прилагательное: *лялька* ‘продажная женщина, проститутка’, *шизойд* ‘больной человек, шизофреник’. Синонимия часто встречается и в тех дефинициях, которые состоят из трех существительных: *россиянец* ‘россиянин, житель России’, *обезьяна* ‘выходец с Кавказа. Хачик’.

2. Использование многословных выражений в качестве дефиниций дает простор для варьирования: *шаровóй* ‘наркоман, употребляющий наркотики **посредством инъекций**’ – *шарокéша* ‘наркоман, употребляющий наркотики **путем внутривенных инъекций**’ – *протыкашка* ‘наркоман, употребляющий наркотики **внутривенно**’. Иногда в таких дефинициях встречается дублирование одного и того же смысла другими словами: *буханка* ‘девушка которая пьет. Бухает’, *быдлан* ‘человек, принадлежащий по образу мыслей и поведению к быдлу, отличающийся быдлечеством’ (здесь также наблюдается варьирование в толковании элементов разных социальных подсистем русского языка).

3. Сравнение семем у полисемичных слов словаря (среди названий лиц таких оказалось всего 50, с 113 ЛСВ) показало, что здесь имеются случаи варьирования (например, у слова *быдло* отмечено 6 значений, причем большинство значений почти синонимичны друг другу).

4. Особенностью таких словарей также является так называемая дублетность: пользователи могут добавлять другие определения слову, которое уже есть в словаре, так что у одной и той же словарной единицы может быть по несколько словарных статей. Дублетность помогает во многих случаях выявить варьирующиеся толкования: например, автор одной статьи для сленгизма *чика* выбирает определение ‘девушка’, автор второй статьи – ‘телка’ (варьирование в синонимичных толкованиях); *шнырь* ‘заключенные, занимающие должности дневальных (дежурные, порученцы, уборщики) в отдельных структурных подразделениях ИТУ (ШИЗО, ПКТ, штаб, комнаты свиданий, отряды и т. п.)...’ – ‘заключенный, взявший (иногда под давлением со стороны других заключенных) на себя обязанность убирать камеру, барак, производственное помещение, выполнять работу, которую заключенные обязаны делать по очереди...’ (развернутые дефиниции-определения) и т. п.

Вариативность толкований в произведениях «народной лексикографии» обнаруживается достаточно часто: как в синонимических, так и в описательных толкованиях. При этом возможны не только количественные различия (число синонимов, длина конструкции), но и качественные (принадлежность слов, входящих в толкование, литературному языку или же субстандарту). Наиболее ярко вариативность в дефинициях проявляется при так называемой дублетности словарных статей: нередки такие случаи, когда пользователь хочет выразить то же самое лексическое значение единицы своими словами, и это может дать ключ к пониманию отношения носителей сленга к данным субстандартным элементам.

А. У. Лянкевіч (БДУ, Мінск, Беларусь)

СТАЎЛЕННЕ ДА ПРАБЛЕМЫ ВАРЫЯТЫЎНАСЦІ Ў БЕЛАРУСКАЙ
МОВЕ Ў ЭПОХУ САЦЫЯЛЬНЫХ МЕДЫЯ
(на прыкладзе тэматычных груп у Facebook)

Для беларускай мовы як мовы з дэмакратычнай традыцыяй (заснаванай на жывым народным маўленні, у адрозненне ад “кніжных” моў) заўсёды была характэрна варыятыўнасць, якая праяўлялася на розных моўных узроўнях, найперш лексічным і сінтаксічным. Асабліва заўважнай гэтая з’ява была ў перыяды актыўных сацыяльных пераўтварэнняў, пры гэтым правадніком моўных змяненняў часта выступалі медыя. Калі ў 1990-я гг. значная роля ў гэтым працэсе належала недзяржаўным СМІ [1], то на сённяшнім этапе гэтае месца занялі найперш сацыяльныя медыя.

Матэрыялам для даследавання паслужылі абмеркаванні ў тэматычных групах у Facebook, якія аб’ядноўваюць карыстальнікаў, зацікаўленых моўнымі праблемамі: суполкі “Роднае слова” (далей – РС; існуе з 2011 г.; 1244 удзельнікі на дату 31.01.2019) і “Толькі пра мову” (далей – ТПМ; існуе з верасня 2018 г.; 1008 удзельнікаў). Абедзве гэтыя суполкі аб’ядноўваюць як спецыялістаў, так і проста карыстальнікаў, зацікаўленых моўнымі пытаннямі. Удзельнікі групы дзеляцца пэўнымі словамі і выразамі, разважаюць пра іх паходжанне, легітымнасць і тэрытарыяльнае размеркаванне, задаюць пытанні, звязаныя з перакладам пэўных слоў і выказаў на беларускую мову. Часта такія пытанні нараджаюць (больш або менш) гарачыя дыскусіі па праблеме варыятыўнасці, якія ўласна і сталі прадметам дадзенага даследавання.

Існуюць два глабальныя падыходы да праблемы варыятыўнасці: 1) прыняцце яе як натуральнай для любой мовы з’явы (з адрозненнем у ступені і пашыранасці моўнага вар’іравання), 2) хутчэй адмоўнае стаўленне да наяўнасці ў мове варыянтных адзінак. Калі першы падыход, як правіла, характэрны для актыўных і даўніх карыстальнікаў беларускай мовай, то другі падыход часта падзяляюць “новыя” і/або “пасіўныя” карыстальнікі (г. зн. або так званыя неафіты, якія нядаўна пачалі актыўна карыстацца беларускай мовай, або ўжываюць яе абмежавана, магчыма, толькі ў інтэрнэт-камуніках). Аднак ёсць выключэнні і пры першым, і пры другім падыходзе (напрыклад, прыхільнікі моўнага пурызму з абедзвюх катэгорый карыстальнікаў мовы або (часта) карыстальнікі, чыя працоўная дзейнасць непасрэдна звязаная з беларускай літаратурнай (кадыфікаванай) мовай). Ніжэй разгледзім найбольш пашыраныя аргументы, якімі карыстаюцца ў дыскусіях прадстаўнікі першага і другога падыходаў.

Аргументы на карысць наяўнасці моўных варыянтаў.

1. Варыянтнасць узбагачае беларускую мову:

*Мова жыве, пакуль эмансіпуецца. Утвараюцца неалёгізмы, ўзнаўляюцца архаізмы і дыялектызмы, запазычаюцца новыя словы. **Урэшце – болей словаў – багацейшая мова!*** (вылучэнне наша. – А. Л.; тут і ніжэй захоўваецца арфаграфія аўтараў; ТПМ; 19.01.2019).

2. Паколькі беларуская мова фарміравалася на аснове народных гаворак, то варыянтнасць – заканамерная і лагічная для яе з’ява:

Праблема ў лінгвагеаграфіі зноў. У некага, напрыклад на Случчыне, сьлімак без чарупіны, а смоўж зь ёй, а ў іншай частцы Беларусі наадварот (...) а як твае дзяды-бабы казалі? Абапірайся на блізкую табе традыцыю мо (ТПМ; 24.01.2019).

Аргументы супраць варыятыўнасці.

1. Варыятыўнасць можа прывесці да розначытанняў і непаразуменняў:

А: Карацей, правілы недапрацаваныя і прывозяць да такіх гаданняў. Мая б воля, я б скасаваў правіла пра пераход пачатковага У у Ў ці, як мінімум, зробіў бы яго факультатывным.

В: Факультатывнае напісаньне – зло. Давайце яшчэ Ё зробім факультатывным і будзем пакутаваць разам з расейскімі братамі (РС; 31.01.2019).

2. Варыятыўнасць часам пашырае полісемантычнасць слова або прыводзіць да з’яўлення амонімаў:

Бачу гэтыя шкарпэткі ў стужцы ўжо некалькі дзен, і нейкае падазронае маўчанне пра слова “смятанка”. Дык жа, на ўсялякі выпадак хачу паведаць, што смятанка – гэта яшчэ і вяшкі (РС; 28.01.2019).

3. Некаторыя варыянты ацэньваюцца адмоўна з прычыны іх іншамоўнага паходжання, прымяняецца аргумент “неўласцівасці” для беларускай мовы:

А: (пра слова марозіва) якім чынам гэта легітымны варыянт, калі слова не адпавядае беларускаму словаўтварэнню? Гэта проста сцягнуты нэахвітамі ўкраінізм (РС; 29.01.019).

Такім чынам, носьбіты беларускай мовы выказваюць неаднолькавае стаўленне да яе варыятыўнасці, аднак не аспрэчваюць наяўнасць гэтай з’явы. Па сутнасці, стаўленне да варыятыўнасці карэлюе з прыхільнасцю да дэскрэптыўнага або прэскрэптыўнага падыходаў да мовы.

ЛІТАРАТУРА

1. Садоўскі, П. Інавацыі 90-х гадоў у мове беларускіх недзяржаўных выданняў / П. Садоўскі // Беларуская мова : шляхі развіцця, кантакты, перспектывы : матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый” (Мінск, 21-25 мая, 4-7 снежня 2000 г.). – Мінск : “Беларускі кнігазбор”, 2001. – С. 222–234.

Е. С. Ляшенко (БНТУ, Мінск, Беларусь)

СТРУКТУРА СИТУАЦИИ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Ситуация параметрического изменения организуется процессом, вследствие которого исходный объект, подвергающийся модификации, не утрачивает свои сущностные свойства / характеристики, наблюдается лишь изменение какого-либо качественного признака (цвета, формы, структуры и т. д.).

Языковое представление данного процесса осуществляется с помощью параметрических глаголов-предикатов (например, *colour* ‘окрашивать(ся)’, *granulate* ‘гранулировать(ся), приобретать зернистую структуру’, *round* ‘делать круглым, округлять(ся)’, *soak* ‘промачивать, пропитывать(ся)’ и т. д.), составляющих отдельную подгруппу глаголов ЛСГ качественного изменения.

Следует отметить, что в глаголе содержатся не все сведения о ситуации, на которую он указывает. Даже сама номинация действия, обозначаемого глаголом, происходит относительно двух основных предметных областей – субъекта и объекта. Тесная соотнесенность глагола с предметным рядом предусматривает присутствие в структуре ситуации параметрического изменения самостоятельных участников, выступающих как различного рода субстанции, которые являются 1) производителем действия, источником или причиной изменения; 2) объектом воздействия; 3) свойством или качеством объекта, которое непосредственно претерпевает модификацию; 4) орудием, при помощи которого осуществляется изменение, или средством, расходуемым при преобразовании; 5) результирующим состоянием исходного объекта. Таким образом, обобщенная ситуация параметрического изменения включает *субъект, объект, параметр, инструмент* и *результат*. Например:

(1) ... *a rosy-cheeked boy to be Joseph, who had only just got his beard and had to darken it with coal* ‘... игравший Иосифа розовощекий мальчик, только что отрастивший свою бороду, был вынужден придать ей темный цвет с помощью угля’.

В данном предложении вербализуется ситуация качественного изменения объекта *it* [beard] ‘она [борода]’ по параметру ‘цвет’, осуществляемого субъектом-деятелем *a rosy-cheeked boy* ‘розовощекий мальчик’ с помощью инструмента-средства *coal* ‘уголь’, растрачиваемого при совершении действия.

В семантическом представлении ситуация отражается пропозицией, образованной предикатом и присоединяемыми им аргументами. При переводе лексической семантики в плоскость синтаксической участники ситуации параметрического изменения актуализируются как следующие номинативные элементы: агентив, патиентив, инструментатив и фактитив. В поверхностной структуре предложения они вербализуются в функции подлежащего, прямого дополнения и в функции предложного дополнения, ср.:

(2) *Glass is cooled to a rigid state without the occurrence of crystallization* ‘Стекло охлаждается до твердого состояния без кристаллизации’.

В предложении (2) пропозиция представляется структурой, организуемой предикатом *is cooled* ‘охлаждается’ и двумя аргументами: патиентивом и фактитивом. Уже из данного примера видно, что не все и не всегда указанные выше участники ситуации параметрического изменения получают эксплицитную представленность в предложении как соответствующие номинативные элементы.

Вариативность языковой репрезентации ситуации параметрического изменения, прежде всего, связана с тем, что в процессе порождения предложения происходит сознательное акцентирование говорящим конкретных составляющих ситуации за счет выдвигания их в первую приоритетную актантную позицию, традиционно закрепленную за агентивом:

(3) *The brightness of such stars may change almost imperceptibly or violently* ‘Яркость таких звезд может измениться почти незаметно или, наоборот, очень сильно’.

В данном случае денотативный объект *stars* ‘звезды’ и параметр *brightness* ‘яркость, освещенность’, по которому происходит изменение, вербализуются через словосочетание с предлогом *of* и находятся в позиции первого именного элемента, редуцируя при этом пропозицию до одного актанта.

В употреблении такого рода происходит вытеснение субъекта из номинативных составляющих предложения. Реальный производитель действия / каузатор / источник изменения оказывается конструктивно невыраженным либо получает позиционную представленность посредством предложного сочетания или посредством обстоятельственного придаточного предложения:

(4) *When the eastern sky began to brighten with a new sun, ...* ‘Когда небо на востоке начало светлеть с восходом солнца, ...’.

Данный фрагмент предложения демонстрирует способ репрезентации ситуации параметрического изменения, где источник энергии, сила *sun* ‘солнце’, являющаяся денотативным субъектом актуализируется в предложной группе *with a new sun*; в позицию подлежащего помещается денотативный объект *sky* ‘небо’.

Отдельного внимания заслуживает вариант языкового воплощения ситуации, в которой на денотативном уровне наблюдается совмещение субъекта и объекта изменения, т. е. деятель является одновременно источником и предметом воздействия. Например:

(5) ... *the RNA can replicate itself independently of DNA* ‘...РНК может воспроизводиться (дословно: ‘воспроизводить себя’) независимо от ДНК’.

В рассматриваемом случае денотативная направленность действия субъекта на самого себя не совпадает с направлением вектора отношений в пропозиции от агентива к пациентиву, формально выраженным с помощью возвратного местоимения *itself*.

Ю. В. Маліцкі (Інстытут мовазнаўства НАН Беларусі, Мінск, Беларусь)

ТЭКСТАВАЯ ДАМІНАНТА І СРОДКІ ЯЕ ФАРМІРАВАННЯ Ў БЕЛАРУСКІМ ГУТАРКОВЫМ МАЎЛЕННІ

Ва ўмовах вуснага гутарковага маўлення максімальна поўнае разуменне сэнсу выказвання і адэкватная інтэрпрэтацыя яго канататыўнага боку часта з’яўляецца адной з істотных праблем. Канататыўны змест, які будзеца на базе сістэмы асацыятыўных сувязей, рэалізаваных у тым ліку пры дапамозе невербалізаваных семантычных кампанентаў, дапускае шырокую варыятыўнасць.

У сувязі з паняццем «сэнс тэкста» ў лінгвістычнай літаратуры актыўна выкарыстоўваецца тэрмін «тэкставая дамінанта». Тэарэтычная сутнасць гэтага тэрміна базуецца на думцы Л. С. Выгоцкага аб тым, што тэкст з’яўляецца адзінствам, у межах якога можна вылучыць дамінуючыя элементы.

Яны, паводле даследчыка, дэтэрмінуюць сэнсава-канататыўную арганізацыю ўсёй структуры. З пункту погляду рэалізацыі тэкставая дамінанта прадстаўляе сабой моўна аформлены акцэнт, які істотна ўплывае на разуменне тэкста.

У штодзённай вуснай камунікацыі такі акцэнт, паводле назіранняў, часта рэалізуецца за кошт мэтанакіраванага парушэння звычайнай маўленчай плыні пры дапамозе пэўных сродкаў. Выхад за межы ўмоўнай камунікацыйнай нормы становіцца элементам паводзін, які мае на мэце перадачу сігналу, што фарміруе неабходнае ўспрыняцце і інтэрпрэтацыю зместу выказвання. Найбольш эфектыўным, даступным і, адпаведна, пашыраным спосабам рэалізацыі названых маўленчых дзеянняў з'яўляецца парушэнне лексіка-стылістычнага канона. Яго сутнасць заключаецца ў свядомым увядзенні ў маўленчую плынь іншароднай моўнай адзінкі, знешняе аблічча якой рэзка кантрастуе з моўным асяроддзем. Такім чынам фарміруецца маўленчы акцэнт выказвання, а моўныя адзінкі, якія яго фармалізуюць, выконваюць ролю тэкставай дамінанты.

У якасці крыніцы гутарковага матэрыялу была абрана «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона» [1]. Выданне ўключае ў сябе аб'ёмны тэкставы блок (больш за 2000 фрагментаў) і, на нашу думку, адэкватна адлюстроўвае актуальны стан сферы жывой рэгіянальнай камунікацыі.

Так, у выказваннях тыпу *Сварка ўсякая праізвадзілася у каваля ў руках* [1, с. 78]; *Толькі падышлі да калоцца, сыннўлі ужо трохі, і тут парцізаны іх паймалі на месьці прыступлення* [1, с. 91]; *Ну што, Кіра Паўлаўна, раскажвай, як было, ісьціннўю праўду* [1, 90], а таксама *І тым, хто едзе на Чаханстоў, дарам даюць каву бурэнца і булэчку бяла і газету* [1, с. 399]; *Ах, бацюшкі, Янка! Янка пшыехала!* [1, с. 487]; *Я по географіі, по мапе польской, любой город вам покажу* [1, 488] лексемы *праізвадзілася, ісьціннўю пшыехала*, а таксама спалучэнні слоў *на месьці прыступлення, каву бурэнца і булэчку бяла, по мапе польской* выразна вылучаюцца на фоне моўнага акружэння. Фармальным маркерам, які адрознівае згаданыя сродкі на фоне іншых, з'яўляюцца артыкуляваныя граматычныя асаблівасці іншых моў – рускай і польскай. Суб'ект маўлення наўмысна падкрэслівае гэтыя асаблівасці. Такія дзеянні рэалізуюцца адзінкава, і ў далейшым ходзе выказвання моўца вяртаецца да звыклай для сябе беларускай арфаэпічнай манеры. Такім чынам, моўца ўспрымае гэтыя словы як іншародныя ў складзе звыклай для сябе маўленчай плыні і імкнецца, каб у слухача склалася такое самае ўражанне. Варта адзначыць, што лексічныя элементы рускай і польскай моў выступаюць у якасці сродкаў фарміравання тэкставай дамінанты гутарковага выказвання ў пераважнай большасці выпадкаў. Як правіла, гэта асобныя словы або словазлучэнні не болей за тры кампаненты.

Роля польскамоўных і рускамоўных лексічных элементаў як сродкаў пабудовы зместава-канататыўнай сістэмы аповеду найбольш відавочная тады, калі названыя элементы сумяшчаюцца ў маўленчай плыні аднаго інфарманта. У такіх выпадках яны выступаюць у якасці маркераў, неабходных для размежавання канцэптuallyных сюжэтна-тэматычных сфер. Так,

у адным з тэкставых фрагментаў інфармант распавядае пра падзеі канца Другой сусветнай вайны – пра сваё знаходжанне ў нямецкім палоне, вызваленне з палону, акалічнасці самастойнага вяртання ў СССР праз тэрыторыю Польшчы. У залежнасці ад зместу аповеду змяняецца і характар падбору лексічных сродкаў. Так, калі інфармант расказвае пра савецкіх салдат, ён раз-пораз карыстаецца словамі відавочна рускамоўнага паходжання (*міцінг, сабранія, сьлетствіе, ізьмена родзіне, ізьвяшчэньне, замясьціцель прэседацеля* і інш.). Пры аповедзе пра паездку па тэрыторыі Польшчы інфармант выбірае лексічныя элементы польскамоўнага паходжання (*поцяг, кава, булэчка, цамантовы, бэньдзе до стэмпу* і інш.). Вельмі паказальным у гэтым сэнсе з’яўляецца той факт, што пры ўездзе на тэрыторыю, якую кантралююць савецкія салдаты, “поцяг” (пол. цягнік – *Заўвага аўт.*) у маўленні інфарманта ператвараецца ў “поест” (*Узяў білет на поцяг* [1, с. 399] – *Задзержылі наш вагон, поест, і так: – Пашпарт, дакумент, – краснапагоннікі этые* [1, с. 400]). Гэта, на нашу думку, яскравы прыклад мэтанакіраванага адбору моўных знакаў у якасці сродкаў пабудовы зместава-канататыўнай сістэмы вуснага тэксту шляхам актуалізацыі невербалізаваных семантычных кампанентаў.

Такім чынам, выкарыстанне лексічных сродкаў польскай і рускай моў у якасці тэкставай дамінанты беларускага гутарковага выказвання, відавочна, мае на мэце фарміраванне канатацыйнага фона, які дапамагае слухачу ўспрыняць і максімальна дакладна інтэрпрэтаваць эмацыйна-ацэначныя асаблівасці выказвання і суб’ектыўную пазіцыю моўцы адносна іх.

ЛІТАРАТУРА

1. Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы; уклад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л.П. Кунцэвіч, В.М. Курцова. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 529 с.

Е. Ю. Малышева, С. Е. Цветкова (НГПУ им. К. Минина,
Нижний Новгород, Россия)

ПОДЪЯЗЫКОВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПАССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (на материале авторской речи и диалога)

Проблема залога в английском и русском языках считается относительно мало изученной и вызывающей много споров и разногласий. Можно сказать, что стройной теории о залогах до сих пор не удалось разработать ни одному представителю различных школ и направлений: в каждом из появляющихся исследований по проблеме залога обнаруживаются все новые вопросы, дается критический анализ выводов и положений. Так, долгое время бытовало мнение о высокой частотности употребления пассивных конструкций в английском языке по сравнению с русским. Однако когда

внимание исследователей было обращено на подъязыки науки и область публицистики, это дало обратные результаты. В них отмечается возрастание доли пассива в обоих языках, при этом в русском языке она несколько превалирует. В результате возникла одна гипотеза – о зависимости грамматической структуры текста от его жанровой принадлежности, содержательного характера (внутри одного подъязыка).

Там, где содержание приобретало черты, свойственные информационным сообщениям, доля пассива увеличивалась. В статьях теоретического характера частотность употребления пассивных конструкций несколько ниже. Эти частотные показатели достаточно стабильны, поэтому можно предположить, что имеется определенный набор факторов, стимулирующих или ограничивающих употребление пассива и действующих в разных подъязыхах неодинаково. Данные факторы затрагивают как лингвистические, так и психолингвистические аспекты функционирования пассивных конструкций. К ним относятся:

1) личный или неличный, определенный или неопределенный характер логического субъекта;

2) лингвистическая возможность обозначения логического субъекта посредством имени или именного сочетания;

3) наличие в предложении автоматизированных единиц со сказуемым в пассивном залоге;

4) требование коммуникативного синтаксиса;

5) желание или нежелание коммуниканта включить в состав предложения элементы, обозначающие логический субъект действия.

Максимальное число исследований по проблеме установления частотных соотношений пассивных конструкций в двух контрастирующих языках было проведено в подъязыке науки и публицистики, однако художественной прозе (авторской и диалогической) не уделялось достаточно внимания.

В этой связи представляется целесообразным проследить дистрибуцию пассива именно в этом широком подъязыке, один из компонентов которого считается максимально приближенным к разговорной речи. В качестве исследовательского материала были выбраны литературные произведения британских и американских писателей XIX-XX вв., а также их переводы на русский язык. Практическая часть данной работы основана на подсчетах количества залоговых единиц в художественных текстах американского и британского вариантов английского языка в соотношении с русским, а именно: личные и неличные формы глагола в английском языке и спрягаемые глаголы с суффиксом *-ся*, полные и краткие страдательные причастия в русском.

Для решения поставленной проблемы ставятся следующие задачи:

1) проследить за реализацией и функционированием пассива в русском и английском языках;

2) выявить различия в причинах, обуславливающих их подъязыковое распределение;

3) установить соотношение частотности употребления пассива:

а) в русском и британском варианте английского языка по произведениям английских писателей XIX–XX вв.;

б) в русском и американском варианте английского языка на основе данных анализа американской литературы XIX–XX вв.;

в) в американском и британском вариантах английского языка на материале английской и американской прозы XIX–XX вв.

Л. С. Мельникова (БГУ, Минск, Беларусь)

О ВАРИАТИВНОСТИ МАРКИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вариативность в синтаксисе проявляется в возможности выразить одно и то же содержание несколькими способами. Маркированные конструкции (высказывания с нетипичным порядком слов) – одна из наиболее интересных областей в итальянском синтаксисе – представляют собой ряд многообразных форм с одинаковой пропозицией. Семантический инвариант реализуется с помощью синтаксических образований, отличающихся друг от друга различными параметрами, существенными для контекста высказывания.

Сведения о большинстве итальянских маркированных конструкций практически не представлены в учебниках, учебных пособиях и даже в некоторых фундаментальных грамматиках. На наш взгляд, данный аспект синтаксиса заслуживает внимательного изучения, так как умение использовать многочисленные маркированные конструкции в речи свидетельствует о высоком уровне владения языком, о понимании того, как может варьироваться форма в зависимости от актуализации в речи различного рода переменных.

Порядок слов, как основа синтаксических конструкций и способ выражения синтаксических связей, напрямую связан с тема-рематической организацией предложения и позволяет осуществить его структурный и семантический анализ, необходимый для адекватного понимания высказывания при включении его в ситуацию или текст.

Базовым порядком членов предложения в итальянском языке является последовательность «подлежащее – сказуемое – прямое дополнение»: (*Io*) *ho scritto a Francesca* ‘Я написал Франческе’. Часто для реализации особых коммуникативных стратегий какой-либо компонент помещают в нетипичное для него место, изменяя таким образом базовый порядок с помощью особых приемов (смещение влево или вправо, преобразование простого предложения в сложное, извлечение элемента из придаточного предложения и др.).

В рамках данной статьи рассмотрим три маркированные конструкции, типичные для итальянского языка: 1) *dislocazione a sinistra* (размещение слева), 2) *tema sospeso* (прерванная тема) и 3) *dislocazione a destra* (размещение справа).

1) Конструкция с размещением фокусированного элемента слева (*A Francesca le ho scritto* ‘Франческе я (ей) написал’) имеет следующие характеристики:

- тематизация элемента, который обычно не является темой;
- размещенный слева элемент не является подлежащим (прямое дополнение, косвенное дополнение, предикативное дополнение подлежащего, придаточное предложение);
- коммуникативная структура высказывания: тема – рема;
- синтаксическая связь между элементом темы и ремой устанавливается с помощью анафорической местоименной репризы (*lo, gli, ci, ne* и др.).

Отметим, что при размещении слева косвенного дополнения или обстоятельства реприза является факультативной. Ее наличие объясняется актуализацией некоторых диастратических и диатопических параметров, подробное описание которых требует отдельного рассмотрения.

В итальянском синтаксисе не принято говорить о полноценной конструкции *dislocazione a sinistra* в отношении подлежащего в силу как синтаксических, так и морфологических причин: во-первых, положение подлежащего в инициальной позиции является обычным; во-вторых, в итальянском языке, в отличие, например, от французского, нет безударных местоимений-подлежащих. Тем не менее, для выделения подлежащего могут использоваться другие конструкции (с ударным или указательным местоимением в качестве репризы): *Francesca, quella sì che è brava/ Francesca, lei è brava* ‘Франческа, она (действительно) молодец’. В случае отсутствия репризы подлежащее выделяется только интонационно, что на письме обозначается пунктуацией: *Francesca, è brava*.

2) Конструкция с прерванной темой характерна для прагматической ситуации, которая отражает непродуманность речи, неожиданное отступление от первоначального замысла, приводящее к нарушению грамматического согласования между темой (инициальным элементом в функции подлежащего) и местоименной репризой в функции косвенного дополнения: *Francesca (io) le ho scritto* ‘Что касается Франчески, то я ей написал’ (букв. ‘Франческа я ей написал’). Подобные конструкции возможны исключительно в разговорном варианте устной формы речи или в художественных текстах для имитации спонтанности диалогической речи персонажей.

3) Конструкция с размещением фокусированного компонента справа является зеркальным отражением *dislocazione a sinistra*: *Le ho scritto a Francesca* (‘Я ей написал, Франческа’), формально отличаясь от конструкции с нормальным порядком слов состоит только наличием катафорического местоимения-репризы. *Dislocazione a destra* имеет две различные прагматические функции: первая заключается в том, что тема повторяется как некоторое добавление к высказыванию, не содержащее новой информации, но используемое для ясности изложения; тема отодвигается на второй план, в результате чего акцентируется рема, представленная сказуемым. Вторая функция представляет собой переосмысление сказанного говорящим, который считает, что необходимо дополнить высказывание повторением темы: *Le ho scritto, a Francesca* (запятой обозначается интонационная пауза). *Dislocazione a destra* предполагает наличие у собеседников общих сведений, встречается главным образом в разговорной речи, в неформальной беседе, наиболее характерна для речи выходцев из южных регионов Италии.

Таким образом, рассмотренные формальные варианты маркированных конструкций в итальянском языке зависят от различных коммуникативных, смысловых и социолингвистических переменных, (тема – рема, наличие у собеседников общих сведений о предмете общения, разговорное/формальное общение, письменный / устный варианты языка, языковая норма / региональная разновидность и др.), которые актуализируются в высказывании в той или иной ситуации общения.

А. П. Мерчи (ГрГУ им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В РАССКАЗАХ А. ЦЫПКИНА С ПОВЕСТВОВАНИЕМ ОТ 1-го ЛИЦА

1. Изображение и авторская интерпретация межличностного общения в рассказах. Оппозиция «изображение vs. интерпретация» реализуется при представлении коммуникации героев в том, насколько полно передана речь героев. В художественных произведениях межличностное общение, т. е. общение двух и более персонажей, может передаваться как с помощью диалогов героев, представляющих собой обмен репликами в форме прямой речи, так и в форме свернутой речи.

1.1. Прямая речь: обмен репликами в диалогах или полилогах. Наиболее ярким примером «изображения» общения является прямая речь героев, которая ближе к «реальному» воплощению высказывания. Такая речь оставляет впечатление подлинности и точности передачи слов героев.

1.2. Свернутое авторское изложение речи героев. Косвенная речь в нормативно-грамматическом смысле – это трансформированная прямая речь с сохраненной лексикой виртуальной речи героев. Передача общения героев «от автора» является именно свернутой речью, но не косвенной речью в учебно-грамматическом смысле. Свернутая (сжатая, пересказанная) речь модифицирует по усмотрению нарратора предполагаемое общение героев (автор может сжать, резюмировать разговор или речь героев, сказать только главное и важное), и поэтому является интерпретирующим представлением коммуникации (здесь и далее материалом для анализа послужили два рассказа известного петербургского сетевого публициста, писателя и PR-специалиста А. Цыпкина – «Томатный сок» и «Свадебное насилие»).

Свернутая речь может быть в крайней степени сжата: *Катя вернулась из ванной комнаты, мы выпили крепко заваренного чая, поговорили о чем-то и ушли* (Томатный сок); либо отчасти передавать содержание речи героев: *Оскорбленная поступком мужа жена ростовского танцора сказала, что тоже будет ловить венки* («Свадебное насилие»). В представленных выше примерах указывается на сам факт коммуникации с помощью неиллокутивных глаголов. Однако в свернутом представлении речи героев могут быть «реконструированы» автором иллокутивные силы высказывания, например, *С ключами в кармане и похотью в голове я пригласил девушку якобы в кино* («Томатный сок»).

Отдельные фрагменты свернутой речи в ткани текста выделяются с учетом следующих компонентов: 1) указание на адресанта (адресата), 2) глагол речи (или именные конструкции, указывающие на речевые намерения героев или характер их речи), 3) указание на тему или содержание речи. Заметим, что во фрагментах передаются не только отдельные речевые акты, но и сложные речевые действия: споры, ссоры, обсуждения, уговоры и др.

2. Насыщенность рассказов от 1-го лица прямой речью и фрагментами свернутой речи в аспекте изображения и интерпретации общения. Художественный смысл различий. Степень присутствия нарратора в рассказах от 1-го лица различна. Рассказчик, т. е. конкретное лицо, которое находится в изображаемом мире, является одновременно и объектом, и субъектом повествования, что ограничивает его знания о происходящих событиях. Для двух исследованных рассказов было вычислено процентное соотношение коммуникации, в том числе прямой речи, к общему объему произведения (в печатных листах) и удельный вес прямой речи в общем объеме коммуникативного компонента. Полученные данные позволяют судить о соотношении коммуникации и наррации (в совокупности 100 % текста), и прямой и свернутой речи (составляют в целом представление о коммуникации). Ниже в таблице приведены количественные данные.

Удельный вес значимых дифференциальных признаков
в языковой ткани рассмотренных рассказов от 1-го лица

Название компонента	Показатель удельного компонента в структуре текста рассказа, %	
	«Томатный сок»	«Свадебное насилие»
Прямая речь во всем текстовом объеме произведений	17,7	14,4
Коммуникативный компонент	18,9	27,1
Прямая речь в составе коммуникативного компонента	93,6	53

В связи с разной степенью присутствия перволичного повествователя отчасти прослеживаются различия в удельном весе прямой речи. В тексте «Томатный сок», где рассказчик является непосредственным участником событий, одним из главных героев, объем прямой речи как во всем тексте, так и в составе коммуникативного компонента, выше (17,7 % и 93,6 % соответственно), чем во втором рассказе, в котором повествователь – очевидец «свадебного переполоха». В рассказе «Томатный сок» нарратор более внимателен к передаче той коммуникации, в которой он сам участвует и которая доступна для его наблюдения. В то же время в тексте «Свадебное насилие» рассказчик становится как бы «ретранслятором» событий, пересказанных с чужих слов. Свернутая речь занимает в этом рассказе 47 % коммуникации, что обусловлено ролью рассказчика в качестве «вторичного» нарратора.

В рассмотренных рассказах наррация занимает в целом больший объем по сравнению с совокупным объемом коммуникации (прямая и свернутая речь): средний объем наррации (77 %) превышает объем коммуникации (23 %). В исследованном материале различия между рассказами в удельном весе прямой речи в общем объеме коммуникации статистически значимы: показано, что для рассмотренных рассказов характерно более наглядное (изобразительное) представление общения. Названная тенденция проявляется в высоком удельном весе прямой речи как во всем объеме рассказов, так и в составе коммуникативного компонента.

Н. Б. Мечковская (БГУ, Минск, Беларусь)

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИИ НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЯДА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Античные категории «стиль» и «узус» существенно отличаются от понятий «функциональный стиль» и «нормы языка» современной лингвистики. В «Риторике» Аристотеля (355 г. до н. э.) «стиль» (*lexis*) понимался эмфатический компонент речи, который для разных искусств («подражаний») и занятий, в том числе словесных произведений, характерен в разной степени. На этом основании Аристотель выстраивает градацию видов творчества в зависимости от степени их эмфатической нагруженности. В римской традиции понятие стиля стало обозначаться уже тем же греческим словом, что и сейчас – *stylos*, но понимание стиля оставалось близким к аристотелевскому. Три стиля, впервые выделенные в анонимной римской «Риторике к Гереннию» (I в. до н. э.) и ставшие на 18 столетий риторическим каноном, различались по степени насыщенности тропами и фигурами. Во Франции для концепции трех стилей было найдено психологическое обоснование (в «Рассуждении о красноречии» (1679) писателя и теоретика классицизма Франсуа Фенелона); у Ломоносова в «Предисловии о пользе книг церковных в Российском языке» (1758) триада стилей переосмыслена как три класса литературных жанров, каждый со своей пропорцией церковнославянской и русской лексики. До конца классицизма понятие «стиль» оставалось категорией риторики и литературы, а также истории изобразительного искусства, поведения и моды. Но и в XIX в. понятие «стиль» относится более к теориям изящной словесности и красноречия, чем к языку. Еще у Ш. Балли (1909) стилистика определяется как наука об «эмоциональной окраске экспрессивных фактов речи», а не о стилях языка.

Современное понятие «функциональный стиль» относится не к индивидуальным особенностям речи, но к вариантам языка: это типичные виды речи, которые различаются по сферам своего применения: канцелярско-деловой стиль, научный, научно-популярный, язык СМИ, разговорная речь. Функциональные стили образуют в совокупности «нормативно-стилистическую систему языка»; за ее пределами находятся «нелитературные» (субстандартные) идиомы (диалекты, сленги, арго, просторечие).

2. В античной культуре не было нормативного отношения к языку, как не было и функциональной дифференциации языка; поэтому не могло быть и терминов, называющих то, чего не было в реальности. В античных школах и академиях из века в век обсуждалась природа имен, соотношение в словах и формах аналогии и аномалии, достоинствах и изъяны индивидуальных стилей, приемлемость конкретных диалектизмов («солецизмов»), тропов, иносказаний и многое другое. Однако античная традиция не знает споров о «правильности» языка отдельных авторов или произведений, потому что еще не сложились представления о возможности норм в употреблении языка.

3. В истории языковых ситуаций (на разных континентах) Средние века были временем религиозного двуязычия, с характерным для него культурным доминированием языка религии (греческого, латыни, старославянского, авестийского, вэньяня, классического арабского и др.) над языками народными (которые в Европе назывались *vulgatae*, ед. ч. *vulgata (lingua)* ‘общеизвестный, общедоступный’; позже в истории культуры широко был принят термин *новые языки*). В аспекте таких типологически важных черт литературного (культурного) языка, как «элитарность» vs. «демократичность (доступность)», культурно-религиозное двуязычие было временем максимальной недемократичности языка культуры.

4. Переход от религиозно-культурного двуязычия Средних веков к национальному одноязычию Нового времени явился самым значительным (со времен распространения письма) процессом в истории демократизации литературных («правильных») языков в качестве средства культурного общения. Принятие социумом своего этнического языка в функции языка церкви, школы и престижной культуры означало появление литературного языка нового типа – не замкнутого в узкой сфере особо важных функций, но языка открытого и многофункционального. На латыни или церковнославянском невозможно было говорить на рынке, с крестьянином, ремесленником, с женщиной, с детьми. В новых литературных языках эти ограничения отпали. Возрастание доступности нормативного языка остается ведущим трендом в развитии литературных языков в XX–XXI в.

5. В истории литературных языков процессам демократизации противостоят процессы выработки языковых норм, т. е. размежевания нормативного и ненормативного употребления языка, а также стихийный по своей сути процесс функциональной дифференциации речевых произведений. В Европе с укреплением самостоятельности национальных государств народные языки набирали силу; все более осознавалась их общественная необходимость и польза. Появляется потребность в определенной общей, наддиалектной и надсословной форме языка. В Европе в XVI–XVIII вв. создавались специальные ученые сообщества (академии), призванные «устроить» надлежащим образом народный язык. Подобно первой из них – итальянской «академии отрубей» (Флоренция, 1583 г.), – они «просеивали» язык, оставляя за пределами нормы все, что казалось грубым, площадным, неприемлемым. Параллельно дифференцировалась функциональная структура новых литературных языков.

6. Тенденции к усложнению языка и к его демократизации по-прежнему противостоят друг другу. Возникающие коллизии между сложностью языка и его доступностью в целом разрешаются благодаря терминологизации и стандартизации профессионального общения. Одновременно расширяется зона «приемлемого», «допустимого» в пространстве литературного языка; размываются границы между нормативным и ненормативным; стилистико-прагматические различия языковых средств ослабляются, иногда нейтрализуется. Проявления названной тенденции наблюдаются не только в повседневном общении, но и в нормативной лексикографии.

Н. Н. Миронова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ

Изучение лингвистической вариативности как семиотического явления приведет нас к выявлению и классификации разнообразных языковых знаков.

В целом, вариативность зависит от внутренних (языковых, системных) и внешних (внеязыковых) факторов. Знаковое отношение представляет собой триаду, это: объект, знак (любая вещь, если она служит для репрезентирования объекта) и интерпретанта. Четвертый элемент образует значение знака.

В первичных текстах появление новых знаков обусловлено вариативностью интерпретанты – в классическом понимании – это компонент структуры знака, благодаря которому знак обладает значимостью даже в отсутствие интерпретатора. «... более перспективной представляется гипотеза, согласно которой интерпретанта – это иной способ представления того же самого объекта. Иначе говоря, чтобы установить, какова интерпретанта того или иного знака, нужно обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого в свою очередь будет следующий знак и т. д. Так начинается непрерывный процесс семиозиса, и это единственно возможный, хотя и парадоксальный, способ обоснования семиотики своими собственными средствами» [1, с. 67]. Понятие создания смысла, которое здесь возникает, позволяет нам подчеркнуть важность активного процесса интерпретации, в результате которого появляются новые конвенциональные системы: человеческий язык противостоит сенсорному хаосу, он «объективизирует» индивидуальные впечатления, «используя конвенциональные семиотические механизмы» [2, с. 66–68].

Знаковые системы мультимодальной коммуникации, например, театрального пространства, состоят из трех «больших текстов», по выражению Ю. М. Лотмана, а именно: из литературного произведения, актерской игры и художественного оформления (живописного, музыкального, светового). Здесь варьруются первичные и вторичные знаки различных видов.

Семиотические основания могут исследоваться в различных коммуникативных вариантах в их историко-социальной обусловленности, в частности, назовем:

- особенности языковых контактов (диглоссия, мультязыковая и мультикультурная коммуникация);

- языковую дифференциацию (языковые барьеры) и языковую норму;
- (микро)языковые изменения.

Во вторичных (переводных) текстах семиозис (возникновение новых знаковых систем) важен для адекватной передачи вторичных знаков при межсемиотическом переводе литературного произведения (по Р. Якобсону).

Исследования вторичных текстов подобного рода обусловлены фактом наличия множественности текстов, представленных в дискурсах разных видов (литературном, политическом / идеологическом, религиозном, дискурсы повседневного общения, институциональные дискурсы: административный, офисный, банковский, армейский, дипломатический и др., маркетинговые дискурсы: рекламный, сервисный и др., публичный дискурс, медиа-дискурс, арт-дискурс и пр.).

Выявление знаковой сущности отдельных слов, предложений и целых текстов рождает поливариативность выбора переводческого решения.

Передача значения языкового знака в иную лингвокультуру зависит от системы языка (парадигматики и синтагматики) и понятийного компонента, заключенного во внутренней форме лексики. Части речи, как когнитивные структуры, обладают в разных языках различными свойствами, которые при недостаточном изучении, актуализируются при выборе варианта соответствия неадекватно. В качестве примера приводится понятие «Просвещение» в его французском, немецком и русском вариантах и понятие «Демократия» в его английском, немецком и русском вариантах. С позиций сравнительной лексикологии можно охарактеризовать языковые знаки выбранного типа как моно- и полицентрические, что определяется семантическими способами выражения в том или ином языке процесса и результата, предикативности и атрибутивности. В докладе иллюстрируются структурные элементы языковых знаков, актуализирующие значение и смысл, в частности, интерпретанты знака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию : пер. с итал. / У. Эко. – СПб. : Symposium, 2004. – 530 с.
2. Черниговская, Т. В. Мозг и язык: врожденные модули или обучающая сеть? / Т. В. Черниговская // Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. – М. : Языки славянской культуры, 2013. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). – С. 65–75.

Я. І. Місцюкевіч (МДЭІ імя А. Д. Сахарава БДУ, Мінск, Беларусь)

ВАРЬЯНТЫ ДЫЯЛАГІЧНЫХ СТРУКТУР У АНГЛАМОЎНАЙ ПУБЛІЦЫСТЫЦЫ

Камунікатыўныя асаблівасці функцыянавання дыялагічных структур у маналагічнай пісьмовай мове – пытанне, якое актуалізуецца на фоне пашырэння антрапацэнтрычнага падыходу ў сучаснай лінгвістыцы. Асаблі-

вую цікавасць прадстаўляюць дыялагічныя маўленчыя фігуры ў публіцыстычных артыкулах, дзе ў поўнай меры знаходзяць свае праяўленне сугестыўныя магчымасці псеўдадыялогу, з дапамогай якога экспліцыруецца маўленчае ўзаемадзеянне аўтара і чытача.

Аб'ектам нашага даследавання з'яўляюцца прыклады дыялагічных канструкцый з сучаснай англамоўнай перыёдыкі. Найбольш частотнымі з'яўляюцца канструкцыі, дзе імітуецца дыялог аўтара з чытачамі: *A forced government shutdown over immigration? Sure thing, guys* (The National Interest, 31.08.2018). У дадзеным выпадку дыялог дапамагае стварыць атмасферу нязмушанасці, што падкрэсліваецца не толькі сінтаксічна, але і лексічна з дапамогай размоўнага зваротку *guys*.

У прыкладах тыпу *“How and why did it happen? Now that’s a question.”* (The Guardian 12.02.2018); *Which is it? This is a very hard question to answer* (The Guardian 12.02.2018); *Is that it, then? We give up on hoping for anything better from him and ... do what? It’s a serious question* (The New York Times, 30.10.2018) дыялагічная па форме канструкцыя фармальна адлюстроўвае ход унутраных разважанняў аўтара. Трэба адзначыць, што фразы тыпу *it’s a serious question, now that’s a question, this is a very hard question to answer* з'яўляюцца інтэнсіфікатарамі інтэрагатыву, выкарыстоўваюцца з мэтай падкрэсліць важнасць зададзенага аўтарам пытання, ці немагчымасць адказаць на яго проста і хутка, выражаюць неадназначнасць, амбівалентнасць праблемы. У апошнім прыкладзе прагматычны патэнцыял канструкцыі ўзмацняецца пры дапамозе стылістычнай канвергенцыі з сінтаксічнай з'явай апасіяпезы.

Некаторыя прыклады адлюстроўваюць дыялог аўтара з відавочным ці ўтоеным апанентам *Is it a gateway to traditional tobacco use? Some public-health experts worry that we’re grooming a younger generation for a lifetime of dangerous addiction* (The New Yorker, 14.01.2019).

Часта з дапамогай псеўдадыялагічных канструкцый аўтар уключае сябе ў пэўную суполку людзей, аднадумцаў, гэтую прыналежнасць выражае займеннік *we*, так званыя «мы-формы», якія ставяцца ў рэпліцы-рэакцыі: *Know what else is vital and urgent? That we in the media give that better politics as much coverage as we do whatever new insult Trump flings* (The New York Times, 30.10.2018).

Высокай ступенню экспрэсіўнай насычанасці валодаюць дыялагічныя канструкцыі, якія складаюцца з паслядоўнасці некалькіх рэплік-стымулаў і рэплік-рэакцый, часта яны суправаджаюцца сінтаксічным паралелізмам і паўторамі: *The caveats continue. Is it good for epilepsy? “Insufficient evidence.” Tourette’s syndrome? Limited evidence. A.L.S., Huntington’s, and Parkinson’s? Insufficient evidence. Irritable-bowel syndrome? Insufficient evidence. Dementia and glaucoma? Probably not. Anxiety? Maybe. Depression? Probably not* (The New Yorker, 14.01.2019); *Does the use of cannabis increase the likelihood of fatal car accidents? Yes. By how much? Unclear. Does it affect motivation and cognition? Hard to say, but probably. Does it affect employment prospects? Probably. Will it impair academic achievement? Limited evidence. This goes on for pages* (The New Yorker, 14.01.2019). Тэкставыя ўстаўкі такога тыпу паляг-

чаюць візуальнае і інтэлектуальнае ўспрыманне інфармацыі, таму часта сустракаюцца ў вялікіх па аб'ёме публіцыстычных артыкулах, дзякуючы гэтаму павялічваецца эфектыўнасць уздзеяння.

Актыўным тыпам канструкцыі з'яўляецца дыялагічная фігура, пабудаваная па схеме: *Why...? Because....* Такія структуры (*Why Aren't There More Women in Film to stop men like Harvey Weinstein? Because of those men* (Newsweek, 31.10.2017); *"Dude, I would never play the guy," Harrelson replied. Why not? "Because of Vietnam."* (Newsweek, 31.10.2017)) выкарыстоўваюцца, калі аўтар дакладна ведае адказ на пытанне ці хоча ясна акрэсліць сваю пазіцыю па тэме.

Такім чынам, розныя варыяцыі дыялагічных структур – дзейсны, актыўны сродак сінтаксічнай экспрэсівізацыі ў маналагічнай пісьмовай мове англамоўных публіцыстычных артыкулаў. Такія структуры максімальна дапамагаюць адказаць на пытанні аўдыторыі чытачоў і пазнаёміць іх з вострымі праблемамі і задачамі, акрэсліваючы кірункі іх вырашэння. З дапамогай экспліцытнага дыялогу аўтар адносіць рэцыпіента да аднадумцаў ці дэманструе сваю прыналежнасць да групы людзей, стварае асаблівы эмацыйны настрой, неназойліва замацоўвае ў свядомасці чытача патрэбную ідэю ці погляд. Сінтаксічныя дыялагічныя канструкцыі надаюць тэксту дынамічнасць, дэманструюць паслядоўнасць думкі, дапамагаюць стварыць атмасферу натуральнай размовы аўтара і чытача. Аўтары сучасных англамоўных публіцыстычных артыкулаў з дапамогай дыялогу асэнсоўваюць праблемы сучаснасці і актывізуюць разумовую дзейнасць чытачоў, накіроўваючы іх да вырашэння.

Н. В. Михалькова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ДИАЛЕКТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ЗНАКА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Одним из фундаментальных свойств языковой системы является ее вариативность. Способность языковых единиц сосуществовать в форме множества альтернативных знаков и правил их комбинаторики позволяет решить целый ряд коммуникативных задач, делая возможным выбор языковых средств согласно определенным прагматическим целям, социальным или территориальным условиям дискурса. Однако вариативность по-разному находит свое проявление в подсистемах языка. Это обусловлено рядом внутриязыковых и экстралингвистических факторов. Общеизвестно, что наиболее широкую реализацию вариативность находит в сфере лексики. Менее подвержены созданию «конкурентных» форм складывающиеся на протяжении долгого времени синтаксис и графика.

Наиболее ярко данные свойства проявляются на уровне территориальной стратификации. Особенно показателен в этом отношении китайский язык. Несмотря на общее признание национального языка в качестве главного средства устного общения и постоянного расширения сферы его

использования, диалекты китайского языка продолжают занимать прочные позиции. Основной причиной является то, что крестьянское население по-прежнему использует диалектную лексику, только часть из них хорошо владеет национальным языком. Согласно наиболее общей классификации выделяют две диалектные зоны: северную и южную и включают следующие диалектные группы: 1) диалекты у (吳) – Шанхай и Нинбо; 2) диалекты бэй (北) – Фучжоу; 3) южноминьские диалекты (閩) – в районе городов Сямынь (Амой), Шаньтоу (Сватоу) и на Тайване; 4) диалекты хакка (客家) – Мэйсянь; 5) кантонский (贛) – в центральной и восточной части провинции Гуандун; 6) диалекты сян (湘) – провинция Хунань. Эти шесть групп диалектов распространены примерно на четверти территории Китая, на них говорит треть китайскоязычного населения страны. Кроме того, существуют три подгруппы северных диалектов (в западной традиции называемых мандаринскими): северная, включающая диалект Пекина, а также южная и центральная, на которых говорят, в частности, в городах Нанкин и Чунцин.

Анализ диалектных форм позволяет говорить о фонетических (что затрудняет междиалектное общение, хотя диалекты связаны регулярными звуковыми соответствиями), лексических, отчасти грамматических и других различиях. В настоящее время особенно актуальным становится вопрос графического различия диалектизмов. Несмотря на то, что иероглифический знак представляет собой строго упорядоченную систему компонентов, по ряду причин достаточно сложно подвергаемую изменениям, ему также свойственна вариативность. Широко известны в данном случае типы и способы модификации иероглифических знаков китайского языка, которые были связаны с упрощением системы письменности. В то же время оказываются не менее существенными различия компонентного состава уже упрощенных иероглифов в рамках диалектного варьирования.

Анализ материала исследования показал, что диалектной вариативности подвержены китайские иероглифы, обозначающие самые разные явления окружающей человека действительности. Наиболее часто проявления графико-семантической модификации отмечаются среди знаков, обозначающих явления и объекты в сфере обиходной лексики, что обусловлено прежде всего социальными факторами, например, 𠄎 *kang* ‘прятать; защищать’, 晏 *e* ‘вечер’, 烋 *yang* ‘плавить’ и др.

Иероглифический знак китайского языка состоит из ключевого элемента – радикала и дополнительных графем, отображающих различные семантические компоненты. Следовательно, диалектные варианты иероглифических знаков представляют собой три классификационных модели модификаций. Первый вариант – изменение ключевого компонента – радикала. Подобный вид встречается крайне редко, так как основной элемент иероглифа – графема, которая обозначает категориальную принадлежность обозначаемого объекта или явления.

Второй вариант – модификация дополнительных графем при неизменности радикала – обозначения категориального признака. Эта модель является наиболее распространенной среди диалектных вариантов иероглифи-

ческих знаков китайского языка. Например, основной диалект китайского языка путунхуа включает знаки, именующие процесс защиты (宀 (крыша + спокойствие), 扌 (рука + крыша + спокойствие)), однако в диалекте у (吳) данный набор графем изменен: опущен компонент 扌, означающий «рука», добавлен компонент 口 «ограда», полученный в результате иероглифический знак выглядит следующим образом 囗 (ограда + крыша + спокойствие).

В иероглифе основного диалекта китайского языка 晚 *wan* 'вечер' (солнце + планета Меркурий (хорошо наблюдаемая планета в **вечернее** время)) в диалекте у (吳) второй компонент 免 «планета Меркурий (хорошо наблюдаемая планета в **вечернее** время)» изменен на два новых 宀 «крыша» и 女 «женщина», полученный в результате иероглиф содержит такие компоненты, как 日 «солнце» + 宀 «крыша» + 女 «женщина» = 晏.

Третья модель – модификация одновременно двух элементов: радикала и дополнительных графем. Это вариант нового иероглифического знака существующего альтернативным диалектным вариантом иероглифа в основном диалекте путунхуа. Например, 渠 *qú* 'он' (вода + дерево + сильный) является вариантом личного местоимения он 他 (человек + усилительная частица) в путунхуа.

Таким образом, вариативность, являясь характерным свойством современной иероглифики китайского языка, позволяет с помощью изменения компонентного состава знака модифицировать семантическую составляющую значения лексической единицы, вкладывая тем самым новые явления и понятия.

Ю. В. Мишурная (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ФОНЕТИКО-ГРАФИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Период конца XX – начала XXI века в развитии турецкого языка характеризуется как время активного пополнения его словарного состава новыми иноязычными лексемами, в первую очередь, из английского языка, что объясняется глобальной тенденцией интернационализации современных языков.

Английские слова, попадая в турецкий язык, приспосабливаются к его фонетической, графической и орфографической системам, при этом формальная адаптация слова сопровождается таким явлением, как вариативность. Например, английские слова, имеющие в абсолютном начале несколько согласных, при вхождении в турецкий язык приобретают протетический или эпентетический гласный звук *i*, однако в современных словарях наблюдается и вариативное написание английских слов без вставки узких гласных: *snekbar* – *sinekbar* (от англ. *snackbar*), *stop* – *istop* (от англ. *stop*), *efriz* – *friz* (от англ. *freeze*), *club* – *kulüp* (от англ. *club*), *stok* – *istok* (от англ. *stock*), *stim* – *istim* (от англ. *steem*) и т. д. Определяющим здесь оказывается действие закона слогового сингармонизма турецкого языка.

Для турецкого языка также характерно отсутствие дифтонгов, что является существенной фонетической особенностью английского языка. При интеграции в турецкий язык английские слова, имеющие в своем составе дифтонги, между двумя гласными приобретают звуки, обозначаемые на письме буквами «v» и «y»: *skavut* (от англ. *scout*), *nakavt* (от англ. *knockout*), *lakavt* (от англ. *lockout*), *avro* (от англ. *euro*). Тем не менее в турецком языке зафиксировано и вариантное написание английских слов, имеющих в своем составе дифтонги: *favul* – *faul* (от англ. *faul*) и *gazoyl* – *gazoil* (от англ. *gasoil*).

Основным способом интеграции английских заимствований в турецкий язык является транскрипция и транслитерация, однако в турецком языке часто наблюдается смешение транскрипционного и транслитерационного способов передачи в пределах одной лексемы, что приводит к появлению вариативности в произношении и написании английских заимствований: *çarter* – *çartır* (от англ. *charter*), *grayder* – *greyder* (от англ. *grader*), *rating* – *reyting* (от англ. *rating*), *printer* – *printır* (от англ. *printer*), *skorbord* – *skorbort* (от англ. *scoreboard*), *talkşov* – *tolkşov* (от англ. *talk show*), *fast food* – *festfut* (от англ. *fast food*), *menajer* – *menecer* (от англ. *manager*) и др. При этом необходимо отметить, что такие варианты англицизмов, как *çartır*, *greyder*, *reyting*, *tolkşov* и *menecer*, являются полностью освоенными с точки зрения закона слогового сингармонизма турецкого языка.

Таким образом, при освоении английских заимствований турецким языком наблюдается вариативность как в произношении, так и в написании в связи с различием закономерностей, лежащих в основе функционирования языка-донора и языка-реципиента. Графическая вариативность обусловлена выбором транскрипции или транслитерации при передаче заимствованного слова. Фонетическая вариативность объясняется отсутствием в принимающем турецком языке дифтонгов и сочетаний согласных звуков в абсолютном начале слова. Следовательно, пока не произойдет полная унификация произношения / написания английского слова в турецком языке, оно не может считаться полностью освоенным.

Я. В. Мызникова (СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ В НАИМЕНОВАНИЯХ ДЕТСКИХ ИГР В РУССКИХ ГОВОРАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Материалом для данного исследования послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся с 2012 по 2017 гг. в населенных пунктах Старомайнского, Чердаклинского, Мелекесского и Сенгилеевского районов Ульяновской области, также были привлечены данные «Словаря русских народных говоров» (Л.-СПб., 1965–2018 гг.) и «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» (в 2-х частях, СПб., 2013 г.). При изучении различных тематических групп лексики из сферы духовной культуры можно отметить значительную вариативность игровой лексики.

Особый интерес представляет лексика, относящаяся к детским и подростковым подвижным играм. В этой группе наблюдается наибольшее число вариантов наименований.

Так, для игры «в классики» в Старомайнском районе зафиксированы фонетические варианты *ко'лколки*, *ка'лкалки*, *ско'калки*, *ска'калки*: *Мы ф ско'калки играли, вот зделали ско'калку гоняли, ско'калки-ть прыгали* (Красная Река); *Играли ф ко'лколки: вот на дороге начертши углем вон ис печи, так, так, вот пять этих клеток, и потом прыгаиш вот. Ка'лкалки играли, ко'лколки* (Красная Река). Варианты *калкалки* и *колколки*, возможно, связаны паронимической аттракцией с другой диалектной вариантной лексемой *ко'лкол* (*ка'лкол*) ‘колокол, колокольчик’ (в связи со звуком от бросаемых камешков или черепков), либо с лексемой *колоть*.

В этом же Старомайнском районе зафиксировано и другое название игры в классики – *чекалду'шки*: *А то играли еще вот в эти, чекалдушки. Начерчена вот такие клетки мелом, и вот эту чекалдушку пинаиш ее, чтобы она на эту вот не попала, на линию-та, рукой киниш в одну в первую-т клетку* (Старая Майна). Игра названа по игровому предмету – *чекалду'шке*: *Чекалдушка этъ деревянный квадратненький вот такой вот* (Старая Майна).

Другая игра с подбрасыванием мелких камешков или горшечных черепков в говорах Ульяновской области называется *гала'нцы* (вариант *гола'нцы*). Игра, несомненно, названа по игровому предмету: *галанец* (*голанец*) – мелкий камешек (*голыш*?) или черепок, употребляемый детьми для игры. Все же внутренняя форма этих лексем не вполне ясна. Интересно, что в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) и в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» (СРГМ) можно обнаружить еще один вариант названия камешков или черепков и соответствующей детской игры – *кола'нцы*, ср. *колоть*.

Еще одна игра с высокой вариативностью наименований – это прятки. В говорах Ульяновской области используются различные производные от глагола *кулюка'ть* ‘водить в игре в прятки’ (фонетические варианты *кулека'ть*, *кулика'ть*): *кулю'кушки*, *кулюка'шки*, *кулю'чки*, *подкулю'чки*. В СРГМ, наряду с лексемами *кулю'кушки*, *кулю'чки*, можно найти и такие фонематические и словообразовательные варианты: *глю'кушки*, *гулю'чки*, *закулю'кушки*. В СРНГ находим лексемы *кулю'кушки*, *кулю'чки* и глагол *кулю'кать* с территориальными пометами южнорусских говоров, говоров Поволжья, Урала, Сибири. В СРГМ приводится междометие *кули'!* с толкованием ‘побуждение к движению: беги! (при игре в прятки)’.

Лексемы, близкие к указанным фонетически и, частично, семантически, используются в детской игре *чиж* (в наших материалах зафиксирован фонематический вариант *тиж*): *А ф тиш – эта на кули' бегаеи во'дит. Если будеш водить, тя замучают – нада вот ему бежать скока там «на кули'-и-и!» – куды улетиш тиш* (Ерыклинск). Вообще, обычай кричать *кули'!* (*на кули'!* или *за кули'!*) водящему в детских играх широко распространен в Поволжье.

Вариативность зафиксирована и в наименованиях лапты: *кругова'я лапта'*, *длиннова'я лапта'* и *бегова'я лапта'*. *Лапты была дьве: бегова'я*

и кругова'я; бегавая – эта вот значът на каком-та расстаянии ат аднаво места да другова были метки, ну чортачки делали, вот значът бегали с аднаво места на другое, дъве каманды была. А кругавая: ну выбивали ис круга, адна каманда другую выбивали ис круга (Ерыклинск). И в кругову'ю лапту играли, и в длиннову'ю лапту играли. Длиннова'я лапта – эт такая делают лопаточку, и вот мячик кидаш и этой лопаткай-та и поддаеш туды, а круговая вот ф кругу: если мячик попал ф тебя, то ты идеш ва'дить (Ерыклинск). По текстам видно, что длинная и беговая – это одна и та же классическая разновидность лапты с подаванием мяча лаптой, разметкой поля и перебеганием через поле, *круговая лапта* подобна современной игре в вышибалы. В СРНГ такие лексические разграничения разновидностей лапты не отмечены, они вполне могут быть характерны именно для Поволжья.

Вариативность наименований наблюдается и в отношении разновидностей широко известных игр из рода городков – на выбивание палками (*панками*) поставленных небольших круглых чурок. В говорах Ульяновской области это такие наименования, как *клек, муха* (вариант *мушка*), *рюхи*. Выбиваемая в процессе игры чурка и называется *клек, рюха* и, соответственно, дает название игре. Подобные игры на других территориях могут иметь и другие наименования: *бабки, чушки, пекарь, поп* и др. Для говоров Ульяновской области характерным является наименование *клек*: *Мальчишки большинство играли ф клек. Панок вот зъделан палка, наставят там этих, чуркаф, и вот эти чурки палкай кинет он этим панком-тъ. Шишбет – значит выиграл, не шишбет – значит проиграл* (Старая Майна); *Ну клек вот: допустим этот квадрат, ставили этот клек, у каждава была бита играющева, на каком-та расстаянии черта, вот битай нада была збить этот клек* (Ерыклинск). Лексема *муха* (словообразовательный вариант *мушка*) является наименованием игры, похожей на *клек*, со сбиванием деревянной палочки со столбика.

Таким образом, для сферы наименований детских подвижных игр характерны все виды вариативности: фонетическая, словообразовательная, лексическая (синонимия), семантическая.

А. А. Мяховский (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СТЕПЕНЬ СОХРАНЕНИЯ ОСНОВ В КОНТАМИНАНТАХ РАЗЛИЧНЫХ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ

Данная работа посвящена восстановимости основ – ключевой характеристике контаминантов, отличающей их от сокращений и сложных слов (Д. Данкс). Восстановимость основ анализировали многие авторы (Ст. Грис, А. Лерер, Н. Беляева и др.), но ни один из них не выявил четких различий между всеми структурными типами контаминантов. Данную характеристику контаминантов изучают при помощи статистических методов (Ст. Грис) или психолингвистических экспериментов (А. Лерер). На восстановимость основ влияет ряд параметров: частотность слов, доля основы, которая сохранилась

в контаминанте, позиция сохраненной части основы, смысловая связь между основами, контекст и др. Полный спектр параметров может быть учтен лишь в условиях психолингвистического эксперимента. В этом исследовании мы рассмотрим лишь один параметр – степень сохранения основы, поскольку его можно изучать при помощи количественных методов без проведения психолингвистического эксперимента.

Материалом для анализа послужили 540 контаминантов, полученных из следующих источников: онлайн-база «The Rice University Neologisms Database», (<http://neologisms.rice.edu/index.php>) и обработанная нами картотека контаминантов из [1] (из выборки были исключены единицы, которые не соответствуют выделенным Д. Данкс критериям, позволяющим отличить контаминанты от схожих лексических единиц). Мы ограничились лишь основными структурными типами контаминантов [1]. Контаминант может состоять из:

1) инициальной части основы-1 и финальной части основы-2 (AD): *chofa* (*chair* + *sofa*), *blizzaster* (*blizzard* + *disaster*);

2) целой основы-1 и финальной части основы-2 (WD): *clicklmas* (*click* + *Christmas*), *alcoholimia* (*alcohol* + *bulimia*);

3) инициальной части основы-1 и целой основы-2 (AW): *fabulash* (*fabulous* + *lash*), *awkfest* (*awkward* + *fest*);

4) целых основ с их наложением (WW): *flabdomen* (*flab* + *abdomen*), *agapeople* (*agape* + *people*);

5) инициальных частей двух основ (AC): *hydrail* (*hydrogen* + *railway*), *Obamacon* (*Obama* + *conservative*), *adorapresh* (*adorable* + *precious*);

6) инициальной и финальной частей основы-1 и целой основы-2, при этом основа-2 замещает центральную часть основы-1 (центральная замена): *parahawking* (*paragliding* + *hawk*), *congreenient* (*convenient* + *green*).

В ходе исследования мы установили соответствия между степенью сохранения основ и такими их параметрами, как длина, акцентная и слоговая структура, способ соединения, а также учли зависимость длины контаминанта от длины основ. Были выявлены следующие различия между структурными типами контаминантов.

1. Как правило, в контаминантах основы различаются по длине. Исключение составляют структурные типы AC и AD, в которых основы обычно имеют одинаковую длину. При этом в контаминантах, относящихся к типу AD, наблюдается более высокая степень сохранения основ, а при AC – устойчиво низкая. Так, в контаминантах типа AD вторая основа сохраняется на 71,1 %, а в AC – на 44,2 %.

2. В большинстве структурных типов контаминантов преобладает чистое усечение основ или усечение в сочетании с наложением основ. Очевидное исключение составляют контаминанты типа WW, в которых возможно лишь наложение основ. Для структурного типа AC характерно сохранение менее 50 % основы (у других типов усечение основ не столь значительное).

3. Исследование показало, что контаминант обычно равен по длине наиболее протяженной основе. Исключение составляют контаминанты, отно-

сящиеся к типу АС, которые обычно короче более длинной производящей основы, а иногда – и более короткой: основы чаще всего состоят более чем из трех слогов (63,1 % основ-1 и 41,1 % основ-2), однако контаминанты, как правило, двухслоговые (73,7 %).

4. Мы определили, что если одна из основ остается в полном виде, то в контаминанте сохраняется ее акцентно-слоговая структура. Между основами в контаминантах АД нами не замечено значительных различий по длине, при этом мы установили, что в единицах данного структурного типа обычно сохраняется число слогов и ударение основы-2. Контаминанты типа АС отличаются от других структурных типов: по акцентно-слоговой структуре более половины единиц (57,9 %) не похожи ни на одну из основ.

Если исключить из сравнения тип АС, то можно заключить, что во всех структурных типах контаминантов степень сохранения основ всегда выше 50 %. Другой достаточно устойчивой тенденцией является большая степень сохранения основы-2 (не менее 70,9 % основ в нашей выборке), чем основы-1 (не менее 55,4 %). Средний показатель сохранения основ у типа АС значительно ниже нормы: для обеих основ он составляет менее 50 %. Столь низкий показатель напрямую связан с интенсивным усечением основ, утратой их акцентной и слоговой структуры, незначительной длиной контаминанта. Таким образом, по всем приведенным параметрам АС значительно отличается от других структурных типов контаминантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beliaeva N. Unpacking contemporary English blends: Morphological structure, meaning, processing : a thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy / N. Beliaeva ; University of Wellington. – Wellington, 2014. – 284 p.

Ш. Набати (Гилянский университет, Решт, Иран)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИХ РУССКИМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ)

Вариативность, наблюдаемая на всех уровнях функционирования языка и рассматриваемая в современном языкознании как результат наличия в языке синхронных различий, в лексической подсистеме предстает как «некоторые параллельные возможности формального выражения одних и тех же лингвистических значений (значимостей), связанные с одной и той же лексемой, словоформой или одной и той же синтаксической конструкцией» [1, с. 49].

В данной работе анализу подлежит явление вариативности на примере семантических вариантов-глаголов перемещения в персидском языке в сопоставлении с их русскими эквивалентами. Семантические различия глаголь-вариантов в персидском языке выражены следующими признаками: направленность, характер перемещающегося субъекта (одушевленность / неодушевленность, человек / животное), размер и форма перемещаемого объекта.

Наиболее существенным семантическим отличием глаголов перемещения в персидском) языке по сравнению с их русскими эквивалентами является направленность перемещения на говорящего: приближение к нему или удаление от него. Если в русском языке в семантике глаголов перемещения отражается специфика перемещения, а перемещение относительно ориентира обозначается при помощи приставочных глаголов (типа *приехать*, *уехать* и т. д.), то в персидском, наоборот: простые глаголы *амадан*, *рафтан*, *авардан* и *бордан* обозначают перемещение относительно ориентира, при этом значение ориентированного перемещения в семантике самого глагола больше никак не специфицируется. Они обозначают перемещение как без использования средств перемещения, так и с использованием средств перемещения по земле, воздуху и по воде. Направленность перемещения относительно ориентира выступает дифференцирующим семантическим признаком для этих персидских глаголов, в то время как ориентир в семантике русских бесприставочных глаголов перемещения отсутствует. В большинстве случаев персидскому глаголу *амадан*, *авардан* будут соответствовать русские глаголы *идти*, *ходить*, *ехать*, *ездить* и глаголы с приставкой *при-*, в то время как *рафтан*, *бордан* в зависимости от контекста может быть переведено на русский глаголами *идти*, *ходить*, *ехать*, *ездить* и глаголами с приставками *у-*.

Для выражения непроизвольного погружения в воде используются глаголы *гарг шодан* 'тонуть', *фору рафтан* 'тонуть' в персидском и глагол *тонуть* в русском языке. Сложный глагол *гарг шодан* 'тонуть' обозначает перемещение только живых существ, в то время как глагол *фору рафтан* – перемещение только неживых существ сверху вниз в жидкой среде. Дифференциация этих глаголов лежит в характере перемещающегося субъекта (одушевленность / неодушевленность, человек / животное) – признаке, который релевантен для значений персидских глаголов перемещения и не находит выражения в семантике глаголов перемещения в русском языке, получая уточнение лишь в контексте.

Перемещение субъекта в пространстве относительно опоры, отражаемое в семантике глаголов *хазидан* 'ползти / ползать', *синеһхиз рафтан* 'ползти / ползать', *синеһхиз амадан* 'ползти / ползать' и глаголов *ползти / ползать* в русском языке, занимает особое положение среди различных типов перемещения человека и животных в русском и персидском языках. Отличительной чертой глагола *хазидан* 'ползти / ползать' является то, что эта языковая единица обозначает в первую очередь перемещение таких субъектов, тело которых расположено горизонтально в норме и ползание является их естественным способом перемещения (змея, черепаха, маленькие дети). Для обозначения ползания как способа перемещения служат персидские сложные глаголы *синеһхиз рафтан* и *синеһхиз амадан*, которые уточняют способ перемещения и направление. Эти сложные глаголы в персидском языке употребляются только для перемещения человека.

Размер и форма объекта в семантике персидских глаголов перемещения *галтандан* 'катить / катать' и *гел дадан* 'катить / катать' находят более детальное отражение по сравнению с русскими глаголами *катить*, *катать*.

Перемещение больших и маленьких круглых объектов обозначается, в отличие от русского языка, разными глаголами в персидском языке. Отличие между персидскими глаголами *галтандан* ‘катить / катать’ и *гел дадан* ‘катить / катать’ состоит в том, что глагол *галтандан* употребляется чаще всего для обозначения перемещения вещей круглой формы с большим весом, так что для их перемещения нужно приложить большую силу. Сложный глагол *гел дадан* ‘катить / катать’ употребляется для обозначения перемещения предметов, имеющих круглую и цилиндрическую форму, но небольшой вес, так что их перемещение происходит по земле вследствие применения незначительной силы или удара. При перемещении некруглых предметов в персидском языке используется сложный глагол *harekat dadan*. Семантические отличия глаголов перемещения персидского языка часто передаются в русском языке приставочными глаголами, указывающими на направленность движения, а также контекстуально.

Подводя итог, отметим, что вариативность есть неотъемлемое свойство языковой системы и функционирования всех языковых единиц. По этой же причине неизбежно обращение к понятиям проблемы вариативности не только для рассмотрения теоретических понятий, но и для решения прикладных задач, в том числе в вузовской практике на разных ступенях преподавания языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенюк, Н. Н. Некоторые вопросы изучения вариантности / Н. Н. Семенюк // *Вопр. языкознания*. – 1965. – № 1. – С. 48–59.

Т. М. Насонова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Наблюдаемая вариантность фонетической системы языка является результатом процесса варьирования звуковых единиц в речи под влиянием различных факторов. Общеизвестным подходом к рассмотрению причин варьирования звуковой стороны языка является разграничение факторов экстралингвистического и внутрилингвистического характера. В частности, к первой группе факторов традиционно относится ситуация речевого общения в широком смысле слова, включающая учет обстановки, в которой происходит общение, влияние собеседника и ориентировку на него, а также сверхзадача общения. К внутрилингвистическим факторам относятся фонетический контекст, просодические характеристики высказывания, его грамматическая структура и т. п. Обе группы факторов получили достаточное освещение в фонетических исследованиях, проведенных на материале английского языка. Тем не менее, в лингвистической литературе роль каждого из факторов определяется неоднозначно, а также указывается на сложность их четкого разграничения. В связи с этим была предложена

классификация внешних и внутренних факторов, где к первой группе относят влияние территориальных диалектов, взаимовлияние языков и т. п., а к внутренним причинам варьирования принадлежит действие фактора аналогии, тенденция к экономии усилий, неэквивалентность формы и содержания, возникающая в результате неравномерного развития этих категорий, и т. п.

Существует также мнение, что теория внешних и внутренних факторов варьирования в языке не отводит должного места самому говорящему. Факторы вариативности, действующие на всех носителей языка, в разной степени проявляются в речи каждого из них. Более того, отмечается свободное варьирование, не зависящее от перечисленных выше факторов, традиционно выносимое за рамки научных исследований, формирующее так называемый идиолект говорящего. Различия между идиолектами порождают вариативность в ее межиндивидуальном аспекте, который предполагает, что разными носителями языка выбираются неодинаковые формы для передачи одного и того же содержания. В то же время в отдельно взятый временной период, носитель языка выбирает различные формы для выражения одного и того же содержания на разных участках высказывания или в разных речевых ситуациях, что порождает внутрииндивидуальную вариативность. При этом существенным фактором, порождающим индивидуальную вариативность, является прагмаустановка говорящего, которая находится в прямой зависимости от его личности. Однако возможности данного варьирования не бесконечны. В речи каждого говорящего сохраняется, с одной стороны, общность с другими носителями языка, обеспечивающая понимание друг друга, и, с другой стороны, сохраняются собственные индивидуальные речевые характеристики личности, проявляющиеся независимо от обстоятельств коммуникативной ситуации. Оба типа ограничений определяют границы вариативности в каждом конкретном случае. Изучение индивидуальной вариативности звуковой стороны языка дает возможность очертить пределы варьирования произносительной нормы и представить разнообразие звуковых моделей, особенно в просодической системе, которая труднее всего поддается кодифицированию. В частности, как свидетельствуют проведенные нами исследования, разнообразие в средствах просодического членения речи является частью произносительной нормы, в то время как предпочтение в выборе того или иного средства относится к индивидуальному варьированию, отражающему не только личностные особенности, но и способность выразить тонкую смысловую нюансировку высказывания. Сравнение речи носителей и неносителей языка показало, что границы индивидуального варьирования в речи неносителей языка значительно уже, чем в речи носителей языка, что свидетельствует об отсутствии языковой гибкости, свойственной естественной речи носителя языка.

Индивидуальное варьирование фонетической системы языка, не выходящее за рамки нормы, представляется актуальной проблемой современных исследований. Изучение произносительной нормы являлось основной задачей экспериментальных исследований XX в., результаты которых находили свое применение, в первую очередь, в преподавании иностранного языка.

Подобные прикладные задачи диктовали необходимость четкого определения правил и закономерностей функционирования фонетических единиц в речи. В настоящее время задачи преподавания иноязычного произношения, особенно в условиях языкового вуза, расширились. Потребность в специалистах, способных эффективно осуществлять межкультурное общение, ведет к осознанию существенности модально-прагматической вариантности, к необходимости обучить не только норме и узусу, но и умению разнообразить свою речь фонетически в зависимости от ситуации (собеседника, тематики, коммуникативной задачи), а также использовать разнообразие синонимичных звуковых моделей для повышения комфортности восприятия своей речи собеседником. Наряду с этим, повышается актуальность программ автоматического синтеза и распознавания речи, что ведет к необходимости установления не только правил употребления языковых единиц, но и возможностей, а также пределов их варьирования для достижения того, в частности, просодического разнообразия, которое свойственно естественной речи. Данные прикладные задачи обуславливают актуальность исследований вариативности звучащей речи, особенно варьирования, традиционно относящегося к свободному, не ведущему к смысловому различению, тем не менее, существенному для успешного достижения прагматической цели. Более того, исследования пределов индивидуальной вариативности звуковой стороны языка позволяют сделать выводы о динамике изменений, происходящих в фонетической системе языка, и установить тенденции движения произносительной нормы.

О. В. Никифорова (ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Арзамас, Россия)

ВАРИАНТЫ НАИМЕНОВАНИЙ ПРАЗДНИКОВ ЦЕРКОВНОГО КАЛЕНДАРЯ В НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРАХ

Интерес к вопросам региональной лексики на современном этапе развития языка не ослабевает, поскольку объект исследования – диалектное слово – достаточно специфичен по сравнению со словом в системе литературного языка. Характерной особенностью народных говоров является высокая вариативность фонетического, словообразовательного, морфологического и семантического облика функционирующих в диалекте слов. К важнейшим факторам диалектного варьирования относятся устная форма существования диалектов и отсутствие в ней кодифицирующей нормы, сочетающиеся с территориальным варьированием. Так, в диалектных микросистемах Нижегородской области функционируют варианты наименования одного и того же праздника церковного календаря. Номинации, используемые для обозначения одного и того же названия праздника церковного календаря и различающиеся содержательно и структурно, согласно А. В. Суперанской, обозначаются термином полионимы.

Появление полионимов в лексике народного календаря нижегородских говоров обуславливается рядом причин, неравнозначных по своему харак-

теру. Христианская терминология неравномерно усваивалась нижегородскими крестьянами, поэтому в качестве номинации праздника часто выступает главный компонент его официального церковного названия. В нижегородских говорах основная часть народных наименований контаминированных праздников составляют адаптированные и редуцированные заимствования из официальной церковной терминологии. В живой речи закрепились наименования, основанные на ключевом, наиболее значимом и ярком компоненте официального церковного праздника, т. е. в народном календаре заметна тенденция к упрощению принятого православной церковью названия. Ряды полионимов, образовавшиеся в результате адаптации церковного названия, в нижегородских говорах разнообразны:

- наименования, образованные от разных компонентов официального названия (*Петров день – Петр и Павел – Петр-Павел, Покров – Покрова – Покров день – День Покрова – Покров Богородицы, Илья – Ильин – Ильиндень – Ильин день – Ильинской день – Илья пророк, Флор и Лавр – Флоры – Фролы*);

- наименования, не являющиеся официальными, но и не противоречащие христианским представлениям (*Радоница – Родительский день, Вербное воскресенье – Вербина*);

- наименования, отражающие народные верования и обычаи (*Иван Купала – Иван Купальник – Иван Купальский – Иван Купальницкий – Иван Обливан – Иван Росник – Иван Травник – Иван Цветник – Иван Плетитя, Никола зимний – Никола Угодник, Четверг страстный – Четверг страшный – Четверг чистый – Четверг-метник – Четверг великий*).

Образование полионимов в нижегородских говорах происходит в результате появления фонетических и словообразовательных вариантов названий праздников церковного календаря. Можно выделить следующие ряды:

- однословные наименования, образованные от одной производящей основы и различающиеся звуками (*Встретенье – Стретенье, Блзовещенье – Благовещение, Егорий – Ягорий, Микола вешний – Никола вешний, Микола зимний – Никола зимний, Евдокия – Евдокея*);

- однословные наименования, образованные от одной производящей основы и различающиеся аффиксами (*Егор – Егорий*);

- наименования, представляющие собой атрибутивное сочетание с опорным компонентом *день* (*Ильин день – Ильинской день, Серьгов день – Сергиев день – Сергов день – Серьгов день, Миколин день – Николин день*).

Богатство полионимов в нижегородских говорах обусловлено тем, что диалектная речь, предназначенная прежде всего для устного общения, обладает большей свободой в выборе лексических средств для репрезентации обрядовой реальности. Полный ряд полионимов в большинстве случаев характерен для макросистемы – нижегородских говоров. В отдельных микросистемах обычно представлен один из фонетических, лексических, словообразовательных вариантов названия церковного праздника. Так, Праздник Светлого Христова Воскресения в нижегородских говорах имеет следующие варианты названий: *Пасха, Паска, Святая Паска, Христова Паска, Светлое воскресенье, Святое воскресенье, Христово воскресенье*,

Святой день, Христов день. Народные названия, различаясь структурой, представляют собой как однокомпонентные, так и двухкомпонентные образования. Номинация *Пасха* основана на ключевом компоненте официального церковного наименования. Полионим *Паска* претерпел фонетическое изменение – диссимиляцию по способу образования. Наименования *Христова Паска, Христово воскресенье, Христов день* восходят к имени главного действующего лица этого события – Иисуса Христа. Название *Святой день* представляет собой атрибутивное сочетание, в состав которого входит прилагательное, образованное от ключевого компонента официального наименования, и опорный компонент *день*. Наименования *Светлое воскресенье, Святое воскресенье* отражают усвоение народным сознанием ключевых компонентов зафиксированного в церковном календаре названия. Наиболее широкое с точки зрения географии распространение в нижегородских говорах получили варианты наименования *Пасха, Паска, Святая Паска, Христова Паска*, являющиеся результатом свертывания официальной календарной формулы. Другие названия выраженных ареалов не образуют, функционируют в отдельных микросистемах.

Таким образом, полионимы, называющие одни и те же праздники церковного календаря, в нижегородских говорах сложились в результате усвоения и адаптации официальных наименований, а также по словообразовательным моделям, свойственным русским народным говорами, и отражают мировидение создавших их людей, содержательно отражают культурную и духовную жизнь нижегородского крестьянина.

Е. В. Ничипорчик (ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь)

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ: ВАРИАТИВНОЕ И КОНСТАНТНОЕ

Науке пока не удалось раскрыть все тайны, связанные с рождением и объективацией человеческих мыслей. Не дан ответ на вопрос, где именно пролегает граница между осознанной воспроизводимостью языковых единиц и механической, безотчетной; в какой мере комбинаторные модели определяют реализацию семантических потенций знаковых единиц, выбор того или иного средства для передачи содержания. Аксиоматичность тезиса о «текучести» материальной и идеальной сторон знака, контекстуальной детерминации значений заставляет задуматься над тем, что именно может выступать константной частью знаков, обеспечивающей им способность быть идентифицированными в речи.

Паремиологические единицы, как и все другие знаки, характеризуются воспроизводимостью, однако, пожалуй, более, чем все остальные знаки, при употреблении в речи подвергаются разного рода преобразованиям. Причины, объясняющие эту особенность паремий, таковы: 1) гибридность природы паремий, заключающаяся в сочетании признаков языковых и речевых единиц, 2) членимость паремиологических единиц на компоненты, которые в

системе языка являются однозначными словами, 3) иерархичность семантической организации паремии. Статус языковых единиц как устойчивых словесных комплексов, характеризующихся семантической целостностью, обеспечивает паремиям узнаваемость даже в случае существенных структурных преобразований. Статус речевых единиц – выразителей пропозициональной семантики – детерминирует референциальную соотнесенность с ситуацией и, как следствие, допускает вариативность коммуникативных регистров, модальных рамок (*То есть на безрыбье и рак рыба? Неутешительно! А я всегда считала себя настоящей рыбой* (Авенариус) – источником для данной иллюстрации и всех последующих является Национальный корпус русского языка). Однозначность слов, входящих в структуру паремии, обуславливает прозрачную мотивированность их семантических ролей и делает возможным синонимическую замену компонентов, их перестановку, расширение состава паремиологической единицы и т. п. (*Нагло вам заявляю, что сегодня конкурентов у меня нет, потому что даже две своих «ТЭФИ» расцениваю как «на бесптичье и рак рыба»* (А. Крюкова)). Иерархичность семантической организации паремий говорит о тесной связанности значений, выражаемых на разных уровнях абстрагирования от конкретных ситуативных значений паремиологических единиц. В силу этой взаимосвязи наиболее общие отношения, представленные в структуре паремийной пропозиции, могут быть реализованы в трансформированном варианте паремии языковыми средствами, которые не находятся в системных синонимических связях с компонентами исходного варианта паремии (*Преснятину хочется заесть хоть лимоном. На безрыбье и Эдичка – Дантон* (Н. Васильева)).

Если воспроизводимость трактовать как сущностную характеристику знака, заключающуюся в актуализации связи между материальной репрезентацией знака и значением, детерминируемым в каждом конкретном случае употребления знака взаимодействием устойчивой части его понятийного содержания и функцией, которой знак наделяется в линейном ряду, то такое понимание воспроизводимости позволяет по-новому взглянуть на функционирование паремий как знаковых единиц.

Очевидно, что любая преобразованная материальная оболочка паремийного знака имеет нечто общее со словарным вариантом паремиологической единицы и иными ее материальными воплощениями в речи. Для паремии «нечто общее» всех ее материальных репрезентаций, обеспечивающее связь означающего и означаемого, не представляет собой какую-то одну константно повторяющуюся часть. Это может быть минимально / максимально редуцированная репрезентация паремии, восстанавливаемая по умолчанию (сравн.: *Мне лично, допустим, он больше нравится, но я понимаю, что значение это имеет ничтожное. На безрыбье и рак...* (О. Бакушинская) и *Но в перспективе планируем награждать отличившихся премией – 400 – 500 рублей, немного, конечно, но, как говорится, на безрыбье...* (А. Велигжанин)); один компонент / два и более компонента паремии в сочетаниях, воспроизводящих ее структурно-семантическую модель («*Рубин*» – *фаворит на «безрыбье»*)? Комфортная, словом, ситуация для штатного середняка

сложилась (Советский спорт)); один компонент / два и более компонента паремии, используемые для обозначения окказиональной ситуации, в чем-то подобной или противоположной ситуации, представленной в паремии-претексте (*А некоторые политики настолько к этому привыкли, что готовы самого захудалого «рака» выдать за настоящего сазана. Имею в виду заместителя председателя Комитета по труду и социальной политике...* (Е. Свинарев)); *Поэтому, конечно, наш спектакль стал «бомбой» на музыкальном безрыбье* (Э. Богалейша).

Устойчивая часть понятийного содержания в каждом конкретном случае может ассоциироваться со значением полноформенной паремиологической единицы, не характеризующимся существенными приращениями; значением неполноформенной паремии, актуализируемым в связи с наличием в контексте сигналов незавершенности выражения мысли, специальных сигнальных средств, свидетельствующих об интертекстном статусе включенного в речь фрагмента знаковой единицы; с паремийной структурно-семантической моделью / реляционной структурой пропозиции, «узнаваемой» по ключевому слову / словам паремии и переключке семантических ролей имплицированных компонентов исходного варианта паремии с семантическими ролями слов, участвующих в обозначении окказиональной ситуации; с паремийной пропозицией, обозначенной в свернутом виде сигнальным средством, двойная означающая функция которого распознается с опорой на специальные показатели интертекстуальности, и др.

Е. В. Ничипорчик, П. С. Завтрикова (ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь)

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК «СИМПТОМАТИКА» ЖИЗНИ ПОСЛОВИЦЫ

Любые «движения» в тех или иных системных образованиях – признак «жизни» данных систем. Паремиологические единицы представляют собой очень «живую» языковую подсистему, ведь они характеризуются востребованностью в речи, а количество их трансформированных употреблений только растет. Закономерно увеличивается интерес исследователей к текстovým реализациям паремий.

Наше внимание привлекло функционирование пословицы *мир не без добрых людей* в художественных и публицистических текстах. Основная задача состояла в выяснении того, какие изменения претерпевает словарная, застывшая единица в реальном текстовом пространстве и каким образом встраивается в текст. Источником фактического материала послужил Национальный корпус русского языка (168 контекстов).

1. Писатели и публицисты используют пословицу *мир не без добрых людей* в двух основных вариантах.

В «Большом словаре русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко [1] в отдельных статьях фиксируются четыре варианта пословицы: *мир не без добрых людей*; *свет не без добрых людей*; *на свете не без добрых людей*; *свет*

без добрых людей не стоит. НКРЯ содержит контексты и с другими падежными формами первого компонента паремии (*в мире, на миру, в свете*); подобного рода употребления тоже можно отнести к вариантам пословичного выражения.

Корпусные данные показывают, что наиболее употребительными являются варианты *мир не без добрых людей* (102 иллюстрации) и *свет не без добрых людей* (47 иллюстраций). Тексты, в которых употреблен вариант со словом *свет*, зачастую оказываются старше тех, в которых функционирует вариант со словом *мир*; более того, вариант *свет не без добрых людей* практически не встречается в публицистике (Газетный корпус фиксирует 68 контекстов о *мире* и два о *свете*). Это свидетельствует об устаревании данного варианта паремии.

2. Пословица *мир не без добрых людей* (по корпусным данным) в большей степени подвергается трансформациям в художественных текстах.

Несмотря на то, что обычно именно публицистика пестрит экспрессивными формами выражения мыслей, исследуемая паремия всего в 11 % контекстов (8 из 70) Газетного корпуса функционирует не в исходном виде. В то время как количество употреблений трансформированной паремии в иллюстрациях Основного корпуса составляет 34 % (33 из 98 контекстов).

Чаще всего изменения касаются и внешней (структурной), и внутренней (семантической) стороны пословицы. Появляется определение мира / света (*московский мир, интернетный мир, лагерный свет*), либо изменяется его ключевая характеристика (*не без желчных людей, не без злых языков, не без добрых профессий, не без краденых лошадей, не без гениев*).

Судя по корпусным материалам, ироничное употребление паремии более характерно для художественных текстов, однако здесь количественный перевес в сравнении с публицистикой не такой весомый.

Встречаются также чисто структурные трансформации, связанные с перестановкой и синонимической заменой компонентов пословицы (*не без добрых душ на свете, везде не без добрых людей*).

3. Основными способами введения в текст пословицы *мир не без добрых людей* являются свободное и маркированное включение; возможно смешение способов.

Свободное включение паремии в текст не предполагает использования специальных средств (метаоператоров), сигнализирующих о прецедентности употребляемого выражения: *А как с квартиры сгонят, куда сунешься? – Найду куда! Свет не без добрых людей!* (В. Крестовский); *Мир не без добрых людей – ему помогли устроиться, и он стал хорошим врачом* (Л. Дурнов); *Ерунда, – сказал Шурик. Мир не без добрых людей. Будем искать* (Е. Завершнева).

Маркированное введение пословицы в текст сопровождается использованием разного рода метаоператоров: графических (кавычки), лексических (*пословица, народная мудрость* и др.), синтаксических (*верно говорят, как говорится, к счастью* и др.) – сигнализирующих о «цитировании» коллективного мнения и / или выражающих отношение пишущего к содержанию

паремии, подчеркивающих значимость отраженной в паремии ценностной позиции социума: *Пословица недаром же говорит, что свет не без добрых людей, и на наш пай добродетельные души окажутся!* (В. Крестовский); *Верно говорят: «Мир не без добрых людей», – сказала Вячеславу Ивановичу любимая жена, выслушав его рассказ об удивительном происшествии («Столица»).*

4. Каждое употребление пословицы *мир не без добрых людей* является фактом реакции на ту или иную социальную ситуацию.

Пословица *мир не без добрых людей* напрямую связана с категориями доброты и отзывчивости и отражает ценностные ориентации пользователя паремии. Появление паремии в тексте в исходном виде свидетельствует как о вере носителя языка в глобальное добро, так и о потребности в этой вере. Пусть мир «не без греха», но он не может (не хочет) быть без добра.

Примечательно, что трансформированные варианты пословицы зачастую все же сохраняют положительный смысл (*на Руси не без добрых людей, свет не без добрых зверей, свет не без добрых самаритян, мир не без добрых судей* и др.). «Злые» трансформации количественно проигрывают (*на миру не без желчных людей, мир не без завистников, в мире не без воровства*).

Достаточно частотное использование паремии *мир не без добрых людей* в художественных и публицистических текстах, любое ее преобразование говорит о востребованности данной единицы в социуме, обогащении ее смысла и добавлении новых «штрихов» к картине социальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

Б. Ю. Норман (БГУ, Минск, Беларусь; Университет Трира, Германия)

ОТ ВАРЬИРОВАНИЯ СЛОВОПОРЯДКА К СОЗДАНИЮ НОВОГО СМЫСЛА (ХИАЗМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ)

Хиазм – преобразование в речевой деятельности говорящего, при котором на протяжении высказывания (или соседних высказываний) синтаксические позиции «обмениваются» предназначенными для них лексемами. Такая фигура речи весьма популярна в русском фольклоре – пословицах и афоризмах (*Молодец против овец, а против молодца и сам овца; Шутя любя, но не люби шутя; Жить хорошо. А хорошо жить – еще лучше!* и т. п.). Наряду с хиазмом эксплицитным, можно выделять также хиазм скрытый, имплицитный, при котором перевернутая структура рассматривается на фоне «привычного» положения дел, ср. потешки типа: *Лыко мужиком подпоясано; Корова бабу доит; Ехала деревня мимо мужика, глядь – из-под собаки лают ворота...*

С лингвистической точки зрения, при хиазме переносятся в иные позиции не слова, а семемы (которые могут быть выражены разными корневыми морфемами, в том числе омонимичными, и разными частями речи). Об этом говорят примеры вроде: *Поглядишь: хандра все любит, А любовь всегда хандрит* (П. Вяземский); *Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас; Счастье есть, но есть – вот несчастье*.

В основе хиазма лежит простая механическая перестановка, допускаемая правилами словопорядка и словообразования. Такое преобразование может быть «безвредно» для смысла (ср.: *Таня с Яшей – Яша с Таней; уродливый красавец – красивый урод; дыры в носках – носки в дырах* и т. п.). Однако нередко результатом его становится создание нового смысла, и тогда хиазм становится фигурой речи, стилистическим приемом. Показательны в этом смысле современные газетные заголовки, рекламные слоганы, новые афоризмы: *Спорт мира и мир спорта; Право силы исключает силу права; Поколение кризиса или кризис поколения; Человек не выбирает время – время выбирает человека; Говори, что думаешь. Но думай, что говоришь; Хвост вертит собакой* и т. п.

В художественной литературе синтаксический перевертыш позволяет художнику создать иную, виртуальную картину мира, он переворачивает с ног на голову привычные отношения между реалиями, ср. *Меня не любят вещи* (Ю. Олеша); *У сына родился отец* (А. Битов); *Уши машут ослом* (М. Шишкин); *Писателя делает скандал* (Д. Донцова).

Наиболее очевидна эффективность хиазма в поэзии: тут это преобразование осуществляется в рамках одной ритмической структуры – строки или строфы. Один из самых ярких, известных уже более столетия примеров – эпиграмма В. Гиляровского. Она в изящной форме рисует извечную и неразрешимую проблему России:

У нас в России две напасти:

Внизу – власть тьмы, а наверху – тьма власти.

Примеры хиазма можно обнаружить в творчестве М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Хлебникова, Б. Корнилова, Д. Самойлова, Б. Ахмадулиной, В. Высоцкого и других авторов. Нередко механическое лексико-синтаксическое преобразование приводит к когнитивному сдвигу, к изменению сущностных составляющих картины мира. Два примера:

Наверно,

люди сначала придумали границы,

а потом границы стали придумывать людей.

Границами придуманы

полиция, армия, пограничники,

границами придуманы таможни и паспорта

(Е. Евтушенко);

Не трожь человека, деревце,

Костра в нем не разводи...

Не бей человека, птица.

Еще не открыл отстрел...

(А. Вознесенский).

Использование хиазма в таком случае помогает поэту выразить концептуальные, философские сущности – такие, как «абстрактное» и «конкретное», «живое» и «неживое», «человек» и «окружающая среда». Не удивительно, что этот прием занимает в поэзии такое важное место среди изобразительных средств.

В качестве объективных предпосылок хиазма можно выделить целый ряд факторов – как собственно языковых (свобода словопорядка, система предложно-падежных форм, развитость словообразования и др.), так и психофизиологических (особенности кратковременной памяти, эстетическая ценность повтора, эффект обманутого ожидания и др.)

А. Носрати (Исфаханский университет, Иран)

ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА НА МАТЕРИАЛЕ ПОЖЕЛАНИЙ-ПРОЦАНИЙ

Изменения в структуре языка являются естественной, неотъемлемой и неизбежной чертой всех языков. Эта черта существовала всегда и рассматривалась с разных точек зрения.

Языковые изменения можно разделить на два типа: случайные и целевые. Случайные изменения встречаются в повседневном общении, но часто они не полностью находятся под контролем говорящего. А целевые скорее детерминируются экстралингвистическими факторами. К ним относятся культурно-общественные факторы и конкретные ситуации общения. Они могут влиять на разные аспекты языка и, таким образом, вызывать различные фонетические (*че?* – разговорный вариант произношения местоимения *что?*), лексические (*сэндвич* вместо слова *бутерброд*), синтаксические (*Прив. Планы?* вместо предложения *Привет! Какие у тебя планы на завтра?*) разновидности.

При непрерывности языковых изменений скорость языковой эволюции в разные периоды отличается. Русский язык, так же как и другие языки, претерпел изменения, которые можно заметить в русском этикете. Одним из важных моментов в этой сфере является динамика пожеланий типа *хорошего дня!* ‘*have a good day!*’, *приятного вечера!* ‘*Have a nice evening!*’, *удачной поездки!* ‘*have a safe journey!*’, *приятных выходных!* ‘*have a nice weekend!*’ и т. д., появившихся в русском языке сравнительно недавно, в последние три–четыре десятилетия:

Все это продащица укладывает в пакет и вручает путешественнику. – До свидания, удачной поездки.

Речь идет о стандартной обстановке, такой, как общественный транспорт, улицы, учреждения и др. Эти этикетные стереотипы-пожелания очень давно существуют в английском языке. Можно считать, что они действительно представляют собой кальки и проявление влияния других языков, контакты с которыми у русского языка в недавние годы стали более частыми. Еще к одной формуле пожелания, представляющей интерес, относится выражение пожелания при прощании типа *берегите себя!* ‘*take care!*’. Само собой разумеется, что мы тут опять имеем дело с калькой с английского языка.

– *Идите*, – кивнула она, зябко кутаясь в халат: в прихожей было намного холоднее, чем в кухне, где уже почти час были включены конфорки. – *До свидания*. – *Всего доброго, Павел*. – ***Берегите себя!***

Изменения в речевом этикете обусловлены как возникновением новых языковых формул, так и набором ситуаций, в которых следует (или не следует) произносить тот или иной вариант. Это касается также сферы обслуживания (магазины, ателье, офисы и т. п.), в рамках которой реализуются этикетные пожелания; их применение приводит к облегчению общения и приятному впечатлению у клиента. К этой сфере относятся такие речевые устойчивые клише, как *носителю на здоровье*, *носителю с удовольствием*, *приходите к нам почаще*, *удачной покупки* (в рекламе), *приятного путешествия* и др.

Кроме того следует отметить, что русский язык богат огромными возможностями вариативности пожеланий-прощаний. Это разнообразие получается за счет механизма взаимодействия пожеланий с другими этикетными формулами, такие как прощание, приветствие, поздравление, благодарность, просьба, совет и т. д.

Все эти варианты в принципе способны употребляться как пожелание в определенной прагматической ситуации. Поскольку указанные выше этикетные речевые формулы, обладая полиинтенциональной направленностью, легко «комбинируются» и «пересекаются» друг с другом. Например, пожелания легко сочетаются с приветствиями и прощаниями. Кажется, такую же «совмещенную» функцию имеет традиционная формула этикета *Хлеб да соль!* Интенция «просьба» и «пожелание» интегрируется в прощание, которое демонстрирует также уважение к собеседнику. Например, *Приходите!*, *Звоните!*, *Обращайтесь!* Точно так же этикетная формула *Всего хорошего!*, *Всего доброго!*, *Всего наилучшего!*, содержащая автономный родительный падеж, часто применяется в ситуации прощания. Проиллюстрируем вышесказанное примерами:

– *До свидания!* Попроцался я и вышел из офиса. – ***Всего доброго! Обращайтесь еще!***

– *Если нужна будет какая-нибудь помощь...* – *Я понимаю. Я вам позвоню*. – *Звоните! Всего вам хорошего!*

В заключение хочется отметить, что все эти фразы (единичные примеры пожеланий, которые можно найти даже в обычных толковых словарях) выполняют ритуальную функцию – «вне чувств и эмоций», они диктуются этикетом и традиционной культурой.

И. И. Панова, Н. К. Денисович (МГЛУ, Минск, Беларусь)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ПРОСОДИИ АНГЛИЙСКИХ КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Достаточно широкий диапазон стратификационных и ситуативных условий устной реализации современного английского языка проявляется также в расслоении реальных речевых форм в основных ареалах и субареалах его нормативной закреплённости. В частности, широкое общественное

функционирование шотландского (Scottish Standard English – SSE), северного (Northern English – NE) и северо-ирландского (Northern Ireland English – NIE) вариантов получило в англистике признание их особой нормативности, осознаваемой обществом как правильные и образцовые формы литературного языка, реализуемые в наиболее важных институциональных сферах общения.

Относительно экстенсивной изученности грамматических и лексико-семантических явлений в каждом из указанных региональных вариантов, наименее систематизированным с точки зрения их закрепленности является парадигматическое описание просодических подсистем в рамках единой иерархической системы произношения современного английского языка.

Как известно, при потенциальной нейтрализации переменных социальных, стилистических и прагматических индикаторов в речи говорящего, константным признаком любого устного высказывания является его коммуникативный тип. В данной работе представлены результаты эксперимента, проведенного с целью расширения базы данных для установления инвариантных и специфических средств их регионально устойчивого просодического отклонения от общенациональной британской орфоэпической нормы. Исследование проводилось на материале 360 аутентичных речевых реализаций трех коммуникативных типов высказываний в исполнении шотландцев, североирландцев, жителей северных районов Англии и носителей британской орфоэпической нормы (RP).

Повествовательные фразы были частью фонограмм телеинтервью на канале BBC и центральных региональных каналах вещания на SSE, NE, NIE. Прямые побудительные высказывания включали синтаксически утвердительные и отрицательные предложения (например: *Say good-bye to the rest of the family for me. Don't forget to share with Jimmy*); в восклицательных фразах учитывались разные синтаксические типы их построения, а также их позитивное или негативное оценочное содержание (например: *What a curious plan! Isn't it gorgeous! What a stupid thing to say! How terribly she sings!*) Устные реализации лексически идентичных фраз были получены в исполнении носителей разных регионов через сеть интернет. Для фонетического анализа были взяты фразы, идентифицированные как регионально обусловленные в 85–100 % случаев носителями английского языка, а также неносителями с высоким уровнем его владения. На перцептивном уровне фразы сравнивались в функционально разных участках тональных контуров и дистрибуции типов фразовой слоговыделенности. Акустически обработка речевых сигналов проводилась по системе PRAAT 6.033 по признакам среднеслоговой длительности (СДС), максимальному и минимальному уровням и диапазону частоты основного тона (ЧОТ).

Данные сопоставительного анализа обнаружили как однонаправленную, так и разнонаправленную закономерность в проявлении тождества и различий в просодических структурах региональных вариантов коммуникативных типов фраз. Так, по частотности употребления типов тонального завершения, тональной вариативности предъядерного контура и акцентогенности фраз менее значимые контрасты относительно RP имели место в повествователь-

ных высказываниях всех региональных типов произношения. Побудительные фразы во всех сравниваемых вариантах содержали просодически более категорично выраженную инструктивность звучания за счет большей частотности случаев эмфатической слоговыделенности, скользящего тонального контура предъядерной части и более низкого уровня ЧОТ во всех их синтаксических типах (например: RP – 289 гц; SSE – 224 гц; NE – 218 гц; NIE – 230 гц).

Эксплицитно выраженная региональная специфика зарегистрирована также в просодических структурах всех видов восклицательных фраз, для которых характерна меньшая тональная вариативность предъядерной части, отсутствие эмфатических ударений, меньшая частотность ударности слов *what* и *how* (ср. RP – 59 %, SSE – 24 %, NE – 27 %, NIE – 17 % случаев). Разные усредненные величины среднеслоговой длительности фраз (в RP – 188 мсек, в SSE – 271 мсек, в NE – 280 мсек, в NIE – 25 мсек) свидетельствуют о константности темпоральных различий региональных вариантов всех коммуникативных типов фраз.

Разница в диапазоне просодической вариативности в рамках коммуникативных типов высказываний в каждом региональном стандарте предопределена также степенью речевого проявления спонтанности во фразах описательно-рациональной направленности или содержащих эмотивно-модальную коннотативность. Так, например, региональная специфика побудительности более эксплицитно выражена в синтаксически отрицательных структурах и негативнооценочных восклицаниях, которые в региональных вариантах произносятся с низким нисходящем тоном в среднем в 80 % случаев, а в RP их частотность равна только 47 % в SSE и 39 % и 41 % случаев в NE и NIE соответственно. Следует отметить, что региональные контрасты просодических признаков разных коммуникативных типов носят градуальный характер как по степени их проявления в каждом региональном варианте, так и по степени их близости к общенациональному орфоэпическому варианту.

Эксперимент показал, что важнейшими лингвистическими индикаторами территориальной идентичности носителей английского языка являются различия в просодическом структурировании коммуникативных типов высказываний, большую/меньшую степень значимости которых можно представить в виде убывающей последовательности: побуждение > восклицание > повествование.

М. К. Пармонова (Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, Москва, Россия)

**ВАРИАТИВНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ
И ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ
(на материале «Русского тематического словаря»)**

Религиозная лексика в современных исследованиях рассматривается как подсистема и составная часть русского языка, следовательно, наряду с другими свойствами языковой системы ей присуща и вариативность.

В религиозной лексике допускается одновременное функционирование вариантов одной и той же языковой единицы. Можно выделить несколько типов вариативности:

- акцентологическая: *'ирмос* и *ирм'ос*, *тр'апезная* и *трап'езная*, *хирот'ония* и *хиротон'ия*;
- орфоэпическая: *кощ'унственность* [н и нн], *свящ'енник* [нн и н];
- фонематическая *Псалт'ырь* и *Псалт'ирь*, *дь'якон* и *ди'якон*, *эклесиолог'ия* и *эклесиол'огия*;
- морфологическая (словоизменительная, формообразовательная): *бого-вдохнов'ен* и *боговдохнов'енен*, *притч* и *пр'итчей*, *д'ольний* и *д'ольный*, *Ц'арство Неб'есное* и *Царствие Неб'есное*;
- словообразовательная: *апокалипт'ический* и *апокалипс'ический* (от *Апок'алипсис*).

При наиболее распространенном типе вариативности религиозной лексики в пределах нормы – фонематическом – варианты различаются фонемами близкими по физиолого-акустическим признакам. Преобладание этого типа связано с большим пластом заимствованных слов, включенных в религиозную лексику. Освоение иностранных слов происходило с упрощением произношения. Например: *ектень'я* и *ектени'я* [от греч. ekténeia], *скуфь'я* и *скуфи'я* [от ср.-греч. skuphia], *поном'арь* и *парамон'арь* [от ср.-греч. paramonários], *парам'ан* и *парам'анд* [ср.-греч. paramandýas] – в данном ряду первое слово отражает более легкий произносительный вариант, второе – приближенный к греческому слову. Иногда данный процесс приводил к появлению йота в интервокальном положении (*аллил'уйя* и *аллил'уиа*). Нестабильная вариативность в написании наблюдалась в древнерусских памятниках, к XIX в. орфография начала нормализоваться, однако некоторые варианты закрепились в словарях. Так, в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847) зафиксированы формы *ди'якон* и *дь'якон*.

В речевой практике православных одновременно присутствуют слова современного русского языка и их церковнославянские варианты: *змеи-искус'итель* и *змий-искус'итель*, *Христ'ос воскр'ес* и *Христ'ос воскр'есе*.

Между вариантами может наблюдаться дифференциация в функционально-стилевом плане. Варианты делятся на официальные (книжные), разговорные и общеупотребительные: *Псалт'ырь* и *офиц. Псалт'ирь*, *прото-дь'якон* и *офиц. протоди'якон*, *воцерк'овленный* и *разг. воцерковленный*.

Таким образом, религиозная лексика обладает разнообразной вариативностью, обусловленной коммуникативными условиями речи, свободным варьированием и особенностями речевой практики верующих.

Рассмотрим, как отображена вариативность в словаре идеографического типа на примере выпуска «Бог, религия» «Русского тематического словаря» (разрабатывается в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина). Концепция словаря, предполагающая представление разнообразной языковой информации о заголовочной единице и ориентация на обеспечение продукции речи, позволяет максимально отразить вариативность религиозной лексики.

Большинство вариантов фиксируется в зоне заголовочного слова и при необходимости сопровождаются стилистическими, нормативными соотносительными статистическими оценками:

прих'одск|ий и приходск|ой, *относ.*, IV б.

э̀кклезииол'оги|я и э̀кклесииол'оги|я [к и кк], -и, *только ед., ж., нд.*, III е.
двуп'ерстн|ый и реже двоеп'ерстн|ый, *относ.*, IV а.

архидь'якон и офиц. архиди'акон, -а, *м., од.*, I а.

Морфологические варианты представлены в зоне присловной характеристики и так же сопровождаются пометами: **м'илостын|я**, -и, *род. мн. м'илостынь и устар. м'илостыней*, ж., нд., III д; (а) **ц'ерковь**, ц'еркви, *твор. ц'ерковью, род. мн. церкв'ей, дат. церкв'ам и хуже церкв'ям*, ж., нд., III ж.

Последовательное лексикографическое описание религиозной лексики предоставляет читателю полную информацию по продуктивно значимым параметрам слова, а также отражает актуальную языковую картину мира.

Анастасия В. Пискарёва (МГЛУ, Москва, Россия)

ЗНАЧЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-МЕТАФОР

В современном языкознании полисемия традиционно рассматривается как результат семантического варьирования языкового знака. Случаи выражения одинаковой звуковой оболочкой различного содержания возникают под воздействием различных лингвистических и экстралингвистических факторов. Однако возможность семантического варьирования определяется в первую очередь отсутствием изоморфизма и асимметрией между планом выражения и планом содержания. Наличие такого изоморфизма долгое время считалось важной чертой любого термина, но, как показала история языкознания, термин неизбежно сохраняет в себе все потенциально возможные свойства слова естественного языка, в том числе и многозначность.

Проблема полисемии лингвистических терминологических метафор представляется актуальной, так как она затрагивает особенности концептуализации и категоризации языковых явлений в современной лингвистике.

Целью данной работы является определить наиболее частотные метафоры, послужившие основой многозначных лингвистических терминов в русском и английском языке.

Источником терминологических метафор был выбран Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике, вышедший под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского в 2002 г. и содержащий около 8000 терминов. Список метафор получен методом сплошной выборки.

Самой распространенной метафорой, образующей полисемантические термины, оказалась метафора «связный (связанный)». В Словаре она встречается 21 раз и входит в состав таких терминов, как, например, *связанная речь – connected speech*, *связанная морфема – bound morpheme*, *связка – corolla*, *связан-*

ный алломорф – *bound allomorph*, связность текста – *text coherence*. Особенностью является то, что в этом случае значениям полисемантического русского термина соответствуют в английском языке несколько слов.

Метафора «свободный», частично являющаяся противопоставлением к слову «связанный», встречается 13 раз и участвует в образовании таких терминов, как *свободная морфема – free morpheme*, *свободная форма – free form*, *свободное варьирование – free variation*, *свободный порядок слов – free word order*. Метафора «свободный» имеет только одно соответствие в английском языке – «free».

Пара метафор «внутренний – внешний» также относятся к частотным и встречаются 15 и 6 раз соответственно. Например, *внутренний монолог – inner monologue*, *внутренняя структура – internal structure*, *внутренняя флексия – internal in flexion*, *внутренняя форма – inner*; *внешний язык – externalized language*, *внешняя адекватность – external adequacy*, *внешняя лингвистика external linguistics*. Термины, содержащие эту метафору, как в русском языке, так и в английском являются полисемантическими.

Также достаточно часто (14 раз) встречается метафора «ядро» и производное слово «ядерный». Отметим, что в английском языке у нее есть несколько метафорических соответствий. Примеры: *ядерное правило – core rule*, *ядерное предложение – basic sentence (kernel clause, nuclear sentence)*, *ядро слога – centre*.

Метафора «сила» (и образованное от нее прилагательное «сильный»), будучи использованной в качестве термина, также является многозначной и встречается в выбранном для исследования словаре 12 раз. Примеры: *сила тона – intensity of tone*, *сила удара – degree of stress*, *сильная форма – strong form*, *сильное склонение – strong declension*, *сильный акцент – broad accent*. На этих примерах видно, что в английском языке метафора «сильный» передается разными словами, соответственно в английском языке этот термин не является полисемантическим. Кроме того, есть случаи неметафорических соответствий в английском языке, например: *сильный приступ – glottal stop, rough glide*; *сильный приступ гласных – stopped vowel beginning*.

Метафора «восходить» и производное «восходящий» встречается в Словаре 8 раз, так же как антонимичная ей метафора «нисходить», «нисходящий». В английском языке наблюдается несколько единиц, обозначающие те же понятия. Примеры: *восходить – ascend*, *восходящая обработка данных bottom-up processing*, *восходящий акцент – acute accent*, *восходящий дифтонг – increasing diphthong (rising diphthong)*; *низкий тон – undertone*, *нисходяще-восходящее ударение falling-rising accent*, *нисходящий descending*.

Другие метафоры, присутствующие в данном лингвистическом словаре встречаются реже.

На основе представленного материала можно сделать некоторые выводы, которые, однако, являются верными только по отношению к проанализированному словарю. Так, наиболее частотными оказались метафоры «связный», «свободный», «внутренний – внешний», «ядро / ядерный», «сила / сильный», «восходящий». При этом полисемантические термины как в рус-

ском, так и в английском языке образуют метафоры «свободный» и «внутренний – внешний», в случае других перечисленных метафор наблюдается тенденция соответствия одной русской полисемантической единице нескольких английских.

Таким образом, изучение вариативности лингвистических терминов-метафор позволяет обнаружить различия в концептуализации и категоризации языковой природы в терминах разных языков.

Анна В. Пискарёва (МГЛУ, Москва, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ ИДИОМ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ (на материале текстов СМИ)

В центре внимания данного исследования находится сопоставление способов преобразования фразеологизмов в русско- и немецкоязычных текстах СМИ. На примере русской идиомы *брать под свое крыло кого-л.* и немецкой идиомы *jmdn. unter seine Fittiche nehmen* 'кого-л. брать под свое крыло' рассматриваются особенности встраивания фразеологических единиц в контекст. В ходе исследования анализируются фрагменты публицистических текстов с 2000 по 2018 гг., отобранные из газетных подкорпусов Национального корпуса русского языка и Электронного словаря немецкого языка (DWDS). Всего было проанализировано 432 фрагмента, в которых употреблена немецкая идиома, и 815 фрагментов, содержащих русскую идиому.

В процессе включения в контекст большинство русских и немецких фразеологических единиц претерпевает определенные изменения. Многообразие контекстных употреблений одной и той же ФЕ образует ее варианты. Все варианты с определенной долей условности можно поделить на три группы: системные, узуальные и окказиональные варианты.

Системные варианты предполагают такие изменения, которые затрагивают только структуру фразеологической единицы, но не затрагивают ее семантику. Примером образования таких вариантов является изменение лица, числа, времени глагольного компонента идиом. Ср., например, нем.: *Sie **nahmen** den 15-Jährigen unter ihre Fittiche* 'они взяли пятнадцатилетнего под свое крыло'; *Er **nimmt** die Mädchen unter seine Fittiche* 'он берет девочку под свое крыло' или рус.: *если он кого-то **брал** под свое крыло, то это было на всю жизнь*; ***Беру** вас под свое крыло*.

Узуальные варианты возникают в ходе изменений в структуре, которые лишь незначительно затрагивают семантику фразеологизма. В результате такого преобразования не происходит значительного отклонения от нормы.

Окказиональные варианты характеризуются значительными изменениями в семантике фразеологической единицы, которые могут сопровождаться также изменениями в структуре.

Образование вариантов можно осуществлять при помощи морфологических, лексических или синтаксических модификаций. Выделяется целый

ряд способов преобразования: лексическая замена, расширение или сокращение компонентного состава, контаминация, дистантное расположение, замена утверждения отрицанием и наоборот, и др.

В исследовании сопоставляются способы преобразования, которым могут подвергаться идиомы *bratъ pod svoe krylo kogo-l.* и *jmdn. unter seine Fittiche nehmen*, отмечаются особенности в образовании вариантов.

Расширение представлено введением в состав русской и немецкой идиом определения. Например, нем.: *unter seine musikalischen Fittiche nehmen* ‘взять под свое музыкальное крыло’; *unter die eigenen Fittiche holen* ‘взять под собственное крыло’; *unter den weit ausgebreiteten Fittichen der deutschen Klassiker Obdach finden* ‘найти приют под далеко распростертыми крыльями немецких классиков’; *unter den stählernen Fittichen des Staates Unterschlupf suchen* ‘искать убежища под стальным крылом государства’. Ср. рус.: *под родительским / настырским / городским крылом; под продюсерское / банковское / американское / российское крыло.*

Сокращение компонентного состава наблюдается как у русской, так и у немецкой идиомы. Например, нем.: *In Regensburg, wo sonst, wenn nicht unter den Fittichen des bayerischen Innenministers Beckstein,...* ‘В Регенсбурге, где еще, если не под крылом баварского министра внутренних дел Бекштайна...’; *Der Bankräuber Henry kommt ins Pflegeheim, unter die Fittiche von Schwester Carol, ...* ‘Грабитель банков Генри идет в дом инвалидов, под крыло к сестре Кэрол...’. Ср. рус.: *Но лишь 42 из них принадлежат областному обществу охотников и рыболовов. Остальные – под крылом частников.* Часто в сокращенном виде русская идиома используется в заголовках и подзаголовках статей. Например, *Под крыло фирмы; Под крылом у маэстро; Под крылом.*

Лексическая замена представлена варьированием глагольного компонента. Нем.: *unter deren Fittiche kommen* ‘прийти под их крыло’; *unter seinen Fittichen haben* ‘иметь под своим крылом’; *unter die Fittiche holen* ‘взять под крыло’; *unter seine Fittiche bringen* ‘взять под свое крыло’; *unter den Fittichen von den “Gründervätern” von Sony landen* ‘приземлиться под крылом отцов-основателей Sony’. Ср. рус.: *находиться / держать / быть под (своим) крылом; попасть / уйти / собратъ / проситься под (свое) крыло.*

Приведенные выше способы преобразования являются наиболее частотными в рамках проанализированной выборки. В исследовании рассматриваются также другие способы преобразования фразеологических единиц, в том числе метафоризация, двойная актуализация, дистантное расположение.

Проведенное исследование позволяет отметить высокую частотность употребления анализируемых идиом русского и немецкого языков в публицистическом дискурсе. Наличие разнообразных способов преобразования дает авторам возможность создать такой вариант фразеологической единицы, который будет лучше всего соответствовать целям автора и потребностям контекста.

В результате сопоставления контекстов употребления русской идиомы *bratъ pod svoe krylo kogo-l.* и немецкой идиомы *jmdn. unter seine Fittiche nehmen* ‘кого-л. брать под свое крыло’ установлено сходство способов преобразования, которые используются авторами для создания вариантов.

О. Б. Полянчук (ВГУ, Воронеж, Россия)

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ (на материале французского языка)

Проблема семантической вариативности производных слов рассматривается в аспекте развития ими полисемии. Однако данная проблема приобретает специфическую трактовку в связи со специфическим статусом производного слова, которое рассматривается как комплексный знак, т. е. языковая единица, составленная из других единиц. Поскольку отношения между составляющими такой комплексной единицы отличаются целым рядом особенностей, сам процесс развития лексико-семантических вариантов на базе комплексного знака неразрывно связан с многочисленными аспектами языка, которые раскрываются не в полной мере, если речь идет о полисемии непроизводного слова. В частности, с особой остротой встает вопрос о разграничении словообразовательного и морфемного анализа как явлений синхронии и диахронии, о степени идиоматичности комплексного знака, степени его членимости по словообразовательной модели и, следовательно, вопрос, связанный с определением того уровня вариативности производного слова, когда можно говорить о переходе исследования со словообразовательного уровня на лексический. Другими словами, речь идет о переходе с уровня словообразовательно-семантической вариативности на уровень чисто семантической вариативности. Необходимо отметить, что грань между указанными уровнями отличается прозрачностью и потому требует разработки в достаточной мере эксплицитных критериев разграничения двух типов вариативности. Мы считаем, что определенный уровень идиоматичности комплексного знака не является достаточным основанием для его исключения из словообразовательного анализа, поскольку в ряде ЛСВ, производных от такого типа комплексного знака, сохраняется «след» словообразовательного значения, что связано с определенным типом соотношения словообразовательных и семантических параметров каждого из исследуемых ЛСВ. Нами разработаны критерии, позволяющие квалифицировать вариативность, связанную с полисемией на базе производного слова, как словообразовательно-семантическую, либо как семантическую. Эти критерии сводятся к системным типам соотношения таких параметров, как словообразовательная мотивация, словообразовательная членимость, идиоматичность, словообразовательное и лексическое значение (СЗ и ЛЗ).

Исследование показало, что можно констатировать наличие словообразовательно-семантической вариативности двух типов.

1. В первом случае все словообразовательно-семантические характеристики значений многозначных комплексных знаков отвечают признакам их парадигматически и семантически сильной позиции и сводятся к следующему: полная мотивированность, четкая членимость, слабая идиоматичность, полностью эксплицитное СЗ, высокий уровень кореферентности словообразовательных формантов. Различие между СЗ и ЛЗ на уровне

исходных ЛСВ исследуемых комплексных знаков является типичным: оно заключается в обобщенности первого и индивидуальности второго. Из этого следует, что степень эксплицитности СЗ и ЛЗ в значениях данных комплексных знаков одинакова. Для ЛСВ этого типа характерна регулярность семантики словообразовательного форманта. Значение аффикса в производных ЛСВ не отличается от его значений в исходных ЛСВ. Что касается соотношения СЗ и ЛЗ, то оно сбалансировано качественно и асимметрично количественно (одно общее СЗ и несколько ЛЗ). Например, значения глагола *décaisser* «retirer qqch d'une caisse» – 'взять что-либо из ящика' (1) и «tirer d'une caisse une somme d'argent» – 'взять какую-то сумму из кассы' демонстрируют данный тип вариативности.

2. Во втором случае в производной семеме присутствует частичная словообразовательная мотивация, идиоматичность также оказывается частичной, членимость – условной первой степени, СЗ представлено в измененном виде. Например, прилагательное *inattaquable*, построенное по модели *(in+adj1)adj2*, означает: 1. «Qu'on ne peut attaquer avec quelque succès» – 'того, кого нельзя успешно атаковать'. 2. «Qui ne peut pas être mis en cause» – 'то, что не может быть подвержено сомнению'. (СЗ1 «обратное тому, что указано производящей основой», СЗ2 – «обратное тому, что похоже на указанное производящей основой»). Что касается семантики словообразовательного форманта, то она остается неизменной. ЛСВ2 является результатом семантической деривации и имеет метафорическую мотивированность. Степень эксплицитности СЗ2 несколько понижается, что приводит к обогащению ЛЗ в производной семеме. Такое явление мы квалифицируем как качественную асимметрию ЛЗ и СЗ. Порог эксплицитности смещается в сторону ЛЗ.

Вариативность становится чисто семантической в случае, если исследование переходит со словообразовательного уровня на лексический, что характеризуется следующим: СЗ неэксплицитно, словообразовательная мотивация затемнена, а идиоматичность является значительной, словообразовательная членимость квалифицируется как условная членимость второй степени (на грани нечленимости). Доля семантики, вносимой формантом, представлена только как компонент лексического значения, что свидетельствует о смещении соотношения СЗ / ЛЗ в сторону лексического значения: словообразовательное значение имплицитно, а лексическое значение, напротив, обогащается новыми семантическими компонентами, т. е. наблюдает высокая степень их качественной асимметрии. Например, существительное *lampiste*, построенное по модели *(N+iste)N*, означает: 1. «Personne, chargée de l'entretien des lampes, de l'éclairage» – 'человек, занимающийся содержанием ламп, освещением'; 2. «Subalterne au poste le plus modeste» – 'мелкая сошка'.

Таким образом, уровень и характер вариативности многозначных комплексных знаков определяется стандартным набором типичных соотношений их словообразовательных и семантических параметров, что говорит о наличии языковых моделей, позволяющих разграничить уровни вариативности полисемичных производных слов.

МЕЖВАРИАНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ КОФЕ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из актуальных направлений современной лингвистики выступает изучение вопросов межкультурного общения, причем наибольший интерес в данном контексте представляют культуурообусловленные значения ряда лексико-семантических групп, которые становятся источником коммуникативных трудностей и неудач. Для полинациональных языков, к которым относится испанский, рассмотрение подобных вопросов эффективно осуществляется в рамках межвариантной диалектологии (термин акад. Н. Ф. Михеевой), поскольку в каждом национальном варианте одного языка находят отражение особенности исторического развития, природно-географических условий, быта, предпочтений и ценностей народа-носителя того или иного варианта.

Фундаментальной областью культуры, формирующей наше представление о мире, является пища, поскольку специфика питания оказывает существенное воздействие на физиологию и психологию человека. Несмотря на универсальность биологической основы алиментарного кода, его становление как социокультурного феномена контролируется обществом. Например, носители североамериканской и многих западноевропейских культур воспринимают перерыв на кофе как краткосрочную паузу, тогда как для испаноязычных культур, напротив, выпить чашечку кофе означает качественно провести время с друзьями или родными, в непринужденной беседе обсудить текущие вопросы. В то же время во многих национальных вариантах испанского языка существует целый пласт культурно-специфичной «кофейной» лексики, отражающей особенности традиций питания и пищевых привычек той или иной страны.

Так, кофе занимает центральное место в алиментарном коде Колумбии, особенно – в регионе т.н. «Кофейной оси» (департаменты Киндио, Рисаральда и Кальдас): здесь находится известный на всю страну Парк кофе, а кофейные ландшафты департамента Киндио в 2011 г. были признаны объектом всемирного наследия ЮНЕСКО. В Колумбии крепкий черный кофе в маленьких чашечках называется *tinto*. Горячий, ароматный кофе без сахара помогает начать разговор или действие, поэтому такие клише, как ¿*Tomemos un tinto?* («Выпьем чашечку кофе?») или ¿*Tinto o qué?* («Ну что, кофе?») решают коммуникативную задачу приглашения к неспешной и приятной беседе.

Лексема *tinto* представляет несомненный интерес с точки зрения теории коммуникативных трудностей, поскольку в пиренейском национальном варианте испанского языка, в отличие от колумбийского, она имеет значение «красное вино». Таким образом, на одну и ту же просьбу в Колумбии и в Испании (*un tinto, por favor*) вы получите совершенно разные напитки, а вышеупомянутые клишированные конструкции в двух странах уместно будет использовать в разное время суток. При этом в Испании черный кофе называют *café sólo* (букв. «только кофе»), в Аргентине – *negro* («черный»), в Венесуэле – *negrito* («черненький»), а в Чили, Мексике и Уругвае – просто *café*, тогда как в колумбийском национальном варианте испанского языка последняя лексема имеет значение «кофе с молоком».

Незнание культурных особенностей подобной лексики может также привести к комичным или неприятным ситуациям. Например, при заказе кофе с молоком в Никарагуа и Венесуэле используется слово *marrón* (букв. ‘коричневый’), которое в Аргентине имеет табуированное значение (груб. ‘зад’). Сочетание *café aguado* (‘кофе, разбавленный водой’, аналог «американо»), нейтральное для Испании, считается пейоративным в латиноамериканских странах и означает кофе плохого качества (‘безвкусный’, ‘водянистый’). В связи с этим данное понятие актуализируется в разных странах с помощью других лексем: (*café*) *liviano* (букв. ‘легкий’) – в Аргентине, Уругвае и Чили; *simple* (букв. ‘простой’) – в Чили; *largo* (‘долгий, длинный’) – в Уругвае, Аргентине и Мексике; *ligero* (букв. ‘легкий’) – в Мексике; *guaúoyo*, *café aguarapado* или *guarapo* (букв. ‘стриженная вода’) – в Венесуэле. В данном контексте необходимо также иметь в виду, что на Кубе последняя лексема используется для обозначения сока или вина из сахарного тростника.

Таким образом, даже на примере одной лексико-семантической группы возможно выделение и изучение универсального и специфического в алиментарном коде разных испаноязычных стран. Приведенные примеры составляют лишь малую часть лексики со значением кофе, частотно используемой в различных регистрах испанского языка и его национальных вариантов и выступающей источником трудностей в межкультурной коммуникации. Более детальное исследование культурообусловленной лексики питания, которая является неотъемлемой частью повседневного общения, может стать полезным компонентом обучения испанскому языку.

Т. Г. Попова, Я. И. Сухарева (РУТ (МИИТ), Москва, Россия)

ГЕНДЕРНЫЕ ВАРИАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕЧИ

Различия между мужской и женской речью лежат в разных областях языка: в фонетике, фонологии и в лексике. Именно различиям в мужском и женском словарном составе посвящено наибольшее количество лингвистических исследований.

По своему объему «женский» словарь относительно меньше, женщина пользуется как бы ядром словаря (устоявшимся слоем лексики), т. е. лексическими единицами с более высокой частотой встречаемости в речи, в то время как мужчина употребляет больше неологизмов, профессионализмов и архаичных форм слов. Женщины гораздо чаще, чем мужчины, выступают инициаторами диалогического взаимодействия. Именно им принадлежат первые реплики. Как правило, женщины начинают языковое взаимодействие с этикетных высказываний вводного характера, целью которых является не прямое объявление интенций говорящего, а налаживание эмоционального контакта с собеседником.

В подавляющем большинстве случаев первая реплика, произнесенная женщиной, содержит в себе вопрос. Вопросительная интонация на уровне рефлекс побуждает мужчину дать ответ и тем самым автоматически выводит его из состояния внутреннего диалога. Вступая в диалогическое взаимодей-

стве, женщина немедленно сигнализирует о необходимости обрести ориентиры в сложившейся ситуации. В процессе поиска точки опоры она целиком полагается на собеседника. Подобное начало обычно имеет благоприятный исход.

Причиной несовпадения семантических полей инициальности является принципиальное различие в изначальных глубинных и редко осознаваемых интенциях вступающих в контакт мужчин и женщин: «Для женщин речь служит средством, позволяющим завести друзей и поддерживать взаимоотношения. Для мужчины «разговаривать» означает «передавать факты». Язык может рассматриваться как одно из проявлений целенаправленного поведения. Высказывания являются продуктом действий (речевых актов), которые выполняются для того, чтобы оказать определенное воздействие на слушающего. Речевой акт, подобно любым другим действиям, может быть объектом наблюдения слушающего, и на основании его слушающий может сделать вывод о планах говорящего.

Адекватное взаимопонимание коммуникантов обеспечивается тем, что в акте речи реализуется имеющийся в языке ряд закономерных соотношений между интенциями (иллокуциями) и способами их выражения. Соответствие иллокуций и определенных типов синтаксических структур имеет конвенциональный характер и осознается всеми носителями языка и культуры, к которой принадлежит данный язык.

Женщины в силу развитости собственной речи не признают элементарных языковых решений и предпочитают искать скрытый подтекст сказанного, даже если он отсутствует. При каждом новом акте диалогического взаимодействия инициатор-женщина настойчиво преследует двойную цель: создать предпосылки для достижения конкретного практического результата и наладить механизм эмоционального обмена. Двусторонний характер направленности на общение затрудняет процесс постановки адекватно сформулированной задачи перед партнером. Инициальные женские реплики обычно представляют собой интегрированный речевой акт. Неточное определение цели предстоящего общения в сочетании с активной внешней позицией может иметь результатом неверное истолкование имеющихся ожиданий говорящего или уклонение партнера от вступления в диалогическое взаимодействие.

Кооперативное общение возможно только тогда, когда адресант и адресат пользуются одним и тем же кодом, когда между ними возникает общее знаковое контактное пространство. С первых реплик диалога женщины сигнализируют партнеру о готовности встать на его место и оценить ситуацию с его позиций (но это далеко не всегда означает отказ от своей точки зрения). Формальным признаком процесса идентификации себя с собеседником является местоимение *we*, которое женщины, гораздо чаще мужчин, включают в свои инициальные реплики.

Для мужчин само общение является не целью, а средством решения возникающих проблем. В самом начале диалога мужчины вводят приемлемую для них схему субординации. В лингвистическом плане позиция единственного субъекта деятельности в сложившейся ситуации определяется

через подлежащее, выраженное местоимением *I*. Подлежащее *I* чаще всего открывает инициальные реплики мужчин (по нашим наблюдениям, в женских инициальных репликах это местоимение фигурирует приблизительно в два раза реже). Такой выбор вполне соответствует господствующей точке зрения, согласно которой «мужчина не должен быть слабым и зависимым». Лингвистические наблюдения совпадают с гипотезой психологов о том, что концепт «ego» женщины имеет менее жесткие и детерминированные границы.

Роль зачина диалога, таким образом, сводится к настройке механизма межличностного взаимодействия. Участие мужчины в оформлении зачина ограничивается четкой формулировкой цели дальнейшего общения. Реализация этой коммуникативной роли обеспечивается нерасчлененным характером зачина и ядра, активным использованием местоимения *I*, строгим соответствием между изначальной интенцией и средствами вербального оформления.

«Женский» стереотип вступления в диалог предполагает определенные усилия по созданию благоприятного психологического климата. Достижение желаемого эффекта происходит тематическим вычлениением зачина из общей логико-смысловой структуры диалога, варьированием речевых клише, подражанием речи собеседника. Мужской стиль общения свидетельствует о стремлении к социальному доминированию и независимости, женский – к сотрудничеству.

Для начала диалогического взаимодействия между мужчиной и женщиной свойственны несовпадение целей вступления в контакт, контрасты характеристик речевого поведения и, как следствие, недостаточное понимание смысловых позиций друг друга. Наличие всех этих признаков в их совокупности дает возможность охарактеризовать первое звено речевой коммуникации как начальный этап межличностного конфликта.

Таким образом, гендерный подход представляет собой дальнейшее развитие антропоориентированного изучения гендерной вариативности языка и позволяет точнее учитывать человеческий фактор в языке.

Как продукт социальных отношений и культурной традиции гендер не является лингвистической категорией, однако, язык и речь могут быть проанализированы с точки зрения отражения в них гендерных отношений, путем выявления в них гендерных стереотипов, зафиксированных в сознании носителей языка.

Л. В. Порохницкая (МГЛУ, Москва, Россия)

РАКУРСЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВАРИАТИВНОСТИ В ЭВФЕМИИ

Вариативность может по праву считаться одной из основополагающих категорий в контексте изучения различных аспектов эвфемии и эвфемизации.

Исследование значительного массива лексических и фразеологических единиц, обладающих эвфемистическим потенциалом, в английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках продемонстрировало,

что изучение категории вариативности в эвфемии возможно на двух уровнях, которые можно условно обозначить как внешний семантический и глубинный семантический.

В первом случае речь идет о необходимости учитывать семантическое варьирование как содержательной стороны эвфемизма (денотативного аспекта значения), так и его прагматического и коннотативного компонентов. Семантика эвфемизма характеризуется высокой степенью вариативности всех ее аспектов. Вариативность – важнейшая особенность семантики эвфемизма, которая будучи «неплотно прикрепленной» к обозначаемому, исторически и контекстуально изменчива.

На глубинном уровне в центре внимания исследователя оказываются концептуальные (метафорические и метонимические) модели формирования семантики эвфемистических единиц. Есть основания полагать, что принципы актуализации некоторого репертуара метафорических и метонимических концептов в структуре эвфемистического значения обнаруживают определенные закономерности как в рамках одной лингвокультуры, так и при сопоставительном изучении. Отдельные элементы иерархически организованной системы метафорических и метонимических концептов могут иметь более высокую степень константности при эвфемистическом номинировании определенных явлений действительности, в то время как другие характеризуются существенной вариативностью.

А. И. Приходько (ЗНУ, Запорожье, Украина)

ОЦЕНОЧНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ

Модальность является предметом изучения различных наук – философии, логики, языкознания. Понятие «модальность» восходит к формальной классической логике. Модальность (лат. *modus* – ‘мера, способ’) – это явно или неявно выраженная в суждении дополнительная информация о характере зависимости между реальными явлениями, о логическом статусе суждения, об оценочных, регулятивных, временных и других его характеристиках. Модальными можно считать все суждения, выражающие живые законы науки.

Основоположником теории модальности по праву считается В. В. Виноградов. В. В. Виноградов считал модальность субъективно-объективной категорией и называл ее неотъемлемой частью предложения, его конструктивным признаком.

В западноевропейской лингвистике наибольшее распространение получила концепция модальности Ш. Балли. По его мнению, в любом высказывании выявляются два блока составляющих – диктум и модус. Диктум – предметно-логическое содержание высказывания – соотносится с описанием некоторой ситуации, модус отражает отношение описанной ситуации к действительности, а также выражает интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума. Модальность трактуется Ш. Балли как синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы.

Сторонники другого направления придерживаются дифференциации категории модальности на объективную, выражающую отношение к действительности, и субъективную, в которой реализуется отношение говорящего к сообщаемому. Такое понимание модальности представлено в работах В. Н. Бондаренко, Г. А. Золотовой, В. З. Панфилова, Л. М. Наера.

Нам близка точка зрения тех ученых, которые считают, что концепция модальности связана с оценочным фактором высказывания, следовательно, разговор о субъективной модальности невозможен без постановки вопроса о различных способах выражения оценочного в предложении.

Содержание межличностных (интерсубъективных) видов модальности соответствует их терминологическим обозначениям: деонтическая – предписывающая, эпистемическая – описывающая и аксиологическая – оценивающая модальности. Аксиологические модальности текстов имеют основные значения поощрения (положительная оценка) и порицания (отрицательная оценка).

Модальный компонент, связанный с оценкой, опосредует взаимоотношение прагматической и семантической структур высказывания. Модальный компонент, занимая промежуточное положение между семантической и прагматической структурами высказывания, больше тяготеет к последней. Эта локализация модальности подчеркивается и в определении, в котором модальность рассматривается как диалектическая динамическая субстанция, гносеологически выкристаллизовавшаяся из модальной логики, но ушедшая от ее формальных дефиниций, определив свой особый статус в прагматике языка как парадигма состава линейных отношений.

Во многих случаях оценка входит как один из компонентов в конструкции, в основе которых лежат другие модальности. Положительная и отрицательная оценки связаны с разными модальностями (надежда и угроза, предостережение и совет). Оценка присутствует как семантический элемент в различных модальностях, так, совет предполагает знак «+» для адресата, угроза – знак «-» и т. п.

Оценочная модальность не противопоставлена другим модальностям, а совмещается с ними, но при этом возникают определенные ограничения на сочетаемость и модификации оценочных структур.

На наш взгляд, весьма перспективным является изучение дискурсной модификации оценочной модальности, что позволит более подробно исследовать различные способы выражения последней.

С. А. Приходько (Новозыбковский краеведческий музей, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА КАК СРЕДСТВА В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. И. ЛЕНИНА (к 110-летию выхода в свет книги «Материализм и эмпириокритицизм»)

Синонимический ряд в качестве лексического средства в полемическом дискурсе В. И. Ленина также рассматривался ранее [2]. В его главной книге «Материализм и эмпириокритицизм» повтор носит аргументативный ха-

ракти [3, с. 6] и выполняет ряд функций, подтверждая следующее положение: функция повтора и та дополнительная информация, которую он несет, могут быть весьма разнообразными.

1. Функция **опровержения** утверждения оппонента А. А. Богданова: *На самом деле то, что Богданову показалось истиной, есть путаница, шатание между материализмом и идеализмом* [1, с. 74].

2. Функция **напоминания** читателю: *Мы видели, что исходный пункт и основная посылка философии эмпириокритицизма есть субъективный идеализм* [1, с. 102].

3. Функция **риторического вопроса** по отношению к концепции противника Э. Маха: *Что это значит? Это значит, что Мах забывает свою собственную теорию и, начиная говорить о различных вопросах физики, рассуждает попросту, без идеалистических выкрутас, т.е. материалистически* [1, с. 72]. В ответе на свой же вопрос В. И. Ленин обвинил политического конкурента в забывчивости и указал, что он признал доводы материалистов, фактически подчеркнув свою правоту.

4. Функция **объяснения**: *Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей* [1, с. 250].

5. Функция **обвинения** А. А. Богданова: *Источник тысяч и тысяч ошибок и путаницы в этой области состоит именно в том, что за внешностью терминов, дефиниций, схоластических вывертов, словесных ухищрений просматривают эти две основные тенденции* [1, с. 361].

6. Функция **подведения итога**: *Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, почти полу столетия, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно, – показывали, как надо проводить тот же материализм в области общественных наук, беспощадно отменяя, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки “открыть” “новую” линию в философии, изобрести “новое” направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские “измы”, засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений, – вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности* [1, с. 361]. Нагнетание синонимических рядов позволяет сосредоточить внимание читателя на основных авторских определениях и закрепить их в его памяти, дискредитировать намного менее частотные идеи оппонентов, растворяющиеся в потоке обвинений. Каждый синоним из мыслительного образа В. И. Ленин превратил в дополнительный аргумент.

Итак, благодаря синонимическим структурам В. И. Ленин сконструировал мифологическую референцию, привлек также механизмы генерализации и риторической модификации дискурса. Эффект генерализации особенно четко выражен в функциях обвинения и подведения итога. Тем не менее, в ленинском дискурсе синонимический ряд выполнял и другие функции.

В качестве наиболее типичного для речевого портрета В. И. Ленина стилистического средства можно выделить повторы, носящие логический характер, способствующие построению логической цепочки высказываний, отображающие причинно-следственную связь или условия протекания отдельных событий и фактов [3, с. 15].

С помощью синонимического ряда, определяемого как полифункциональное средство, В. И. Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм» сумел обвинить идеалистов в недееспособности и нечестности, растворил их тезисы в синонимических рядах, сделав каждый синоним действенным аргументом. Если анализировать полемический дискурс на глобальном уровне, тактика повтора позволяет В. И. Ленину реализовать стратегию дискредитации, признаваемую доминирующей, и стратегию восхваления. Первая стратегия направлена на группу идеалистов, вторая стратегия ориентирована на категорию материалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1989. – 508 с.
2. Приходько, С. А. Статусное обращение в полемическом дискурсе В. И. Ленина (на примере работы «Материализм и эмпириокритицизм») / С. А. Приходько // Вестник Тамб. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – № 3. – С. 199–203.
3. Цветкова, Е. Б. Речевой портрет современных немецких политиков в аспекте прагмалингвистики (на материале текстов протоколно-этикетных речей) : Автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Е. Б. Цветкова. – Архангельск : СФУ, 2018. – 18 с.

Пэй Цайся (МГЛУ, Москва, Россия)

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ АНТИЦЕННОСТИ «КОРРУПЦИЯ» В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ

Проблема коррупции актуальна во многих аспектах, поскольку она начинает становиться частью культуры и нормой общечеловеческих отношений: субъекты коррупции в погоне за личной выгодой нарушают моральные нормы и законы общества. Существенный признак коррупции – незаконное обогащение должностных лиц с использованием своих полномочий, поэтому коррупция практически во всех странах мира рассматривается как вид преступности, что закрепляется в законах; при этом коррупция изучается как массовое социальное явление и одна из форм девиантного поведения.

Китай и Россия переживают период экономической и социальной трансформации, и проблема коррупции становится особенно актуальной. Однако в силу неодинаковости культур антиценность «коррупция» проявляется и функционирует в культурах двух стран по-разному. Дж. Лакофф и М. Джонсон полагают, что наиболее фундаментальные ценности согласо-

ваны с метафорической структурой основных понятий данной культуры. Наша задача – сравнить метафорические модели коррупции в русском и китайском языках.

Во-первых, коррупция в обеих культурах рассматривается как однозначно негативное явление, опасное для общества. Например, А. Н. Баранов выделяет такие метафоры коррупции в русском языке: «бактерия», «бацилла», «вирус», «гниение», «заражение», «метастазы», «опухоль», «паразит», «порча», «протухание», «разложение», «рак», «рост бактерий», «язва» и др., которые по общему инвариантному семантическому признаку сведены в метафорическую модель «БОЛЕЗНЬ». Однако в России пока нет единого, четкого осознания явления коррупции как антиценности. В Китае тоже распространена метафора коррупция «БОЛЕЗНЬ», которая предполагает борьбу с ней как процесс лечения сложного недуга. Наиболее частотные метафоры коррупции у китайцев – «змея», «чернила», «нож», «игла», «порох», «бомба», «иго», «лед». Во-вторых, в Китае больше публицистических текстов и социальных реклам посвящено борьбе с коррупцией, и, как следствие, лозунги антикоррупционной деятельности оказывают более активное и глубокое воздействие на сознание людей темы. При этом в публицистике Китая отмечаются более развернутые и детальные метафоры – метафорические комплексы, чего нет в масс-медиа России и что свидетельствует о различиях в борьбе с коррупцией в сопоставляемых культурах.

Е. А. Ревуцкая (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ, ВАРИАТИВНОСТЬ И ПЕРЕВОД (на примере французского эпистемического кондиционала)

Французский кондиционал выражает неуверенность субъекта в достоверности сообщаемого. Это базовое значение, позволяющее данной форме обслуживать сферу вероятностной оценки, дает ей также возможность передавать ряд контекстуальных значений (предположения, ошибочного суждения, сведений «с чужих слов» или воображаемых фактов).

В силу такого разнообразия смысловых оттенков актуальным направлением в изучении французского эпистемического кондиционала выступает переводческий аспект. Так, рекуррентными решениями при переводе данной формы на русский язык являются утверждение («нулевой перевод») или эпистемическая оценка, выраженная модальным глаголом или модальным наречием: французский эпистемический кондиционал не содержит семы обусловленности и практически исключает возможность использования форм русского условного наклонения в качестве переводческих соответствий.

В этом позволяет убедиться сопоставительный анализ романа «Мертвый Брюгге» (1892) Жоржа Роденбаха и его русского перевода (Роденбах Ж. Выше жизни: Романы / пер. с франц. М. Веселовской. – М.: Водолей, 2018). Сопоставление употреблений французского эпистемического кондиционала и переводческих решений позволило выявить преобладание «нулевого

перевода» как тенденцию, характерную для русскоязычной версии этого короткого «атмосферного» текста, сочетающего элементы детективного и фантастического жанров:

(1) *À l'épouse morte devait correspondre une ville morte. Son grand deuil exigeait un tel décor. La vie ne lui serait supportable qu'ici. Il y était venu d'instinct* [G.R.] ‘Мертвой супруге должен был отныне соответствовать мертвый город. Его великий траур требовал подобной обстановки. Он **мог переносить** жизнь только здесь. Он инстинктивно понял это идеи’ [Ж.Р.]

В русском переводе (1) эпистемическая оценка отсутствует: переводное высказывание представляет собой утверждение. Переводчица стремилась представить важнейшую мысль главного героя как не подлежащую сомнению (‘он мог переносить жизнь только здесь’ ≠ ‘он смог бы переносить жизнь только здесь’).

(2) *Le visage identique, le visage de l'épouse elle-même dans l'évidence de la rampe et souligné de maquillages... Ah! sa voix? serait-ce aussi la même voix, pour continuer la diabolique ressemblance* [G.R.] ‘Сходное лицо, черты его супруги при свете ramпы и покрытые гримом! Ах! ее голос? **Будет** ли у нее, чтобы довершить сходство, тот же голос’ [Ж.Р.]

В русском переводе (2) эпистемическая оценка также отсутствует: вопрос (‘будет ли у нее тот же голос?’ ≠ ‘каков будет ее голос?’) выступает основой для дальнейшего развития мысли героя: он ожидает, что женщина, походившая на его умершую супругу чертами, непременно будет иметь и тот же тембр.

(3) *C'est pour cela qu'il avait choisi Bruges, Bruges d'où la mer s'était retirée, comme un grand bonheur aussi. C'avait été déjà un phénomène de ressemblance, et parce que sa pensée serait à l'unisson avec la plus grande des Villes Grises* [G.R.] ‘Вот почему он избрал Брюгге, Брюгге, который покинуло море, точно сильное счастье. Это было даже что-то феноменальное в области сходства, так как его мысль **совпадала** с грустью самого великого из Серых Городов’ [Ж.Р.]

«Нулевой перевод» эпистемического кондиционала в (3) служит для усиления прагматического эффекта от аналогии – основы роденбаховской «поэтики соответствий» (‘его мысль совпадала с грустью самого великого из Серых Городов’ ≠ ‘его мысль, казалось, совпадала с грустью самого великого из Серых Городов’).

Наконец, «нулевой перевод» оказывается также наиболее приемлемым переводческим решением для сложной формы эпистемического кондиционала (*aurait* + р.р.) – при описании ситуации, имевшей место в прошлом и утратившей связь с настоящим. Переводчица стремится сохранить временное пространство рассказа и хронологию: последующие события не могут быть представлены как достоверные, если им предшествовали события, в достоверности которых нет полной уверенности. Эти обстоятельства были учтены при переводе следующего фрагмента:

(4) *Hugues la regarda. Il avait pâli. Est-ce qu'elle aurait deviné? Est-ce qu'elle saurait?* [G.R.] Гюг взглянул на нее. Он побледнел. Неужели она **отгадала**? Неужели она **знает**?’ [Ж.Р.]

Таким образом, формы французского эпистемического кондиционала, передаются в русском переводе изъявительным наклонением. Вместе с тем, отсутствие эпистемической оценки не исключает варьирования глагольного времени.

Е. В. Рубанова (МГУ им. А. А. Кулешова, Могилев, Беларусь)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА ЖИЗНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа посвящена экзистенциальной метафоре жизни в русском языке, исследуемой на материале Национального корпуса русского языка. Как пишет Дж. Лакофф, «Metaphor allows us to understand a relatively abstract or inherently unstructured subject matter in terms of a more concrete, or at least a more highly structured subject matter» [1], т. е. метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей. Значит, интерпретация метафорического окружения лексемы *жизнь* поможет глубже понять довольно абстрактную сущность человеческой жизни и отношение к ней в русской языковой картине мира. Рассмотрим, какие свойства профилируются когнитивной структуре 'жизнь' в русском языке.

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что жизнь наделяется физическими свойствами: она может быть *легкой* и *тяжелой*, *тихой* и *бурной*, *большой*, *длинной*, *полной*, *сочной*, может *сиять яркими красками* и быть *мрачной*, *обретать четкие контуры* и *быть покрытой туманом*, она обладает своим *темпом* и *ритмом* и т. д. Таким образом, жизни метафорически приписываются перцептивные характеристики размера, длины, объема, веса, цвета, слухового восприятия, тактильности.

При этом жизнь, наделенная предметностью, может изменять положение в пространстве: *жизнь перевернул*, *жизнь завертелась колесом*, *повернуть жизнь*, *жизнь обрела равновесие* и др., физическое состояние: *прожигать жизнь*, *жизнь кипит*, *вариться в жизни*, *жизнь дала трещину*. Например, известная носителям русского языка метафора «жизнь – река» реализуется в метафорических контекстах, приписывающих жизни свойство текучести (*жизнь течет*, *жизнь возвращается в прежнее русло*, *жизнь уносила меня как река*).

Вполне объяснимо в связи с вышесказанным и наделение жизни свойством движения: *жизнь идет свои чередом*, *жизнь прошла мимо*, *жизнь не стоит на месте*, *жизнь пролетела мимо*, *жизнь шла вкось и вкривь*, *жизнь пойдет по другой колее*, *жизнь движется вперед*. В подобных контекстах отражается не только свойство жизни продолжаться определенный период времени, но и характер движения, который метафорически указывает на качество жизни.

Последние примеры связаны с объективно присущей человеческой жизни характеристикой – протяженностью во времени. На темпоральные характеристики жизни указывают метафоры типа *начинать жизнь*, *жизнь*

продолжается, жизнь заканчивается, жизнь позади, оборвать жизнь, долгая жизнь, короткая жизнь и др. На конечность человеческой жизни указывают многие метафоры, однако в примерах из религиозного дискурса встречаются указания на *бесконечную* жизнь, что обусловлено религиозными воззрениями русских. С религиозными и философскими идеями связана метафора «жизнь – дар (божий)». Ее отражение находим в сочетаниях *дать жизнь, дать новую жизнь, вторая жизнь, пустить в другую жизнь, подарить жизнь, дать право на жизнь, вдохнуть жизнь*.

Метафора жизни также отражает антропоцентрический характер языка и мышления. Так, жизнь ассоциативно связывается с человеком и его деятельностью: *жизнь играет, жизнь ждет, жизнь стучалась, жизнь оберегает, жизнь лущует, жизнь пряталась, жизнь ниточку с ниточкой вяжет, жизнь снабдила, жизнь развела*. Ей приписываются вербальные возможности: *жизнь подтвердила, жизнь подсказала, жизнь опровергает*. В языке жизнь наделяется интеллектуальными свойствами: *жизнь учит, научила, заставляет задуматься*. Жизнь не только учит, но и управляет людьми: *жизнь диктует, жизнь крутит людьми, жизнь подтолкнула, жизнь требовала*. Ей приписываются эмоции: *суровая жизнь, жизнь любит смелых, жизнь торжествует*.

И одновременно с таким взглядом на жизнь в языковой картине мире жизнь предстает как некий бездушный паззл, образование элементов, конструктор: *жизнь сложилась, образуется, сложно устроена, состояла из, полна, складывалась*. Подобные свойства высвечиваются и в метафоре «жизнь – стройка»: *строить жизнь, восстанавливать жизнь, разрушать жизнь, сломать жизнь*.

Ассоциативно жизнь связывается с книгой (*книга жизни, жизнь – открытая книга, жизнь – роман, проза жизни*), театром (*жизнь – театр, жизнь – театр абсурда*), игрой (*вся наша жизнь – игра, жизнь – игра командная, жизнь – компьютерная игра*), то есть результатами творческой и интеллектуальной деятельности человека; с физиологическими состояниями (*жизнь – сон, жизнь – необратимый процесс*); с образами животного и растительного мира (*жизнь – зебра, жизнь – подстреленная птица, жизнь – джунгли*); гастрономией (*жизнь – сплошной мармелад, жизнь – не сахар*); с абстрактными категориями (*жизнь – миг, жизнь – чудо*) и др.

Таким образом, в русском языке для вербализации понятия жизни и ее характеристик действует довольно широкий вариатив метафор различной тематической отнесенности, который обеспечивает определенное понимание сложной абстрактной категории с помощью более очевидных и структурированных сущностей физического мира. По-видимому, вариативность восприятия действительности индивидом также отражается на выборе языковых средств отражения сущности жизни, что особенно очевидно при выборе авторских метафор жизни (*жизнь – гора, жизнь – зеркало мыслей, жизнь – крылья творчества и радости*).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff. – Mode of access : <https://terpconnect.umd.edu/~israel/lakoff-ConTheorMetaphor.pdf>. – Date of access : 10.01.2019.*

А. И. Рыко (СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ В ГОВОРАХ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Западные южнорусские говоры южной части Невельского района Псковской области и западной части Хиславичского района Смоленской области, согласно классификации 1915 г., относятся к северо-восточному говору белорусского языка (витебская и восточно-могилевская группы, соответственно). После перемещения административной границы в 1924 г. Невельский уезд, относившийся прежде к Витебской губернии, отошел к Псковской губернии, а Хиславичская волость была выделена из Мстиславского уезда и вошла в состав Смоленской области. Соответственно, при составлении новой карты диалектного членения русского языка в 1965 г. говоры на территории Невельского и Хиславичского районов были описаны как часть западной группы южнорусского наречия. Такое решение было обосновано перспективами существования диалектных черт, прежде определявшихся как белорусские, в рамках русского литературного языка. Поэтому спустя почти 100 лет возникает вопрос, каким образом происходит этот процесс: сохраняются ли в говорах нынешних сельских жителей белорусские черты? какие именно и в какой степени?

Особый интерес представляет вопрос о лингвистической самоидентификации жителей территорий, которые прежде были белорусскими. Практически все информанты как в Невельском, так и в Хиславичском районах не сомневаются в том, что они говорят по-русски, но при этом не умеют говорить «чисто» – так, как это предписывает русская литературная норма. При этом многие отмечают, что за пределами родных районов их часто принимают за белорусов, и объясняют это тем, что белорусская граница совсем рядом, поэтому в их языке «много белорусских слов». Заметим, что язык ближайших деревень по ту сторону границы (Россонского района Витебской области и Мстиславского района Могилевской) они не считают «настоящим» белорусским, утверждая, что на «настоящем» белорусском языке говорят «там дальше, ближе к Украине», т. е. имеется в виду или литературная норма, или юго-западные говоры.

Современная лингвистическая ситуация на этих территориях такова. В Невельском районе в языке старшего поколения (информанты 1920–1930-х гг. рождения) большая часть белорусских черт сохраняется, в то время как следующие поколения вообще не говорят на диалекте. В Хиславичском районе белорусские черты говора хорошо сохраняются не только в языке старшего поколения (информанты 1930-х гг. рождения), но у более молодых представителей говора (1950–1960-х гг. рождения), причем как у женщин,

так и у мужчин (у последних в меньшей степени). У старшего поколения диалектные черты здесь сохраняются лучше, чем в Невельском районе, приближаясь к абсолютной регулярности. В отличие от невелиского говора здесь нет ряда черт, характерных для северо-западных русских говоров: совпадение форм Дат. и Тв. мн. ч. сущ. и прил.; особые системы окончаний Род.-Дат.-Предл. ед. ч. *a*-основ; гораздо реже встречаются *ши*-причастия.

Устойчивыми оказываются не только те черты, которые объединяют северо-восточные белорусские говоры и большую часть южнорусских говоров (лабиализация предударных /o/ и /a/ (*пумагал*); замена [л] на [ў] в формах прошедшего времени (*быў*); «комплекс употребления губных спирантов юго-западного типа» (*кароў, траўка, унук, ўсе*); личные местоимения 3 л. с начальным [j], твердые губные на конце слов), но и те черты, которые характерны в первую очередь для белорусского языка, а для русских говоров считаются узкодиалектным явлением русско-белорусского пограничья (диссимилятивное аканье и яканье белорусского типа; окончания прил. И.-В. пад. муж. р. *-эй* и *-ы* в основе наст. вр. глаголов типа *крыць, мыць*; мягкие долгие согласные в соответствии с сочетаниями согласных с [j] (*свиння*); [o] в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *быць* согласно белорусской литературной норме (*ёсьць*); особый тип чередования *e~o* в формах глагола наст. вр. I спр. с ударением на тематическом гласном: *несеш, несеть, несём, несете*; употребление союза *як* и производных от него).

Т. Н. Савчук (БГУ, Минск, Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ ВЕРБАЛИЗАТОРОВ АРГУМЕНТАТИВНЫХ СХЕМ В ДИСКУРСЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Внутреннюю структуру аргументации образуют аргументативные схемы (АС) – когнитивные модели рассуждения, отражающие логико-прагматическую связь между тезисом и аргументами [1, с. 66].

Интегральным признаком АС в научно-гуманитарном дискурсе является их вербальная маркировка. В роли аргументативных вербализаторов выступают слова и выражения естественного языка различной лексико-грамматической природы, которые, в силу регулярности употребления, приобретают структурно-семантическую и функциональную устойчивость.

Отражением естественно-языковой природы гуманитаристики служит широкая вариативность применяемых в аргументирующем рассуждении вербальных индикаторов. Одно из проявлений вариативности – прагматическая многозначность языковых единиц с аргументативной семантикой, связанная с их возможностью выполнять несколько функций, в частности выступать в роли маркеров разнородных элементов аргументации [1, с. 138].

В дискурсе гуманитарных наук прагматическую многозначность регулярно демонстрируют вербализаторы АС, что существенно затрудняет анализ и оценку внутренней структуры аргументации. Отсюда необходимость исследования данного феномена с целью получения результатов, значимых для формирования аргументативной компетенции субъектов научно-гуманитарного дискурса.

Анализ фактического материала (научные статьи гуманитарного профиля на русском и белорусском языках) позволил выявить типичные случаи прагматической полисемии вербализаторов АС.

1. Дискурсивные клише с лексемами *определить, охарактеризовать* могут репрезентировать и дефинитивную, и характеризующую схемы аргументации: *В статье сделана попытка охарактеризовать морфему с позиций интегративной лингвистики и уточнить ее статус как языковой единицы* (Филолог. науки. 2009. № 3, с. 37) – используется дефинитивная АС; *Психологическую культуру можно определить как психологические знания, оплодотворенные общечеловеческими ценностями...* (Нац. психолог. журнал. 2007. № 2, с. 20) – применяется характеризующая АС. Вместе с тем вербализаторы нацеливают на иную трактовку (в первом случае на характеристику, во втором – на дефиницию), т. е. демонстрируют вторичные аргументативные значения.

2. Существительные с партитивной семантикой рус. *группа, сфера, компонент, элемент, часть, область*; бел. *група, кола, кампанент, элемент, частка, адзінка*, а также соответствующие глагольные словоформы рус. *выделять(ся), включать(ся), составлять, относить(ся), объединять(ся), подразделяться*; бел. *вылучаць, утвараць, ствараць, складаць, адносіцца, ахопліваць* и др. могут применяться для репрезентации двух типов АС: основанных на отношениях а) «род – вид» и б) «целое – часть». Например, в названии статьи по культурологии «*Народная музыка – неотъемлемая часть народного художественного творчества*» (Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 5, с. 57) используется стандартный маркер аналитического деления, однако логико-дискурсивный анализ показывает, что в действительности аргументация строится на основе гиперо-гипонимических связей.

3. Индикаторы эмпирической аргументации с лексемами рус. *факт, пример, иллюстрация, например*; бел. *факт, прыклад, ілюстрацыя, напрыклад* характеризуются ослабленной семантикой и употребляются недифференцированно, объективируя, в зависимости от ситуации, типизирующую, подтверждающую либо моделирующую АС.

4. Характерные для каузального обоснования аргументативные клише рус. *ведут к; привел к тому, что; в результате (чего) происходит; отражается на*; бел. *вядзе да; прывялі да; у выніку гэтага; з чаго вынікае* и др. в равной степени могут использоваться в теоретической и практической аргументации (как в позитивно-оценочных, так и в негативно-оценочных АС), раскрывая свое прагматическое значение только в контексте. Ср., например: *Реалізацыя агульных беларускіх каштоўнасцей прывядзе да гармоніі паміж асабістым і грамадскім... нацыянальнай ідэяй і ментальнасцю “савецкага чалавека” і інш.* (Беларус. думка. 2003. № 8, с. 62) и *Такое слоўнікавае неразмежаванне розных значэнняў рускай адзінкі нярэдка вядзе да недакладнага выбару карыстальнікамі перакладных слоўнікаў беларускага эквівалента ў пэўным кантэксце* (Беларус. лінгвістыка. 2011. Вып. 67, с. 9–10).

В ситуациях 1–3 лексическое значение аргументативных маркеров не совпадает с их прагматическим значением, что и служит источником

полисемии. Отсутствие такой корреляции не всегда представляется оправданным и может рассматриваться как аргументативная ошибка. Такая квалификация применяется, в частности, к вербализаторам каузальной схемы: в случае употребления языковых единиц, наделенных «позитивной семантикой» (рус. *способствовать, содействовать, благоприятствовать, вносить (значительный) вклад, открывать перспективу*; бел. *садзеінічаць, (на)спрыяць, стаць значным фактарам, пры дапамозе* и т. п.) для репрезентации негативных следствий возникает семантико-прагматический диссонанс [1, с. 208] – погрешность, искажающая восприятие аргументации.

Понимание сущности прагматической полисемии и закономерностей использования многозначных вербализаторов АС позволит грамотно объективировать внутреннюю структуру аргументации, а также адекватно распознавать, интерпретировать и оценивать аргументирующие рассуждения в дискурсе гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савчук, Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе / Т. Н. Савчук. – Минск : БГУ, 2018. – 279 с.

И. А. Семёнкина (СевГУ, Севастополь, Россия)

ON GENERAL TRENDS OF LANGUAGE CHANGES IN COMPUTER MEDIATED COMMUNICATION

Computer mediated communication (CMC) is an umbrella term, which covers human communication processes facilitated by the use of any electronic or computer medium. It can also be described as a media version of the national language (mediolect), adequate for a particular speech channel. CMC implies the application of a wide range of ‘instruments’, including text (hypertext), audio, graphics, or video, and occurs synchronously (in “real time”) or asynchronously (delayed). The technical parameters inherent in this speech channel condition the specificity of this media type of language.

The most popular forms of Internet communication include e-mail, instant messaging, SMS, chat, social networks, conference calls, video calls, etc.

The genre diversity of the Internet environment has increased during the period of the Internet, and this trend is likely to continue in the context of the emergence of new technologies and a natural change in the structure of the population using the Internet. Different genres of the new communication environment are heterogeneous in terms of combining the linear and hypertext principle of text structure, the participation of verbal and non-verbal texts in the integrity of its meaning, and also in the manifestation of oral and written text.

Internet users, as members of a virtual community, create, consciously or intuitively, the net etiquette, their own language environment, where they feel comfortable and achieve their goals. The English language, “mastering” the

Internet, has received various names: cyber speak, Netspeak, Chatspeak, etc. Other languages used in CMC (including Russian) are also subject to the inevitable, powerful influence of CMC and are steadily transforming.

The study of universal and culturally specific features and trends of CMC, helps to understand the influence of technology on human communication in general, and the use of language means to solve various communicative tasks.

Various online chats present one of the most common forms of internet communication and attract millions of internet users. Chat messages of NTV (Russian) and Russia Today (English) live broadcasts have been used as research material for the paper. As examples of synchronous polylogue genre, considering time pressure and the participants' intention to imitate relaxed communication, they show oral-written hybridism, and such categories as evaluativity, subjectiveness and affectability.

Both in Russian and English chat messages there are distinctive trends noticeable at different levels: graphical (general presentation and organization of the written form of the language), spelling (spelling, punctuation, use of expressive means, etc.), grammatical, lexical, discursive, phonetic and phonological.

We have found numerous examples of conscious agraphism, agrammatism, due to the oral-written hybridity of the chosen CMC form ("whateverism"). The messages express total indifference to the need for consistency in linguistic usages. Writing becomes flexible and less disciplined. Non-standard spelling is deliberate and intentional. It may demonstrate personal choice, the sense of community in a particular group (a particular kind of misspelling may have privileged status in a group, due to its having attracted everyone's attention at some time), sarcasm, humor, rebellion, an attempt to troll the counterpart etc.

At the lexical level, such methods of word formation as abbreviation, clipping, acronymia, combination of numbers and letters, contamination, composition, derivation and use of symbols prevail in both Russian and English versions. The Russian chat participants were more flexible in terms of switching codes (e.g. from Cyrillic alphabet to English).

Users of both languages often resort to an accentuated, exaggerated use of punctuation marks, spelling variants, capital letters, spaces, icons, etc., to enhance expressiveness, and also as a way of individualization. Emoticons are extremely popular – pictograms that convey emotions, states, actions, as well as denoting objects and characters. They are referred to as paralinguistic means, and are used everywhere to create an emotional background, achieve a humorous or other effect, prevent conflict situations and, finally, save time and effort.

Russian and English speaking chat participants use nicknames (nicks), which clearly presents a highly distinctive feature of synchronous chatgroup language. The nicks may be words or phrases; some are related to characteristics of the self (a person's character, appearance, profession, hobbies, location, age, etc.), others present nonsense word or word combinations.

The anonymity of communication is also an important factor in shaping the natures of the multiparty interaction. It is anonymity that acts in CMC as a trigger in the manifestation of negative personal qualities, condemned by society and

unacceptable in a situation of personal communication. The ability to create a fake identity, an unlimited number of fictitious user accounts creates a sense of impunity, eliminates barriers, complexes and stereotypes that act as a deterrent in real life situations.

Thus, the means and channel of communication affect the use of the language in the CMC, causing changes at all language levels, as well as changes in the organization of the text as a communicative product of the considered form of communication.

The global nature of CMC has brought new forms of multiparty interactions, such as anonymous chatgroups involving participants of various backgrounds, social status etc. It is of interest to further study the general trends of language changes specific to various genres in the situation of CMC and to define the features, which are universal or unique to individual languages.

А. В. Семянькевіч (МДЛУ, Мінск, Беларусь)

ВАРЫЯНТНАСЦЬ І НОРМА Ў СІСТЭМЕ СУБСТАНТЫЎНАГА ЛІКУ

Варыянтнасць як тыпалагічная рыса любой мовы адлюстроўвае ўзаемаўплыў дзвюх тэндэнцый моўнага развіцця – імкнення да стабільнасці і эвалюцыі, змянення, удасканалення. Сутыкненне гэтых рознакіраваных працэсаў і ёсць крыніца творчай сілы мовы. Дыялектыка развіцця мовы заключаецца ў тым, што ў кожны канкрэтны гістарычны момант яна з’яўляецца як стабільнай сістэмай, так і суб’ектам бесперарыўнай эвалюцыі. Гэта і ёсць прычына існавання прынцыпова рознага характару норм – імператыўных і дыспазіцыйных.

Праблема варыянтнасці і яе ўніфікацыі для беларускай мовы з’яўляецца вельмі актуальнай і шмат у чым спецыфічнай. Функцыянаванне ў білінгвальных абставінах, гістарычна абумоўленае існаванне цягам працяглага часу па-за межамі кадыфікацыі, сацыяльна абмежаваная сфера прымянення, адчувальная пурыстычная тэндэнцыя, імкненне абмежаваць рускамоўны ўплыў, палемічнасць рэкамендацыйных норм у грамадстве, розная (часам палярная) ацэнка моўных з’яў, сацыялінгвістычная аснова працягласці перыяду дынамічнага вар’іравання – усё гэта непасрэдна або апасродкавана садзейнічае шырокай варыянтнасці на ўсіх узроўнях сучаснай беларускай мовы.

У сістэме субстантыўнага ліку варыянтнасць выяўляецца ў семантычна адназначным функцыянаванні намінацыйна тоесных форм ліку, якія не ўтвараюць карэляцыі. І калі ў дачыненні да адзіночналікавых назоўнікаў у сучаснай мове даследчыкі адзначаюць тэндэнцыю “руйнавання” іх межаў, то множналікавыя субстантывы, як правіла, маюць лексікаграфічную атрыбуцыю свайго марфалагічнага статусу. Аднак, як паказвае аналіз беларускіх слоўнікаў (Тлумачальны слоўнік беларускай мовы ў 5 т. – далей ТСБМ, Беларуска-рускі слоўнік 2012 г. – далей БРС, Граматычны слоўнік назоўніка – далей ГСН), на колькасную рэпрэзентацыю ў лексікаграфіі назоўнікаў *pluralia tantum* уплывае (сярод іншых) і такі фактар, як ступень плюралізацыі.

У слоўніках выкарыстоўваюцца паметы *часцей мн.*, *пераважна мн.*, а таксама прыём прэзентацыі лексемы множналікавай формай у якасці намінатыўнай (з указаннем формы адз. л., або з адсылкай да самастойнага артыкула назоўніка ў форме адз. л., або без граматычных памет). Розныя спосабы граматычнага апісання назоўнікаў адносна іх лікавых паводзін сведчаць аб аб'ектыўных цяжкасцях у вызначэнні іх марфалагічнага статусу, якія часта з'яўляюцца вынікам рознай ацэнкі ступені плюралізацыі назоўніка. Так, напрыклад, па-рознаму апісваюць слоўнікі назоўнікі *аб'едкі* (БРС адз. *няма*, ГСН *толькі мн.*, ТСБМ *аб'едкі, адз. аб'едак*), *абавязкі* (БРС *толькі мн.*, ТСБМ *звыч. мн.*), *адходы* (ГСН *толькі мн.*, ТСБМ *адходы, адз. адход*), *аўтакары* (ТСБМ адз. *няма*, ГСН *толькі мн.*, БРС-2012 *аўтакар*), *будні* (ГСН *толькі мн.*, БРС *будні, адз. будзень*), *вагі* (ГСН *толькі мн.*, ТСБМ *вага*), *выскваркі* (БРС адз. *няма*, ТСБМ *выскваркі, адз. выскварка*), *галушкі* (ТСБМ і ГСН *толькі мн.*, БРС *галушкі, адз. галушка*), *гарадкі* (ГСН і БРС *толькі мн.*, ТСБМ *гарадкі, адз. гарадок*), *гонкі* (БРС адз. *няма*, ТСБМ *звыч. мн.*, ГСН *гонка, мн. гонкі*), *грузаперавозкі* (БРС адз. *няма*, ГСН *грузаперавозкі, мн. грузаперавозкі*), *грымзолі* (ГСН *толькі мн.*, БРС *грымзолі, адз. грымзоля*), *грымоты* (БРС *грымоты*, ГСН *толькі мн.*, ТСБМ *грымоты, адз. грымота*), *драбіны* (ТСБМ, БРС *драбіны, адз. драбіна*; ГСН *толькі мн.*), *дурніцы* (БРС *толькі мн.*, ТСБМ *дурніцы, адз. дурніца*, ГСН *дурніца, мн. дурніцы*), *брыжы* (ТСБМ адз. *няма*, ГСН *брыж – брыжы*, БРС *брыжы – брыж*), *кулуары* (ГСН *толькі мн.*, БРС адз. *няма*, ТСБМ *кулуары, адз. кулуар*), *клавікорды* (БРС адз. *няма*, ГСН *толькі мн.*, ТСБМ *клавікорды, адз. клавікорда*), *мязмы* (БРС адз. *няма*, ТСБМ *мязмы, адз. мязма*), *нетры* (ГСН *толькі мн.*, БРС адз. *няма*, ТСБМ *нетры, адз. (рэдка) нетра*), *прысмакі* (БРС адз. *няма*, ТСБМ *прысмакі, адз. прысмак*), *разваліны* (ГСН *толькі мн.*, ТСБМ *звыч. мн.*), *рэшткі* (ГСН *толькі мн.*, БРС адз. *няма*, ТСБМ *звыч. мн.*), *скачкі* (ГСН *толькі мн.*, ТСБМ *звыч. мн.*), *схваткі* (БРС і ГСН *толькі мн.*, ТСБМ *звыч. мн.*), *сходні* (ГСН *толькі мн.*, ТСБМ *сходні, адз. сходня*), *штыкеты* (ГСН *толькі мн.*, БРС адз. *няма*, ТСБМ *штыкеты, адз. штыкет*), *фекаліі* (ГСН *толькі мн.*, ТСБМ *фекаліі, адз. фекалія*, БРС *фекаліі, адз. фекалій*), *шмоткі* (БРС адз. *няма*, ТСБМ *шмоткі, адз. шмотка*), *чэсанкі* (ТСБМ адз. *няма*, ГСН *толькі мн.*, БРС *чэсанкі, адз. чэсанак*) і інш. Узуальную нестабільнасць граматычнай формы, зафіксаваную у слоўніках лексічных інавацый, выяўляюць некаторыя запазычанні з прычыны фанетычнай экзатычнасці і (ці) функцыянальнай неактыўнасці (напрыклад, *снэкі, хачапуры, суслі, графіці, сурымі*). Неаднастайная кваліфікацыя ў слоўніках марфалагічнага статусу вышэйпералічаных назоўнікаў адлюстроўвае рэальную ўзуальную варыянтнасць. Іх формы адз. і мн. ліку ужываюцца як функцыянальна тоесныя, што дазваляе аднесці іх да зоны моцнай варыянтнасці. Адсутнасць карэляцыі семантычнага зместу адзіночнасць / множнасць з'яўляецца асновай, якая падтрымлівае паралельнае існаванне рознааформленых варыянтаў у намінатыўнай функцыі. Аб аб'ектыўных цяжкасцях у выбары граматычнай паметы сведчаць адзінкавыя (але сімптаматычныя) нестандартныя маркіроўкі: напрыклад, назоўнік *умовы* у БРС мае памету *толькі мн.* *ці пераважна мн.*

(такая памета не дыферэнцуе, якія ЛСВ маюць множналікавую форму); слова *вачаняты* ў ТСБМ мае памету *адз. неўжыв.* (гэта адзінкавае слова ў слоўніку, якое мае такую памету). Зафіксаваны і такія назоўнікі са слоўнікавай формай мн.л., якія даюцца без памет: напрыклад, словы *барбітураты, біяпалімеры, мардасы, метэаўмовы, энергазатраты* ў БРС; *лестачкі, мясапрадукты, ключыкі, мошчы* ў ТСБМ.

Дынаміка нармалізацыйных захадаў у дачыненні да варыянтаў форм ліку стрымліваецца як недасканалая практыкай выбару загалоўнай вакабулы, так і аб'ектыўнымі ўмовамі іх функцыянавання ў мове. Нашы назіранні паказваюць, што далёка не ва ўсіх выпадках эвалюцыя працэсу вар'іравання ідзе па шляху замацавання адной з форм. Некаторыя варыянтныя формы набываюць семантычныя і стылістычныя адрозненні, якія павінны ўлічвацца ў лексікаграфіі.

Е. А. Смердова (Гимназия № 4 им. братьев Каменских, Пермь, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЗНАКИ-ИКОНЫ И ЗНАКИ-СИМВОЛЫ

Природа знака является предметом исследования как минимум трех наук: семиологии, семиотики и иконологии. Все эти направления научной мысли при кажущейся однородности предмета исследования (знак) фактически не рассматриваются в одной системе. Отсюда возникает вариативность в оперировании такими понятиями, как знак-икона и знак-символ. Где проходит граница между иконами и символами в семиологии? В семиотике? В иконологии? Хотя каждая из наук видит знак в совершенно разном окружении, все три научных направления имеют целью установить природу знака и характер и условия его функционирования в дискурсе. Выясняется, что именно характер восприятия знака формирует его природу: «Каждый знак предполагает наличие интерпретатора» (Р. О. Якобсон).

Исключить возникновение заблуждений при вариативном восприятии рисунка то как знака-иконы, то как символа поможет иконология. Текстовая картина мира (будь то языковой, музыкальный или живописный текст) является лишь фрагментарным отражением реального мира. Каждый знак в тексте есть материальный представитель отсутствующего объекта действительности. Подобное понимание знака и текста не раскрывает всей сложности связей внутри реального мира. Более того, как указывает А. Ф. Лосев, «язык интерпретирует действительность согласно потребностям человеческого общения, выбирая из действительности одно и игнорируя другое, одно отражая правильно, а другое искажая даже сознательно». Именно поэтому иконология предлагает рассматривать все рисунки как символы, структуру сложную и заведомо предполагающую личные коннотации от интерпретатора. Критерием для нижеследующей классификации символов является отношение между именем и представлением о референте, т. е. совокупностью свойств объекта указания знака. Во-первых, символ может

быть снабжен конвенцией значения. Тогда его значение очевидно для всех коммуникантов (например, изображение реального предмета). Во-вторых, символ может быть связан с конкретной частью дискурса. В этом случае он понятен лишь представителям одной культурной общности или социального класса (например, изображения знаков зодиака). Также символ может иметь глубокую связь в культурно-историческом контексте. Значение такого символа исключительно элитарно и целиком зависит от эрудиции интерпретатора (например, единорог – символ невинности; тис – символ зла). Говоря о символическом понимании природы изображения, мы не отказываемся от классификации знаков Ч. Пирса, так как она позволяет понять характер выражения и условия использования знаков-икон и символов в коммуникации. Но как расширение угла обзора символическая классификация позволяет рассмотреть среду функционирования знака и характер его восприятия. Рассмотрим вариативность понимания знаков-икон и символов на примере текста С. Лема «*Dzienniki gwiazdowe*» («Звездные дневники») и Л. Серафини «*Codex Seraphinianus*» («Кодекс Серафиниус»).

В «Звездных дневниках» в контекст описания флоры и фауны планеты Мерситурии включаются иллюстрации автора. В результате анализа текста и этих изображений удастся установить, например, что ‘жалкие чуйки’ (*czajaki polkliwe*) – это хищные животные с планеты Мерситурия. Они составляют класс объектов, обладающих ‘вардой’ (*wardza / warda*), что, по всей вероятности, является частью тела. У ‘чоек’ есть пасть, которая называется юмористически (не *paszcza*, а *paszczęka*), а также светящиеся бородавки и узоры на морде, составленные из этих бородавок. Их основной рацион, как видно из описания, составляют неосторожные туристы из кемпингов, находящихся в ареале обитания ‘чоек’. ‘Чуйки’ пользуются отсутствием уборных в кемпингах, привлекая своим видом с широко разинутой пастью несчастных туристов, намеревающихся справить нужду в кустах. Этот факт, как и факт употребления комичной лексики, а также изображение одного из ‘чоек’ с раскрытой пастью говорит о том, что перед нами социальная сатира. Насколько глубоко укоренилась проблема соблюдения санитарно-гигиенических норм на планете, если даже местная фауна эволюционировала таким образом, чтобы использовать недостатки ЖКХ в целях добывания пищи? Итак, у рисунка Лема возникает символическое значение, отражающее положение дел в реальном мире.

Еще более ярким примером символической природы рисунков автора может служить «*Codex Seraphinianus*» Л. Серафини. Здесь иллюстрации автора – это единственный ресурс значимости, так как язык, на котором написано произведение, до сих пор не разгадан. Только по изображениям можно определить характер содержания текста. Скорее всего, это энциклопедия жизни в мире, отличном от нашего. Изображения будто составлены из объектов реального мира, но при этом создают совершенно новые, необычные образы. Некоторые рисунки являются также и символами, подобно оккультным или астрологическим, поэтому их смысл вряд ли удастся «расшифровать» без опоры на специальное знание.

Иллюстрации автора имеют чрезвычайно сложную структуру. С одной стороны, это знаки-иконы, передающие ряд свойств объекта указания наравне с текстовым описанием. В этой роли они детализируют объект указания. Одновременно стоит отметить, что, если автор видит свой мир так, как рисует, то интерпретатор обречен на сходное восприятие мира. Воспринятые же как символы, иллюстрации автора соотносят с культурно-историческим контекстом, жанром произведения, миропониманием автора (и читателя), а также определяют характер восприятия текста интерпретатором. Рисунок автора перестал быть иконическим знаком. Он стал символом мироощущения автора, материальным воплощением его идей. Благодаря такому иконологическому пониманию знака усложняется его природа и во многом объясняется многоуровневость и многозначность знаковой системы текста и дискурса в целом.

В. В. Степанова (ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ СИНОНИМИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ СТЕКОЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Использование терминологии в устной и письменной речи участников коммуникации является одним из существенных признаков профессионального дискурса. При изучении профессионального дискурса стекольной промышленности логично говорить о стекольной терминологии или о терминологии стекольного производства.

Существует мнение, что явление синонимии не свойственно терминологии, что в идеальном варианте в определенной терминосистеме для обозначения каждого научного или технического понятия должен служить один термин. Тем не менее исследования показывают, что это далеко не так.

Синонимичные терминологические обозначения могут возникать по нескольким причинам: в связи с необходимостью детализации понятия, уже имеющего в языке терминологическое обозначение, вследствие вхождения в язык заимствованного аналога и др.

Интересно, что употребление синонимичных терминологических обозначений в пределах одного контекста мотивируется нередко не столько стремлением найти более точное обозначение объекта, сколько желанием избежать повтора. К такому выводу можно прийти на основании наблюдений над контекстными реализациями синонимичных терминов.

*Bei modernen fossil befeuerten **Glasschmelzwannen** wird die Restwärme der Abgase, die den **Ofen** verlassen, zur Vorwärmung der Verbrennungsluft verwendet, um höhere Flammentemperaturen und eine bessere Wirtschaftlichkeit zu erreichen. Bei den meisten **Wannen** kommt das regenerative Prinzip zum Einsatz. <...> Die Verbrennungsluft tritt durch die andere Kammer in die **Schmelzwanne** ein [1]* ‘В современных стекловаренных печах, работающих на ископаемых энергоносителях, остаточное тепло отходящих газов, которые

покидают печь, применяется для подогрева воздуха для горения, чтобы достичь более высоких температур пламени и лучшей эффективности. В большинстве ваннных печей вступает в действие регенеративный принцип. <...> Воздух для горения поступает в печь через другую камеру’.

Как видим, для обозначения стекловаренной печи в небольшом фрагменте текста используется четыре термина: *die Glasschmelzwanne*, *der Ofen*, *die Wanne* и *die Schmelzwanne*. При первом упоминании о печи используется наиболее конкретное обозначение этого объекта (*die Glasschmelzwanne* ‘стекловаренная ванная печь’); следующий термин, напротив, представляет собой более общее обозначение референта (*der Ofen* ‘печь’ (и для варки стекла или металла, и для выпечки или обогрева)); анализ значений двух других терминов также склоняет к мысли о том, что речь идет об одном и том же объекте (*die Wanne* ‘ванная печь’, т. е. печь, имеющая вид ванны (для разогрева металлических изделий в жидкой среде или для плавки стекла или металла), *die Schmelzwanne* ‘плавильная ванная печь’ или, в более узком смысле, ‘варочный бассейн ванной печи’).

Синонимическая замена термина, или вариативное обозначение одного и того же объекта, может наблюдаться даже в пределах одного предложения:

*Bei kleineren **Wannen** wird das Gemenge mit einer Vibrorinne oder einer Schnecke in den **Ofen** transportiert* [1] ‘В более маленьких печах шихта транспортируется в печь с помощью виброжелоба или шнека’.

Для обозначения ванной стекловаренной печи употребляется и термин-композит – *der Wannnofen*. Это термин образовался путем сложения двух слов: *die Wanne* и *der Ofen*.

*Im Gegensatz hierzu wird im **Wannnofen** kontinuierlich geschmolzen, wobei an dem einen Ende ständig Gemenge eingelegt, am anderen Ende Glas verarbeitet wird* [2]. ‘В противоположность этому в ванной печи варка стекла происходит непрерывно, при этом на одном конце постоянно закладывается шихта, а на другом конце постоянно обрабатывается стекло’.

Своеобразно использование слов *der Ofen* и *die Wanne* в качестве элементов сложных по структуре терминов стекольной промышленности. Данные слова отмечаются в одних и тех же комбинациях: *der Ofentyp* ‘тип печи’, *der Wannentyp* ‘тип ванной печи’, *das Ofenkonzept* ‘концепция печи’ *das Wannenkonzep* ‘концепция ванной печи’. Более того, характеризуются одинаковыми или очень близкими валентностями в линейном ряду: *die Größe des Ofens* ‘размер печи’, *die Größe der Wanne* ‘размер ванной печи’, *der vollelektrische Ofen* ‘полностью электрифицированная печь’, *die vollelektrische Wanne* ‘полностью электрифицированная ванная печь’.

Однако в наименованиях типов ваннных печей преимущественно используется термин *die Wanne*: *die Regenerativwanne* ‘регенеративная ванная печь’, *die U-Flammenwanne* ‘ванная печь с подковообразным пламенем’, *die Querflammenwanne* ‘ванная печь с поперечным пламенем’, *die konventionelle Rekuperativwanne* ‘стандартная рекуперативная ванная печь’, *die Seitenbrennerwanne* ‘ванная печь с боковым расположением горелок’ и др.

В заключение подчеркнем, что синонимия не является чужеродным явлением для терминосистем. Синонимические замены терминов в рамках одного контекста позволяют избежать повтора. Наличие «предварительных» знаний о предмете обсуждения исключает ложные интерпретации синонимичных терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. SORG [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sorg.de/content/themes/sorg/resources/assets/pdf/Glasschmelztechnologie.pdf>. – Дата доступа : 20.11.2018.
2. Horowitz, J. Glasstruktur und Elektroglasschmelze im Wannenofen mit direkter Widerstandsheizung [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://doi.org/10.5169/seals-74479>. – Дата доступа : 21.01.2019.

А. В. Сытько (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ДЕОНТИЧЕСКОГО АГЕНТА

Исследования в области модальности опираются на обязательное описание семантической структуры высказываний, выражающих то или иное модальное значение. Так, деонтика, как отношение к действиям по непрерывному созданию или изменению положения дел в мире, выражается в языке высказыванием, в котором имеются два плана – содержательный и деонтический. Первый включает в себя пропозицию, фиксирующую действие для выполнения. Деонтический план содержит информацию о модальном источнике (движущая сила для создания иного положения дел: различного рода нормы), модальной силе (характер модального отношения к действию: обязательное, запрещенное или разрешенное) и *модальных агентах*, являющих собой направленность деонтики, о чем пойдет речь в данной работе.

Деонтический агент представляет собой потенциального получателя информации о том, что должно, запрещено или разрешено осуществить. В прототипической деонтической ситуации в роли модального агента выступает адресат (А), одушевленный субъект, который в состоянии выполнить указываемое в пропозиции действие, например: «*Что же я должен делать?*» – *простонал Ипполит Матвеевич. «Вы должны молчать. Иногда для важности надуйте щеки»* (И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»); *Мне нужна твоя помощь, Буран!* (К. Булычев. «Тайна третьей планеты»).

Очевидно, однако, что обращенность деонтики более разнообразна, чем только конкретный речевой партнер (*ты, вы*). В целом можно выделить два типа деонтической направленности – говорящий (Г) и адресат. Они могут реализовываться конкретными единичными субъектами, а также быть включенными в совокупность исполнителей, представляя обобщенный конкретный (ОК), обобщенный генерализованный (ОГ) или неопределенный (Н) субъект. В формально-грамматической структуре модальный агент либо эксплицирован грамматическим субъектом, либо имплицирован в контексте.

• Если модальным агентом выступает сам производитель речи (Γ), эксплицированный в грамматической структуре предложения, то деонтическое высказывание употреблено перформативно: я ($\Gamma_{\text{экс}}$) **должен тебе напомнить**. Однако агент-говорящий может быть выражен имплицитно: **Надо** [$\Gamma_{\text{имп}} = \text{я должен/ мне следует}$] *будет ему возразить так, – решил Берлиоз* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). В клишированных фразах с функцией акцентирования агентом также является имплицитный говорящий: **Необходимо** [$\Gamma_{\text{имп}} = \text{я должен}$] *отметить/подчеркнуть, что ...*.

• Деонтическим агентом может выступить обобщенный конкретный субъект (ОК), когда говорящий и адресат включаются в совокупность определенных лиц, ответственных за выполнение действия: (1) **наши нравственный долг – поддержать старшее поколение**. Или: (2) **Мы** ($\text{ОК}_{\text{экс}} = \Gamma_{\text{инкл}} + \text{А}_{\text{инкл}}$) **должны помочь капитану Киму! Он попал в беду** (К. Булычев. «Тайна третьей планеты»). Обобщенная деонтическая обращенность может быть реализована с большей степенью отвлеченности действия от агента, например: *На сегодняшнем заседании обязательно вернемся к ряду этих вопросов, и я с удовольствием услышу ваше мнение о том, как нам* ($\text{ОК}_{\text{экс}} = \Gamma_{\text{инкл}} + \text{А}_{\text{инкл}}$) **нужно совершить нашу работу** (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/47179>).

• В случае типизации ситуации действительности, когда модальным источником выступают универсальные или объективно-ситуативные правила, модальный агент может нейтрализовываться, оформляясь обобщенным генерализованным субъектом (ОГ): *у всех должны быть одинаковые шансы*. В общность возможных субъектов включается и говорящий, и адресат, и любое другое потенциально возможное лицо: *Школа Шаттак Сент-Мари имеет католические традиции, поэтому там существует строгая дисциплина. С восьми вечера до 9.30 все должны находиться в комнатах и при открытых дверях делать домашнее задание* (<https://sport.tut.by/news/hockey/623777.html>).

Генерализованный модальный агент презентует некоторый класс субъектов: (1) **Пассажир** [$\text{ОГ}_{\text{экс}}$, любой], *уронивший на путь какой-нибудь предмет, **должен** обратиться к дежурному по станции*; (2) **тот, кто** [каждый] *хочет стать космонавтом, инженером, летчиком, исследователем, **должен** иметь хорошую зрительную память на цвета*. При этом субъект генерализации может быть не эксплицирован в поверхностной структуре: *при проезде в метро **следует*** [$\text{ОГ}_{\text{имп}} = \text{всем}$] *соблюдать порядок*. Для генерализованного деонтического агента следует различать: 1) неопределенную генерализацию, когда денотат субъекта представляет все множество подобных агентов: *историк* [$\text{ОГ}_{\text{экс}}$, любой] **должен** *лучше всего знать сегодняшний день*, и 2) определенную генерализацию: конкретную, единичную обращенность к вполне определенным субъектам/субъекту, когда денотат субъекта определен ситуацией высказывания, напр.: *Главный тренер команды Алексей Бага: «С кем-то плотно побеседуем сейчас, с кем-то продолжим в Турции – и будем направлять ребят на одну стезю. Год предстоит тяжелый – первый без Анатолия Капского. Все* [$\text{ОГ}_{\text{экс}} = \text{А}_{\text{инкл}}$, ребята/команда] **должны** *понимать, какая это ответственность для БАТЭ»* (<https://sport.tut.by/news/football/623500.html?crnd=420>).

• Деонтический агент может быть реализован как неопределенным эксплицированным ($H_{\text{экс}}$) субъектом: *это грязная работа, но кто-то* ($H_{\text{экс}} = \Gamma_{\text{иникл}} / A_{\text{иникл}}$) **должен** ее выполнять, так и имплицитным ($H_{\text{имп}}$): *при таком большом количестве участников **нужно*** ($H_{\text{имп}} = \Gamma_{\text{иникл}} / A_{\text{икл}}$) *организовать работу так, чтобы...* . Говорящий и адресат включаются в потенциальное множество лиц, к которым обращено деонтическое высказывание.

В случае, когда в формально-грамматической структуре в качестве субъекта выступает неодушевленный субъект, напр.: *Цена **должна** быть конкурентоспособна*, речь идет об отстраненном неопределенном субъекте, имплицитном одушевленном агенте ($\Gamma_{\text{имп}}, A_{\text{имп}}$), который становится очевидным в контексте (вы должны/ правительство должно сделать цену конкурентоспособной).

Таким образом, модальный агент деонтического высказывания представляет собой неоднородное, вариативное явление. Экспликация в поверхностной структуре или импликация в контексте, а также реализация деонтического агента тем или иным типом деонтической обращенности, инклюзивно или конкретно, дает широкие возможности производителю высказывания и дискурса.

Л. А. Тарасевич (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ИНВАРИАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ В ОПИСАНИЯХ ПРОСТРАНСТВА: ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ

Исследование инвариантности и вариативности вербализации категории пространства в разных языках является одним из магистральных направлений когнитивной лингвистики. Предпосылкой для наличия в разных языках универсального в описании данной категории является обусловленность пространственного опыта объективными законами физики, характеристиками человека как биологического организма, а также анатомическим строением его тела.

Среди физических законов, предопределяющих инвариантность, очевидно, наиболее релевантным для языков является закон гравитации, что находит отражение в такой универсалии, как наличие единиц для различения векторов «верх – низ». Помимо слов для обозначения данных векторов (ср. в русском языке *вверху, внизу*, в немецком – *oben, unten*, в китайском *上 shàng* ‘верх’, *下 xià* ‘низ’ и др.), соответствующие семы свойственны многим существительным и глаголам (например, *крыша* – часть дома вверху, *подвал* – часть дома внизу, *подниматься* – двигаться вверх, *падать* – двигаться вниз).

С точки зрения языка самой существенной характеристикой человека как биологического организма является среда обитания. Об этом свидетельствует значительное количественное преобладание языковых средств для обозначения пространственного и деятельностного опыта человека, связанного с сушей, по сравнению с его опытом с водой или воздухом. Так, число

глаголов, обозначающих движение по суше в языках, исчисляется десятками и даже сотнями, в то время как число глаголов для обозначения движение в воде или по воздуху ограничивается единицами.

Основными характерными чертами анатомии человека является расположение органов зрения, прямохождение, а также при общем симметрическом строении тела относительно оси позвоночника функциональная асимметрия верхних конечностей: одна из рук человека оказывается функционально более значимой. Такое строение обусловило инвариантное языковое членение пространства в соответствии с канонической ориентацией тела человека с выделением осей «верх – низ» (определяются на основании противопоставления «голова (верх) – ноги (низ)»), «спереди – сзади», а также оси «слева – справа». Установлено, что схема пространственной ориентации тела человека служит основой для именованя пространственных свойств физических объектов (например, *Bergfuß* ‘подножие горы’, *Tischbein* ‘ножка стола’).

Предпосылкой вариативности в описаниях пространства служат 1) несовпадение осей, или вертикалей, «верх – низ», задаваемой гравитацией и канонической ориентацией тела человека; 2) возможность приписывания ориентации физическим объектам по оси, или горизонтали, «спереди – сзади» из нескольких перспектив. Подтверждением несовпадения вертикалей является наличие в языках квалификаторов положения *вертикальный* (вертикали совпадают) и *горизонтальный* (вертикали расположены перпендикулярно друг другу). Наличие нескольких возможных перспектив для определения векторов горизонтали проявляется в неоднозначности выражений типа *vor dem Baum* ‘перед деревом’, *hinter dem Auto* ‘за машиной’.

Е. А. Тихомирова (БГУ, Минск, Беларусь)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛА *ЗНАТЬ* В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Дискурсивные различия создают вариативность национального языка, которую проявляет функционирование слова в текстах конкретного дискурса.

Интегральное описание языка предполагает, что каждое слово представляет собой, как писал Ю. Д. Апресян, своеобразный микромир. Свойства этого микромира обусловлены не только семантической структурой и валентными свойствами слова, но и спецификой дискурса. Православный дискурс охватывает все сферы функционирования современного русского языка: не только религию, но и гуманитарную науку, медиа, официально-деловые отношения (в частности, решение вопросов о передаче РПЦ здания), искусство и быт.

Покажем функционирование глагола *знать* в православном медийном дискурсе на примере текстов раздела «Церковь» ежедневного интернет-издания «Православие и мир», которое позиционирует себя как независимый мультимедийный интернет-портал о православии и жизни общества, «о том, как быть православным сегодня»; его авторы – священнослужители и журналисты.

Ядро семантического поля слов со смыслом 'знать' составляют предикаты. Ментальные предикаты русского языка исследовали Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, Л. М. Васильев, В. Г. Гак, М. А. Дмитриевская, А. А. Зализняк, Анна А. Зализняк, Е. Р. Иоанесян, И. М. Кобозева, Е. В. Падучева, М. В. Пименова, Е. Э. Разлогова, Н. К. Рябцева, И. Б. Шатуновский, Е. В. Урысон, Р. М. Фрумкина и др.

При описании слова необходимо учитывать все взаимодействия, которые определяют жизнь слова в языке и его поведение в составе высказывания: не только семантические, но и синтаксические отношения, которые описывают валентные свойства предикатных слов, т. е., по словам Ю. Д. Апресяна, их способность присоединять к себе такие синтаксические зависимые, наличие которых диктуется семантическими свойствами данного предикатного слова.

Ю. Д. Апресян в статье о глаголе *знать* для «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» показал, что значение глаголов со смыслом 'знать' определяется их противопоставленностью глаголам со смыслами 'считать', 'верить' и 'понимать'. Проверим, действует ли это положение для религиозного дискурса или же дискурсивная вариативность современного языка размывает эту дифференцированность значений.

Актантная рамка предиката *знать* – средство вербализации фрейма ситуации обладания информацией, ее понимания и интерпретации. Сема 'знать' является объединяющей для слов, описывающих уверенность субъекта знания в его подлинности или желание убедить в этом адресата сообщения: знаю = уверен = отвечаю за свои слова.

В анализируемых текстах предикат имеет три семантические валентности: субъект (Бог, человек или сообщество, *разум* и *сердце* и изредка искусственный интеллект), объект (факт действительности, ситуация, мысли других людей) и очень редко орган (*сердце*).

Изменение актанта или актантов в текстах определенного дискурса приводит к семантическому сдвигу. Расширение семантики осуществляется в соответствии с общим принципом когнитивной деятельности человека – расширение от простого к сложному, от наблюдаемого к абстрактному.

Субъект знания всегда присутствует в ситуации, описываемой ментальным предикатом, хотя необязательно выражен и может лишь подразумеваться, особенно если знанием обладает высшая сила или искусственный интеллект.

В религиозном дискурсе, как и у предиката *видеть*, валентность субъекта регулярно заполняется «мы-инклюзивным»: *Мы не знали, как обрести Бога, и не могли верно Его себе представить*. Адресанты-священнослужители как бы наделяют своим знанием потенциального адресата текста, объединяют себя с ним. Такая особенность позволяет говорящему использовать бессубъектную диатезу: *И идя по улице, передвигаясь на автомобиле, как было бы чудесно видеть, знать и чувствовать, что сейчас где-то рядом со мной – удивительный человек...*

Поскольку знание связано с определенными ментальными операциями – таксономией, идентификацией индивида, интерпретацией, установлением причинно-следственных и других связей, то в значении предикатов существует предпосылка к возникновению и развитию связанных с мнением и верой смыслов.

Священнослужители-журналисты называют знание лишь внешней формой постижения православия, поэтому в дискурсе предикат *знать* не противопоставляется глаголам *думать*, *верить*, *понимать*.

Использование предиката в недифференцированном значении обуславливает и некоторые другие особенности дискурса, например, реализацию концептуальных метафор *знать – понимать*, *знать – видеть*, *узнать – приобщить к радости церковной жизни*, *знать – встреча души с Господом*.

Можно предположить, что это свидетельствует о желании адресанта добиться социо-когнитивной гармонии с читателями, сблизить картины мира читателей с авторской и убедить в необходимости веры и одинаковой конфессиональной приверженности.

Анализируемые нами тексты характеризует и взаимодействие в рамках одного высказывания различных смыслов и, соответственно, возможность различных интерпретаций адресатом.

Эти речевые тактики, как и многие другие особенности православных медийных текстов создают специфику современного русского религиозного дискурса.

О. В. Толкачёва (МГЛУ, Минск, Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ КОРРЕЛЯТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДИРЕКЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

При описании пространственной ситуации предлоги служат для указания на объект в пространстве (локализирующий объект), по отношению к которому определяется местоположение других объектов. Местоположение может определяться в статике (*в саду / im Garten*) и в динамике (*в сад / in den Garten*). В зависимости от того, какие отношения обозначают пространственные предлоги (стативные или дирекциональные), они делятся на три группы: предлоги, обозначающие только стативные отношения (*внутри / innerhalb*), предлоги, обозначающие как стативные, так и дирекциональные отношения (*в / in*) и предлоги, которые обозначают только дирекциональные отношения (*из / aus*). Наше исследование посвящено дирекциональным предлогам как наименее изученной семантической группе пространственных предлогов. В работах, посвященных дирекциональным предлогам, установлено, что эти предлоги характеризуют локализирующий объект как источник, из которого происходит движение (*из комнаты / aus dem Zimmer*); путь, по которому проходит перемещение (*через лес / durch den Wald*) или цель, к которой осуществляется движение (*к дому / zum Haus*). На этом основании они

делятся на три подгруппы: ДИРЕКЦИОНАЛ-ИСТОЧНИК, ДИРЕКЦИОНАЛ-ПУТЬ и ДИРЕКЦИОНАЛ-ЦЕЛЬ. Наблюдения над языковым материалом показывают, что в разных языках количество предлогов, указывающих на источник, путь или цель перемещения, различно.

В нашей работе представлены результаты количественного сопоставительного исследования семантических подгрупп дирекциональных предлогов в русском и немецком языках. Источником материала исследования послужили «Русская грамматика» (1980) и академический труд С. Клаус (1999), в котором собраны в общий список предлоги из известных академических грамматик немецкого языка. Из списков предлогов, представленных в этих трудах, нами отобраны для русского и немецкого языков все зафиксированные в них несоставные дирекциональные предлоги. В результате получен список из 16 предлогов для русского языка (*до, из (изо), к (ко), от (ото), по, с (со), через (чрез, чрезо), из-за, из-под, мимо, вглубь, вслед, внутрь, вдоль, сквозь, навстречу*) и 9 предлогов для немецкого языка (*ab, aus, von, längs, durch, entlang, nach, zu, bis*). Как следует из выборки, число несоставных дирекциональных предлогов в русском языке почти в два раза превышает число таковых в немецком языке. Мы распределили данные предлоги, в зависимости от того, обозначают ли они источник, путь или цель движения, на три соответствующие подгруппы. В подгруппу ДИРЕКЦИОНАЛ-ИСТОЧНИК вошли в немецком языке 3 предлога (*ab, aus, von*), в русском языке – 5 предлогов (*из (изо), от (ото), с (со), из-за, из-под*). Подгруппа ДИРЕКЦИОНАЛ-ПУТЬ представлена в немецком языке 3 предлогами (*durch, entlang, längs*), в русском языке – 5 предлогами (*через (чрез, чрезо), мимо, вдоль, сквозь, по*). В подгруппу ДИРЕКЦИОНАЛ-ЦЕЛЬ вошли 3 предлога в немецком языке (*nach, zu, bis*) и 6 предлогов в русском языке (*вглубь, вслед, внутрь, навстречу, к, до*).

На основании количественного различия дирекциональных предлогов в сравниваемых языках, можно предположить, что одному предлогу немецкого языка в русском языке должно соответствовать несколько предлогов. Однако анализ переводов русских предлогов на немецкий язык и немецких предлогов на русский язык, а также способов употребления этих единиц показывает, что коррелятивные отношения между ними в сопоставляемых языках гораздо сложнее. Установлено, что одному предлогу в русском языке может соответствовать несколько переводных эквивалента в немецком языке. Например, в Большом немецко-русском словаре 2012 для предлога *с (со)* даны в качестве переводных эквивалентов в немецком языке предлоги *aus* и *von*. В то же время для предлога *aus* переводным эквивалентом в словаре дан еще и предлог *из*. Для предлога *durch* в словаре даются переводные эквиваленты *сквозь* и *через*. Однако переводным эквивалентом предлога *через* в немецком языке является не только предлог *durch*, но и предлог *über*, который не является собственно дирекциональным предлогом. Ряд предлогов в русском языке переводятся на немецкий язык с помощью предложных конструкций, наречий или циркумлогов (*внутри* ‘ins Innere’, *вглубь* ‘in die Tiefe’, *вслед* ‘hinterher’, *мимо* ‘an...vorbei’).

Можно предположить, что причина сложности таких коррелятивных отношений между дирекциональными предлогами в русском и немецком языках заключается в отличиях в их семантической структуре, возможно и в различиях в членении самих дирекциональных отношений. Например, семантика предлога *no* характеризуется наличием семы 'кратковременный контакт'. В немецком языке не выявлено предлога, обладающего соответствующей семантической характеристикой.

Выявление причин сложностей описанных выше коррелятивных отношений между дирекциональными предлогами немецкого и русского языков требует детального анализа семантики и особенностей употребления данных предлогов, что станет предметом наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская Грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
2. Klaus, C. Grammatik der Präpositionen. Studien zur Grammatikographie / C. Klaus – Frankfurt a.M. u.a.: Lang, 1999. – 287 S.

Т. Е. Трощинская-Степушина (средняя школа № 4 г. Витебска, Беларусь)

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ В ПРОЗЕ В. КАЗАКЕВИЧА: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

Персонификация (от лат. *persona* – «лицо», *facio* – «делаю»), или олицетворение – троп, смысл которого заключается в приписывании свойств человеческой психики предметам и явлениям реального или вымышленного мира [1, с. 1887]. Семантической основой персонификации является принцип несовместимости составляющих ее лексических единиц, когда субъект получает антропонимическую характеристику или характеристику живого существа.

С целью комплексного лингвистического описания номинаций персонифицированных художественных образов мы обратились к прозе Вечеслава Казакевича – современного белорусского автора, живущего в Японии, но пишущего на русском языке.

Сквозной семантический анализ персонифицированных образов, проведенный с целью определения денотатов персонификации, позволил определить шесть тематических групп: «Явления природы», «Животный мир», «Растительный мир», «Небесные тела», «Предметы», «Понятия».

В околоядерное пространство вошли лексемы групп «Животный мир» (18%), «Понятия» (13%), «Явления природы» (13,1%), «Растительный мир» (10,4%); на периферии оказывается тематическая группа «Небесные тела» (2,5%). Наиболее частотно в исследуемой прозе выявляются языковые единицы, принадлежащие к семантическому классу «Физические свойства и состояния живого организма» (35,5%), служащие не только средством номинации, но и характеристики (по Н. Д. Арутюновой) образа.

Таким образом, лексемы семантического класса «Физические свойства и состояния живого организма», «наделяя» неодушевленные предметы основными биологическими признаками любого живого существа, обладают выраженным персонифицирующим потенциалом и являются средством создания самобытных образов, позволяющих увидеть привычный предмет в необычном ракурсе.

Семантика персонифицирующего признака различается также степенью проявления антропоморфных свойств в структуре художественного образа. Одним из распространенных способов персонификации является наделение неодушевленных предметов сознанием: *1. Перевязанные бечевками, на чердаке лежали старые журналы, всем своим видом говорившие: надежд на то, что их однажды прочтут, у них не осталось* [2, с. 31]; *2. Возможно, жуки вспоминали былую поднебесную жизнь*; *3. Колеса самолета с ужасом теряют под собой почву* [2, с. 43] и др. Данные (и подобные им) лексемы составляют семантический класс «Психические процессы».

Наделение даром речи неодушевленных предметов (10 %) с дополнительными экспрессивными характеристиками приводит не только к субъективации повествования, но часто создает комический эффект: *1. Корыта и бельеварки получали дар речи и ...начинали бубнить цинковыми голосами* [2, с. 155]; *2. Лягушки и жабы устраивали по ночам ужасную переключку. А когда они стихали, в доме принимались петь наехавшие из деревень сверчки* [2, с. 143] и др.

К малочастотным относятся семантические группы «Родственные отношения» (4 %) и «Социальное взаимодействие» (7,6 %): *1. Яблоня росла не по годам, а по месяцам и вымахала в такое громоздкое дерево, будто приходилась дальней родственницей баобабу* [2, с. 8]; *2. ...в наследство от органа власти и типографии были еще получены старый...диван с высокой черной спинкой, его сестра – кушетка и компания разночинных стульев* [2, с. 14]; *3. Всегда оказывалось, что один поросенок превосходил другого. Равенства не было и в свином мире*; *4...за перегородкой перехрюкивались поросята* [2, с. 16] и др. Персонификация в данном семантическом пласте, выявленная в прозе В. Казакевича, подчеркивает важность для автора семейных ценностей, а также свидетельствует о его стремлении к достоверной передаче детского восприятия мира героями.

Анализ семантики персонификаторов в исследуемой прозе позволил нам выделить 5 основных семантических классов: 1) «Психические процессы», 2) «Речевая способность», 3) «Качества характера», 4) «Эмоциональное состояние», 5) «Физические свойства и состояния живого организма» и две малочастотные группы: «Социальное взаимодействие» и «Родственные отношения». «Оживление» художественных образов в исследуемой прозе происходит за счет наделения персонифицируемого объекта специфическими свойствами человека – сознанием и речью (64,5 %). Следовательно, речь идет об антропоморфизации действительности, т. е. окружающий человека мир предметов и явлений, мир природы рассматривается автором как открытая

живая сущность. Персонификация является важным способом символического кодирования реальности, с помощью которого человек может не только понять окружающий мир, но и почувствовать его.

Таким образом, наличие ярких персонифицирующих контекстов с лексемами выявленных групп доказывает, что персонификация не только не обнаруживает тенденции к исчезновению, но продолжает активно развиваться, приобретая новые формы осмысления и языкового воплощения традиционно олицетворяемых понятий в современной русскоязычной белорусской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. – С. 1887.
2. Казакевич, В. Охота на майских жуков : повесть / В. Казакевич. – М. : Изд-во Н. Филимонова, 2009. – 188 с.

В. В. Тур (МГЛУ, Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ И ГРАНИЦАХ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Несмотря на возродившееся в рамках когнитивных исследований пристальное внимание к полисемии, проблема природы этого явления остается до сих пор не решенной – главным образом, из-за неясности вопроса, лежащего в ее основе: что мы имеем в виду, говоря о разных значениях слова?

При всем многообразии подходов к описанию значению слова, сформировавшихся в рамках лексической семантики, лингвисты следуют одному общему принципу, которое наиболее лаконично сформулировал Дж. Кац: «Значение должно быть абстракцией... должно представлять только инвариантные признаки. В противном случае, ни одно слово не сможет быть использовано снова в том же самом значении» [3, с. 60]. Другими словами, определение границ значения сводится к поиску того уровня описания, на котором оно предстанет достаточно общим, чтобы охватить все варианты его употребления, и одновременно достаточно частным, чтобы отделить одно значение от другого.

Так, например, имя *tail* ‘хвост’, относящееся к хвосту лошади, в той же мере относится к хвосту собак на основании общего признака «животное», к хвостам птиц и рыб на основании общего признака «живое существо». Как видно, значение слова при таком подходе определяется мерой допустимой степени абстракции, а та в свою очередь обусловлена признаком, положенным в ее основу: на уровне признака «животное» хвосты животных и птиц представляют собой разные подзначения слова *tail*, которые, однако, нивелируются на уровне признака «живое существо». Сказанное соответствует наблюдению Дж. Тейлора и А. Круза, согласно которому разные контексты могут требовать разной степени детализации (*zooming in* [3, с. 639]) одного и того же значения. Таким образом, «то, что представляется

разными значениями с одной стороны, оказывается примерами вариативности одного значения с другой» [1, с. 99]. Можно сказать, что значение в данном случае устроено по принципу матрешки, сгущаясь до предельно общего понятия, либо разворачиваясь во всех деталях более низких уровней абстракции.

Однако при анализе сочетаний типа *tail of a plane* 'хвост самолета', *tail of a comet* 'хвост кометы', *tail of a coin* 'реверс монеты' и др. становятся очевидны границы степени абстрагирования от одного источника: сохранение моносемии потребовало бы привлечения слишком общего инвариантного признака («задняя часть объекта»), не являющегося достаточным для спецификации референтов (*tail*, например, не употребляется для наименования задней части зданий). Именно на данном этапе семантического анализа возникает необходимость введения понятия полисемии. Полисемия, таким образом, представляет собой ту границу описания семантики слова, на которой заканчивается возможность дальнейшего абстрагирования значения без разрушения его тождества.

Между тем, при анализе контекстов употребления слова *tail* аналогичные модели абстрагирования были зафиксированы нами на других участках семантической структуры слова. Так, указанное выше значение *tail of a plane* в современном языке распространилось как на другие искусственные летательные объекты (*spaceship* 'космический корабль', *kite* 'воздушный змей', *balloon* 'воздушный шарик'), так и виды наземного транспорта (*wagon* 'фургон', *train* 'поезд', *bike* 'велосипед', *bus* 'автобус', *motorcycle* 'мотоцикл', *ship* 'корабль'), другие средства передвижения (*snowboard* 'сноуборд'), а кроме того, имеет тенденцию к употреблению с иными наименованиями той же тематической группы (*container* 'контейнер', *snowshoes* 'снегоступы', *saddle* 'седло', *helmet* 'шлем', *gearbox* 'коробка передач', *tailback* 'въездная полоса'). По-видимому, аналогичным образом, значение *tail* как части животного распространилось и на наименования других «частей» живого организма: *brow* 'бровь', *pancreas* 'панкреас', *hippocampus* 'гиппокамп', *eye* 'глаз' (*I had seen his shadow moving with the tail of my eye* 'Краем глаза я увидел, как мелькнула его тень') и др. Те же закономерности можно продемонстрировать и с наименованиями космических объектов и природных явлений (*comet* 'комета', *the Milky Way* 'Млечный путь', *Mars* 'Марс', *rainbow* 'радуга', *whitewater* 'бурные воды', *fire* 'огонь', *hurricane* 'ураган', *storm* 'шторм'), предметов одежды (*jacket* 'куртка', *shirt* 'рубашка', *T-shirt* 'футболка', *skirt* 'юбка', *vest* 'жилетка', *tie* 'галстук'), букв алфавита (*tail of Q, q, R, j, y, f*). Более того, как показывают данные исследования, факты абстрагирования от конкретного денотата не ограничиваются рамками отдельных тематических групп – ср. напр. возможность обозначения словом *tail* крайней части продолговатых объектов: *rope* 'веревка', *handle* 'ручка', *lamp post* 'фонарный столб', *guitar* 'гитара', *belt* 'ремень', *knife* 'нож', *thread* 'нитка', *beard* 'борода', *crucifix* 'распятие' и т.д.

Как видно, при подробном анализе корпусных данных сумма употреблений слова предстает в виде «сгущений» вокруг наиболее частотного прототипа. Не делая общих заключений относительно денотативной лексики

английского языка в целом, мы, тем не менее, хотели бы обозначить некоторые напрашивающиеся выводы относительно полученных данных о семантике исследованного нами слова.

Во-первых, в свете сказанного, проблема «хранения или порождения значений» (*sense storage vs. sense generation* [3, с. 642]) получает следующую трактовку: семантика слова – это одновременно хранение знаний о прототипе и возможности порождения новых употреблений на основе правил абстрагирования, которые, в свою очередь, задаются набором отдельных признаков (релевантных или салиентных). Наиболее правдоподобной выглядит модель, согласно которой говорящие хранили бы в памяти ряд наиболее типичных и одновременно наименее связанных примеров употребления слова и при этом могли бы порождать на их основе множество новых, близких к прототипу вариантов.

Во-вторых, сказанное выше согласуется с выводом Дж. Тейлора о важности «определения степени абстрактности лингвистического знания, которое определяет широту границ языкового репертуара носителя языка» [3, с. 653]. По-видимому, следует согласиться с тем, что богатые деталями низкоуровневые абстракции являются более адекватным отражением усвоения и использования языка говорящими.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Geeraerts, D. Words and Other Wonders: Papers on Lexical and Semantic Topics / D. Geeraerts. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. – 493 p.*
2. *Katz, J. Semantic Theory / J. Katz. – New York: Harper and Row, 1972. – 464 p.*
3. *Taylor, J. R. Polysemy's paradoxes / J. R. Taylor. – Language Sciences. – 2003. – №25. – P. 637–655.*

М. В. Турчинская (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СПЕЦИФИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ОБОНЯТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Выявление особенностей манифестации в языке знаний о воспринимаемых посредством перцепции признаках, свойствах или качествах, присущих вещам в реальном мире, привлекало внимание исследователей в целом ряде лингвистических работ. В данном исследовании мы обратились к анализу наименований запахов в лексической системе современного английского языка. В силу того, что именно в значении прилагательного наиболее очевидна абстрагирующая и анализирующая мыслительная деятельность человека, благодаря которой признак обозначаемой сущности мыслится в отвлечении от нее, в этой работе объектом рассмотрения стали перцептивные прилагательные обонятельного восприятия.

С целью выявления реестра исследуемых лексических единиц в современном английском языке были проанализированы данные лексикографи-

ческого издания Oxford Dictionary of English, электронной лексической онтологии английского языка Princeton WordNet, а также 2647 контекстуальных употреблений прилагательных, которые используются для обозначения запахов в Британском национальном корпусе (British National Corpus). На базе полученного эмпирического материала было установлено 644 прилагательных, используемых для наименования признаков обонятельного восприятия в современном английском языке.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что денотативная область прилагательных, обозначающих собственно запахи, довольно бедна и насчитывает всего 9 лексических единиц: *fetid* 'зловонный, дурнопахнущий'; *odoriferous / odorous* 'пахучий; душистый, благоухающий'; *stinking* 'зловонный, вонючий'; *fragrant / aromatic / perfumed* 'ароматный, благоухающий'; *scented* 'ароматический; благовонный; надушенный'; *redolent* 'сильно пахнущий, благоухающий'. В анализируемом корпусе данных указанные единицы характеризуются самой высокой частотностью употребления и широким диапазоном сочетаемостных свойств, что, вероятно, свидетельствует об их центральном месте в соответствующей лексико-семантической категории.

Абсолютное же большинство прилагательных (98 %), используемых для обозначения запахов в современном английском языке, заимствуются из других денотативных областей. Так, проведенный анализ позволил установить, что широкий диапазон прилагательных обонятельного восприятия перенимается из денотативных областей других видов восприятия, например, тактильного (*warm smell* 'теплый запах', *soft scent* 'мягкий аромат', *elusive fragrance* 'ускользающий (неуловимый) аромат' и т. д.), визуального (*attractive odour* 'привлекательный запах', *dark aroma* 'темный аромат', *distinct smell* 'отчетливый запах' и т. д.), вкусовых ощущений (*delicious smell* 'очень вкусный запах', *sour odour* 'кислый запах', *sweet aroma* 'сладкий аромат' и т. д.) и др. Такое специфическое использование прилагательных, значения которых связаны с одним органом чувств, для обозначения признаков, относящихся к сфере других органов чувств, свойственно всей лексико-семантической группе перцептивных прилагательных. Соотнесение одного и того же свойства с несколькими модусами перцепции основано на явлении синестезии, например: *pungent spear* 'острое копьё', *pungent sauce* 'острый соус', *pungent scent* 'острый (резкий) запах'. Данные перцептивные прилагательные характеризуются высокой частотностью употребления для обозначения запаха в современном английском языке, что, в свою очередь, может указывать на их близкое расположение относительно центра исследуемой категории.

Еще одной группой лексических единиц, используемых для обозначения обонятельных признаков, являются оценочные прилагательные (*awful smell* 'отвратительный запах', *amazing fragrance* 'изумительный аромат', *unpleasant odour* 'неприятный запах' и др.), которым свойственна меньшая по сравнению с предыдущими группами частотность употребления для обозначения запахов.

Производные прилагательные, которые указывают на признак через отношение к другому предмету (*chemical smell* ‘химический запах’, *bisquity boquet* ‘бисквитный аромат’, *herbal odour* ‘травяной аромат’, *fruity aroma* ‘фруктовый аромат’ и др.), формируют еще одну группу лексических единиц, используемых в современном английском языке для обозначения запахов. Несмотря на многочисленность и открытость для пополнения другими производными единицами данной группы признаков слов, они являются наименее частотными и нередко характеризуются единичными случаями употребления для наименования исследуемых свойств (*oily smell* ‘маслянистый запах’, *goaty odour* ‘козлиный запах’, *turfy scent* ‘торфяной запах’, *ammoniac smell* ‘аммиачный запах’ и др.).

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что в современном английском языке число прилагательных, обозначающих собственно запахи, ограничено. Абсолютное большинство признаков слов для обозначения запахов заимствуется из других денотативных областей. Вариативность перцептивных модусов, выявленная в семантике исследуемых слов, характерна для всей лексико-семантической группы перцептивных прилагательных. Частотность выявленных прилагательных, используемых для обозначения обонятельных свойств, может свидетельствовать о занимаемом месте данных единиц относительно центра и периферии изучаемой категории.

В. Н. Тытаренко (ЖГУ им. И. Франко, Житомир, Украина)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В ПРИВИЛЕГИЯХ КИЕВСКОГО ГОРОДСКОГО МАГИСТРАТА

Предметом описания являются грамоты, подтверждающие магдебургское право г. Киева (с 1544 по 1659 гг.) польскими королями, скопированные в начале XVIII в. для “своей прива(т)ной домово́й потребности и всяки(х) случаевъ” бурмистру К. Кричевцу. Документ хранится в Центральном государственном историческом архиве Украины, г. Киев (ф. 62, оп. 1, д. 1).

Анализ текста документа продемонстрировал большое количество вариативных написаний на разных языковых уровнях. Приведем примеры вариаций, имеющих и в одних и тех же, и в разных словах на месте одного и того же рефлекса или одной формы.

На фоно-графическом уровне выявлены вариантные написания на месте этимологического *ѣ, в частности, употребляются графемы *гъ*: (*мгъщане* 81 зв., *вгъри* 83 зв.), *є* (*лєта* 56, *кривдє* 70), *и* (*всимь* 69 зв., *привисть(т)* 10 зв.). Кое-где в одних и тех же словах написаны разные буквы: (*цгльїй* 5 зв. – *цєлїй* 43 зв., *о пра(з)дниць* 5 зв. – *о пра(з)нище* 17 зв.). Встречаются формы с неэтимологическим написанием: *ка(н)цгльгрь* 82 и *канцлера* 82.

Параллельно с исконными полногласными формами (*королєвскимь* 2 зв., *оголосити* 108, *молодихъ* 112) применяются неполногласные, перешедшие из церковнославянского (*врємя* 9 зв., *града* 6, 43 зв., *во владгнїе* 4 зв.) и польского (*заброняти* 22 зв., *кроль* 56 зв., *кролєвского* 95 зв.) языков.

Вариативные написания с *po-* и *pa-* в начале слова обусловлены сосуществованием исконных (*росказали* 2 зв., *росправи* 59, *розуме(л)* 61 зв.) и заимствованных из церковнославянского языка (*разорєніє* 3, *на работизну* 45 зв., *ра(с)ховали* 129) форм.

Наряду с исконной рефлексацией *tj в тексте распространены слова, для которых характерны южнославянские звуковые проявления: *хочемь* 32 зв. – *хощемь* 69 зв., *служачихь* 94 – *служащие* 81 зв.

Часто в изучаемых грамотах вариативно переданы ассимилятивные процессы, большая часть которых отражала особенности живой речи: *навишиий* 113 – *найвишего* 82, *одинадцато(го)* 53 – *одинацятото* 51 зв., *свѣтского* 27 зв. – *свѣцкого* 7 зв., *продковъ* 32 – *про(т)ко(в)* 21 зв., *кгородскому* 50 зв. – *кгородцкому* 101 зв., *що* 82 – *што* 61 – *что* 42.

В различных вариативных написаниях имеет место опрощение: *мѣстце* 2 зв. – *мѣсце* 52, *нѣца(ст)ливій* 6 – *нѣца(с)ливимь* 13 зв., *пра(з)дницъ* 5 зв. – *пра(з)нице* 17 зв.

Много вариантов представлено на морфологическом уровне. Это свидетельствует о процессах, происходящих в словоизменении, и о вытеснении старых книжных элементов народно-разговорными формами.

Выявлен родительный падеж единственного числа существительных мужского рода с окончаниями *-а*, *-я* и *-у*, *-ю*: *для подпису* 1, *замку* 3, *брата* 3 зв., *для шну(р)ка* 1. Вариативны также формы с *-у*, *-ю* и *-ови*, *-еви*, имеющиеся в дательном падеже единственного числа существительных мужского рода: *ска(р)бови* 40, *декретови* 41, *войтови* 26 зв. – *войту* 3 зв., *затку* 80.

Несколькими вариантами представлен именительный падеж множественного числа. В частности, некоторые существительные, обозначающие лица, имеют флексию *-ове*, унаследованную от существительных с основой на *-й*: *воеводове* 79 зв., *архимандритове* и *игуменове* 97 зв. Существительные, для которых в единственном числе был характерен суффикс *-ин*, имели флексию *-е*: *татаре* 1, *мещане* 38, *люде* 97 зв. В этой форме есть также окончание *-и*: *деся(т)ники* и *товариши* 97 зв. У существительных, имевших мягкую основу, употреблялся в конце слова *-ръ*: *неприятельъ* 2. В дательном падеже множественного числа существительных мужского рода сохраняется преимущественно флексия *-омъ*, *-емъ*: *мещаномъ* 1 зв., *по(с)ломъ* 2, *людемъ* 3 зв., *обивателемъ* 3 зв.; зафиксирована новая форма *-амъ* в слове *мещанамъ* 3 зв. Обнаружены также существительные с новыми флексиями *-ами*, *-ями* в творительном падеже: *с товарами* 3 зв., *с гандлями* 3 зв., *мещанами* 4, изредка встречаются древние окончания *-ы* (*и*): *з послы* 3 зв., *с товарми* 20. Используется в предложном падеже древняя флексия *-ех*: *в монастырехъ* 11, *печатехъ* 22 зв. наряду с новой *-ах*: *в монастырахъ* 97, *в гандляхъ* 74.

Для прилагательных характерно сосуществование местоименных (*коро(н)ная* 108, *подлинно(го)* 115) и именных (*висоце* 82, *Гдняя* 91) форм. Употребляются в тексте формы стяжения (*ненале(ж)на* 80, *поводова* 104 зв.) и его отсутствия (*Божією* 79, *киевскіє* 91 зв., *купецкіє* 101 зв.).

Активно используется церковнославянское окончание *-аго* в прилагательных, числительных, местоименных формах родительного падежа: *найвишиаго* 13 зв., *втораго* 23, *всякаго* 57 зв. наряду с исконной флексией *-ого / -его*: *учтивога* 80 зв., *тамошняго* 81 зв., *шестого* 80 зв., *учиненного* 80 зв.

Числительные употребляются в нелексикализованных формах: *пятого на деся(т)* 122 зв., *первого на деся(т)* 132 зв., хотя есть и формы *одинадцатого* 52, *се(м)надцато(го)* 55.

В глагольных формах обнаружены вариативные написания инфинитивов на *-ти* (*давати* 10, *быти* 6, *боронитися* 13 зв.) и *-т* (*привѣси(т)* 8 зв., *вписа(т)* 88 зв.); в 3 лице единственного числа имеются формы с конечным *-ть* (*означае(т)* 2, *бывае(т)* 5) и без него (*змоцняе* 61, *указуе* 61); в 1 лице множественного числа употребляются глаголы с *-м* (*о(з)наймуемь* 5 зв., *уволняемь* 15 зв.) и с *-мо* (*не порушимо* 4, *даемо* 108).

Таким образом, в грамотах, выданных Королевской резиденцией Речи Посполитой Киевскому городскому магистрату, имеется много вариативных написаний, отражающих различные фонетические и морфологические процессы. Употребление такого количества параллельных написаний обусловлено несколькими причинами: традицией, обозначением на письме процессов живой речи, взаимодействием староукраинского, церковнославянского и польского языков, сосуществованием старых и новых грамматических форм.

Г. Ульссон (Университет Турку, Финляндия)

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРИСТАВОК В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Русская аспектуальная система традиционно описывается через видовые пары. Видовой парой называют два (или больше, см. ниже) тождественных по значению, но разных по видовой принадлежности глагола: например *решать – решить*, *делать – сделать* или *писать – написать*. Однако в примерно 25 % всех приставочных видовых пар представлено два (или больше) глагола совершенного вида [1, с. 150] с разными приставками, например, *вязнуть – завязнуть / увязнуть* или *злить – обозлить / разозлить*.

Иностранцы, изучающие русский язык, нередко считают именно глагольный вид самой сложной грамматической категорией в русском языке. Более того, выбор аспектуальной (или «чистовидовой») приставки часто кажется иностранным студентам совершенно случайным (*написать*, *сделать*, *построить* и т. д.). Как им определить, какую приставку выбрать? Объяснить выбор приставки может «гипотеза о наложении значений» (англ.: *the overlap hypothesis*), также известная как «эффект Вея-Схоневельда». Согласно этой гипотезе, приставка имеет примерно то же самое значение, что и исходный глагол. Этот феномен объясняется в «Русской грамматике» (§ 1394), на примере видовой пары *пахать – вспахать*: «Так, гл. *вспахать* является парным по виду с гл. *пахать* в силу того, что как префикс *вз-*, так и гл. *пахать* имеют в своем значении семантический элемент 'направление

снизу вверх'». В глаголах с вариативностью приставок этот эффект особенно виден: разные приставки добавляют разные оттенки значения в исходный глагол. Глагол *нагуглить* предпочтителен, когда речь идет о значении 'найти что-н. в интернете' (ср. *нагуглить* и *найти*), а *погуглить* лучше выражает смысл 'поискать в интернете' (ср. *погуглить* и *поискать*). *Завязнуть* и *увязнуть* действительно синонимичны во многих контекстах, как в прямых (конкретных), так и в переносных. Однако, в некоторых употреблениях подходит только один из глаголов. *Завязнуть* можно использовать, когда речь идет о событии, когда кто-то застрял, например, из-за узости прохода: *у кого-то в приходе санки завязли*, а *увязнуть* связано с событием, когда кто-то погружается в жидкую или вязкую среду: *я по пояс увяз* [1, с. 159].

В этом докладе рассматривается, как выбор приставки влияет на семантику исходного бесприставочного глагола, а также обсуждаются методы изучения вариативности приставок.

В первой части доклада представлены теоретические вопросы, связанные с префиксацией и аспектологией в общем и вариативностью приставок в частности. Во второй части доклада на материале конкретных примеров анализируется аргументная структура глаголов с вариативными приставками:

- *веселить* – *развеселить* / *повеселить*,
- *злить* – *разозлить* / *обозлить*,
- *смешить* – *рассмешить* / *насмешить*,
- *гуглить* – *загуглить* / *нагуглить* / *погуглить* / *прогуглить*.

Кроме того, рассматриваются наречия и прямые дополнения как ключ к пониманию семантики глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Janda, L. A. Prefix variation as a challenge to Russian aspectual pairs: are *завязнуть* and *увязнуть* 'get stuck' the same or different? / L. A. Janda, O. Lyashevskaya // Russian Linguistics. – 2011. – No. 35(2). – P. 147–167.

Е. Г. Устименко (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ / ВНИЗ: К ПРОБЛЕМЕ АНТОНИМИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ (на материале русского и немецкого языков)

Основным средством вербализации движения служат глаголы. Общей семантической характеристикой данных языковых единиц является наличие семы 'направление'. Эта сема может быть нейтральной, направление движения в таком случае уточняется при необходимости с помощью пространственного предлога (*идти в ...*, *ехать на ...*). Направление движения – вверх, вниз, внутрь и т. д. – может задаваться семантикой непроизводных глаголов (например, *падать*, *steigen* 'подниматься'), либо производных приставочных (*всходить*, *спрыгнуть*, *hinauflaufen* 'взбегать'). Многие из таких глаголов образуются от базовых глаголов движения, причем один и тот

же базовый глагол может сочетаться с противоположными по значению приставками (*вбежать – выбежать, hinaufgehen / heraufgehen, hinaufsteigen / heraufsteigen* ‘всходить’ – *heruntergehen, heruntersteigen* ‘сходить’). Можно предположить, что дериваты, образованные от одного производящего глагола при помощи антонимичных приставок, должны быть антонимами и обозначать движение в противоположных направлениях. Однако анализ языкового материала показывает, что это далеко не так и в целом ряде случаев антонимичные приставки не просто уточняют направление перемещения, но и модифицируют семантику исходного глагола. Так, в русском языке глаголы движения с приставкой *вз-* (*вс-*) обозначают активное перемещение субъекта вверх (*она взбежала на гору, юный натуралист влезал на березу, люди вскакивали с мест*). Образованные от тех же исходных глаголов дериваты с приставкой *с-* (*со-*), указывающие на движение вниз, обозначают пассивное перемещение, обусловленное внешним воздействием (*слетела шляпа, сползли очки, соскочил щит*).

В немецком языке в образовании антонимичных пар, производных от одного глагола, участвуют не только префиксы *auf-* и *unter-*, указывающие на движение вверх и вниз, но и дейктические элементы *hin-* и *her-*. С помощью последних обозначается перемещение по отношению от говорящего либо к говорящему (*hinaufklettern* ‘влезать’ – *herunterklettern* ‘слезать’). При этом ряд глаголов может образовывать антонимичные дериваты как с *hin-* или *her-*, так и без данного элемента (например, *auffliegen* ‘взлетать’, *herunterfliegen* ‘слетать’). Установлено, что в ряде случаев в немецком языке семантика производящих глаголов при сочетании с антонимичными префиксами модифицируется в двух направлениях: 1) префикс *auf-* усиливает значение направления движения вверх, так как глаголы типа *steigen* ‘подниматься, взбираться’, *klettern* ‘лезть, карабкаться’ уже содержат значение направления движения вверх (*die Schwester steigt die Treppe hinauf* ‘сестра поднимается по лестнице’); 2) приставка *unter-* нейтрализует семантику глаголов *steigen, klettern* и указывает на направление движения вниз (*das Kind kann die Treppe hinuntersteigen* ‘ребенок может спускаться по лестнице’).

Таким образом, в результате проведенного анализа глаголов, которые могут сочетаться с антонимичными приставками, выявлено, что префикс не только придает базовому глаголу значение соответствующего направления движения, но и модифицирует их семантику. При этом дериваты, образованные при помощи противоположных по значению приставок, не всегда образуют антонимичную пару.

А. В. Федорюк (ИГУ, Иркутск, Россия)

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Проблема фразеологической вариативности – это чрезвычайно сложное явление, так как константность компонентного состава фразеологических единиц (далее ФЕ) находит свое отражение в том, что носитель языка не

свободен в выборе слов, способных варьировать с некоторыми из компонентов ФЕ в связи с потребностями акта коммуникации. В ряде случаев отдельные компоненты ФЕ могут иметь вариантные параллели, субституты, подтверждая тот факт, что замена отдельных компонентов все же допустима, но она носит строго узуальный характер и поэтому не нарушает фразеологичности этих сочетаний.

Под фразеологическими вариантами (далее ФВ) мы вслед за А. В. Куниным понимаем «разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [1, с. 442]. Цель доклада – выявить роль англоязычных ФВ в порождении и развертывании аргументативного дискурса, проанализировать возможности ФВ в формировании и развертывании иллокутивной семантики аргументативного дискурса.

Наряду с традиционно выделяемыми информативной и воздействующей функциями фразеологический вариант реализует и дискурсообразующую функцию в англоязычном аргументативном дискурсе. В аргументативном дискурсе ФВ выступает как дискурсообразующая единица, как результат речетворческой активности субъекта, призванной повлиять в процессе аргументации на сознание одного или нескольких участников ситуации общения в нужную для говорящего сторону. Дискурсообразующие факторы, а именно структурные и денотативные сдвиги в ФЕ порождают фразеологическую вариативность, проявляющуюся в следующих типах вариантов ФЕ: 1) грамматические или структурные, т. е. варианты с теми или иными грамматическими изменениями, например: *get into deep water = get into deep waters* ‘попасть в трудное положение’; *Achilles heel = the heel of Achilles* ‘уязвимое место’; *at the bottom = at bottom* ‘по сути дела, по существу’; *the promised land = the land of promise* ‘земля обетованная’ др.; 2) лексические, т. е. варианты с различным лексическим составом, например: *close at hand = near at hand* ‘близко, рядом’; *bear a hand = lend a hand* ‘помогать’; *burn one's bridges = burn one's boats* ‘сжечь мосты; принять решение, исключая возможность возвращения’ и др. Данные варианты возникают в результате действия особых языковых механизмов, таких как: усечение/вклинивание компонентов в структурных ФВ, например усечение: *between the devil and the deep blue sea = between the devil and the deep sea* ‘в безвыходном положении’; вклинивание, например *like clockwork = like oiled clockwork* ‘мгновенно, моментально’, *lead smb. a dance = lead smb. a pretty dance* ‘водить кого-либо за нос’. Семантические трансформации в ФВ связаны с изменениями в денотате исходной ФЕ. Операции с денотатом приводят к расширению, сужению и замене денотата ФЕ, например: *to burn one's boats = to burn one's bridges* ‘сжечь мосты’ (замена денотата); *to bend over backwards = to lean over backwards* ‘стараться изо всех сил’ (расширение значения); *make one's way = hack one's way* ‘продвигаться’ (сужение значения).

В контексте современных исследований по лингвистической семантике и прагматике аргументацию рассматривают как особый макротип речевого акта (далее РА), имеющий свою иллокутивную цель – повлиять на выбор адресата в процессе принятия им решений. Структура макроречевого акта включает РА-тезис и последовательность речевых актов-аргументов, каждый из которых имеет пропозициональное содержание и иллокутивную силу. Проведенное исследование показало, что ФВ участвует и в процессе дискурсоразвертывания, т. е. в процессе развертывания иллокутивной семантики аргументативного дискурса. ФВ входят в состав РА-аргумента и способствуют интенсивности иллокутивной силы, что в свою очередь делает аргумент более убедительным для слушающего. Например, *I feel nothing but pity for him* (тезис) *Mark my words, he feels as guilty as all hell for what he did* (аргумент), *which explains the verbal abuse* [2]. Вклинивание в ФЕ *as hell* ‘чертовски, ужасно’ квантора всеобщности *all* ‘весь, целиком’, семантически согласуется с прототипом ФЕ и усиливает интенсивность иллокутивной силы РА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунин, А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А. В. Кунин. – М., 1964. – 1229 с.
2. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://corpus.byu.edu/coca/>.

Е. В. Федяева (НГТУ, Новосибирск, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ЯЗЫКЕ

Проблема вариативности как неотъемлемой характеристики языка и как естественного способа функционирования языковых единиц в системе всегда была и остается в центре внимания различных научных традиций, школ и направлений. Отличительной чертой языкознания сегодняшнего дня является признание того факта, что полноценный анализ языка невозможен без учета роли человека, обладающего особым видением и самого мира, и себя в этом мире. Разрабатываемые сегодня в рамках когнитивного подхода к исследованию языковых единиц теории концептуализации, категоризации и интерпретации, дают возможность рассмотрения уже, казалось бы, хорошо известных и изученных явлений в новом ракурсе. К числу таких явлений, как представляется, относится и проблема вариативности в языке. Это дает основание полагать, что изучение феномена вариативности не только не утратило своей актуальности, но и имеет новые перспективы для исследования, связанные с рассмотрением феномена вариативности с точки зрения процессов формирования смысла и конфигурации знания.

Когнитивная деятельность человека интерпретативна по своей природе ввиду необходимости постоянного ‘объяснения для себя’ различных фрагмен-

тов действительности, их свойств, характеристик, отношений, связей. Проблема вариативности обнаруживает связь с процессом интерпретации, поскольку разнообразие окружающего мира порождает множественность его интерпретаций и в этом смысле является почвой для вариативности языковой. Исходя из того факта, что мысль человека базируется на сугубо индивидуальных смыслах, которые формируются в ходе собственного опыта индивида, вариативность в языке является отражением гибкости человеческого сознания, результатом действия различных когнитивных механизмов, индивидуального характера и динамической природы процесса языковой интерпретации. Отметим, что особую значимость в процессе интерпретации приобретает когнитивный механизм инференции или выводного знания как умозаключения, выстраиваемого на основе имеющегося у человека опыта познания мира, интуиции, фантазии, догадки и т. д.

В свете сказанного выше интересной представляется вариативность языковой репрезентации качественных характеристик. Известно, что свойства и качества объектов и явлений реальной действительности находят свое выражение в классе прилагательных в различных языках. Будучи признаковым именем, прилагательные призваны придавать субстанциональным сущностям различные оценки, свойства и качества. Вполне очевидным, например, представляется наличие в различных языках прилагательных, характеризующих интеллектуальные характеристики (качества) человека: например, в русском языке – ‘умный’, ‘глупый’ и т. д. Однако, как показывает анализ фактического материала, идея ‘качественности’, эксплицитно выражаемая прилагательными, может быть представлена и имплицитно, что свидетельствует в пользу языковой вариативности в выражении одного и того же смысла. Так, качества и свойства объектов и явлений реального мира могут конструироваться на базе количественных показателей при помощи когнитивного механизма инференции. Приведем примеры:

1) *Adrian supposed that any man who could **speak twenty-three languages and read forty** was likely to collect a few improving volumes along the way* ‘... любой человек, говорящий на двадцати трех языках...’ (S. Fry. «The Liar»);

2) ... *et cependant il suffisait de cette trace d’accent chantant qu’il conservait dans **les sept langues qu’il parlait couramment*** ‘... он свободно говорил на семи языках’ (R. Gary. «Une Page d’Histoire et autres nouvelles»);

3) *Андрей Валентинович свободно говорил на **пяти языках**, владел латынью* (Д. А. Донцова. «Гений страшной красоты»).

В приведенных контекстах способность человека говорить на двадцати трех (1), семи (2) и пяти (3) языках способствует формированию инферентных качеств относительно интеллектуальных характеристик человека: ‘умный’, ‘способный’ и т. п., что обусловлено стереотипным знанием о ‘нормальном’ количестве иностранных языков, которым может овладеть среднестатистический человек. Числительные как репрезентанты количества являются базой для дальнейшего осмысления качественных характеристик. Отметим, что факт наличия в различных языках фразеологических единиц со значением оценки интеллектуальных характеристик как качества, присутщего

человеку (например, в русском языке: *семи пядей во лбу*), позволяет наметить возможные перспективы дальнейшего изучения вариативности выражения качественных характеристик в этнокультурном ракурсе.

Таким образом, становится очевидным тот факт, что проблема вариативности в языке может считаться поистине неисчерпаемой, требующей комплексного подхода и интеграции различных направлений исследований.

А. И. Фукс (МИСиС, Москва, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ ВАЛЕНТНОСТИ ГЛАГОЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОТВОРЧЕСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Язык представляет собой строго структурированную и упорядоченную систему, которая функционирует по внутренним правилам и изменения в которой всегда обусловлены определенными факторами. Однако при всей стройности и строгости такой сложной системы, язык является очень гибким и крайне чувствительным к различным изменениям, имеющим под собой когнитивные и прагматические основания. Изменения, происходящие в структуре предложения, обусловлены семантическими и структурными факторами, в основе которых лежат изменения, произошедшие в восприятии говорящим ситуации и в целевой направленности высказывания.

Особенности восприятия и концептуализации ситуации человеком находит свое отражение, в частности, в валентностно-актантной организации глагола. Валентность является тем инструментом, посредством которого человек может передать осмысленное представление ситуации на синтаксическом уровне предложения.

Валентность является ингерентным свойством глагола, так как связана со способностью глагола разворачивать целую ситуацию, представленную в сжатом виде в семантике глагола, формируя структурно-семантический каркас предложения. Валентность отражает динамическую природу глагола, обусловленную специфичностью его значения, что выражается на лексическом уровне в динамичности глагольной семантики, а на синтаксическом уровне в возможности глагола употребляться в нетипичных для него синтаксических структурах, с целью передачи особенностей осмысления ситуации, что находит свое выражение в языкотворческой деятельности человека. Рассмотрим некоторые случаи нетипичной сочетаемости глаголов:

She cleared her throat like she was trying to cough the memory out of her system [BYU-BNC].

В данном примере имеет место намеренное нарушение валентностной структуры предиката, а именно адгерентная представленность актанта. Подобные случаи отличаются большой выразительностью, в большинстве своем не зафиксированы словарями, потому что носят несистемный характер.

Некоторые глаголы могут менять свою валентность, уподобляясь валентности другого глагола, при таком употреблении глаголы характеризуются своеобразным смысловым синкретизмом. С одной стороны, они служат для

образования полуаналитической конструкции, т. е. выполняют служебную функцию, с другой – выражают качественную характеристику действия за счет присутствия в их семантике адвербиального компонента «образ действия».

When she *risked a glance at him* his gaze held that patrician mockery [BYU-BNC, URL].

Подобный синкретизм является специфической особенностью английского языка, который в целом характеризуется как очень экономичный по сравнению с другими языками, в частности, благодаря его способности инкорпорировать в семантику глагола значение качественной характеристики действия.

Дальнейшее усложнение семантики глагола имеет место в случаях одновременного действия когнитивных механизмов метонимизации и метафоризации.

At that moment, the door burst open and Margaret Leslie *sparkled into the room* [BYU-BNC, URL].

Глагол *to sparkle*, помещенный в позицию перед обстоятельством, выражающим направление, становится семантически синкретным, выражая одновременно и само движение, и его характеристику, т. е. метонимизируется. При этом на это значение накладывается еще и метафорический перенос, поскольку качественная характеристика действия, в данном случае, скорость протекания действия, а также, возможно, внешний вид субъекта описываемого действия выражается через его сравнение с искрой.

В случае появления прямого дополнения у непереходных глаголов в подобных структурах добавляется еще и значение каузативности.

He just *laughed me straight out of the room* [BYU-BNC, URL].

Процесс языкотворчества предполагает употребление нестандартных сочетательных моделей для создания наиболее точного образа, не выходя при этом за границы культуры речи. По причине того, что в английском языке порядок слов в предложении строго детерминирован, любые изменения, отклонения от установленной нормы имеют под собой определенную смысловую нагрузку.

Обширные возможности вариативности валентностных характеристик обусловлены, прежде всего, динамической сущностью самого глагола. А способность глагола менять свое валентностное окружение для создания окказиональных значений свидетельствует о широких возможностях использования глагола в языкотворческой деятельности.

Е. М. Хакимова (ЮУрГУ, Челябинск, Россия)

О НОРМЕ И ДЕВИАЦИЯХ В ГРАФИКЕ ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА

Графика печатного текста регламентируется особым ортологическим типом, который чехословацкий ученый Йозеф Вахек назвал нормами каллитипии. Мы полагаем, что изучение указанного ортотипа сохраняет актуальность по ряду причин.

1. Несмотря на появление и динамичное развитие электронных коммуникационных технологий, традиционная печатная продукция не утратила привлекательности для значительной части целевой аудитории. Об этом, в частности, свидетельствуют отраслевые доклады «Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития» (http://www.rba.ru/netcat_files/userfiles/news/2018/13_06/rosp_report2017.pdf), «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития» (<http://www.unkniga.ru/images/docs/2018/pressa-2018.pdf>), «Российская полиграфия. Состояние, тенденции и перспективы развития» (<http://www.unkniga.ru/images/docs/poligrafiya-2018-1.pdf>), подготовленные Управлением периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям с учетом данных 2017 года. Так, объем бумажного книжного рынка по сравнению с 2016 г. увеличился почти на 2,5 %. Статистика показывает также, что в настоящее время бумажный формат периодики достаточно популярен среди разных категорий населения: 25 % респондентов, опрошенных сотрудниками Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), сообщили, что регулярно обращаются к федеральной, а 22 % – к местной прессе.

2. Еще более важную, на наш взгляд, роль играет такой фактор, как поликодовость современного медийного текста. Авторы научных публикаций (М. Ю. Казак, В. Е. Чернявская, Н. В. Чичерина и др.) указывают, что его семиотическая организация объединяет в смысловом пространстве знаки разной природы: вербальные, визуальные, аудитивные, аудиовизуальные. И поскольку печатный текст является функциональным компонентом медийного продукта, знание и соблюдение норм, регламентирующих употребление соответствующих графических средств, обеспечивают высокое качество высказывания и в цифровом формате.

Системное осмысление норм каллиграфии началось в XX в. Й. Вахек в статье «Письменный язык и печатный язык» поставил задачу изучить отношения указанных лингвистических структур, сделал множество интересных и тонких наблюдений, но пришел в результате к спорному, с нашей точки зрения, выводу о том, что печатный язык от языка письменного качественных отличий не имеет. Мы придерживаемся альтернативной точки зрения и, доказывая ее, обращаем внимание на специфику графических норм в печатном тексте. В частности, по нашему мнению, принципиальную значимость имеет тот факт, что в центре каллиграфической регламентации оказывается не обозначающее как таковое (то есть не графические признаки сами по себе) и не отношения обозначающего с обозначаемым (хотя определенные тенденции в этой сфере существуют: строчной прямой светлый шрифт является по преимуществу текстовым, полужирный – заголовочным, курсив маркирует вспомогательные куски произведения), но системная соотносительность графических знаков.

Исходя из этого положения и опираясь на работы А. А. Реформатского и Б. С. Шварцкопфа, некоторые каллиграфические нормы можно представить в виде следующих рекомендаций.

1. Употребление графических маркеров должно органично соотноситься с семантической структурой печатного текста.

2. Защита смыслового соотношения элементов печатного текста в графических признаках должна быть достаточной, но не избыточной.

3. Каждому обозначаемому элементу смысла в печатном тексте должно соответствовать только одно обозначающее; нельзя, допустим, примеры в грамматике давать то курсивом, то разрядкой, то полужирным.

4. Элементы содержания, связанные по смыслу и роли в данном контексте, должны иметь общие графические признаки, разнофункциональные элементы – различные.

Таким образом, каллитипическая норма устанавливает несколько ортологических фильтров: 1) запрет на немотивированное использование графического акцента; 2) запрет на многократность графической акцентуации 3) запрет на графическую многозначность; 4) запрет на графическую синонимию. Однако в реальной коммуникативной практике указанные предписания соблюдаются не всегда. Одной из задач нашего исследования было выявление каллитипических девиаций. Эмпирическую базу составили публикации в российской прессе, прежде всего в федеральном издании «Аргументы и факты» (2010 г.). В указанном материале методом системно-функционального анализа были выделены 84 ненормативные каллитипические реализации: 1) семантическая неуместность графического акцента – 70 единиц; 4) графическая избыточность – 11 единиц; 2) графическая многозначность – 2 единицы, 3) графическая синонимия – 1 единица.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что среди графических нарушений в печатном тексте преобладают девиации, связанные с каллитипической акцентуацией (два первых типа). Это можно объяснить тем, что они более, чем другие ненормативные употребления, обусловлены стремлением адресантов усилить графическими средствами экспрессивность высказываний, выделить их в чрезвычайно плотном и динамичном информационном потоке. В борьбе за внимание целевой аудитории используются многочисленные и разнообразные приемы, арсенал которых на данном этапе развития полиграфической и компьютерной техники весьма представительен. Осмысление феномена каллитипической нормы, понимание функций, закрепленных за ее разновидностями, позволяет современным коммуникаторам применять этот востребованный в настоящее время и весьма перспективный инструментарий с профессиональной корректностью и максимальной эффективностью.

Л. Ханждани (Гилянский университет, Решт, Иран)

К ВОПРОСУ О ВАРИАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЕДИНИЦ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

(на материале предлогов с каузативным значением)

Синонимические и вариационные отношения единиц релятивной семантики столь же распространены, сколь и такого рода системные отношения самостоятельных слов. Сложность состоит в том, что их лексическое или

фразеологическое проявляется специфически, в органической связи со значением имени. Выбор определенной релятивной единицы помогает точнее передать различные смысловые и стилистические тонкости, сделать нашу речь более красочной, а потому исследование подобных языковых явлений представляется интересным и актуальным.

Явления синонимии и вариантности единиц языка связаны с прагматической стороной языка, непрерывным развитием и совершенствованием речевых средств, их номинативных и стилистических функций. Синонимические и вариационные отношения единиц обнаруживаются на всех уровнях языковой системы. Для выявления их специфики в различных звеньях языка необходимо их изучить в ракурсе варьирования единиц на уровне фонетики, лексики и грамматики.

Л. В. Кропотова называет критерии разграничения синонимии и вариантности с помощью применения анализа распределения по текстам вариантных и синонимических явлений с их последующей гипотетической стилистической интерпретацией. Семантическое варьирование языковой единицы основано на нетождественности плана содержания при тождестве плана выражения, формальное варьирование – на нетождественности плана выражения при тождестве плана содержания [1, с. 160]. Термин «вариативность» конкурирует в языкознании с термином «вариантность». По мнению А. А. Худякова [2, с. 166], предпочтение следует отдать термину «вариативность», так как термин «вариантность» акцентирует наличие в языке вариантов, последние же предполагают наличие инварианта. Однако большинство лингвистов склонно считать, что инвариант речевых вариантов можно выделить далеко не всегда.

Каузальное значение проявляется в языке как необходимое основание, порождающий фактор, побочный фактор, обоснование, подтверждение, доказательство, довод, предпосылка, прямое или косвенное свидетельство, повод, предлог, стимул. Предлоги, как и полнзначные лексемы, способны вступать в парадигматические отношения всех основных видов – синонимические, антонимические, омонимические. В статье описаны результаты изучения синонимических отношений предлогов, выражающих каузальность, в персидском языке.

В персидском языке среди предлогов с каузальным значением нами были выделены синонимический ряд, синонимико-вариационный ряд предлогов. Предлоги *be xātere* ‘из-за’, *az* ‘от’, *be jahate* и *ba sababe* ‘ввиду’ имеют смысловые нюансы и являются синонимами. Предлоги *be xātere*, *be lotfe* ‘благодаря’, *az lotfe* ‘по милости’, обозначающие причину, приводящую к положительному результату. Синонимический ряд данных предлогов выражает причинно-следственные отношения. Предлоги *be xātere*, *be lotfe* ‘благодаря’ употребляются и с одушевленными, и с неодушевленными существительными, как с конкретными, так и с отвлеченными. Предлог *az lotfe* ‘по милости’ употребляется в основном с одушевленными существительными. Другой синонимический ряд фразеологических релятивов, употребляющихся при указании на вынужденную внешнюю причину: *tahte*

nofuze ‘под влиянием’, *tahte tasire* ‘под воздействием, под давлением’, *tahte fešare* ‘под действием’. Данные единицы ряда различаются в семантике по степени интенсивности воздействия. Вариантные единицы, обозначающие причину, приводящую к отрицательному результату: *be xätëre*, *be lotfe* ‘благодаря’, *az lotfe* ‘по милости’. Данные единицы содержат сему переносного значения. Предлоги, обозначающие указание на вымышленную причину – под предлогом (чего) и под видом (чего), – 2-м значении были нами определены как переходное явление от синонимических предлогов к вариантным. В значении вымышленной причины чаще употребляется первая единица, а вторая является многозначной (чаще употребляется в объектном значении). Синонимический ряд релятивных единиц, указывающих на событие, ставшее причиной для какого-либо действия: *be monäsebäte* ‘по случаю’, *be dalile* ‘по поводу’, *dar ertebäte bä* ‘в связи с’, *be eftexäre* ‘в ознаменование’. Предлоги этого ряда обладают дифференциальными признаками, отличающими каждую из них от всех прочих. Синонимический ряд предлогов, обозначающих указание на причинно-следственную связь: *dar asare* ‘вследствие’, *dar natijeje* ‘в итоге, в результате’. Эти единицы имеют общее причинно-следственное значение, однако обладают различной сочетаемостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кропотова, Л. В. Проблема разграничения синонимии и вариантности / Л. В. Кропотова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2009. – № 2 (4). – С. 157–161.
2. Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка [Текст] / А. А. Худяков. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.

З. А. Харитончик (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

(на материале определительных конструкций в английском и русском языках)

Синонимия как достаточно широко представленный в языке тип асимметричности формы и содержания. Особенно в морфологии и лексике, характерна также для операционального аспекта языковой системы и находит выражение в разных синтаксических конструкциях с тождественным или сходным типом (типами) синтаксических отношений. Соответственно для лингвистики актуальным становится активно обсуждаемый в многочисленных исследованиях вопрос о *raison d'être* сосуществования грамматических синонимов и семантико-синтаксической избыточности.

Мы разделяем убеждение, что вариативность синтаксических конструкций и вытекающая из их общих семантических характеристик изофункциональность в синтаксисе, реализуемая главным образом по принципу взаимодополнительности, есть в действительности источник богатства выразительных возможностей языковой системы, ее гибкости и коммуникативной точности.

Серьезным аргументом в пользу высказанного тезиса является перечень, далеко не полный, характеристик, установленных лингвистами в качестве дифференцирующих синонимические синтаксические конструкции и в значительной степени ограничивающих или даже запрещающих их взаимозаменяемость. Среди них эксплицитность или латентность предикации, семантические и стилистические отличия в представлении единого глубинного смысла, свидетельствующие о различном видении одного и того же содержания, требующего и различных форм его репрезентации, разная частотность, возможные ограничения на сочетаемость, несовпадение сфер употребления и т. д.

Не менее значимые доказательства вариативности синтаксических конструкций как источника широчайшего диапазона когнитивно-коммуникативных возможностей языка дает нам обращение к определительным, или атрибутивным, синтаксическим конструкциям, составляющим в языках, в частности английском и русском, богатую и разветвленную систему моделей с препозитивными и постпозитивными атрибутами, выраженными, главным образом, адъективными, глагольными, субстантивными лексемами. Набор различительных признаков, релевантных для данной группы грамматических синонимов, включает, во-первых, такие структурные признаки, как разная степень вариативности базовых синтаксических конструкций, состоящих из определяющего и определяемого слова, возникающей как следствие усложнения дескрипции определяемого за счет дополнительных атрибутов разного типа. Ср., например, A+N, N'sN и NgrpN в английском языке с их разными модификациями каждого члена словосочетания, наиболее широкими у предложной конструкции, и соответственно разными возможностями передаваемой информационной нагрузки. Семантическая избирательность, заключающаяся в выборе из реестра значений (поссесивных, локативных, объектных, темпоральных, компаративных, результативных и т. д.), передаваемых атрибутивными словосочетаниями, значений, наиболее или, напротив, наименее часто реализуемых той или иной конструкцией, а также специфика их лексико-семантического наполнения, не исключая, однако, некоторой идентичности лексических единиц в тех или иных конструкциях – еще один характерный для синтаксических синонимов путь, определяющий их взаимодополнительность в языке.

Важным дифференцирующим фактором в системе атрибутивных синтаксических конструкций являются их коммуникативно-функциональные свойства. Лексические корреляты, т.е. разные синтаксические конструкции с идентичным лексическим материалом типа рус. *отцовский дом* и *дом отца*, *заречные луга* и *луга за рекой* обнаруживают значимые функциональные отличия в плане идентификации, индивидуализации, квалификации и характеристики определяемого, подчеркивая разный – постоянный или временный – статус атрибута, с которым могут быть связаны референциальные, функционально-стилистические и другие различия.

Действующие отдельно и/или в совокупности, данные факторы предопределяют когнитивно-коммуникативный потенциал и диапазон каж-

дой из атрибутивных конструкций, их предпочтительность в той или иной ситуации, соответственно их разную частотность и тем самым коммуникативную востребованность, раскрывая в целом необходимость синтаксических синонимов как средств, обеспечивающих выражение самых тонких нюансов человеческой мысли.

А. И. Храмцова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ РАЗНОНАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Категория пространства и перемещение в нем является важной составляющей национальной картины мира и национального мировосприятия. Каждый язык располагает средствами выражения движения, как универсальными, так и специфическими, присущими только данному языку.

В русском языке глаголы движения противопоставлены по значениям однонаправленности – разнонаправленности. Выделяют 17 основных исходных пар таких глаголов (*идти – ходить, бежать – бегать, ползти – ползать*). Если для носителей русского языка процесс выбора необходимого глагола движения проходит естественно, то корейцы, изучающие русский язык, испытывают серьезные трудности в схожей ситуации, поскольку в их национальной языковой картине мира категория движения представлена совершенно по-иному, а сам корейский язык выработал принципиально иные по сравнению с русским языком средства выражения данной категории. Больше всего проблем при изучении корейцами русского языка и при переводе текстов вызывают глаголы разнонаправленного движения, называющие движение, производимое в разных направлениях, часто неоднократно (*ходить, бегать, летать, ползать*).

В корейском языке идея однонаправленности – разнонаправленности, важная для русского языка, не существенна. Например, глагол *가다* (*kada*) ‘идти’ в зависимости от контекста может выражать значение как движения в одном, так и в разных направлениях. Предложение *나는 학교에 간다* (*naneun hakgyoe kanda*) имеет варианты перевода ‘Я иду в школу’ и ‘Я хожу в школу’. Для того, чтобы выразить идею разнонаправленности необходимо использовать дополнительные языковые средства. Например, глаголы, имеющие семантику движения в разных направлениях: *다니다* (*tanida*) ‘ходить, ездить, курсировать’, *왕복하다* (*wangbokada*) ‘ездить туда и обратно’, *왔다갔다하다* (*wattagattahada*) ‘ходить, ездить, сновать’; наречия *여기저기* (*yeogijeogi*) ‘туда сюда’; деепричастные формы *갔다 오다* (*kattagaoda*) ‘пойти и вернуться’.

Таким образом, разнонаправленное движение в русском языке представлено противопоставлением пары глаголов, в то время как в корейском языке выражается контекстуально либо с применением уточняющих языковых средств.

ВАРИАТИВНОСТЬ БАСНИ КАК ЕЕ СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОСОБЕННОСТЬ

Вариативность – одно из самых очевидных, ярко выраженных, постоянных качеств фольклорного творчества, с исключительной обязательностью обнаруживаемых на самых разных его уровнях – начиная от микроэлементов любого текста и кончая целостными национальными системами. Под вариативностью мы понимаем обычно видоизменения каких-либо устойчивых данных, существующих в традиции со своими сложившимися признаками сюжетов, мотивов, образов, текстов или их частей, жанровых особенностей и т. д. Естественно, что категория вариативности связана с категорией устойчивости: варьировать может нечто обладающее устойчивыми характеристиками; варьировать немислимо без стабильности [2, с. 119]. По справедливому замечанию И. И. Земцовского, «всякая вариативность – это не только изменение, но и повтор, причем повтор в большей степени, чем изменение. Фактор повторяемости для варианта – важнейший фактор, в то время как точность повтора – второстепенный... Суть вариативности... в динамической коррелятивности этих двух сторон одного явления» [1, с. 43].

Жанр басни имеет древнюю и богатую историю. В истории басни на первый план выдвигались то рассказ, то назидание, и в зависимости от этого жанр приобретал разный характер: в нем усиливалось либо эстетическое, либо поучительное начало. В первой трети XIX в. постепенно набирающая силу русская басня в творчестве великих баснописцев поднимается на высоту мировых образцов: это лукаво-умудренная басня И. А. Крылова и красочно-бытовая А. Е. Измайлова. Почти полностью прекращается «соперничество» русских баснописцев в изложении и пересказе басенных сюжетов, культивировавшихся ранее. Ведущей становится крыловская басенная традиция с ее неизменяемой народностью и глубоко национальным колоритом. Ценнейшим источником, формировавшим самобытность русской басни, является благодатная почва устного народного творчества. Фольклорная традиция остается постоянно действующим фактором развития басни и на послекрыловском этапе ее развития, хотя у Крылова она обозначена наиболее полно и широко.

Китайская басня – это жанр китайской литературы, являющийся ироническим произведением. Древние метафоры применяются в текстах басен до настоящего времени. Острый язык и яркие метафоры в форме прозы или стихов, представляющие консультацию или иронические истории, отражают все социальные беды феодального общества в Китае, несправедливый социальный режим. В баснях наказывается зло и поощряется добро. В них нашло отражение многообразие мудрости, философии, особенно в фольклорных баснях. Например, в книге «Мэн Цзы Лян Хуэй Ван Шан» Менций приводит басню «Сделать пятьдесят шагов, чтобы потом смеяться сто шагов» (五十步笑百步 wǔshí bù xiào bǎi bù), в которой говорится о том,

что, предприняв некоторые временные меры якобы по оказанию помощи народу, правитель, тем не менее, не внес ничего нового. Лицемерная политика – это политика обмана, и только доброжелательность, забота о человеке, его нуждах могут действительно обогатить страну и объединить мир. Исследователь, изучающий закономерности фольклорного процесса, конечно, должен одинаково внимательно анализировать его устойчивость и вариативность. Суть процесса заключается в постоянных взаимодействиях двух начал, а вариативность есть конкретное, зримое, материальное их воплощение, и характер их взаимодействий, достигаемые результаты запечатлеваются в вариантах.

То же в сущности оносится и к собственно фольклорной культуре. Каждое новое поколение ее носителей так или иначе воспринимает тот фонд, которым владеет предшествующее поколение. Мы бы совершили, однако, ошибку, если бы свели и процесс передачи и усвоения традиций к восприятию разных образцов в их конкретном, зримом воплощении без учета навыков исполнительства и функциональных знаний. В Китае есть такое выражение: «Настоящее золото всегда блестит». Существует и другая пословица с аналогичным смыслом 毛遂自荐 (mao sui zi jian) ‘Мао Суй сам рекомендует себя’ [3, с. 99], происхождение которой кроется в китайской фольклорной басне «История о Мао Суй, рекомендующий самого себя». Басня написана в древнем Китае, поэтому изложена на древнекитайском языке. Мао Суй – это служащий правителя Пинюань, живший в период Чжаньго (403–221 гг до н. э). В современном китайском языке имя Мао Суй имеет нарицательное положительное значение: человек, который заслуживает внимания в результате добросовестного отношения к своим обязанностям. Как известно, имеется большая разница между древнекитайским письменным языком и современным китайским языком. Поэтому сегодня басня существует как вариант древнекитайского басенного словесного искусства. Однако вариативность китайской басни не ограничивается только словесной формой выражения, поскольку варьируются и музыка, и весь спектр басенных действий, а также сама манера исполнения. Сегодня фольклорная культура воспринимается как специфический феномен, с характерными для нее творческими закономерностями, жизненными связями, со своим миром и языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чисов, Е. В. Народные традиции и фольклор : Очерки теории / Е. В. Чисов. – Л., 1986. – 119 с.
2. Земцовский, И. И. Проблема варианта в свете музыкальной типологии : Опыт этномузыкаловедческой постановки вопроса / И. И. Земцовский // Актуальные проблемы современной фольклористики. – Л., 1980. – 43 с.
3. 陈西泠。中国神话寓言故事。浙江少年儿童出版社 2015。(Чэнь, Сивэй. Китайская мифологическая басня / Сивэй Чэнь. – Ч. : Чжэцзянский детский издательский дом, 2015. – 99 с.

ВАРИАТИВНОСТЬ ЦЕПОЧЕЧНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОЖНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА В РУССКОМ РАЗГОВОРНОМ ДИАЛОГЕ

При анализе диалога и такой его конституирующей единицы, как диалогическое единство (далее ДЕ), внимание лингвистов, как правило, сосредоточено на исследовании бинарных диалогических единств, в то время как сложное диалогическое единство остается малоизученным. Кроме того, недостаточно исследованной является и специфика организации сложных ДЕ, в том числе определение их структурных типов. В рамках исследования структурных типов сложных ДЕ в русском разговорном диалоге было проанализировано 200 сложных ДЕ, отобранных из издания «Русская разговорная речь. Тексты». Их анализ позволил установить, что среди всех моделей организации ДЕ одной из наиболее частотных является цепочечная модель, употребительность которой значительно превышает использование бинарных и прерывающихся моделей. Эта структура привлекала внимание многих исследователей и получила разную терминологическую фиксацию: так, О. Н. Чалова предлагает термин «цепочечная структура», Е. В. Вохрышева – «структура с обратной связью» или «реакция на реакцию», М. Я. Блох – «ДЕ с двунаправленной связью», Т. И. Мартыненко – «многочастные модели ДЕ» и т. д. При всех терминологических расхождениях структура ДЕ с цепочечной моделью интерпретируется исследователями единообразно: промежуточная реплика в таких ДЕ представляет собой одновременно реакцию на предыдущее высказывание и стимул для последующего высказывания.

В свою очередь, корпус ДЕ цепочечного типа отличается внутренней неоднородностью и включает несколько подтипов, дифференцируемых на основании специфики промежуточной реплики. Рассмотрим эти подтипы подробнее.

1. Промежуточная реплика совмещает в себе функции стимула и реакции (т. е. носит синкретичный характер):

А. Сегодня мне еще надо насчет торта позвонить.....

Б. Куда позвонить?

А. В магазин, сейчас, правда, обеденный перерыв...

В данном ДЕ реплика собеседника Б представляет собой реакцию на иницилирующую реплику-сообщение и имеет форму уточняющего вопроса, который одновременно является стимулом для последующего ответа.

2. Промежуточная реплика представляет собой объединение двух и более высказываний, одно из которых является реакцией на предыдущую реплику-стимул, а другие высказывания – стимулом для последующей реакции (т. е. стимул и реакция представлены дифференцированно):

А. (муж жене) Ну так че? Када питаться будем?

Б. Да хоть щас. Ну так что? Накрывать?

А. Ну давай пообедаем что ли.

В этом случае первый фрагмент реплики *Да хоть щас* представляет собой реакцию на инициирующую реплику – вопросительное предложение, а второй фрагмент *Ну так что? Накрывать?* является стимулом для последующей реакции.

3. В промежуточной реплике формально эксплицирован только стимул, в то время как реакция подразумевается (т. е. носит имплицитный характер):

А. Ключ возьми!

Б. А где?

А. Вот там где мелочь он был.

В данном случае уточняющий вопрос *А где?*, являющийся стимулом для последующей реплики, безусловно, предполагает реакцию согласия выполнить просьбу, причем это согласие эксплицитно в поверхностной структуре высказывания не представлено.

Интересно, что эти подтипы цепочечной модели организации ДЕ представлены в исследованном материале неравномерно с точки зрения их употребительности. Так, наибольшая употребительность зафиксирована для структуры ДЕ с эксплицитно выраженным стимулом и имплицитно выраженной реакцией (48 %); далее следует структура, где промежуточная реплика синкретично совмещает в себе функции и стимула и реакции (32 %); наименее употребительными являются структуры со сложной промежуточной репликой, состоящей из нескольких элементов (20 %). На наш взгляд, данная тенденция обусловлена одним из свойств разговорной речи, а именно стремлением к экономии языковых средств.

Н. У. Чайка (БДПУ ім. М. Танка, Мінск, Беларусь)

ТЭКСТАВАЯ КАТЭГОРЫЯ ЛАКАЛЬНАСЦІ: СРОДКІ І СПОСАБЫ ВЫРАЖЭННЯ

Развіццё сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы на сучасным этапе выклікала значнае пашырэнне адзінак дынамічнага сінтаксісу, якія спрыяюць моўнай рэпрэзентацыі тэкставых катэгорый. Знакавая прырода тэкставых катэгорый дазваляе выражаць значэнні на розных узроўнях моўнай арганізацыі.

У апошнія дзесядзігоддзі тэкставыя катэгорыі выступаюць аб'ектам вывучэння даследчыкаў мовы. Кваліфікацыя іх ажыццяўляецца з улікам метадалагічнай базы лінгвістычнага напрамку, у межах якога праводзіцца названае даследаванне. Большасць вучоных згаданыя катэгорыі адносяць да паняццёвых універсальных, якія ўключаюць адзіны тэкставы сэнс і складаюцца з функцыянальна арыентаваных тыпавых кампазіцый рознаўзроўневых моўных адзінак (І. Р. Гальперын) [1]. На думку З. Я. Туравай, кожная тэкставая катэгорыя ўвасабляе асобную сэнсавую лінію тэкста, выражаную групай моўных сродкаў, арганізаваных у адносную ўнутрытэкставую цэласнасць [2]. Відавочна, даследчыкі прытрымліваюцца меркавання, што менавіта сукупнасць тэкставых катэгорый і ўтварае тэкст як камунікатыўную адзінку.

У сучаснай лінгвістычнай літаратуры дастаткова поўна прадстаўлены даследаванні тэкставых катэгорый кагерэнтнасці, кагезіі, завершанасці,

адасобленасці (І. У. Арнольд, М. П. Брандэс і інш.). Аднак апошнім часам тэкставыя катэгорыі даследчыкі прапануюць дзяліць на зместавыя (канцэптуальныя) і структурныя. Пры такім падыходзе тэкставая катэгорыя разумеецца як аб'ектыўная ўласцівасць мастацкага тэксту. Пры гэтым варыятыўнасць праяўляецца ў спосабах яе рэалізацыі – гэта могуць быць сродкі лексічныя, марфалагічныя, сінтаксічныя.

Найбольш часта катэгорыя лакатыўнасці выражаецца **сінтаксічнымі** сродкамі – аднастаўнымі, няпоўнымі і эліптычнымі сказамі. Падобныя канструкцыі павінны ўключаць як мінімум тры пазіцыі – прэдыкат, суб'ект і лакатыў, у якіх атрымліваюць сваё выражэнне кампаненты семантычнай структуры. Кампанент з лакатыўным значэннем выконвае ролю паказчыка семантыкі і з'яўляецца абавязковай умовай рэалізацыі значэнняў тэкставых катэгорый: *Куды ж ты, дачушка? Людзі на парог, а ты за парог* (А. Кудравец); *І дарослыя, і дзеці – // Усе сюды* (З. Бядуля).

Семантыка руху рэалізуецца ў пэўнай колькасці мадэлей канструкцый, дзе тып прэдыката абумоўлівае якасны склад кампанентаў, і сэнсаўтваральны характар набываюць семантычныя кампаненты ў структуры тэксту ў строгай адпаведнасці з пэўным тыпам прэдыката. Тыповым сродкам выражэння лакатыўнасці выступаюць **лексічныя сродкі** – розныя формы іменных часцін мовы – назоўнік у форме роднага склону: *Павуцінка залатая – да вясковага двара. Верасовая сцяжынка. Па баках – беразныкі* (Г. Бураўкін); – *Я – да нашых куркулёў! Ну не!* (А. Дзялендзік); займеннік у форме роднага склону: *Шэф, да вас жанчына* (А. Дудараў); назоўнік у форме вінавальнага склону: *Інжынер – купец з вшэйшай адукацыяй – у агарод з бульдозерам* (М. Матукоўскі); – *А можа, ён на Петраград, цягнік* (П. Глебка); – *А я – у рэчку! Люблю ў віры наплаваць* (А. Бялёвіч).

Відавочна, што пытанне пра тэкставыя спосабы і сродкі выражэння лакатыўнасці з'яўляецца цікавым і актуальным, да таго ж у беларускім мовазнаўстве яно распрацавана недастаткова поўна. Патрабуюць дэталёвага даследавання сродкі і спосабы выражэння статальнай і дынамічнай лакалізацыі ў мастацкіх тэкстах, таму лічым названае даследаванне своечасовым і перспектыўным.

ЛІТАРАТУРА

1. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981.
2. *Тураева, З. Я.* Лингвистика текста : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / З. Я. Тураева. – М., 1986.

О. Н. Чалова (ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь)

ВАРИАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

Как и любой другой речевой жанр, научная дискуссия (НД) характеризуется наличием как неотъемлемых свойств (жанрообразующих признаков), составляющих специфику данного типа коммуникации, так и вариатив-

ных – переменных или факультативных черт, присутствие которых обусловлено не только жанровыми и стилевыми нормами общения, но и его текущими обстоятельствами, частными задачами конкретного коммуникативного эпизода, индивидуальными особенностями участников взаимодействия и проч.

Вариативность научной дискуссии как лингвистического феномена обнаруживается на разных уровнях: структурном, речеактовом, языковом, категориальном, тактико-стратегическом и др.

Структурные флуктуации НД проявляются в разнообразии композиционных моделей научного диалога, которые могут варьироваться от вопросно-ответных до полемически насыщенных, а также от двухкомпонентных до многорепличных образований. Использование той или иной модели зависит от ряда факторов, как объективных (в частности, от содержательной сложности обсуждаемых вопросов), так и субъективных (например, эпистемического статуса и речевой активности собеседника).

На **речеактовом** уровне вариативность НД тесно связана с возможностью выбора коммуникантом того или иного типа высказывания для решения определенной коммуникативной задачи. Так, с целью запроса сведений в научном диалоге могут употребляться не только собственно вопросительные, но и другие действия, зачастую имеющие метакоммуникативную природу. Широкая представленность метакоммуникативных средств в рассматриваемой разновидности общения объясняется, вероятно, ее ритуализированным характером, необходимостью своевременно обеспечить смену говорящего в условиях информативной насыщенности НД и высокой академической конкуренции.

Что касается **языковой** вариативности научного дискурса (в том числе и научной дискуссии), то о ней в лингвистике сказано немало: хотя традиционными (нормативными) языковыми чертами научной речи признаются абстрактная и терминологическая лексика, а также специфический синтаксис, уже давно известно, что в научной дискуссии обнаруживаются и не типичные для научных жанров вербальные единицы, а именно эмоционально окрашенные, образные и даже стилистически сниженные средства. Понятно, что использование подобных языковых сигналов осуществляется с целью достижения определенных коммуникативно-прагматических эффектов и в большей степени присуще относительно свободным (менее регламентированным) разновидностям НД, например коллективному обсуждению проблемы на научном семинаре.

На **категориальном** уровне вариативность НД обусловлена способностью дискуссии реализовывать разные, зачастую противоположные текстовые и коммуникативно-прагматические категории. Так, с одной стороны, в рамках научного диалога регулярно актуализируются такие признаки и качества научной речи, как ясность, четкость, строгость, точность и прочие. С другой стороны, подобные принципы НД периодически и целенаправленно нарушаются в пользу реализации других категорий, в частности категории имплицитности, которая (прежде всего в ситуации выражения критики)

способствует соблюдению норм вежливого и толерантного общения. Выбор конкретной линии вербального поведения (эксплицитной или имплицитной) зависит от текущих установок и интенций коммуниканта.

Вариативность *тактико-стратегической* структуры научного дискурса проявляется, во-первых, в широком диапазоне тактик, составляющих стратегии НД, и, во-вторых, в возможности альтернативно и с учетом специфики конкретной речевой ситуации применять тот или иной тактический ход для продуктивного ведения научного диалога. Например, из ряда аргументативных тактик (иллюстрирующих, апеллирующих, дефиниционных, интенсифицирующих, экзаплифицирующих, уточняющих, редактирующих, корректирующих и др.), способствующих реализации стратегии убеждения, коммуникант может использовать те, которые на данном этапе диалогического взаимодействия будут наилучшим образом способствовать организации конструктивного общения.

В заключение стоит отметить, что вариативный характер дискуссии, заключающийся в многообразии ее форм и, соответственно, в возможности выбора участником речевого процесса той или иной языковой, композиционной и коммуникативно-прагматической единицы или структуры, позволяет НД не замыкаться в каких-то определенных лингвистических средствах, ограничиваться стереотипными вербальными ресурсами.

В то же время вариативность научной дискуссии, свидетельствующая о разнообразии лингвопрагматического потенциала научного диалога, о динамичности его коммуникативно-прагматической системы, не является безграничной, а имеет свои пределы, обусловленные нормами и принципами институциональной коммуникации в целом и научного общения в частности.

И. В. Чеботарская (ПГУ, Полоцк, Беларусь)

ВЫБОР НОМИНАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ДЛЯ ОТОБРАЖЕНИЯ ВНЕЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Многие проблемы, лежащие в рамках политического дискурса, обсуждаются средствами массовой коммуникации. На материале публикаций крупного аналитического издания «Der Spiegel» (Гамбург), газеты «Die Zeit» (Гамбург) и газеты «Freie Presse» (Хемниц) мы проследили подачу информации об акциях протестов против беженцев в саксонском городе Хемниц, предположительно убивших местного жителя. В ходе анализа выявлены номинативные стратегии, которые используют периодические издания для обозначения участников события и их оценки.

Во время беспорядков соотношение рационального и иррационального в поведении субъекта, поэтому задача публикаций состоит в поддержании политической и социальной стабильности общества. Для усиления воздействия сообщений необходимо опираться на эмоциональную и рациональную сферу, на сферу знания и поведения. Чем понятнее аргументация, тем больше шансов у нее проникнуть и закрепиться в сознании адресата. И это может

оказаться более действенным средством воздействия на единичную и коллективную идентичность адресата, чем просто ссылки на мнение авторитетного лица. Например, Ангела Меркель назвала акции протеста *Zusammenrottung* 'сборище (с целью совершения противоправных действий)', что вызвало недоверие к ее словам.

Анализ вариантов в каждом издании позволяет выявить некоторые различия в эмпатии и в выделяемых аспектах номинации протестующих и беженцев. Для акцентирования безумства бесчинств в Хемнице в газете «Die Zeit» и журнале «Der Spiegel» их участники обозначаются как *der Mob* 'чернь, сброд', *der Lynchmob* 'линчующий сброд', *die rechte Horde* 'толпа, банда ультраправых', *der Pulk* 'толпа' и др. В качестве предикатов выступают единицы с семантикой звучания и движения (например: *brüllen* 'орать, реветь (разг.)'). Выбранные номинации позволяют выразить отрицательное отношение журналистов к демонстрантам и противопоставить свое 'мы' 'им'.

Наиболее негативно в цепочке воспринимается единица *der Pulk* 'толпа'. В текстах создается оценка с нисходящим статусным вектором, что обусловлено культурно-историческим и социально-психологическим осознанием, поскольку человек в кричащей и бегущей толпе теряет свое лицо. Люди боятся линчующей толпы, так как в ней человек легко внушаем и лишается здорового консерватизма, вытекающего из исторического опыта и способности предвидеть нежелательные последствия изменений (С. Г. Кара-Мурза).

В текстах активен прием усиления оценки с помощью частнооценочных лексем негативного типа, ср.: *Szenen aufgebracht Menschen mit wutverzehrten Gesichtern* 'сцены взволнованных людей с лицами, искаженными от злобы'.

Напротив, газета «Freie Presse» саксонского города Хемница – места беспорядков – предпочитает использовать нейтральное слово *die Gruppe* 'группа', что позволяет снизить угрозу от собравшихся демонстрантов и снизить категоричность оценки по отношению к ним: группа меньше, чем толпа. Единицы движения и звучания, сочетающиеся с *Gruppe*, также нейтральны. Снижение эмоциональности происходит в текстах «Freie Presse» благодаря употреблению положительно оценочного лексического варианта и атрибутов, дескриптивно выражающее состояние/действие, напр.: словосочетание *Gruppen in aufgeheizter Atmosphäre* 'группы в разгоряченной атмосфере'. Выбор нейтральных языковых средств в данных сообщениях объясняется их имплицитной манипулятивностью: в СМИ ранее неоднократно сообщалось об активности правых экстремистов и хулиганов в данном регионе, поэтому журналисты «Freie Presse», видя проблему изнутри, стремятся представить невысокую активность экстремистов в их регионе.

Беженцы номинируются нейтрально во всех сообщениях указанных СМИ, что позволяет поддержать и укрепить их социальный статус, ср.: *Asylbewerber* 'просители убежища' – *Ausländer* 'иностранцы', тем же целям служат также единицы, выделяющие признаки внешности беженцев. Негативная оценка фиксируется только в чужой речи.

Номинативные стратегии варьируются в зависимости от информационной направленности издания и от задач, которые она себе ставит публика-

циями. Значение лексической единицы и частотность ее употребления может служить маркером намерением изменить/сохранить статусные отношения в социальной системе. При этом журналистам обязательно нужно учитывать степень допустимого отклонения от «социального эталона» (Л. И. Гришаева).

В. Е. Чернявская (СПбПУ им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ В ДИСКУРСЕ: КАК И ПОЧЕМУ СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ОПРЕДЕЛЯЕТ СЕМАТИЗАЦИЮ

Одним из возможных подходов к анализу речевой структуры является ее изучение во включенности в социальный контекст, в дискурсивную практику. Контекст и контекстуализация становятся ключевыми понятиями в прагматически ориентированной лингвистике, лингвистике текста, лингвистике дискурса, социолингвистике. Это отражает общую тенденцию к социальному конструктивизму и перформативности современных объяснительных концепций, работающих с языком и речевыми структурами. В современном ракурсе реально изучаемым предметом является не отдельная речевая структура, но социокультурная практика.

Контекстуализация означает выдвигание в центр анализа речевого высказывания его включенность в социальное взаимодействие. Контекст следует рассматривать как ресурс для анализа конкретной социокультурной ситуации. Работа с контекстом предполагает ограничение в анализе потенциально бесконечного числа внешних факторов, способных влиять на понимание, и выявление релевантных факторов, оказывающих непосредственное «здесь и сейчас» влияние на формирование тем, на специфику социальных ролей участников коммуникации. Акцент ставится на том, что система высказываний отражает сложную систему отношений в социальной проекции. Для лингвиста это предполагает ответ на вопрос, под влияние каких социальных процессов тот или иной внешний фактор становится релевантным для выявления смысла высказывания, его латентных, неочевидных связей.

В объяснительных подходах к контекстуализации следует различать два исследовательских фокуса: на контексте порождения и контексте восприятия высказывания. Для лингвиста в практике лингвистического анализа это означает следующее: работать с контекстом – значит, опираясь на речевые структуры и через речевые структуры восстанавливать динамическую сторону контекстуализации, чтобы доказательно объяснять выбор языковых средств: их коммуникативную уместность или неуместность, манипулятивное использование языка, косвенные и имплицитные способы выражения коммуницируемых смыслов. Это предполагает включение в анализ речевых структур значимых характеристик актуальной практики в ее культурной, исторической, локальной обусловленности.

Теоретические дискуссии имеют значение для прикладной лингвистики, так как в новом исследовательском ракурсе определяют роль исследовательского инструментария в анализе коммуникативных ситуаций. Контекст не поддается формализации, его анализ не может быть представлен как

система очевидных языковых маркеров и исследовательских процедур. Применение лингвистического инструментария дает возможность, основываясь на формах вербализации, устанавливать с достаточной мерой строгости и достоверности интенцию автора высказывания с опорой на контекст порождения высказывания. При этом основной тезис таков: опора на семантику языковых единиц оказывается во многих анализируемых лингвистом ситуациях единственным доказательным инструментом и источником информации о том, как протекает процесс когниции – восприятия, понимания, оценочной реакции человека.

Н. Ю. Чечина (МГЛУ, Москва, Россия)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В МАТЕРИКОВОМ КИТАЕ И НА ТАЙВАНЕ НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Язык никогда не бывает абсолютно единым, так как наряду с факторами, способствующими формированию его единства, действуют факторы, создающие его неоднородность.

Несмотря на то, что Тайвань является провинцией Китайской Народной Республики, неотъемлемой частью территории Китая, однако в силу исторических причин (следствие поражения Китая в Японо-китайской войне 1894–1895 гг.) в период с 1895 по 1945 гг. Тайвань входил в состав Японии, что не могло не оказать влияния на местную культуру и язык, а сейчас на Тайване явно отслеживается интерференция английского языка и американской культуры. Что же касается языка, то китайский язык на Тайване имеет различия с материковым путунхуа. Общенациональным языком КНР является «путунхуа» (普通话 pǔtōnghuà ‘общепринятый разговорный язык’), который на Тайване получил название «гоюй» (国语 gúoyǔ – ‘государственный язык’).

Наиболее значимые различия между путунхуа и гоюй – лексические. Остановимся более подробно на различиях в экономической лексике. Приведем некоторые примеры, взятые из материалов СМИ материкового Китая и Тайваня.

материковый Китай

中国的经济改革是传奇故事，中国发展样本对其他发展中国家有启发意义。 – *Реформы экономической системы в Китае уже стали историей. Китай может послужить хорошим примером для других развивающихся стран.*

Тайвань

报告说：“在接下来 15 年，开发中国家能否获得至少 210 亿美元额外收入，取决于它们是否愿意对国内 10 岁女孩的福利、教育和独立性进行投资。 – *В докладе отмечается: «Смогут ли развивающиеся страны в ближайшие 15 лет получить дополнительный доход в размере как минимум 21 млрд. долларов зависит от того, готовы ли они вкладывать деньги в социальное обеспечение, образование и независимость девочек 10 лет»;*

2019 年原油价格可能保持在 70 美元/桶以下，主要原因是产量过剩(其中大部分来自美国)，以及**经济增长**放缓削弱了欧佩克减产支撑市场的努力。– *В 2019 году цены на нефть возможно останутся на уровне ниже 70 долларов за баррель. Главная причина – избыток предложения нефти (в основном за счет США), а также замедление экономического роста, которое затрудняет снижение добычи нефти странами ОПЕК для поддержания рынка.*

由于在美中贸易战持续中、Fed 升息不确定情况下，国泰金控预测台湾明年**经济增长率**仅为 2.2%... – *В ситуации неопределенности, когда не прекращаются торговые войны между США и КНР, а ФРС США повышает процентную ставку, по прогнозам Cathay Financial Holding рост экономики Тайваня составит 2,2%...*

В экономической лексике КНР и Тайваня, как видно из примеров, наблюдается использование различных морфем (слов) в качестве компонента слова (словосочетания), обозначающего одно и то же понятие. При этом довольно часто один из компонентов лексического комплекса (слог в слове или слово в словосочетании) совпадают в обоих вариантах китайского языка, а вторые компоненты являются синонимами: например, в 发展中国家 и в 开发中国家 (оба словосочетания означают «развивающиеся страны») глаголы 发展 и 开发 являются синонимами и означают «развивать, развиваться» (пример 1).

Если проанализировать наиболее общие причины различий в лексике общенародного китайского языка материкового Китая и Тайваня, то можно выделить следующие:

- 1) различия в социальном строе и, как следствие, различия в идеологии;
- 2) различия в уровне открытости и контактах с внешним миром.

На настоящий момент разница в лексике материкового и тайваньского китайского языка превышает 500 лексических единиц, однако стоит отметить, что вслед за углублением политики реформ и открытости и усилении контактов между «двумя берегами», начался процесс взаимного проникновения лексики, а лексические различия постепенно стираются.

Чжан Аньци (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ГРАФИКО-ФОНЕТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ КАК ОСНОВА ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГИЗМОВ

Всем известно, что сейчас Интернет является неотъемлемой частью нашей жизни. Он – как «четвертое средство массовой информации» после газет, радио и телевидения, и, как следствие, он сильно меняет средства коммуникации между людьми: возникает интернет-коммуникация и ее новое языковое представление – сетевой язык.

Интернет-коммуникация отличается от традиционных средств общения устно-письменной особенностью. Тем самым текст в Интернете приобретает

и такие свойства устной речи, как импровизация, неподготовленность, и связанные с этим специфические особенности: множество незаконченных синтаксических конструкций, повторы, ошибки и исправления и паузы, заполненные словами, лишёнными смысла и т. д.

Устно-письменная речь в интернет-коммуникации выполняет основную функцию общения и в то же время становится средством развлечения. Как результат, в Интернете появляется много интернет-сленгизмов, связанных с вариативностью графико-фонетической формы.

В китайском языке, как языке, использующем идеографическую систему письма, практикуется другое фонетическое прочтение иероглифов, связанное с диалектным произношением, или варьируются просодические (тоновые) характеристики китайского слова и т. п. Например, не совсем правильное произнесение героя одного интернет-видео слов 难受 *nanshou* 'грустно' и 想哭 *xiangkū* 'хочу плакать' привело к совпадению, близости их по фонетической форме соответственно к словам 蓝瘦 *lanshou* 'синий' и 香菇 *xianggū* 'гриб', что впоследствии и было обозначено картинкой, изображающей синий гриб. Тем самым фонетическое варьирование слов (нечёткость их произношения) имело своим результатом создание интернет-мема, ставшего, далее, своеобразным сленгизмом со значением 'я грущу, я плачу от грусти'.

В докладе будут приведены примеры других подобных сленгизмов, взятых с китайских сайтов, посвящённых «словам года» (2011–2018 гг.).

А. Н. Чударь (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ДИМИНУТИВОВ В АВСТРАЛИЙСКОМ АНГЛИЙСКОМ¹

На сегодняшний день единого определения диминутива не существует. Спектр возможных значений диминутивных единиц, а также способы их образования характеризуются определенной вариативностью. Наиболее часто единственным рассматриваемым способом образования диминутивов является суффиксальный, что, возможно, является справедливым для славянских языков, но неприемлемо для, например, германских (в частности, английского).

В первую очередь необходимо отметить, что, поскольку английский язык является аналитическим, в настоящее время большинство исследователей категории диминутивности включают в возможные формы ее выражения не только синтетические, но и аналитические формы, например, *little house* – диминутив от *house* 'дом', *tiny boy* – диминутив от *boy* 'мальчик'. Кроме того, выделяются разнообразные синтетические способы образования диминутивов в английском языке. При этом стоит отметить не только

¹ Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

разнообразии суффиксов, используемых для образования диминутивов, но и тот факт, что суффиксальный способ не является единственным синтетическим способом образования диминутивов в английском языке. Согласно К. Шнайдеру [1], к синтетическим способам образования диминутивов в английском языке помимо суффиксации также могут быть отнесены префиксация, редупликация (частичная или полная) и усечение (инициальное, медиальное или финальное). В рамках данной работы нами были рассмотрены различные типы синтетических диминутивов. Основные задачи нашего исследования – систематизировать возможные синтетические способы выражения категории диминутивности в английском языке, а также выявить их продуктивность в австралийском английском (на основе лексикографических данных).

Считается, что из всех национальных разновидностей английского языка наибольшей частотностью и разнообразием диминутивных единиц характеризуется австралийский английский, в связи с чем источником материала для данной работы послужил словарь австралийского английского «Australian Oxford Dictionary» [2]. Поскольку диминутивы в английском языке могут быть образованы от большого количества слов, фиксация всех диминутивных единиц в словаре не представляется возможной, и следует ожидать, что представленные в словаре единицы являются наиболее употребительными.

При помощи метода сплошной выборки нами из словаря было отобрано 868 синтетических диминутивов, образованных различными способами, см. таблицы 1 и 2.

Таблица 1. Способы образования диминутивов в австралийском английском

	Суффиксация	Усечение	Редупликация	Префиксация
Количество единиц	454 (52 %)	305 (35 %)	23 (3 %)	86 (10 %)

Таблица 2. Типы суффиксальных диминутивов в австралийском английском

Суффикс	Количество диминутивов	Суффикс	Количество диминутивов
<i>-ie / -ee / -ey / -y</i>	300 (66,08 %)	<i>-ling</i>	17 (3,74 %)
<i>-o</i>	72 (15,85 %)	<i>-ette</i>	16 (3,52 %)
<i>-let</i>	27 (5,95 %)	<i>-kin</i>	2 (0,44 %)
<i>-er</i>	19 (4,2 %)	<i>-s</i>	1 (0,22 %)

Итак, среди диминутивов, зафиксированных в словаре, наиболее распространенными являются суффиксальные единицы (в некоторых случаях суффикс прибавляется к усеченной основе): *girlie* от *girl* ‘девочка’, *resto* от *restaurant* ‘ресторан’. Диминутивы, образованные путем усечения (без добавления аффиксов) исходного слова, встречаются также довольно часто: *cardie/cardy* от *cardigan* ‘кардиган’, *intro* от *introduction* ‘вступление’. Редупликация при образовании диминутивов встречается наименее часто: *tittle-tattle* ‘слухи’, *jaw-jaw* ‘треп’. Немного чаще можно обнаружить диминутивы, образованные при помощи префиксов: *minibus* ‘микроавтобус’, *minigolf* ‘мини-гольф’.

Таким образом, можно наблюдать определенную вариативность в понимании диминутивов в различных лингвистических традициях. Так, традиционно рассматриваемый в славистике суффиксальный способ, являясь наиболее продуктивным, все же не является единственным синтетическим способом образования диминутивных единиц в английском языке. Кроме того, необходимо отметить, что отнесение единиц типа *tittle-tattle* ‘слухи’ и *minibus* ‘микроавтобус’ к диминутивам может противоречить традиционным представлениям о диминутивах в славистике. Это связано с более широким пониманием диминутивности в англистике, позволяющим включить в состав диминутивов единицы, характеризующиеся значительной вариативностью как в формальном, так и в семантическом плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schneider, K. Diminutives in English* / K. Schneider. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2003. – 254 p.
2. *Moore, B. Australian Oxford Dictionary* / B. Moore. – Melbourne : Oxford University Press, 2004. – 1538 p.

Чэнь Ваньжоу (МГЛУ, Москва, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ «МИЛОСЕРДИЕ» (на материале творчества В. БЕЛОВА И В. РАСПУТИНА)

Доклад посвящен исследованию вариативности репрезентации базовой ценности русской культуры «милосердие» в русской деревенской прозе. В лингвистических исследованиях термин «вариативность» используется для обозначения разных способов выражения одной сущности как ее разновидности или модификации. Вариативность репрезентации базовой ценности «милосердие» в художественных текстах является актуальным предметом лингвистического исследования, поскольку интерпретация художественного текста порождает множество разных личностных смыслов, представленных в тексте имплицитно и эксплицитно.

Ценности рассматриваются нами как регулятивный комплекс базовых представлений о бытии, позволяющих индивиду ориентироваться в социальной жизни. Они составляют неотрывную часть человеческой жизни, выявляя ментальную сущность человека, воздействуя на мотивы деятельности индивида, демонстрируя нормы социального поведения человека.

Психологи и психолингвисты говорят о возможности фиксации ценностей в культуре социума на разных уровнях общественного сознания (философском, социокультурном, обыденном и др.). В любом случае моделирование содержания ценностей осуществляется на основе его вербальной репрезентации. В докладе осуществляется анализ содержания названной ценности при помощи компонентного и дефиниционного анализа, которые дают возможность наглядно представить вариативность ее значения.

В лексикографических источниках отражено инвариантное (общественно одобряемое, «официальное» содержание ценности «милосердие»: готовность помочь нуждающимся людям и всему живому; доброжелательность и забота, проявление любви к другому человеку; выражение бескорыстной помощи и заботы; деятельное проявление милосердия, различного рода помощь; гуманизм.

Поскольку ценность «милосердие» относится к моральным, ее рассмотрение логично осуществлять на базе художественных текстов, например, текстов «деревенщиков» В. Белова и В. Распутина, главный смысл творчества которых заключается в нравственном исследовании личности. Наиболее отчетливо базовая ценность «милосердие» проявляется в женских характерах, созданных В. Беловым и В. Распутиным. Красота и сила русской женщины всегда определялась ее способностью проявлять по отношению к каждому существу и ко всему миру терпение, прощение, милосердие, сострадание, способность к самопожертвованию.

Для главной героини повести «Живи и помни» Настены, молодой женщины, но уже сложившейся духовно, жизнь невозможна, если духовный стержень исчезнет. Для семьи она готова на самопожертвование. Милосердие для В. Распутина – это доброжелательность, забота и бескорыстие, любовь и сострадание как выражение бескорыстной помощи и самопожертвования.

В повести В. Белова «Привычное дело» героиня Катерина обладает необыкновенной душевной щедростью, милосердием и добротой, которые проявляются в самых обыденных, повседневных заботах. Бессознательно проявляемое милосердие Катерины всегда сродни инстинкту защиты не просто потомства и продолжения жизни, а своей нравственной опоры, которая и создает вечную духовную связь поколений, без которой бытие немислимо. В. Белов представляет и деятельное проявление милосердия – различного рода помощь и гуманизм.

В творчестве В. Белова и В. Распутина сознание и поведение героев обусловлено базовыми ценностями, которые составляют ядро их воззрений на жизнь, представляют народные архетипы, нравственные критерии и мировоззрение этноса. В их описании ценность милосердие репрезентирует разные варианты значения.

Чэнь Тин (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ МОДЕЛИ ПОЛИСЕМИИ

Вместе с развитием антропоцентрического направления (а порой и в противовес ему) резко возрастает интерес лингвистов к продолжению сопоставительных исследований реальных языков, начатых в сравнительно-историческом языкознании. Однако в то время как сравнительно-исторические исследования были обусловлены необходимостью установления родства языков, сопоставительные исследования вызваны иными потреб-

ностями: поиском языковых универсалий, выявлением национальной специфики языковой картины мира, социальным запросом на эффективное преподавание современных иностранных языков.

Кроме того, сопоставительный анализ второй половины XX в. выполняется на принципиально других основаниях: он проводится в синхронии, независимо от степени родства языков, причем не только на разных языковых уровнях, но и на уровне текста и дискурса. Его целью является выявление сущности определенного языкового явления, которая могла остаться незамеченной при анализе одного языка. Кроме того, проводимое сопоставительное описание языков (установление ядра и периферии, специфики в организации категорий родственных, так и неродственных языков, выявление схожих и различительных характеристик отдельных подсистем и коррелятивных единиц) предшествует типологии.

Таким образом, в эти годы формируется *сопоставительная* (контрастная) *лингвистика*. Развиваясь в новых исторических условиях, сопоставительная лингвистика оказалась теснейшим образом связанной с различными направлениями современного языкознания (структурной и когнитивной лингвистикой, лингвокультурологией и др). В ее развитие значительный вклад внесли Р. Ладо, Р. Дж. Ди Пьетро, В. Г. Гак, Р. Р. К. Хартманн, В. Н. Ярцева, А. Й. Гудавичюс, В. Б. Кашкин и мн. др. Результаты сопоставительного анализа языков в одинаковой степени востребованы как теоретическим языкознанием, так и прикладной лингводидактикой.

В данной работе исследуется полисемия коррелятивных слов в разноструктурных, генетически неблизкородственных языках: английского и китайского. По мнению Г. И. Кустовой, полисемия «выступает как механизм оптимизации хранения разных значений и доступа к ним – она позволяет хранить информацию о связанных, с точки зрения человека, явлениях в одной упаковке» [1, с. 23].

В этой связи целью предпринятого исследования является установление характера влияния тематической отнесенности слова на развитие им полисемии (см. *модель полисемии* в [2]), которая проверяется на коррелятивных ключевых существительных в английском и китайском языках. Кроме того, сопоставляются и описываются представления о концептуальных связях категорий, связанных этими полисемантическими словами с целью установления их общих и отличительных черт.

Учитывая, что осмысление человеком реальных и гипотетических ситуаций должны осуществляться на основе единых для всех людей принципов, можно предположить, что в коррелятивных полисемантических словах разных языков тематическая отнесенность значений и типы содержательных связей между ними будут похожими, иметь определенный инвариант. Такая тенденция к сходству, однако, не исключает случайности при выборе для номинации конкретного представителя видовой категории или влияние внешних социокультурных факторов на развитие словами полисемии, что приведет к межъязыковым различиям, что можно обозначить как *межъязыковую лексико-семантическую вариативность*. Данное предположение стало рабочей гипотезой предпринятого исследования.

Проведенный анализ дает основания полагать, что общность чувственного опыта людей, говорящих на разных языках, а также универсальность когнитивных процессов, лежащих в основе познания, и механизмов номинации (метонимический перенос наименования с одного слота фрейма на другой; метафорический перенос наименования на основе устанавливаемого человеком сходства внешнего вида категорий (форма, размер, цвет и др.) / функций / положения в пространстве / вызываемых ощущений и эмоций) служат основой для потенциальной *универсальной модели связи понятий о мире*, отраженной в полисемантическом слове.

Вместе с тем не все потенциально возможные метонимически и метафорически связанные концептуальные категории актуализируются в полисемантическом слове. Кроме того, содержание каждого значения в модели полисемии многозначных слов в значительной степени определяется системно-структурными и социально-культурными факторами. Более того, «связанными в одну упаковку» многозначным словом могут оказаться достаточно случайные категории, обнаруживающие сходство или смежность с прототипическим центральным значением. Все эти факторы вызывают различия в полисемии коррелятивных слов, формируя межъязыковую лексико-семантическую вариативность в частности и идиоэтническую языковую картину мира в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кустова, Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
2. *Лещёва, Л. М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л. М. Лещёва. – Москва : ЯСК (Серия: Разумное поведение и язык. Language and Reasoning), 2014. – 256 с.

И. А. Шашков (Горловский институт иностранных языков)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Религиозный дискурс является одним из немногих типов дискурса, насчитывающих тысячелетнюю практику, и представляет собой вид институционального, статусно-ориентированного дискурса, обладающего присущими ему элементами, категориями, свойствами и функциями. Основная цель религиозного дискурса заключается в приобщении к Абсолюту и ценностям веры, в приобщении к вероисповеданию и распространению вероучения, в почитании священных ритуальных действий и обрядов, а также неукоснительном соблюдении правил. Современное расширение границ дискурса, происходящее благодаря функциональным возможностям Глобальной Сети, знаменует становление нового поколения религиозного института – цифровой / электронно-опосредованной церкви, что предполагает реализацию религиозного интернет-дискурса (РИД).

Наше исследование основывается на опыте изучения РИД как вида информационно-дистрибутивной практики через природу ее когнитивно-прагматической организации на основе гипертекстового материала, используемого в полижанровом пространстве, репрезентирующем исследуемый объект. Теоретико-методологической базой работы являются исследования в области религиозной дискурсологии, интернет-дискурсивных практик, жанровой организации религиозного дискурса, гипертекстовой организации сетевого пространства. Возрастающий интерес к данному объекту объясняется рядом причин: 1) повышенным уровнем внимания к феномену языковой личности участника исследуемого дискурсивного образования как к носителю определенной лингвокультуры и представителю социокоммуникативной общности; 2) разноаспектной возможностью исследования особенностей функционирования интернет-дискурсивного пространства религиозного содержания; 3) укреплением позиций религиозных институтов посредством возможностей, предоставляемых Глобальной Сетью Интернет. Названные причины определили перспективы нашего исследования, проводимого на основе анализа когнитивно-прагматической специфики религиозного сетевого узуса, изучения особенностей идентичности и реализации языковых личностей участников, способов репрезентации речекоммуникативных и информационно-дистрибутивных практик в религиозном интернет-дискурсивном пространстве.

Результаты исследования позволяют утверждать следующее: в глобальном разноуровневом полижанровом пространстве РИД, репрезентируемом гипертекстовым материалом, реализуется задача воздействия на языковую личность адресата с целью достижения перлокутивного эффекта и возможной трансформации языковой картины мира реципиента посредством использования лингвокогнитивных и лингвопрагматических средств. Применение когнитивно-прагматических стратегий и тактик в исследуемом типе дискурса наблюдается в функционировании присущих ему структурирующих категорий: участников, свойств, функций, жанров, тем, ценностей, временного пространства, стратегий, целей, текстового материала. Данный структурообразующий инструментарий в совокупности характеризует исследуемый объект как перспективную область реализации информационно-дистрибутивных практик религиозного содержания.

Структуре РИД присущи элементы, среди которых ведущая роль отводится языковым личностям участников (продуцент и реципиент) процесса сетевой речекоммуникативной интеракции, со свойственными им категориями и статусно-ориентированными характеристиками. Именно наличие таких продуцент-реципиентных отношений в условиях адекватно подобранных форм (жанров) и когнитивно-прагматических средств подачи информационного материала обеспечивают успешную реализацию исследуемого объекта. Продуцент выполняет роль инициатора, автора и организатора дискурсивного пространства с помощью гипертекстового и жанрового инструментария. Реципиент при этом рассматривается как языковая личность участника, способная пройти предполагаемую трансформацию в несколько

этапов: пользователь сети → пассивный читатель → предполагаемый реципиент → интерпретатор → активный участник. Успешному вовлечению в участие в пространстве РИД способствуют правильно подобранный арсенал социотематических направлений.

Религиозный интернет-дискурс представляет собой глобальное сетевое образование, успешная реализация которого опосредована рядом структурирующих категорий, природой его разноуровневой полижанровой организации, что обеспечивает эффективное использование когнитивно-прагматического интенционала с целью воздействия на сетевую аудиторию языковых личностей его участников.

Глобальное, постоянно расширяющееся пространство РИД наделено определенной когнитивно-прагматической нагрузкой, способствующей воздействию на массовую языковую личность реципиента при выборе информационного ресурса. Подобное воздействие обеспечивается полижанровой организацией, гипертекстовыми особенностями и способами наполнения сетевого контента.

Рассматривая религиозный интернет-дискурс в качестве динамичного процесса использования текстового материала в различных информационно-дистрибутивных практиках, приходим к выводу, что реализации продуцент-реципиентных отношений языковых личностей участников РИД способствует когнитивно-прагматический потенциал, которым наделено дискурсивное образование и который представлен набором лингвокогнитивных лингвопрагматических стратегий и тактик, используемых в подготовленном гипертекстовом материале.

Подобный вывод дает основания трактовать религиозный интернет-дискурс как сетевую информационно-дистрибутивную практику, реализующуюся посредством репрезентации высказываний языковой личности продуцента, воплотившихся в подготовленном гипертекстовом материале, способным с помощью электронно-дистрибутивной среды апеллировать к проблематике, социально и ценностно значимой для реципиента и в перспективе воздействовать на языковую личность последнего.

Н. Г. Швец (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСТРОЕНИЯ ФОРМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЫБОРА ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЗАДАННОМУ ТЕКСТУ РЕКЛАМНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ

Стремительное развитие новых информационных технологий значительно расширило круг интересов лингвистики, выдвинуло в качестве одной из первоочередных задач всестороннее исследование языка во всем многообразии его связей с кодами других семиотических систем, в том числе с иконическим кодом. Объектом лингвистического исследования становятся так называемые креолизованные тексты, т. е. тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной.

К креолизованным текстам относятся и печатные рекламные объявления (РО), в которых вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата.

Гипотеза исследования 1000 печатных РО по теме «Косметика и парфюмерия» состояла в том, что, представляя содержание текста РО в виде определенного набора главных и второстепенных опорных (или ключевых) слов, а содержание иллюстрации РО – в виде многоуровневого комплекса дескрипторов, можно определить близость этих содержаний через максимальное число совпадений опорных слов и дескрипторов с учетом степени важности опорных слов и дескрипторов.

Несмотря на большое число работ, посвященных, в частности, ключевым словам, до настоящего времени не разработана последовательная методика обнаружения таких слов человеком. Экспериментально подтверждено, что эта операция выполняется людьми интуитивно, и является личностно обусловленной. Отсюда вытекает и сложность разработки методов и алгоритмов автоматического извлечения ключевых слов из текста.

В нашем исследовании при выделении ключевых слов текста учитывалась абсолютная частота употребления слова (с учетом всех его возможных синонимов и замен) и количество абзацев, в которых встретилось слово. Но частота употребления слова в тексте не всегда может быть однозначным параметром, так как признак частотности опорного слова не является превалирующим. В целях получения более качественного результата при выявлении основного содержания текстов РО мы использовали статистический метод в сочетании с позиционным методом извлечения ключевых слов из текста.

Таким образом, основное статическое содержание анализируемых текстов было представлено формальным образом с помощью набора главных и второстепенных опорных слов, дополненных ключевыми словами из заголовков РО. Эти слова несут основную семантическую нагрузку в тексте, обеспечивая становление и развитие его темы. Преимущество выбранной нами методики состоит в простоте формализации, возможности классифицировать слова конкретного текста в зависимости от степени их важности для семантической структуры текста по нескольким группам (слова-объекты, слова-признаки, слова-действия, прочие слова), а также в гибкой применимости данной методики к текстам с разным количеством абзацев.

В настоящем исследовании вызывает большой интерес тезаурусное представление содержания изображения, представляющее собой описание иллюстрации в виде некоторого набора слов и отношений между этими словами в рамках некоторой предметной области. Преимуществом данного метода является то, что он позволяет учесть как доминирующие, так и второстепенные черты изображения.

Методика тезаурусного описания изображений РО включала следующие этапы:

- 1) выявление языкового, денотативного и коннотативного содержаний изображений исследуемых РО;

- 2) определение дескрипторов, образующих первый уровень тезауруса;
- 3) выделение следующих типов отношений между дескрипторами: ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, СОМАТЕМА – ПРИЗНАК, СОМАТЕМА – ДЕЙСТВИЕ, ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК, ОБЪЕКТ – ДЕЙСТВИЕ, АССОЦИАЦИЯ;
- 4) систематизация отношений типа СОМАТЕМА–ПРИЗНАК по ряду параметров (цвету форме и т.п). Такие параметры были выделены для описания следующих соматем: «Женщина», «Волосы», «Глаза», «Губы», «Зубы», «Кожа», «Лицо», «Нос», «Ресницы», «Тело (Фигура)»;
- 5) систематизация отношений типа ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК по следующим параметрам: 'форма', 'цвет', 'содержимое', 'название', 'фирма-изготовитель'.

Для решения проблемы формализации взаимосвязи содержания вербальной составляющей и иллюстрации нами был предложен принцип максимального совпадения семантических вех вербального компонента (опорных слов) и изображения (дескрипторов) на разных уровнях семантической значимости этих единиц.

Формальная модель выбора иллюстрации к заданному тексту РО была представлена в виде алгоритма, основанного на лексико-семантических правилах. Реализация данной модели в виде компьютерной программы, написанной на языке C#, доказала, что формальная взаимосвязь вербального текста и иллюстрации РО вполне осуществима на лексико-семантическом уровне.

Предложенные идеи можно использовать при создании информационных систем семантического поиска визуальных материалов в криминалистике (при отождествлении предметов и их описаний) и музейном деле (при составлении документации на картины и другие экспонаты), в издательском деле (при компьютерном дизайне текстов), а также в вузовских учебных курсах по лингвистике текста, семиотике и прикладной лингвистике.

Ю. А. Шеховская (ТюмГУ, Тюмень, Россия)

СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ «MetaSelf» В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Процесс глобализации и одновременно политика мультикультурализма во многих странах объясняют возникший в последние десятилетия интерес лингвистов к изучению особенностей языковой репрезентации категории «MetaSelf». Исследователи посредством лингвистического анализа стремятся выявить настрой одной лингвокультуры в отношении себя и в отношении культуры с другой концептосферой.

Анализ специфики создания и использования «MetaSelf» в медийном дискурсе глобальной сети интернет на примере спортивного дискурса немецкого, английского и русского языков позволил сформулировать ряд научных положений, представленных в тезисах:

1. Метафора «себя» (metaself) в немецком спортивном дискурсе представлена такими подвидами, как физиологическая метафора, морбиальная метафора, метафора родства и социальная метафора. Наиболее часто встречаемой является физиологическая метафора, что обусловлено, вероятнее всего, непосредственной взаимосвязью спорта с физиологией человека.

Метафора «себя» (metaself), представленная в спортивном дискурсе, чаще является простой, оценочной, гиперболической. Структура метафоры «себя» (metaself), которая фигурирует в немецком спортивном дискурсе, представляет собой различного рода словосочетания и простые предложения (в некоторых случаях распространенные). Метафора «себя», фигурирующая в немецком спортивном дискурсе, может состоять из различных частей речи, в том числе имен существительных, имен прилагательных, местоимений, наречий, глаголов, предлогов, артиклей и т. д.

2. Анализ лингвистических средств выражение метафоры «себя» в англоязычном спортивном дискурсе позволил установить, что метафора «себя» (metaself) в англоязычном спортивном дискурсе представлена такими подвидами, как физиологическая метафора, морбиальная метафора и социальная метафора. При этом наиболее распространенной является физиологическая метафора.

Чаще всего метафора «себя» (metaself) представлена в спортивном английском дискурсе в виде простых предложений (33,8 %), реже в качестве простых предложений в составе сложного (25,6 %), словосочетаниях (23,4 %) и отдельных слов (17,2 %). Метафора «себя», фигурирующая в английском спортивном дискурсе, может состоять из различных частей речи, в том числе имен существительных, имен прилагательных, местоимений, наречий, глаголов, предлогов, артиклей и т. д.

3. Метафора «себя» (metaself), фигурирующая в спортивном дискурсе, представлена такими подвидами, как физиологическая метафора, морбиальная метафора, метафора родства и социальная метафора. Наиболее распространенной является физиологическая метафора. Наряду с этим, метафора «себя» (metaself), представленная в русском спортивном дискурсе, чаще является простой, оценочной, гиперболической. Структура метафоры «себя» (metaself), которая фигурирует в русском спортивном дискурсе, представляет собой различного рода словосочетания и простые предложения (в некоторых случаях распространенные) и отдельные слова.

Чаще всего метафора «себя» (metaself) представлена в спортивном немецком дискурсе в виде простых предложений (37,6 %), реже в качестве отдельных слов (21,5 %), словосочетаний (29,2 %), предложений в составе сложного (11,7 %). Метафора «себя», фигурирующая в русскоязычном спортивном дискурсе, может состоять из различных частей речи, в том числе имен существительных, имен прилагательных, местоимений, наречий, глаголов, предлогов, артиклей и т. д.

4. Сопоставительный анализ функционирования различных подвидов метафоры «себя» в спортивном дискурсе трех языков позволил установить, что в спортивном дискурсе всех трех языков преобладающей является

физиологическая метафора. Вместе с тем морбиальная метафора является более характерной для англоязычного спортивного дискурса, метафора родства для русскоязычного, а социальная метафора для немецкого.

Сопоставительный анализ грамматической структуры метафоры «себя» (metaself) в спортивном дискурсе трех языков позволил установить, что в немецком спортивном дискурсе метафора «себя» (metaself) чаще всего представлена в виде словосочетаний (простых и сложных), в англоязычном и русскоязычном спортивном дискурсе метафора «себя» (metaself) чаще представлена простыми предложениями.

Для спортивного дискурса разных языков характерным является преобладание того или иного подвида метафоры «себя», что в целом объясняется не только особенностями языка, но также и менталитетом народа, который говорит на этом языке.

Ю. А. Штонда (ВГУ, Воронеж, Россия)

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ И ФОРМАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИЧНОГО ПИСЬМА (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ ДИТРИХА БОНХЕФФЕРА)

Данное исследование посвящено анализу личных писем Дитриха Бонхеффера (1906–1945 гг.), известного немецкого теолога, участника движения немецкого сопротивления, написанных во время заключения в тюрьме в период с апреля 1943 г. по февраль 1945 г.

Личное письмо представляет собой благоприятный и адекватный материал для изучения вариативности. Это обусловлено высокой степенью вариативности типа текста «письмо», с одной стороны, и высокой степенью вариативности содержания каждого из типов и видов писем, с другой. В ходе исследования были проанализированы 87 личных писем Д. Бонхеффера, 47 из которых адресованы другу Э. Бетге, 32 письма – родителям, 4 письма возлюбленной и 4 письма следователю.

Анализ изучаемого материала показал, что такие факторы, как адресат, ситуация, не-коммуникант, повод для написания, определяют макроструктуру письма, содержащего обязательные и факультативные макрокомпоненты. Под макрокомпонентами понимается неотъемлемая часть текста, большая, чем сверхфразовое единство, но иерархически более низкая, чем целостный текст. Макрокомпонент представляет собой средство решения частной коммуникативной и когнитивной задачи, способствующей решению общей коммуникативной задачи, реализуемой текстом в целом. К обязательным макрокомпонентам личного письма относятся место, дата, обращение, основная часть, подпись. Наличие факультативных макрокомпонентов обусловлено включением в личное письмо сверхфразовых единств, организованных согласно конвенциям, и свойственных семантической и синтаксической функциональной организации личного письма в конкретной языковой культуре. Так, философский, теологический, лирический, искусствоведческий макрокомпоненты, которые содержатся в письмах Д. Бонхеффера, чаще всего встречаются в письмах другу, в то время как письма родителям состоят

преимущественно из обязательных макрокомпонентов и содержат небольшие по объему факультативные макрокомпоненты. Другими словами, наличие и объем факультативных макрокомпонентов зависит от фактора адресата.

Факторы, обуславливающие организацию текста, условно можно разделить на две группы: внутренние и внешние по отношению к тексту. К внутренним по отношению к организации текста факторам целесообразно отнести тип понятийной сферы, из которой активизируются сведения, вербализуемые в тексте; степень детализации вербализуемых сведений; особенности перспективизации вербализуемых сведений; соответствующие механизмы вербализации, прежде всего, тема-рематической прогрессии; структура синтаксической единицы; первичность / вторичность; способы вербализации пропозиции и др.

Внешние по отношению к организации текста факторы тесно связаны с ситуацией порождения текстов. Внешние факторы влияют на функциональный потенциал и структуру текста письма.

Во-первых, фактор адресата оказывает влияние на выбор дискурсивных стратегий. Так, письма разным адресатам – родителям, возлюбленной, другу, следователю – имеют разную длину, содержательную структуру, разные тематические особенности.

Во-вторых, на характер коммуникации влияет ситуация, в которой пишутся письма. Изучаемые письма Д. Бонхеффера были написаны в ситуации тюремного заключения, и это обстоятельство значительным образом отразилось на содержательной и формальной организации. Например, два письма родителям и другу представляют из себя завещание, в котором говорится, что из личных вещей заключенного должны получить друзья, родные и близкие в случае смерти заключенного. Ситуация заключения вне всякого сомнения влияет на выбор дискурсивных стратегий, поскольку в письмах разных адресатам Д. Бонхеффер говорит о разных вопросах разными способами.

В этом смысле значимым является также фактор не-коммуникант, поскольку, если адресант писем знает, что его письма будут прочитаны третьими лицами, цензурой (в данном случае следователем), то он будет говорить на одни темы (например, Д. Бонхеффер специально говорит в письмах родителям о том, что он не разбирается в юридических вопросах), и умалчивать о других (политика, имена друзей и соратников).

В третьих, на организацию письма играет повод для написания письма, например: поздравление с праздником (письмо-проповедь по поводу женитьбы друга, слово по поводу крещения сына друга), бытовое письмо, медитация на определенную тему.

Изучаемые письма содержат также значительные по объему размышления на сквозную для писем другу теологическую тему и отражают личность автора как христианского пастора и ученого теолога. Кроме того, к некоторым письмам приложены стихотворения, в которых отражено видение Д. Бонхеффером собственного духовного пути.

Наличие макрокомпонентов определенного характера способствует модификации функционального потенциала писем. Основная функция писем родителям, возлюбленной и другу – фатическая, что подтверждает классификацию Э. Гроссе, согласно которой письмо относится к контактоустанавли-

вающим текстам. При этом письма другу, содержащие большие по объему макрокомпоненты, выполняют и другие функции, а именно информирующую, поэтическую, содержат элементы автопортрета.

Таким образом, анализ писем Д. Бонхеффера показал, что вариативность личного письма проявляется в его семантической, синтаксической макроструктуре, а также в его богатом функциональном потенциале, что обусловлено различными факторами, как внутренними, так и внешними по отношению к языковой деятельности.

Е. Э. Шуранова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ ЧЛЕНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА ПОСРЕДСТВОМ ПРЕДМЕТНО-ПРИЗНАКОВЫХ ИМЕН (на материале немецкого и русского языков)

Данная работа посвящена проблеме членения пространства при помощи предметно-признаковых имен существительных в немецком и русском языках. Под предметно-признаковыми именами мы понимаем субстантивы, которые занимают промежуточное положение между вещными и признаковыми именами, т. е. обозначают конкретные фрагменты действительности, которые не являются предметами или шире – физическими объектами, например, *отверстие, нора, царапина, след, трещина, яма*. В толковых словарях такие имена определяются через предложные конструкции типа *место в / на, пространство в*, либо через имена, в дефинициях которых есть подобные конструкции (*отверстие* – «дыра, скважина, щель»).

Методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников русского и немецкого языков были отобраны все такие имена: для русского языка список составил 144, для немецкого – 200 единиц. Количественные данные показывают, что в немецком языке насчитывается на 56 предметно-признаковых имен существительных больше по сравнению с русским языком. Это может свидетельствовать о более детальном членении соответствующих фрагментов действительности в немецком языке.

Данное предположение получило подтверждение в ходе нашего исследования. Установлено, что причина наблюдаемой асимметрии заключается в наличии у одного существительного в русском языке нескольких коррелятов в немецком языке. Так, ряд существительных имеют по 2 коррелята в немецком языке (например, *горловина / die Öffnung, das Mannloch*; *выгиб / die Krümmung, die Biegung*; *веснушки / die Sommersprossen, das Märzflecken*); несколько существительных имеют по 3 коррелята (например, *морщина / die Runzel, die Falte, die Furche*).

Исследование показало, что более детальное членение пространства в немецком языке с помощью предметно-признаковых существительных обусловлено тем, что для их семантике релевантным оказывается знание о месте расположения соответствующих фрагментов действительности. Например, существительное *мозоль* коррелирует с немецкими существительными *die Schwieler* и *das Hühnerauge*. В дефиниции субстантива *мозоль* –

«утолщение кожи от частого трения, давления» отражается способ возникновения изменений на поверхности, в то время как в дефинициях его немецких коррелятов (*die Schwieler* – «durch Druck verdickte und verhärtete Stelle **in der Haut**» ‘мозоль – «вызванное давлением утолщенное и затвердевшее место на коже»’; *das Hühnerauge* – «kegelförmige Verdickung an den Füßen, besonders auf der Oberseite der Zehen» ‘мозоль на ноге – «шаровидное утолщение на стопах, особенно на верхней стороне пальцев»’) отмечается как способ возникновения изменений на поверхности, так и место образования этих изменений. Сходная ситуация наблюдается на примере существительного *трещина*. В дефиниции данного субстантива представлена информация о способе возникновения изменений на поверхности (*трещина* – «место разрыва на поверхности **чего-либо расколовшегося, лопнувшего**»). В толкованиях немецких коррелятов данного существительного, а именно: *der Riss* ‘трещина во льду’, *der Kluft* ‘трещина в горной породе’, *die Infraktion* ‘трещина в кости’, также содержится информация об объекте, на котором образуются соответствующие изменения.

Анализ языкового материала показал, что коррелятивные отношения между немецкими и русскими предметно-признаковыми существительными оказываются более сложными, чем простое соответствие одного существительного в русском языке нескольким в немецком. Отмечаются случаи, когда на одно существительное в русском языке приходится несколько переводных эквивалентов в немецком. Например, для существительного *царапина* указываются следующие переводные эквиваленты: *der Kratzer*, *die Kratzwunde*, *der Ritz*, *die Ritze*. Для субстантива *щель* в словаре зафиксированы корреляты: *der Riß*, *der Ritz*, *die Ritze*, *der Schlitz*. Из примеров видно, что данные существительные имеют два общих переводных эквивалента: *der Ritz*, *die Ritze*.

Наблюдается и обратная ситуация, когда на одно существительное в немецком языке в словаре зафиксированы три переводных эквивалента. Например, существительное *die Furche* имеет в русском языке три коррелята: *борозда* (в поле), *морщина* (на лице, лбу), *извилина* (в коре головного мозга).

Таким образом, коррелятивные отношения между предметно-признаковыми именами существительными в немецком и русском языках оказываются весьма сложными и неоднозначными. Причины неоднозначности заключаются как в своеобразии членения пространства посредством предметно-признаковых имен существительных, так и в различиях в семантической структуре.

А. А. Щербакова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ В ТЕРМИНОСИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Несмотря на то что вариативность как фундаментальное свойство языковой системы подробно изучена современной лингвистикой, динамика языковых процессов открывает все новые исследовательские возможности для изучения вариативности в различных подсистемах языка, в том числе в области терминологии.

Можно предположить, что вариативность и ее виды имеют различный «удельный вес» в терминологических системах, относящихся к принципиально разным сферам предметной деятельности человека. Для проверки этой гипотезы мы обратились к трем различным терминосистемам современного английского языка, а именно архитектурной, биологической и лингвистической терминологии. Источниками материала послужили отраслевые словари «Oxford Dictionary of Architecture», «Oxford Dictionary of Biology», «The Concise Oxford Dictionary of Linguistics».

Проведенный анализ показал, что в архитектурной терминосистеме наиболее широко и разнообразно представлена орфографическая вариативность (всего 184 вариативных ряда (далее ВР) или 40 % от всех типов вариативности в архитектурной терминосистеме). Данный тип вариативности, как правило, связан либо с добавлением / опущением графем: *ratch(e)ment*, *aedicula – edicula*, *veranda(h)*, либо с чередованиями: *bolection – bolexion*, *tabia – tapia*. Интересно отметить, что в архитектурной терминосистеме встречаются терминологические ряды, насчитывающие 3–5 орфографических модификаций одного и того же термина: *madrassa – madrasa – madraseh – medresseh*, *tallet – tallot – tallus – tallut – talus – talut*, *bretess – bretesse – bretex – bretise – Brettisse – Brettys* и др. Кроме того, терминосистеме архитектуры свойственны лексическая вариативность (171 ВР, или 37,5 %): *mourner – weeper*, *bell-tower – campanile*, *dentilation – toothing*, *flying buttress – arc-boutant*; а также словообразовательная вариативность (101 ВР, или 22,5 %), представленная как варьированием морфем, так и аббревиацией: *escarp – scarpment*, *fishpond – fishpool*, *rubbed – rubber*, *SLOAP (Space Left Over After Planning)*, *UEC (Urban Entertainment Center)*.

В отличие от терминосистемы архитектуры в терминосистеме биологии доминирует словообразовательная вариативность (392 ВР, или 50 %). Большая часть словообразовательных вариантов (320 ВР, или 81 % от всех словообразовательных вариантов в терминосистеме биологии) приходится на разнотипные аббревиатуры: а) аббревиатуры инициального типа: *VIP (vasoactive intestinal peptide)*; б) аббревиатуры, состоящие из начальной части слова и целого слова: *adrenergic receptor – adrenoceptor*, *biological diversity – biodiversity*; в) аббревиатуры-сокращения сложных слов: *PHA (phytohaemagglutinin)*, *RIA (radioimmunoassay)* и др. Кроме того, для терминосистемы биологии характерна лексическая вариативность (367 ВР, или 47 %): *ageing – senescence*, *alien – exotic*, *whalebone – baleen*, *deglutition – swallowing*, *dermis – corium*, *windpipe – trachea*. В отличие от архитектурной терминосистемы, в данной терминосистеме малосущественна орфографическая вариативность (22 ВР, или 3 %), обусловленная, как правило, различной транслитерацией латинских заимствований: *fetus – foetus*.

В лингвистической терминосистеме, как и в терминосистеме биологии, преобладает словообразовательная вариативность (181 ВР, или 69,5 %), проявляющаяся в разнотипной аббревиации: *ASL – American Sign Language – Ameslan*, а также в многочисленных случаях усечения терминов: *Adj – adjective*, *Aux – auxiliary*, *Inf – infinitive* (малохарактерного для двух описанных выше терминосистем). Среди аффиксальных вариантов особо выделя-

ется тематическая группа названий языков / языковых семей, преимущественно экзотических: *Arawak(an)*, *Shoshone(an)*, *Chinook(an)*, *Tucano(an)*, *Tupi(an)*, *Carib (Cariban)*, *Quechua (Quechuan)*. В меньшей степени терминосистеме лингвистики свойственна лексическая (68 ВР, или 26 %) и орфографическая (12 ВР, или 4,5 %) типы вариативности.

Таким образом, можно утверждать, что вариативность в терминосистемах архитектуры, биологии и лингвистики существенно различается с точки зрения конфигурации различных типов и подтипов вариативности (ср. преобладание орфографических вариантов в архитектурной терминологии и словообразовательных в биологической и лингвистической). На наш взгляд, эти различия обусловлены целым рядом факторов, наиболее существенными среди которых являются, по-видимому, специфика именуемых объектов и история формирования терминосистемы.

И. А. Щирова (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

ИНВАРИАНТНЫЕ СВОЙСТВА И ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ «ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XX ВЕКА

В процессе познания мира человеком особую роль играют дихотомии субъективного и объективного, опыта и реальности, внутреннего и внешнего. Чем бы ни занималась литература, она моделирует человека в многообразных аспектах его сущности и бытия. В текстах англоязычной психологической прозы XX в. предметом изображения выступает «внутренний человек». Их жанровая специфика традиционно описывается литературоведами посредством тесно связанных между собой понятий психологизации и психологизма. Если психологизация относится к уровню глубинной семантики (авторской интенции) и подразумевает стремление к полному и глубокому описанию чувств и мыслей, то психологизм является художественным свойством (качеством) и связывается с глубоким и детальным изображением внутреннего мира, психических и душевных переживаний (Б. А. Есин). Рассматривая психологический текст с позиций лингвистики, оправданно видеть в нем смысловую категорию, определяющую специфику семантико-структурных свойств текста, его функциональную направленность и языко-вые особенности.

Элементы внутриличностного ряда выдвигаются в психологическом тексте XX в. на передний план, формируя прагматические фокусы в его структуре, в то время как элементы событийного ряда образуют их фон. При этом элементы и внутриличностного, и внешнесобытийного рядов функционально направлены на изображение внутренних, а не внешних форм «Я». Они включаются в модель «внутреннего человека», ослабляют событийность текста. Психологизм не носит объяснительного характера. Оценочное мнение автора перемещается в глубокий подтекст, что, наряду с прямым или косвенным показом «внутреннего человека», создает у читателя иллюзию авторского отсутствия. Дистанция между читателем и персонажем «сокращается», интимизируя повествование, в котором Другой (персонаж) становится для читателя полноценным носителем сознания.

Понимая инвариант как абстрактную сущность, которая обнаруживает свои свойства во всех членах вариативного ряда, а художественный текст как модель, в которой воспроизводятся в художественной форме природа и организация реального аналога, к инвариантным свойствам модели «внутреннего человека» в психологических текстах обозначенного временного периода можно отнести предмет их изображения (внутренний мир), ослабленную событийность и интимизацию повествования. Вариантами психологизма как абстрактной сущности могут быть названы модели «внутреннего человека», конструируемые в историко-культурных модификациях психологического текста: модернистских и реалистических.

В модернистских текстах «потока сознания» внутренний мир человека представлен эксплицитно. Концептуальную основу модели «внутреннего человека» формирует интериоризация – изображение освоения мира сознанием, которое читатель, благодаря условности художественной формы, видит «изнутри» (ср. картину мира субъекта в ее необъективированном состоянии). Психологизм реализуется преимущественно в плане субъективированного повествования. В качестве повествовательного аналога несобственно-прямой речи используется свободный косвенный дискурс, имитирующий особенности реальной автокоммуникации и «внутреннего говорения», т. е. когнитивную самостоятельность квазисубъекта. Образные ассоциации, приписываемые квазисознанию, формируют свободные мотивы и не маркируют пунктов событийной канвы. Ослабление событийности, таким образом, обеспечивается «переносом событий» в ментальную сферу. Интимизация повествования в интериоризированных психологических текстах достигается с помощью замещения эксплицитной авторской оценки иллюзорно самостоятельной оценкой персонажа, которая включается во внутренний монолог. Процесс освоения мира «изнутри» моделируется как процесс рождения, становления и развития самостоятельной мысли. Вещная модель мира сменяется диалогической (М. Бахтин). Диалог сознаний автора и читателя как реальных когнитивных субъектов заменяется видимостью диалога сознаний реального когнитивного субъекта (читателя) и квазисубъекта (персонажа), принадлежащих, соответственно, к реальной и изображенной коммуникации.

В текстах психологического реализма внутренний мир представлен имплицитно. Концептуальную основу модели «внутреннего человека» формирует экстериоризация – изображение освоения мира «извне», через имплицитно представленные структуры сознания (ср. картина мира субъекта в ее объективированном состоянии). Психологизм реалистического текста актуализируется преимущественно в форме объективированного повествования. Выдвижение внутреннего Универсума на фоне событий создается с помощью акциональных, речевых, паралингвистических и пр. компонентов художественного образа персонажа, «овнешняющих», согласно авторской интенции, особенности внутреннего мира. Показателем психологизма является не столько то, о чем повествует психологический текст, сколько то, как он об этом повествует, а именно, подробно, через детали. Детализация «растягивает» событийный ряд, тем самым ослабляя событийность. Интими-

зация повествования в экстерииоризированных психологических текстах становится результатом включения оценки внутреннего мира в речевые фрагменты квазисубъектов (персонажей и повествователей) и дополнения иллюзии самостоятельного внешнего говорения иллюзией самостоятельных поступков.

Юй Вэй (МГЛУ, Минск, Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное исследование терминосистем разноструктурных русского и китайского языков приобретает в последнее время особую актуальность. Это обусловлено несколькими причинами как лингвистического, так и экстралингвистического плана. С одной стороны, самостоятельный научный интерес представляет изучение путей и способов пополнения корпуса экономической терминологии официальных языков стран, которые в последние полстолетия прошли путь от закрытого типа экономики к открытому. С другой стороны, немаловажным следует признать исследование особенностей влияния английского языка на пополнение экономической терминологии в названных типологически разных языках с учетом особенностей их графических систем.

Поэтому сопоставительное исследование экономической терминологии флективного русского и изолирующего (корневого) китайского языков требует прежде всего выработки четких критериев разграничения объектов сопоставительного анализа. Так, в китайском языке совершенно по-иному по сравнению с русским языком соотносятся терминологические понятия и называющие их номинативные единицы языка, достаточно условной является граница между словом и неоднословным наименованием. Также совершенно различными являются в русском и китайском языках пути заимствования англоязычных экономических терминов и механизмы их адаптации, ср.:

Китайский язык	Русский язык	Английский язык
投资 (tou zi)	инвестиция	investment
信贷 (xin dai)	кредит	credit
预算 (yu suan)	бюджет	budget
外资 (wai zi)	иностранный капитал	foreign capital
透支 (tou zhi)	овердрафт	overdraft
通货膨胀 (tong huo peng zhang)	инфляция	inflation
通货紧缩 (tong huo jin suo)	дефляция	deflation
汇率 (hui lv)	валютный курс	exchange rate

Поэтому сопоставительное исследование терминологических систем типологически разноструктурных языков требует предварительного уточнения соотносительных понятий и терминов описания, исключающих вариативность интерпретации языкового материала.

Н. В. Яненка (БДУ, Мінск, Беларусь)

**АСАБЛІВАСЦІ ФУНКЦЫЯНАВАННЯ «ЎМОЎНА БЕЛАРУСКІХ»
ВАРЫЯНТАЎ У ГЕТЭРАГЕННЫМ ГАРАДСКІМ МАЎЛЕННІ
(на матэрыяле запісаў у г. п. Хоцімску)**

Прадстаўлены адзін з аспектаў даследавання непадрыхтаванага вуснага маўлення членаў адной сям’і – жыхароў г. п. Хоцімска Магілёўскай вобласці ў рамках варыяцыянісцкай парадыгмы [1]. Згодна з абранай метадалогіяй у маўленні інфармантаў вылучаюцца тры групы варыянтаў: «умоўна беларускія» (такія, якія супадаюць з адзінкамі беларускай літаратурнай мовы), «мясцовыя» (якія маюць выразную дыялектную афарбоўку) і «умоўна рускія» (якія супадаюць з адзінкамі рускай літаратурнай мовы).

Аналіз выкарыстання моўцамі варыянтаў трох пералічаных груп прадэманстраваў асаблівае стаўленне інфармантаў да «умоўна рускіх» адзінак, а менавіта абумоўленасць іх ужывання стылістычнымі фактарамі, сярод якіх урачыстасць, экспрэсія, тэма размовы, цытаванне, акамадацыя, пахвальба і інш. Выкарыстанне моўцамі «мясцовых» варыянтаў з’яўляецца нейтральным (як у рамках сямейнай камунікацыі, так і падчас нефармальнага размоў на працоўных месцах). Доля «умоўна беларускіх» адзінак у маўленні інфармантаў нязначная, што звязана з геаграфічным палажэннем Хоцімска (на самай мяжы з Расійскай Федэрацыяй) і моўнай сітуацыяй у краіне. Тым не менш адзначаны выпадкі стылістычна абумоўленага выкарыстання моўцамі «умоўна беларускіх» варыянтаў.

1. Цвёрды [p] на месцы мяккага [p’]

Адной з асаблівасцей хоцімскай гаворкі з’яўляецца наяўнасць мяккай фанемы [p’]. Выкарыстанне гэтага гука інфармантамі з’яўляецца нейтральным, нічым не абумоўленым. Ужыванне моўцамі цвёрдага [p] на месцы мяккага [p’] выклікана дзеяннем знешніх прычын, у прыватнасці жаданнем надаць выказванню экспрэсіўны характар. Так, у маўленні інфарманта L (жанчына, 38 гадоў, настаўніца пачатковых класаў) у кантэксце гаворкі пра невысокі даход сустракаюцца лічэбнікі *тры* і *тры’ста* з цвёрдым [p].

2. Асабовыя займеннікі 3-й асобы з каранем йон- (йан-)

Усім інфармантам уласціва варыянтнасць у выкарыстанні асабовых займеннікаў 3-й асобы як у сямейных размовах, так і падчас нефармальнай камунікацыі з калегамі на працоўных месцах. Заўважаны неаднолькавы ўплыў змены сітуацыі камунікацыі на ўжыванне моўцамі гэтай пераменнай. Для інфармантаў А (жанчына, 41 год, настаўніца пачатковых класаў) і К (жанчына, 42 гады, прыватны прадпрымальнік) характэрна павелічэнне долі «умоўна рускіх» варыянтаў (*он, ана’, ано’, ан’і’*) у рамках службовай камунікацыі ў параўнанні з сямейнымі размовамі, у той час як у маўленні інфарман-

таў С (мужчына, 44 гады, будаўнік) і L назіраецца змяншэнне долі «ўмоўна рускіх» варыянтаў і павелічэнне «ўмоўна беларускіх» (*йон, йана', йано', йаны'*). Гэта можа быць звязана са статусам суразмоўцаў інфармантаў. Так, калі ў рамках сямейнай камунікацыі суразмоўцамі інфарманта С былі члены сям'і і знаёмыя пераважна жаночага полу (у тым ліку з вышэйшай адукацыяй, у тым ліку здольныя гуляць «шырокадыяпазоннымі» стылістычнымі нюансамі), то цяпер гэта калегі-будаўнікі мужчынскага полу. У сітуацыі нязмушанай камунікацыі на працоўным месцы сярод суразмоўцаў інфарманта L былі толькі добра знаёмыя ёй жанчыны (сяброўкі), у той час як у рамках сямейнай камунікацыі інфармант размаўляла сярод іншых з мужам і дзецьмі сваёй сяброўкі, а таксама са сваёй дачкой, з якой яна стараецца размаўляць па-руску.

3. Постфікс *-с'а*

Для хоцімскай гаворкі характэрна наяўнасць постфіксаў *-с'а* і *-с'*. Аналіз матэрыялу паказаў, што ў формах дзеясловаў прашлага часу ж. і н. р. адз. л., прашлага часу мн. л. і 1-й асобы адз. л. простага будучага часу нейтральным для інфармантаў у большасці выпадкаў (за выключэннем дзвюх жанчын 69 і 42 гадоў) з'яўляецца «ўмоўна рускі» варыянт *-с'*. Выкарыстанне моўцамі «ўмоўна беларускага» варыянта *-с'а* падпарадкавана дзеянню стылістычных фактараў, сярод якіх жаданне інфарманта надаць размове максімальна «свойскі», «інтымны» характар, зніжаны стыль маўлення суразмоўцы, экспрэсія і інш. Паказальна, што ў рамках службовай камунікацыі адзначаецца змяншэнне (у тым ліку да нуля) у маўленні інфармантаў варыянта *-с'а*, што абумоўлена тым, што гэты варыянт надае дзеясловам пэўную «свойскую, бытавую» афарбоўку, якая дарэчы падчас сямейных размоў і можа падацца не да месца ў сітуацыі камунікацыі на рабоце.

Такім чынам, аналіз функцыянавання ў маўленні інфармантаў «умоўна беларускіх» варыянтаў сведчыць пра выпадкі іх стылістычна абумоўленага выкарыстання моўцамі. У параўнанні з «умоўна рускімі» адзінкамі стылістычная нагрузка «ўмоўна беларускіх» варыянтаў бяднейшая, што, аднак, з'яўляецца заканамерным з улікам асаблівасцей хоцімскай гаворкі і моўнай сітуацыі ў краіне.

ЛІТАРАТУРА

1. Яненка, Н. В. Да пытання вывучэння неафіцыйнага беларускага гарадскога маўлення ў рамках варыяцыйнісцкай парадыгмы / Н. В. Яненка // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2015. – № 3. – С. 66–70.

Яо Чжипэн (МГЛУ, Москва, Россия)

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КАК ПРИЕМ АНАЛИЗА СМЫСЛОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Фундаментальные положения теории речевой деятельности позволяют рассматривать соотношение стимула и реакции как речевое действие, как речевой компонент коммуникативной ситуации. Поэтому на основе данных

ассоциативного эксперимента возможно не только констатировать психологически актуальные значения лексем, не отмеченные в лексикографических источниках, но и более точно моделировать содержание и структуру картины мира. В докладе представлены результаты экспериментального исследования содержания понятия 殷勤的 ‘услужливый’ в языковой картине мира носителей китайского языка. Основным приемом исследования совокупности ассоциатов избрано моделирование ассоциативного поля, моделирование которого проявляет причинные, временные, пространственные и другие связи явлений, отраженные в характере взаимодействия стимула и ассоциата, а также специфику связанных с ними эмоций. На основе анализа ассоциативного поля устанавливается неодинаковая психологическая значимость составляющих его смысловых компонентов и выявлена разная степень их смысловой динамики. Кроме того, показаны значимые расхождения между словарным и психологически актуальным значениями лексемы, обозначающей это понятие. Такое расхождение проявляется, во-первых, в наличии понятийных, эмоционально-оценочных, операциональных, предметных и иных ассоциаций, актуальных для носителей языка при активации слова-стимула; во-вторых, в количественном преобладании массива ассоциатов, не связанных с понятийными компонентами инвариантного значения, установленных в компонентном анализе лексемы; в-третьих, в наличии значительного числа ассоциатов, выражающих эмоциональное и оценочное отношение к слову, которое в системе языка является нейтральным. Частотность негативных оценочных реакций на стимул 殷勤的 ‘услужливый’, их качество и процентное соотношение с понятийными ассоциатами свидетельствуют о том, что в современном китайском языке негативная коннотация входит в ядро лексического значения этого слова. Таким образом, ассоциативный эксперимент позволяет моделировать не только динамику значения слова, опираясь на характер изменения его ассоциативного поля, но и констатировать начало этого процесса.

В докладе демонстрируются возможности свободного ассоциативного эксперимента в выявлении вариативности содержания слова, психически реального для индивида.

Материалом исследования является массив реакций, полученных в пилотном свободном ассоциативном эксперименте, проведенном в декабре 2017 г. в Хэйхэском университете провинции Хэйлунцзян (КНР). В нем участвовали студенты 1–4 курсов разных факультетов в возрасте от 19 до 23 лет, из них 85 мужчин и 105 женщин; условия проведения эксперимента стандартные.

Опираясь на фундаментальные положения теории речевой деятельности, мы акцентируем, что ассоциативный эксперимент выявляет не значение слова, а позволяет на основании соотношения стимула и реакции как речевого действия, по сути, исследовать высказывание, мысленно включенное в определенную коммуникативную ситуацию. Это позволяет не только констатировать психологически актуальные значения лексем, не отмеченные в лексикографических источниках, но и более точно моделировать содер-

жание и структуру картины мира. Так, в частности, экспериментально установлено, что частотность негативных оценочных реакций на стимул *殷勤的* ‘услужливый’, их процентное соотношение по сравнению с понятиями позволяют предполагать, что в современном китайском языке негативная коннотация уже входит в ядро лексического значения этого слова.

Е. М. Яркова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СФОРМИРОВАННОСТИ МЕНТАЛЬНОГО СЛОВАРЯ БИЛИНГВА

Проблема восприятия устного иноязычного текста всегда была актуальной для изучения процессов получения и обработки информации неносителем языка, начиная от создания оптимальных условий для обучения иностранному языку вне естественной языковой среды до оптимизации адаптационных механизмов человека в условиях глобализации. В связи с этим предпринимались попытки установить минимальный сегмент, необходимый для восприятия как родного, так и иноязычного текста. Представители Санкт-Петербургской школы (В. Б. Касевич, Е. И. Риекахайнен и др.) в качестве такого сегмента рассматривают словоформу, поскольку русский язык обладает большим количеством падежных окончаний и флексий. Для тех языков (например, английский), в которых отношения между элементами высказывания регулируются другими способами, в частности, их позицией, в качестве минимального сегмента рассматривается слово.

В настоящее время существуют два подхода к проблеме восприятия устного иноязычного текста. Область фонетики затрагивает модификации фонем внутри и на стыках слов с учетом акцентуации элементов высказывания, т. е. разграничительные признаки речевого потока. Прикладная лингвистика сфокусирована на создании приемлемой модели распознавания речи (BIA ‘bilingual interactive activation’ и др.) с опорой на предсказательную силу контекста (прайминг) и ассоциативный эксперимент, так часто используемый в психолингвистике.

В 2011 г. было выявлено, что необходимое для понимания текста количество слов в перцептивном словаре билингва зависит не от установления определенного лексического порога, а от желаемой степени понимания. Оптимальным в условиях субординативного двуязычия при восприятии текста разговорного повествования можно считать 95 % лексический охват, поскольку он обеспечивает достаточно высокий уровень понимания и позволяет избегать вариативности, характерной для 90 % охвата (H. Van Zeeland, N. Schmitt). Эти данные можно сопоставить с полученными ранее (P. Nation), согласно которым для восприятия устного текста необходим такой же лексический охват, как и для его чтения (98 %). В ходе эксперимента 2011 г. было выявлено то, что при отсутствии необходимости полного понимания достаточно уже 95 % лексического охвата. Это сужает

количество гнезд слов, необходимых для слухового восприятия с 6000–7000 при 98 % охвате до 2000–3000 при 95 % охвате. Оказалось, что даже 90 % лексического охвата позволяет понять разговорное повествование. Для этого необходимо знать 750 гнезд слов (1500 отдельных слов). Таким образом, для того, чтобы билингв мог понимать речь на слух, ему необходимо знать от 750 до 2000 гнезд слов.

В том же году был проведен эксперимент по восприятию письменных текстов академических лекций (дидактический дискурс), целью которого было определить наличие фоновых знаний испытуемых для понимания текстовой информации (Schmitt et al.). В результате было выявлено то, что фоновые знания способствуют пониманию письменного текста, но с лексическим охватом 94 % и выше. Таким образом, при исследовании восприятия устного текста необходимо учитывать роль таких факторов, как тип дискурса, лексический охват и фоновые знания испытуемых.

Мы видим рассмотрение данной проблематики в рамках комбинаторного подхода. Для того чтобы определить минимальный сегмент, необходимый для распознавания иноязычного устного текста, мы проанализировали погрешности восприятия, допущенные носителями русского языка при прослушивании текстов английской сказки, и попросили их попытаться при повторном прослушивании найти те элементы речевого потока (сегменты), которые способствуют устранению этих погрешностей. Информанты записывали услышанные фрагменты текста при помощи букв английского или русского алфавита. Во всех случаях оптимальным сегментом для устранения погрешностей была названа синтагма. Тексты английской сказки, начитанные профессиональными дикторами, были выбраны нами не случайно, поскольку повествование считается наиболее легким жанром для восприятия, не требующим привлечения экстралингвистической информации.

Далее мы расширили ассоциативный эксперимент и рассмотрели проблемы восприятия текстов других жанров. К ним относились тексты фильмов и новостных выпусков, поскольку именно те тексты, которые допускают вариативность восприятия, позволяют в полной мере разграничить универсальные, свойственные большинству носителей определенного языка, и индивидуальные, свойственные отдельным информантам, погрешности. К распространенным трудностям восприятия можно отнести непонимание стилистически маркированных лексических единиц и отсутствие фоновых знаний.

В частности, фраза о предвыборной кампании Хилари Клинтон *Hilary left 18 million cracks in the highest, hardest glass ceiling in America* 'Хилари оставила 18 миллионов трещин в самом высоком и твердом стеклянном потолке Америки' вызывает аллюзию на существующую в русском языке метафору *быть, находиться под колпаком*. Однако значение русской метафоры связано с нахождением человека под наблюдением полиции, со слежкой за ним. Под «стеклянным потолком» следует понимать изоляцию женщин от участия в политических делах государства, в том числе и в качестве кандидатов на пост президента.

Ранее были предприняты попытки установить то, из каких единиц состоит ментальный лексикон билингва и входят ли в него понятия (концепты). Если ассоциации сходны, то смыслы изучаемого языка угадываются уже на уровне формирования концептов. Предположительно, концепты могут входить в ментальный лексикон билингва.

В. В. Яскевич, О. М. Яскевич (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВОЗРАСТ СОБЕСЕДНИКА КАК ФАКТОР ВАРИАТИВНОСТИ ТОНАЛЬНО-МЕЛОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕЧИ

Важной причиной вариативности языка является его социальная обусловленность: социальная структурированность общества находит отражение в речи представителей разнообразных социальных групп. Можно сказать, что социальное «лицо» говорящего предопределяет набор языковых, в том числе и произносительных, стилей, которыми он пользуется.

Полагаем, что в числе наиболее существенных субстанциональных признаков, накладывающих значительный отпечаток на речь носителя языка, находится возраст говорящего. Самые яркие различия обнаруживаются между лексико-грамматическими и фонетическими характеристиками взрослых и детей. Языковой опыт ребенка более ограничен по сравнению с языковым опытом взрослого человека. Эти объективные различия в языковом опыте находят свое выражение во всех компонентах речи.

Интересен тот факт, что речь взрослого человека, обращенная к детям, также имеет целый ряд особенностей в области синтаксиса, морфологии, лексики и фонетического оформления. В зарубежной литературе для описания данного типа подстройки к собеседнику используется термин «motherese» [1]. В отечественной литературе принято говорить о так называемом «родительском» языке. В целом его можно описать как упрощенный регистр общения. В частности, речь идет о достаточно коротких и простых по структуре предложениях. Взрослые, обращаясь к ребенку, прибегают к «семантическим примитивам», часто используют уменьшительно-ласкательные суффиксы. С фонетической точки зрения отмечается, что взрослые говорят с детьми медленнее, делают больше пауз и изменяют тембр голоса, акцентируют большее количество слов.

Эмпирические наблюдения показывают, что степень упрощения речи находится в обратной зависимости от возраста ребенка. Для того чтобы выяснить, как именно меняется просодическая структура речи в зависимости от возраста ребенка, к которому обращается взрослый человек, нами был проведен фонетический эксперимент.

Экспериментальный материал был получен в студийных условиях. Женщине, носителю южно-английского нормативного произношения, было предложено прочесть сказку «The Three Little Pigs» два раза. Первое прочтение предполагало, что сказка обращена к ребенку дошкольного возраста 3–4 лет. При втором прочтении диктор представляла себе, что сказка обращена детям младшего школьного возраста 7–8 лет.

Затем аудиторы выполнили просодическую разметку прослушанных аудиозаписей, отметив при этом просодическое членение, направление движения тона, относительную длительность пауз. Полученные размеченные тексты были подвергнуты частотно-дистрибутивному анализу на предмет распределения различных типов мелодического завершения. В результате проведенного анализа были получены данные, представленные в таблице.

Распределение тонально-мелодических показателей
в разных возрастных группах, %

Тонально-мелодическое завершение	Ребенок дошкольного возраста	Ребенок младшего школьного возраста
`m	53	72
,m	11	11
~m	6	4
^m	12	3
``m	17	10

Сравнительный анализ мелодических особенностей речи, обращенной к разным возрастным группам, показал, что наиболее частотным можно считать употребление нисходящего тона. Такое мелодическое оформление характерно чаще всего для простых повествовательных предложений, нейтральных в смысловом и эмоциональном плане.

Речь, адресованная к дошкольной группе, содержит большее количество случаев восходяще-нисходящего движения высоты голоса, а также эмфатических тонов, что свидетельствует о ее большей эмоциональности и экспрессивности. Очевидно, что при ориентации на младший школьный возраст говорящий избегает гиперболизированной выразительности.

Аудитивный анализ также свидетельствует о том, что особенности не ограничиваются интонационным оформлением. Немаловажную роль в речи, обращенной к дошкольникам, играет также тембральная окраска голоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ferguson, Ch. A. Baby talk as a simplified register / Ch. A. Ferguson // Talking to Children: Language Input and Acquisition; ed. by C.E. Snow and Ch. Ferguson. – Cambridge: Cam. Univ. Press. – 1977. – P. 209–235.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Barasheva D. E.</i> Categorization levels and semantic variation in intercultural communication in science	3
<i>Chunyi Lei.</i> Variations in vocabulary between European Spanish and Latin-American Spanish.....	5
<i>Fedulenkova T. N.</i> Variability and identity in phraseology (on the basis of phraseological units with the verb <i>go</i>).....	5
<i>Garcarz M., Kuźniak M.</i> English as a killer-language: English borrowings in contemporary Polish	7
<i>Grießhaber W.</i> Replacing morphemes by prepositions: from the operative field to the symbol field.....	8
<i>Halaur S. P.</i> Variable nature of the addressing strategy in the modern ukrainian literary text	10
<i>Skivitski D. V.</i> Faith – language – nation identity in the Basilians' Catechism 1722	12
<i>Taymour Maria P.</i> Cognitive dissonance in mixed metaphors and malaphors as the variability in discourse in British humour	14
<i>Vogel R.</i> Ad hoc rules: the grammar behind the grammar.....	15
<i>Абреу-Фамлюк В. Р.</i> Вариативность способов выражения несогласия при помощи интерпретирующих речевых актов в научном дискурсе.....	17
<i>Акуленко Е. А., Леонтьева В. В.</i> О вторичной номинации перифрастической природы в современной коммуникации	19
<i>Андреева Г. Р.</i> Оценочная полисемия в английском сленге	20
<i>Арискина О. Л.</i> Вариативность в русской лингвистической терминологии XVI–XVIII вв.	21
<i>Басовец И. М.</i> Вариативность конструкций с затемненным референтом в медиадискурсе	23
<i>Беланович Е. В.</i> Структурно-семантические основания вариативного отражения сложной денотативной области в простом английском предложении.....	25
<i>Бенедиктович А. В.</i> Вариативность наименования ситуации в аналитическом медиадискурсе	26
<i>Беценко Т. П.</i> Лексема <i>мисль</i> в современном украинском языке	28
<i>Богданова С. Ю., Коробейникова Н. Н.</i> Вариативный потенциал лексических единиц одного синонимического ряда	30
<i>Богоявленская Е. В.</i> Проблемы фразеологической синонимии и фразеологической вариативности	32
<i>Бондарчук Г. Г.</i> Нормативные ограничения на лексическую сочетаемость: когнитивный аспект	34
<i>Будникова Е. И.</i> О вариативности структуры значения монопризнаковых слов.....	36
<i>Булгакова М. П.</i> Вариативность значения слова и структурные отношения в лексике.....	38
<i>Бушев А. Б.</i> Жанрово-стилевое нормирование в современном медиадискурсе.....	40
<i>Быкова О. И.</i> Социолингвистическая модель вариативности и лексическая синонимия	42
<i>Варнахович Л. В.</i> Ассоциативные механизмы редупликации	44
<i>Васильев Л. Г.</i> Вариативность манифестационная и вариативность аналитическая	46
<i>Видишева С. К.</i> Разновидности текстовых вариантов компьютерных терминов.....	48
<i>Витченко Л. В.</i> Прагматическая вариативность директивов, ориентированных на эмоциональную сферу адресата.....	49

<i>Ганчарэнка К. Д.</i> Універсалацыя выбару канчаткаў <i>-a/ -y</i> ў мнагазначных назоўніках, амонімах і пісьмовая практыка.....	51
<i>Глінка Е. В.</i> Вариативность устойчивых выражений в медиатексте	53
<i>Гойло А. А.</i> Синтаксическая вариативность в национальных разновидностях английского языка по данным корпусов текстов и анкетирования	55
<i>Голубкова Е. Е.</i> Динамика ассимиляции современных английских заимствований в русском языке	57
<i>Горицкая О. С., Супрунчук Н. В.</i> Бульба vs. Картошка: частотность белорусизмов и их литературных соответствий в белорусской разновидности русского языка	59
<i>Графутко О. О.</i> Языковые средства передачи интенсивности эмоций в художественном дискурсе	61
<i>Гришаева Л. И.</i> Варианты именования пропозиции и особенности организации текста	63
<i>Гурочкина А. Г.</i> Когнитивно-коммуникативное варьирование в языковой актуализации и интерпретации картины мира	65
<i>Гэн Цзянь</i> Вариативность выражений с компонентом <i>сердце</i> в китайском языке.....	67
<i>Дардыкова Н. В.</i> Влияние типа глагольного компонента на семантику фазового глагола.....	69
<i>Дзігадзюк В. П.</i> Катэгорыя рэтраспекцыі ў творах В. Іпатавай: сродкі выражэння	71
<i>Дмитриева И. В.</i> Синтаксические основания семантической вариативности нульместных предикатов в английском языке.....	72
<i>Добровольская М. Б.</i> Ирония как средство выражения имплицитной оценки в дискурсе.....	74
<i>Добровольская О. Я.</i> Вариативность среднеанглийского языка: функциональная дифференциация наименований лиц по профессии.....	75
<i>Донина О. В.</i> Варианты английского языка сквозь призму скрытой категоризации	77
<i>Дун Цзюньфэй</i> Эмоциональные глаголы китайского языка: структурно-семантические особенности.....	78
<i>Еникеев Д. С.</i> Номинативная вариативность прозвищ Дональда Трампа в английском языке .	80
<i>Еникеева С. М.</i> Феномен реноминации в современном английском языке.....	82
<i>Ерёмин А. Н.</i> Морфологический род имен и биологический пол лиц (варианты корреляции).....	84
<i>Ермолаева Е. В.</i> О роли вариативности при описании каузативных ситуаций с английскими фразовыми глаголами	86
<i>Ермолович О. В.</i> К вопросу о корреляции прагматической и формально-семантической связности реплик в диалоге	88
<i>Еўчык Н. С.</i> Варыятыўнасць і стабільнасць прасодыі як сведка гістарычнага развіцця беларускай нацыі.....	89
<i>Задворная Е. Г.</i> Вариативность коммуникативных реакций на негативнооценочные суждения в научном диалоге.....	91
<i>Иванова О. В.</i> Вариативность в ассоциативном словаре терминологической лексики.....	93
<i>Каверина О. А.</i> Семантика нормы в модусном глаголе <i>lack</i>	94
<i>Казиева Г. С., Журавлёва Е. А.</i> Вариантность как универсальная категория в языковой системе.	96
<i>Карневская Е. Б., Долматова Е. Д.</i> Словоразграничительный потенциал аллофонического варьирования английских согласных в речи	98
<i>Карневская Е. Б., Ниживинская О. В.</i> Способы перцептивного описания экспрессивности просодической структуры	100

<i>Кенжигожина К. С., Нурахметов Е. Н.</i> Особенности современной речи молодежи Казахстана (на основе аудиоматериалов речи молодежи г. Астана).....	102
<i>Клеймёнова В. Ю.</i> Современная мифологема: вариативность и инвариантность.....	103
<i>Козлова Л. А.</i> Вариативность глагольной валентности как индикатор изменения статуса глагола (на материале английского языка).....	105
<i>Козлова Т. А.</i> Вариативность наименований моральных качеств в художественном тексте.....	107
<i>Коноплёва Н. Н.</i> «Гармоничность» и «ритмичность» в английской поэзии XIV–XVI вв.	109
<i>Корбачёва Т. В.</i> Свойства цикла как источник вторичных значений наименований конститuentов циклических подсистем.....	110
<i>Корнева В. В.</i> Вариативность номинативно-дискурсивных стратегий и текстограмматическая организация объявлений о знакомстве.....	112
<i>Королькова М. Д.</i> Природа вариативности в ремесленной лексике поволжья.....	114
<i>Костюченко В. Ю.</i> Модальность акцентирования: легко почувствовать, но трудно объяснить (на материале русских и английских сетевых ток-шоу и интернет-комментариев).....	115
<i>Котик Т. С.</i> О дейктике <i>hip</i> как словообразовательном элементе.....	117
<i>Краева И. А.</i> Вариативность и норма при вербализации концепта <i>градуальность</i> в английском языке.....	118
<i>Красник А. В.</i> Вариативность представлений о содержании значения погода в сознании носителя языка.....	120
<i>Кратёнок И. В.</i> Вариативность лексикографической дескрипции в финансовой терминологии.....	122
<i>Кремзикова С. Е.</i> Вариативность семантики словообразовательных единиц как результат динамической категоризации в процессе познания мира.....	124
<i>Кремнева А. В.</i> Вариативность средств выражения смысла как показатель уровня развития языковой личности.....	126
<i>Ксендзова Е. В.</i> Вариативность в белорусских говорах как результат белорусско-балтского языкового взаимодействия.....	128
<i>Кузьменко Н. В.</i> Вариативность лексикографических описаний лексического значения глаголов движения <i>идти/ходить–ехать/ездить</i>	130
<i>Курдюмов В. А.</i> Вариативность уровней: сильные и слабые единицы в языках разных типологий.....	132
<i>Кучугурная Е. А.</i> Специфика функционирования существительных <i>hijo / hija</i> в национальных вариантах испанского языка.....	134
<i>Лаенко Л. В.</i> Семиотические измерения языкового знака как факторы варьирования его концептуального содержания.....	136
<i>Латушка Г. П.</i> Варьянты знакаў прыпынку пры сінтаксічна нячленных выказваннях згоды і нязгоды.....	138
<i>Лебедевич Р. В.</i> Вариативность специализированных вербальных хезитативов в диалогической речи.....	140
<i>Левицкий А. Э.</i> Языковая игра как вербализованный вариант подачи информации.....	142
<i>Леонтьева К. И.</i> Доминантный принцип, перспектива и когнитивное варьирование при переводе.....	144
<i>Лешкевич И. В.</i> Вариативность структуры медийной аналитической статьи.....	145
<i>Лещёва Л. М.</i> Лексико-семантическая вариативность в семасиологическом и когнитивном аспектах.....	147

<i>Литвинова Т. А.</i> Вариативность признаков идиолекта: корпусный подход	150
<i>Ломовая А. В.</i> Вариативность личных имен в современном английском языке	151
<i>Лопатько В. В.</i> Модификации просодической структуры телефонного разговора.....	153
<i>Лукашанец А. А.</i> Лексічная варыятыўнасць у сучаснай беларускай літаратурнай мове: тыпы і фактары развіцця	155
<i>Лукашанец Е. Г.</i> Вариативность толкований в «народной лексикографии».....	157
<i>Лянкевіч А. У.</i> Стаўленне да праблемы варыятыўнасці ў беларускай мове ў эпоху сацыяльных медыя (на прыкладзе тэматычных груп у Facebook).....	159
<i>Ляшенко Е. С.</i> Структура ситуации параметрического изменения и вариативность ее представления в английском предложении	160
<i>Маліцкі Ю. В.</i> Тэкставая дамінанта і сродкі яе фарміравання ў беларускім гутарковым маўленні	162
<i>Мальшева Е. Ю., Цветкова С. Е.</i> Подъязыковое распределение пассивных конструкций в английском и русском языках (на материале авторской речи и диалога)	164
<i>Мельникова Л. С.</i> О вариативности маркированных конструкций в итальянском языке	166
<i>Мерчи А. П.</i> Представление межличностного общения в рассказах А. Цыпкина с повествованием от 1-го лица	168
<i>Мечковская Н. Б.</i> Движущие силы и тенденции в истории нормативно-стилистических систем ряда европейских языков.....	170
<i>Миронова Н. Н.</i> Семиотические основания вариативности	172
<i>Місцюкевіч Я. І.</i> Варыянты дыялагічных структур у англамоўнай публіцыстыцы	173
<i>Михалькова Н. В.</i> Диалектная вариативность компонентного состава иероглифического знака китайского языка	175
<i>Мишурина Ю. В.</i> Вариативность фонетико-графической адаптации английских заимствований в турецком языке	177
<i>Мызникова Я. В.</i> Вариативность в наименованиях детских игр в русских говорах ульяновской области	178
<i>Мяховский А. А.</i> Степень сохранения основ в контаминантах различных структурных типов.....	180
<i>Набати Ш.</i> Семантические варианты языковых единиц в современном персидском языке (в сопоставлении с их русскими эквивалентами).....	182
<i>Насонова Т. М.</i> Индивидуальное варьирование как актуальная проблема современных фонетических исследований	184
<i>Никифорова О. В.</i> Варианты наименований праздников церковного календаря в нижегородских говорах.....	186
<i>Ничипорчик Е. В.</i> Окказиональные реализации паремиологических единиц в речи: вариативное и константное	188
<i>Ничипорчик Е. В., Завтрикова П. С.,</i> Внешние и внутренние преобразования как «симптоматика» жизни пословицы.....	190
<i>Норман Б. Ю.</i> От варьирования словопорядка к созданию нового смысла (хиазм в поэтическом тексте).....	192
<i>Носрати А.</i> Вариативность русского речевого этикета на материале пожеланий-прощаний.....	194
<i>Панова И. И., Денисович Н. К.</i> Региональная вариативность в просодии английских коммуникативных типов высказываний	195
<i>Парамонова М. К.</i> Вариативность религиозной лексики и ее лексикографическое отражение (на материале «русского тематического словаря»)	197

<i>Пискарёва Анастасия В.</i> Значение вариативности лингвистических терминов-метафор.....	199
<i>Пискарёва Анна В.</i> Вариативность идиом в русском и немецком языках (на материале текстов сми)	201
<i>Полянчук О. Б.</i> Особенности семантической вариативности производных слов (на материале французского языка)	203
<i>Попова Е. А., Игнашина З. Н.</i> Межвариантные особенности лексики со значением кофе в испанском языке	205
<i>Попова Т. Г., Сухарева Я. И.</i> Гендерные вариативные отношения в речи.....	206
<i>Порохницкая Л. В.</i> Ракурсы изучения категории вариативности в эвфемии	208
<i>Приходько А. И.</i> Оценочная модальность в языке.....	209
<i>Приходько С. А.</i> Функциональный потенциал синонимического ряда как средства в полемическом дискурсе В. И. Ленина (к 110-летию выхода в свет книги «Материализм и эмпириокритицизм»).....	210
<i>Пэй Цайся.</i> Метафорическая вариативность антиценности «коррупция» в языковых картинах мира русских и китайцев	212
<i>Ревуцкая Е. А.</i> Эпистемическая модальность, вариативность и перевод (на примере французского эпистемического кондиционала)	213
<i>Рубанова Е. В.</i> Экзистенциальная метафора жизни в русском языке.....	215
<i>Рыко А. И.</i> Вариативность в говорах русско-белорусского пограничья.....	217
<i>Савчук Т. Н.</i> Прагматическая многозначность вербализаторов аргументативных схем в дискурсе гуманитарных наук.....	218
<i>Семёнкина И. А.</i> On general trends of language changes in computer mediated communication..	220
<i>Семянькевич А. В.</i> Варыянтнасьць і норма ў сістэме субстантыўнага ліку	222
<i>Смердова Е. А.</i> Вариативность в семиотическом пространстве: знаки-иконы и знаки-символы.....	224
<i>Степанова В. В.</i> К проблеме синонимии в терминологии стекольного производства	226
<i>Сытько А. В.</i> Вариативность деонтического агента	228
<i>Тарасевич Л. А.</i> Инвариантность и вариативность в описаниях пространства: об онтологических предпосылках.....	230
<i>Тихомирова Е. А.</i> Функционирование глагола <i>знать</i> в современном православном медийном дискурсе.....	231
<i>Толкачёва О. В.</i> К проблеме коррелятивных отношений дирекциональных предлогов в немецком и русском языках	233
<i>Трощинская-Степушина Т. Е.</i> Персонификация в прозе В. Казакевича: семантические варианты.....	235
<i>Тур В. В.</i> К вопросу о вариативности и границах значения слов.....	237
<i>Турчинская М. В.</i> Специфика прилагательных обонятельного восприятия в современном английском языке	239
<i>Тытаренко В. Н.</i> Фонетические и морфологические варианты в привилегиях киевского городского магистрата	241
<i>Ульссон Г.</i> Вариативность приставок в русском языке и способы ее изучения	243
<i>Устименко Е. Г.</i> Движение вверх/вниз: к проблеме антонимии глагольных дериватов (на материале русского и немецкого языков).....	244
<i>Федорюк А. В.</i> Прагматический потенциал фразеологической вариативности в аргументативном дискурсе.....	245
<i>Федяева Е. В.</i> Вариативность выражения качественных характеристик в языке.....	247
<i>Фукс А. И.</i> Вариативность валентности глагола как инструмент языкотворчества в английском языке.....	249
<i>Хакимова Е. М.</i> О норме и девиациях в графике печатного текста	250

<i>Ханждани Л.</i> К вопросу о вариационных отношениях единиц персидского языка (на материале предлогов с каузальным значением)	252
<i>Харитончик З. А.</i> Вариативность синтаксических конструкций: семантика и функционирование (на материале определительных конструкций в английском и русском языках)	254
<i>Храмцова А. И.</i> Вариативность выражения разнонаправленного движения в русском и корейском языках	256
<i>Ху Вэй.</i> Вариативность басни как ее структурно-смысловая особенность	257
<i>Цуна А. И.</i> Вариативность цепочечной структурной модели организации сложного диалогического единства в русском разговорном диалоге.	259
<i>Чайка Н. У.</i> Тэкставая катэгорыя лакальнасці: сродкі і спосабы выражэння	260
<i>Чалова О. Н.</i> Вариативный характер научной дискуссии	261
<i>Чеботарская И. В.</i> Выбор номинативной стратегии для отображения внеязыковой действительности в немецкоязычных СМИ	263
<i>Чернявская В. Е.</i> Вариативность в дискурсе: как и почему социальная практика определяет семантизацию	265
<i>Чечина Н. Ю.</i> Территориальная дифференциация общенационального китайского языка в материковом Китае и на Тайване на примере экономической лексики	266
<i>Чжан Аньци.</i> Вариативность графико-фонетической формы как основа для образования интернет-сленгизмов	267
<i>Чударь А. Н.</i> Способы образования диминутивов в австралийском английском	268
<i>Чэнь Ваньжоу.</i> Вариативность репрезентации базовой ценности «милосердие» (на материале творчества В. Белова и В. Распутина)	270
<i>Чэнь Тин.</i> Сопоставительная лингвистика и межъязыковая вариативность модели полисемии	271
<i>Шашиков И. А.</i> Религиозный интернет-дискурс: определение понятия	273
<i>Швец Н. Г.</i> Лингвистические аспекты построения формальной модели выбора иллюстрации к заданному тексту рекламного объявления	275
<i>Шеховская Ю. А.</i> Специфика создания и использования лингвистического средства выражения «metaself» в медийном дискурсе глобальной сети интернет	277
<i>Штонда Ю. А.</i> Содержательная и формальная вариативность личного письма (на примере писем Дитриха Бонхёффера)	279
<i>Шуранова Е. Э.</i> К проблеме членения пространства посредством предметно-признаковых имен (на материале немецкого и русского языков)	281
<i>Щербакова А. А.</i> Вариативность в терминосистемах современного английского языка	282
<i>Щирова И. А.</i> Инвариантные свойства и варианты реализации модели «внутреннего человека» в англоязычных психологических текстах XX века	284
<i>Юй Вэй.</i> О некоторых аспектах сопоставительного исследования экономической терминологии в русском и китайском языках	286
<i>Яненка Н. В.</i> Асаблівасці функцыянавання «ўмоўна беларускіх» варыянтаў у гетэрагенным гарадскім маўленні (на матэрыяле запісаў у Г. П. Хоцімску)	287
<i>Яо Чжипэн.</i> Ассоциативное поле как прием анализа смысловой вариативности	288
<i>Яркова Е. М.</i> Вариативность восприятия медийного текста как показатель сформированности ментального словаря билингва	290
<i>Яскевич В. В., Яскевич О. М.</i> Возраст собеседника как фактор вариативности тонально-мелодической структуры речи	292

Научное издание

ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Тезисы докладов
Международной научной конференции

Минск, 4–5 апреля 2019 г.

Ответственный за выпуск: *Е. Г. Задворная*

В авторской редакции

Подписано в печать 22.03.2019. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 20,86. Уч.-изд. л. 17,43. Тираж 170 экз. Заказ 12.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.